

ТРИ ЖИТІЯ —
ТРИ ЖИЗНИ

Протопоп Аввакум
Инок Елифаній
Боярыня Морозова

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
РАН

Н. В. Поньрко

Три жития — три жизни

Протопоп Аввакум, инок Елифаний, боярыня Морозова

Тексты, статьи, комментарии

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Санкт-Петербург
2010

Протопоп Аввакум и историческая память

Обравшемся в Успенском соборе Москвы 13 мая 1667 года народу было объявлено об отлучении протопопа Аввакума от церкви. С этого дня его имя ежегодно предавалось анафеме в первое воскресенье Великого поста, когда читался Чин торжества православия. Это продолжалось около восьмидесяти лет; с реформой Чина православия, совершившейся в 60-е годы XVIII столетия, анафему Аввакуму кликать перестали. В XIX веке имя старообрядцев и вовсе ушло из этого Чина.¹

Но были другие Чины. Там протопопу Аввакуму провозглашалась вечная память. Разгнем старообрядческие Синодики и прочтем:

«Помяни, Господи, душа усопших раб своих, за благочестие пострадавших: священнопротопопа Аввакума, священноиерея Лазаря, священнодиакона Феодора, инока Елифания (...) Рабом Божиим, иже за благоче-

¹ См.: *Никольский К.* Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста. Историческое исследование о Чине православия. СПб., 1879. С. 208—237; *Горчаков М. И.* Анафематствование (отлучение от церкви), совершаемое в первую неделю Великого поста: Рецензия на Историческое исследование о Чине православия Константина Никольского. СПб., 1879 // Отчет о двадцать третьем присуждении награды графа Уварова. Приложение к 39 т. Записок Императорской Академии наук, № 8. СПб., 1881. С. 198—243; *Петухов Е. В.* Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895.

стие пострадавшим и згоревшим, о нихже и поминание творим, — вечная память!»²

Кроме пустозерских соузников в том разделе, куда вписаны имена «за благочестие пострадавших», старообрядческий Синодик поминает среди прочих имена: Федора, Луки и Димитрия, инока Авраамия, Иоанна Юродивого Холмогорского, инока Гедеона «и иже с ним в Казани по многих муках сожженных».³ Этот перечень очень близок к тому, который привел сам Аввакум в начале своей Книги бесед:

«На Мезени из дому моего двух человек удавили никонияна еретики на виселице; на Москве — старца Авраамия, духовного сына моего; Исаяю Салтыкова в костре сожгли; старца Ионуказанца в Колском разсекли напятеро. На Колмогорах Ивана Юродиваго сожгли, в Боровске Полиекта священника и с ним 14 человек сожгли. В Нижнем человека сожгли. В Казани 30 человек. В Киеве стрелца Иларiona сожгли. А по Волге той живущих во градах, и в селех, и в деревенках тысяща тысящами положено под меч (...) Мы же, оставшии, еще дышущие, о всех сих поминание творим жертвою (...) воспевает: „(...) Рабом Божиим побиенным — вечная память!“ Почивайте, миленкие, до общаго воскресения и о нас молитесь, да же и мы ту же чашу испием».⁴

Поминал Аввакум. Поминают и его. История человечества, как память, зиждется на особенной связи между живыми и мертвыми. В разные эпохи эта связь бывает различной.

Какой была она для Аввакума?

«Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того?» — так начал Аввакум свою проповедь о старолюбцах и новолюбцах.⁵ В другом месте, обличая никонианина, он опять написал: «Помнишь ли, Иван Предотеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам поясом усменным!»⁶ И еще (это отрывок из письма попу Исидору): «Помнишь, Григорей о Трояне умолил?» (имеется в виду Григорий Двоеслов).⁷

² См. рукопись: БАН, собр. Дружинина, № 108 (старый № 139), старообрядческий Синодик, л. 52, 157 об. Ср.: *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий Синодик (изд. ОЛДП). СПб., 1883. С. 19—21.

³ См.: *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 21—22.

⁴ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Стб. 248—250. (РИБ. Т. 39).

⁵ См.: Там же. Стб. 303 (Книга бесед).

⁶ Там же. Стб. 280.

⁷ Там же. Стб. 941.

Тут не литературное «помнишь», тут «помнишь» историческое. Для каждого из приведенных отрывков можно без труда указать конкретный литературный источник: в первом случае это Слово Афанасия архиепископа Александрийского о Мелхиседеке, во втором — сам Новый Завет, в третьем — Слово Иоанна Дамаскина «о иже в вере усопших» (в этом Слове среди прочих доказательств действенности молитвы за умерших приведен рассказ о том, как Григорий Двоеслов спас своими молитвами от адских мучений царя Траяна).⁸ Но мы давно уже усвоили понимание того, что древнерусская литература не знала вымысла.⁹ Предметом ее были действительно бывшие события: если в ней встречаются поучения — то реальных исторических лиц, таких как Феодосий Печерский, Владимир Мономах, Кирилл Туровский, если жития — то реальных исторических подвижников, таких как Александр Невский, Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский; если описание битвы — то Мамаево побоище, если путешествие — то Хождение Афанасия Никитина. И те события, эпизоды и лица, которые сейчас мы не можем расценить как реально существовавшие, тоже воспринимались как действительно бывшие. Литература представляла собой совокупность переживаний, принадлежащих национальной памяти. Это была память давних лет зарождения русской государственности, память Игорева похода против половцев, память о Феодосии Печерском, Сергии Радонежском, о Петре и Февронии Муромских, о битве на Куликовом поле и т. д. И у Аввакума ссылка на книги — это ссылка на историческую действительность. Вот он вспоминает о Флорентийском соборе, о котором знает по летописи («Тому времени 282 года, как бысть Флоренский собор: писано в летописцах латынских, и в летописцах русских помянуто (...)»), но это знание не о литературе, это знание о жизни:

«Царь (...) Иван Калюян поехал домой, умре на пути, его же земля не прия в недра своя. А патриарх Иван Антиохийский в Риме зле живот свой сконча. А Цареградский Иосиф, разболевся, приволокся домой. А митрополит наш московский приехал домой с гордостью. Его же князь великий и встретитъ

⁸ См.: Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. С. 124—125 и след.

⁹ См.: Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 120—123;

2) Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 70.

не велел, понеже гостинцы неладны привез: по правую руку крыж латынской, а по левую — крест Христов (...) И наш старец Сергиева монастыря оттоле ушел, и на пути заблудил, ему же явился игумен преподобный Сергий Радонежский и проведет старца сквозе нужна места».¹⁰

Аввакум действительно *помнил* и Мелхиседека, и Иоанна Предтечу, и Григория Двоеслова, как и митрополита Исидора, как и старца Сергиева монастыря, ушедшего с Флорентийского собора. Особенно наглядно это его отношение к литературному источнику как к хранилищу памяти об историческом прошлом проступило во фразе, с которой он обратился к своему духовному сыну Симеону, когда речь зашла об Иоанне Златоусте: «Слышал ли еси, чадо Симеоне, Златоустово учение и пободение о церкви, напоследок же и душу свою предаде по церкви святой?»¹¹ В этом его «слышал ли» отразилась позиция молвы: из глубины веков, с молвой, которую фиксирует книжность, идет память об Иоанне Златоусте — слышал ли о ней Симеон?¹²

Аввакум *слышал* и *помнил* о Мелхиседеке, Иоанне Предтече, Иоанне Златоусте. Он помнил, если смотреть только по его писаниям, и Марию Египетскую, и Иулиана Великомученика, и Николу Мирликийского, и Евпраксию Великую, и Ануфрия Великого, и преподобного разбойника Давыда, и Никиту-столпника Переяславского, и рязанскую княгиню с младенцем, бросившуюся с высокой храмины, чтобы не предаваться «злочестивому царю Батыю», и Андрея Цареградского, и Максима Грека, и митрополита Филиппа,¹³ и еще бесконечное множество тех, кто жили в его памяти как живые и рядом с живыми.

Дистанция между живыми и мертвыми в сознании Аввакума как бы отсутствует: придут протопопу на ум нынешние страдания боярыни Морозовой в боровской земляной тюрьме — и тут же вспомнятся былые страдания мученика Мефодия, и он умилится о них обоих: «Древле также был миленькой

¹⁰ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 275—277 (Книга бесед).

¹¹ Там же. Стб. 566 (Книга толкований).

¹² Следует заметить, что эту особенность древнерусской литературы — быть как бы молвой — усиливало то обстоятельство, что литература тогда воспринималась главным образом на слух и создавалась для изустного произнесения.

¹³ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 285, 507, 510, 519, 567, 574, 626 и т. д.

Мефоди-ет з двема разбойником закопан в землю, яко и боярыня Морозова <...> кокуй, бедная, не бойся ничего»;¹⁴ пошлет он письмо с отеческим наставлением духовной дочери «боярошне Анисьюшке», а память приведет к нему другую «боярошню», Евпраксию Великую:

«Боярошня же была, царю Феодосию Великому отец и мати ея — свои, сиречь племя, были. А она, свет, с малехонка Богу работати возложила себя. Не много и жила, всего 33 лета, да много любезно трудилася. Млада образ ангельский восприят и бысть во обители всем вся, старым и юным работавше <...> И того дни на сестер хлебы пекла, кой день умерла».¹⁵

«Тогдашнее» и «нынешнее» оказываются как бы равноправными в сознании Аввакума. Это проявляется и в том, как он излагает историю грехопадения Адама и Евы в своем «Снискании о Божестве и о твари», играя прошлым и настоящим:

«И вкусиста Адам и Евва от древа, от негоже Бог заповеда, и обнажистася. О, миленькие, одеть стало некому! <...> Лукавой хозяин накормил и напоил, да и з двора спехнул. Пьяной валяется на улице, ограблен, а никто не помидует. Увы безумия *тогдашнева и нынешнева!*»;¹⁶

и в том, как расценивает он в Книге толкований действия царя Алексея Михайловича против приверженцев старой веры, прибегая к аналогии с царем Манасией, создавая скольжение смысла: Алексей Михайлович — Манасия, Манасия — Алексей:

«Сам так захотел: новой закон блядивой положил, а отеческой истинной отринул и обругал. Кто бы тя принудил? Самовластен еси и Священная писания измлада умеши, могущая тя умудрити <...> да не восхотел последовати учению истинного духовнаго твоего, но приял еси змию вогнездящуюся в сердце твое, еже есть *тогда и днесь* победители. Кайся вправду, Манасия!»¹⁷

Это проявляется и в постоянном употреблении глаголов настоящего времени по отношению к действиям давно умерших учителей и гимнографов: «Нет-су, не так Дамаскин-от поет <...>»;

¹⁴ Там же. Стб. 471 (Книга толкований).

¹⁵ Там же. Стб. 402—403 (Книга бесед).

¹⁶ Там же. Стб. 670—671. Здесь и далее при цитировании текстов курсив мой. — Н. П.

¹⁷ Там же. Стб. 469.

«Якоже глаголет Ипполит, папа Римской (...)»; «Иосиф, творец каноном, пишет, святой, сице (...)»; «Так святии научают (...)»; «Так Златоуст разсуждает (...)».¹⁸

Именно отсутствие в памяти протопопа Аввакума дистанции между живыми и давно умершими способствовало образованию тех анахронизмов, которыми изобилуют его писания. Вспомним хотя бы его фразу «Сарра пирогов напекла» при изложении библейской истории о посещении Авраама ветхозаветной Троицей.¹⁹ Для Аввакумовой памяти они все как живые, потому и рисует она их в привычной ему обстановке. Он и о пророке Захарии напишет, что ему главу отрезали «в церкви», и брата Мелхиседека Мелхила назовет «царевичем», и о Николе Чудотворце скажет, что он «Ария, собаку, по зубам брызнул».²⁰

Дистанция между живыми и мертвыми была так коротка в сознании Аввакума, что он мог испытывать чувство стыда перед умершими, как он об этом и написал в послании к боярину Андрею Плещееву: «И понеже суть, суетныя сия глаголы издав, не стыдишия, то аз тя стыжуся перед людьми святыми, иже суть столпи непоколебимии во православной христианской вере и во святой соборной апостольской Церкви».²¹

В таком отношении Аввакума к живым и мертвым выразился дух той культуры, к которой он принадлежит. Ведь в христианстве живые всегда как бы окружены умершими. Всякий день годового круга — это память нескольких святых людей, скончавшихся ли много столетий назад, умерших ли не так давно. Служба святому, чтение его жития, проповеднических слов о нем — это усиленное обращение памяти к нему. Молитва святому — это как раз упразднение дистанции, соединение живых и умерших в единой памяти.

Но христианская Русь жила не только памятью святых, она жила памятью обо всех умерших.

На Руси умерших поминают в дни их погребения, в третины, девятины, сорочины, в дни их тезоименитств и годовщины их смерти. В память об умерших всегда произносится молитва

¹⁸ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 302, 321, 344, 345, 386 (Книга бесед).

¹⁹ Там же. Стб. 338 (Книга бесед).

²⁰ Там же. Стб. 337, 334 (Книга бесед); 626 (Книга обличений).

²¹ Там же. Стб. 882.

на литургии. В седмичном круге поминовению умерших посвящена суббота, а в годовом — суббота мясопустная и суббота перед Пятидесятницей, Радоница на Фоминой неделе, родительские субботы.

«Не имети милосердия к лишенному, не дати руку помощи падшему, отвратить лице свое от беспомощнаго и не явити по собствия тому, иже пособити себе не может, — велие есть суровство, велие безчеловечие, паче же реку, безбожие <...> Где наипаче благотворение явити можем, якоже в случае злоключения и страдательства! <...> Тако истинная любовь — в злострадании и нужде, по глаголу Павлову: любы николиже отпадет.

Но кая может быти вящшая нужда человеку, якоже егда умирает. Тело мертво лежит, недвижимо, безгласно, нечувственно, помощи себе отнюдь дати не может. Душа же, кто весть, аще кия не терпит нужды; кто весть, в кой путь грядет, и в кую страну! Кто весть, аще в благодати Божией от своего телесе разлучися! Кто весть, в примирении ли с Богом от сего мира изыде <...> Зде благотворение показати достоин не точию мертвому телу, опрятавше тое и по обычаю погребаяще, но наипаче души, молящи за тую Бога».

Это слова о молитве за умерших из «Камня веры» Стефана Яворского.²² Ссылка на такого «новообрядческого» автора, как Стефан Яворский, в настоящем случае вполне допустима, так как речь здесь идет об одном из основных христианских догматов, а, как известно, на область догматики разногласия между старообрядцами и новообрядцами не распространяются. Стефан Яворский, формулируя догмат о молитве за умерших, опирался на многовековую православную традицию. Много раньше него Иоанн Златоуст говорил об этом так:

«Нам о усопших приносящим память, бывает им некая утеха. Обыкл бо есть Бог иным иных ради благодать даяти <...> Не ленимо ся убо, отшедшим помогающе и приносяще о них молитвы, ибо общее лежит вселенней очищение. Сего ради, дерзающе о вселенней, молимся тогда и с мучениками призываем их, с исповедники, с священники, ибо едино тело есмы вси <...> и возможно есть отвсюду прощение им събрати».²³

²² Стефан Яворский. Камень веры. М., 1728. С. 616—618.

²³ Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1721. Стб. 1082.

«Любы», которая «николиже отпадет», не может оставить душу дорогого ей человека, если от нее, от любви, зависит спасение этой души («кто весть, аще в примирении ли с Богом от сего мира изыде»?!). Если можно умолить, если напряженной памятью можно избыть грехи («а кто без греха, только один Бог») того, кто так любим, то, значит, в памяти и есть спасение. Спасен тот, для кого у живущих хватает любви на такую память, ведь «общее лежит вселенной очищение».

Именно так любил Аввакум. Вспомним его слова о скончавшихся в боровской тюрьме сестрах Федосье Морозовой и Евдокии Урусовой: «Лутче бы не дышал, как я их отпустил, а сам остался здесь! Увы, чада моя возлюбленная! Забвенна буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну вас!»²⁴ Перед самою смертью три боровские узницы (третьей была Мария Данилова) прислали протопопу в тюрьму последнее послание на столбце бумаги; Аввакум о нем писал: «Долго столпцы те были у меня: почту, да поплачу, да в щелку запехаю. Да бес, собака, изгубил их у меня. Ну да добро! (...) Я и без столбцов живу. Небось не разлучить ему меня с ними!»²⁵

Аввакум жил в окружении великого множества людей, живых и умерших, с которыми его было не разлучить. Он писал: «Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся»;²⁶ и он молился. И молились о нем, как написал он сам в послании «всей тысящи рабов Христовых»: «А я ведь (...) на всяк день подважды кажу вас кадиллом, и домы ваша (...) и понахиды пою, и мертвых кажу (...) о вас молю, а ваших молитв требую же. Да и надеюся за молитв ваших спасен быти».²⁷ Как соответствует это Златоустовой мысли о том, что «общее лежит вселенной очищение»!

Общность и вселенскость рождались от той «вечной памяти», которой помнили живые своих умерших и о которой умирающие просили живых.

«Духовный мой отче и господине имярек! Сотвори со мною, Бога ради, последнюю любовь и милость сицеву: помилуй мя,

²⁴ См.: Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 849 (Послание игумену Сергию).

²⁵ Там же. Стб. 849—850.

²⁶ Там же. Стб. 53 (Житие в редакции пустозерского сборника В. Г. Дружинина).

²⁷ Там же. Стб. 834.

Бога ради, пой за мя сий канон на третины, на девятины, на четыредесятины <...> помилуй мою душу грешную, помолися о ней ко Господу» — это слова из Предисловия пред каноном за единоумершего.²⁸ А вот что может быть сочтено ответом на них. Прочтем выдержку из рукописного сборника XVIII в., где помещено Моление об усопших:

«Благий и милосердый Боже, у тебя прошу великия милости и оставления грехов преставльшимся верным рабом твоим: иже <...> мне сродством и сожительством совокуплены быша, и иже себе в руце наша предаша, или нам исповедашася, или от коих милостыню восприяхом <...> Пощади <...> прости им всякое согрешение вольное и невольное <...>»²⁹

Моление это входит в общий раздел, озаглавленный в сборнике словами: «Подобает ведати, како поминати родители своя комуждо человеку».³⁰ Казалось бы, очень конкретное поминовение. Но вот с чего начинается тот, кому об этом «подобает ведати»:

«Помяни, Господи, души преставльшихся присно поминаемых раб твоих и рабынь: иже от твоея пречистыя <...> руки исперва созданнаго человека, прадеда нашего, Адама и его супруги, прабабы нашея, Еввы <...> и вся, иже в благочестии пожившия на земли во обхождении солнца во всех концах вселенныя. Помяни, Господи, души святейших вселенских патриарх, благочестивых царей и цариц, преосвященных митрополитов, благоверных великих князей и княгинь, боголюбивых архиепископов и епископов <...> и всего священнического и иноческого чина <...> И паче о сих молю ти ся <...> помяни, Господи, напрасною смертию скончавшихся, от меча, и от всякаго оружия, и от межъусобной брани, и от огня згоревших, и в водах утопших, голодом, и жаждою, и мразом измерших, и всякою нужною смертию скончавшихся от злых человек <...> и от самовольных страстей бедне умерших и не сподобившихся исповедатися тебе <...> ихже имена ты сам веси <...> О, Владыко пресвятыи! <...> услыши мя убогаго и недостойнаго <...> молящагося тебе о всех и за вся».³¹

²⁸ См.: Псалтырь с воследованием. М., 1642. Л. 667 и др.

²⁹ См.: Рукопись РНБ, Q.1.1098, л. 8 об.—27.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

После этого следует поминовение родителей. Общность и вселенскость, связанные с вечной памятью, заставляют человека начинать поминовение отца и матери с поминовения праотца Адама и всех «от века поживших на земли». Память родителей покоится на памяти всего рода человеческого.

В помянниках имя протопopa Аввакума стоит далеко от начала и конца. Те, кто поминал его, начинали поминовение с «прадеда нашего Адама и его супруги, прабабы нашея, Еввы», патриархов московских, митрополитов киевских и московских, царей и великих князей русских, игуменов Святой горы и русских монастырей, юродивых, также и «братии наших, избивенных (...) от татар, и литвы, и от немец, и от иноплеменник, и от своей братии, от крещеных, за Доном, и на Москве, и на Берге, и на Белеве, и на Калках, и на озере Галицком, и в Ростове, и под Казанью, и под Рязанью, и под Тихою Сосною (...) на Югре, и на Печере, в Воцкой земли, и на Мурманех, и на Неве, и на Ледовом побоище». Они поминали и тех, «иже несть кому их помянути сиротства ради, убожества и последия ради нищеты». Они поминали и пострадавших за старую веру, сожженных в Пустозерске и в Москве, замученных в Нижнем, на Дону, в Вязниках, Новгороде, Пскове, на Соловках, в Сибири. Они поминали, наконец, и свои собственные роды.³²

Старообрядческая традиция в этом случае, как и во многих других, есть прямое продолжение древней русской традиции. Достарообрядческие помянники были построены по аналогичному типу: в них рядом с частными поминаниями находились общие; прежде чем вписать в книгу поминание конкретного рода, вписывали в нее поминание памятных в русской и всемирной истории лиц.

Свое житие протопоп Аввакум кончил такими словами:

«Пускай раб-от Христов веселится, чтучи; а мы за чтущих и послушающих станем Бога молить. Как умрем, так оне помянут нас, а мы их там помянем. Наши оне люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь».³³

Эти слова можно воспринимать как обращение и к нам, «чтущим и послушающим» его Житие.

³² См.: Рукопись БАН, собр. Дружинина, № 108 (старый № 139), старообрядческий Синодик, л. 45 и др. Ср.: *Пыпин А. Н.* Сводный старообрядческий Синодик. С. 11—33.

³³ См. наст. изд. С. 106.

Литература нашего времени утратила свойство «историчности». С ней теперь в первую очередь связано представление не о действительно бывших, но о художественно вымышленных событиях. Но свойство свое быть хранилищем впечатлений, принадлежащих национальной памяти, она до сих пор особым образом сохранила. И люди, забывшие своих родных прадедов, как живых помнят вымышленных Татьяну Ларину и Алешу Карамазова, а вместе с ними и создавших эти литературные образы Пушкина и Достоевского. И в памяти о них еще происходит то соединение живых и умерших, которое не позволяет окончательно распасться связи времен.

Житию протопопа Аввакума в равной степени присущи свойства обеих русских литератур, старой и новой. Оно в первую очередь «исторично», но оно и «литературно», в том новом духе, который присущ литературе нового времени; недаром лучшие писатели XIX века ощущали свою как бы корпоративную близость с его автором.³⁴ Аввакум заставляет нас, привыкших к памяти литературной больше, чем к памяти истинной, помнить его одновременно и как литературного героя знаменитого Жития, и как автора этого самого Жития, человека, жившего до нас, проповедника и священномученика. Так через «новую» память приходит к нам память «старая». Теперь и от нашей любви зависит вечная память протопопа Аввакума на земле.

Житие боярыни Морозовой как литературный памятник и историческое свидетельство

В свое время А. М. Панченко, представляя изданную в 1979 году книгу А. И. Мазунина «Повесть о боярыне Морозовой», где впервые была осуществлена научная публикация всех известных на сегодняшний день вариантов Жития боярыни Морозовой, заключил свою вступительную статью к этой книге

³⁴ Подборку высказываний русских писателей XIX—XX вв. о творчестве Аввакума сделал В. И. Малышев — см. его статью: Заметка о рукописных списках Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 388—397.

таким коротким абзацем: «Повесть о боярыне Морозовой — основной источник сведений об этой замечательной женщине (...). Но Повесть ценна не только историческим материалом. Это — произведение высокого художественного качества. Этот памятник древнерусской литературы безусловно будет по достоинству оценен современным читателем».³⁵

Мы пойдем по следам высказанной А. М. Панченко мысли и путем «медленного чтения» постараемся понять, что Житие боярыни Морозовой — один из ярчайших литературных памятников XVII века как раз в силу того, что оно являет собой историческое свидетельство, адресованное современникам и потомкам.

Начнем с цитаты из заключительной части Жития. Речь идет о последних днях сестер Федосьи и Евдокии, умирающих от голода и мучений в боровской земляной тюрьме: «И в таковой великой нужи святая Евдокия терпеливно страда, благодарящи Бога, месяца два и пол, и преставися сентября в 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей бе стоящи молитися, ни чепи носити, ни стула двизати, возляже (...) Егда же виде себе Евдокия нарочито изнемогшу, глагола великой Феодоре (иноческое имя боярыни Морозовой. — Н. П.): „Госпоже мати и сестро! Аз изнемогах и мню, яко к смерти приближихся. Отпусти мя ко Владыце моему, за егоже любовь аз нужду сию возлюбих. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудем вне церковнаго предания, — отпой мне отходную, и еже ты веси — изглаголи, госпоже, а еже аз свем, то аз сама проговорю“. И тако обе служили отходную. И мученица над мученицею в темной темнице отпевала канон (имеется в виду канон на исход души. — Н. П.), и юзница над юзницею изроняла слезы (...)»³⁶

Вряд ли найдется в литературе XVII века, а быть может, и во всей русской литературе, сцена более пронзительная по своему содержанию. Что перед нами историческое свидетельство, тому порукой весь фактографический строй Жития, написанного родным братом Федосьи Прокопьевны Морозовой и Евдокии Прокопьевны Урусовой Федором Прокопьевичем Соков-

³⁵ Панченко А. М. Боярыня Морозова — символ и личность // Повесть о боярыне Морозовой / Подготовка текстов и исследование А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 14.

³⁶ См. наст. изд., с. 169—170. Далее ссылки на наше издание даются в тексте.

ниным.³⁷ Не стану здесь останавливаться на многочисленных примерах приводимых в Житии сведений, в первую очередь должных быть известными самым близким людям из окружения боярыни — от царского кравчего князя Петра Урусова, мужа Евдокии, сидевшего среди бояр в Грановитой палате в ту ночь, когда был дан царский приказ об аресте сестер («Князь же Петр ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися, а помощи делу не возможе» — с. 149) до старицы Мелании, духовной наставницы сестер, жившей перед самым их арестом в доме Морозовых и посещавшей их в московских узилищах (с. 141, 144, 145, 163). В боровском остроге сестер навещали инокиня Мелания с братией, в том числе и с родным их братом Федором (с. 166—168); о том, что там происходило, знали окружавшие их сидельцы, такие же, как они, мученики за старую веру (поначалу камеры не были одиночными и общались между собой). Когда царь ужесточил условия тюремного пребывания и двух сестер перевели в отдельную земляную тюрьму, отобрав у них все, от икон до последней смены одежды, свидетелями их мучений все же оставались стерегущие их стрельцы (один из которых так и не посмел дать боярыне куска хлеба или хотя бы «огурчика», а другой все же, таясь и обливаясь слезами, исполнил ее последнюю волю — «измыл» на реке ее сорочку («завеску», «малое платно»), чтобы надеть ей чистое перед смертью (с. 172). Эти «огурчик» и «завеска» лучше многих других деталей передают подлинность описываемого.

После смерти Евдокии в яму к Федосье Прокопьевне привели их сострадалицу Марию Данилову. При Марии боярыня и скончалась. Так что о подробностях кончины обеих сестер было кому свидетельствовать и кроме стрельцов.³⁸ Боярыня наверняка рассказала Марии об их совместном с Евдокией пении отходной. Мария в свой черед стала свидетельницей последнего часа боярыни. А уж сама она умерла в земляной яме в полном одиночестве, и о ее кончине некому было рассказать.

³⁷ См. статью «Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой» в наст. изд., с. 23—30.

³⁸ Муж Марии стрелецкий голова Иоакимф Данилов, находясь в Москве, задабривал посылаемых в Боровск «на караул» стрельцов, благодаря чему на первых порах оставалась возможность внешних сношений с узниками; многократно бывал в Боровске племянник Иоакимфа Иродион; есть основания предполагать, что он оставался в Боровске и после перевода узниц в земляную тюрьму.

Не потому ли в Житии осталась необозначенной точная дата ее смерти: «... декабря в (далее в рукописях оставлено место для числа. — Н. П.) день преставится она ко Господу» (с. 173), в то время как и для Евдокии, и для Федосьи эти числа отмечены: 11 сентября и ночь с 1 на 2 ноября.

В сцене совместного пения отходной поражает мастерство автора. Легче всего его оттенить, приведя описание кончины сестер из так называемой Краткой редакции Жития, созданной в первой четверти XVIII века представителем Выговской литературной школы. Составитель Краткой редакции уже довольно далеко отстоял от описываемых в Житии событий. Многие исторические детали не были ему точно известны или, быть может, не были важны. Он путает даты и имена (жену стрелецкого головы Марию Данилову называет девицей Марией; по его версии, первой скончалась в тюрьме Федосья, а за ней — Евдокия и т. д.).

В изложении автора Краткой редакции боярыня Морозова умирает так: «⟨...⟩ разболевшись убо болезнию, уже к тому к здравью не чаемою, и тако в цепи у стула на земли сълежа, псаломская словеса припомяная: „Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти“. И паки: „Человек яко трава, дние его яко цвет селный — тако отцветет, яко дух пройдет в нем и не будет, и не познает к тому места своего“. И паки: „Изыдет дух его и возвратится в землю свою“. И паки: „Одержаша мя болезни смертныя и потоцы беззакония“ и прочее. По сем: „Увы мне, душе грешная! Колик подвиг во время скончания“, и прочее, молитву Исусову во устех присно содержаше. И ту сущим с ними — многотерпеливая и преудивительная в ревности учительница их, старица Иустина, и в целомудренном девстве сияющая Мария девица. И последним целованием целовавше ю: блаженная трудница и страдалица блаженную свою душу Господеви предаде».³⁹

Под пером составителя Краткой редакции описание кончины боровской узницы наполняется обильным цитированием псаломских стихов, влагаемых в уста Федосьи Прокопьевны. Но о совместном пении канона на исход души речь здесь вовсе не идет: убирается обращенная к сестре прямая речь Евдокии

³⁹ Повесть о боярыне Морозовой. С. 204—205.

Урусовой с ее психологической мотивацией и индивидуальной словесно-интонационной формой («Госпоже мати и сестро!»; «⟨...⟩ да не пребудем вне церковнаго предания ⟨...⟩»; «⟨...⟩ то аз сама проговорю»), — в результате снимается эффект исторического свидетельствования.

В Житии боярыни Морозовой этот эффект во многом достигается через воспроизведение речи персонажей, представляемой не в стерто-нейтральной форме, а с индивидуальными интонационными особенностями. Воспроизведение таких реплик, монологов и диалогов способствует осуществлению того художественного приема, который Н. С. Демкова проследила на материале прозы протопопа Аввакума и назвала приемом «драматизации повествования».⁴⁰

Как можно убедиться, этот прием (надо заметить, обладающий свойством создавать эффект достоверности) присутствует и в художественной ткани Жития боярыни Морозовой. Вот автор Жития, рассказывая об аресте сестер в доме боярыни, описывает драматургически зримую сцену с репликами, жестами, позами, монологами и диалогами: «И се во второй час нощи отворишася врата болшия. Феодора же, вмале ужасшия, разуме, яко мучители идут, и яко *преклонися на лавку*. Благоверная же княгиня, озаряема Духом Святым, подкрепи ю и рече: „Магушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, положим начало“. И егда *совершишиа семь поклонов приходных* (то есть произнеся «начальные» молитвы с поясными и земными поклонами. — Н. П.), *едина у единой благословишася свидетельствовати истину*. Феодора *возляже на пуховик свой, близ иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския*, княгиня же *отиде в чулан ⟨...⟩ и тамо ⟨...⟩ возляже»* (с. 148). Мы ощущаем, что перед нами историческое свидетельство, не только потому, что здесь упоминаются и пуховик, и чулан, и лавка, на которую упала охваченная ужасом Федосья-Феодора, а более даже потому, что здесь уловлен именно этот жест падения («преклонися на лавку»), увидено именно это совершение сестрами седмипоклонного «начала» и взаимного благословения, ведь мы знаем, что и до сих пор у христиан-старообрядцев

⁴⁰ Демкова Н. С. Драматизация повествования в сочинениях протопопа Аввакума // Демкова Н. С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества. СПб., 1998. С. 210—230.

водится такое обыкновение — полагать перед решительными, серьезными или торжественными событиями своей жизни седмипоклонный «начал». Тем убедительнее для нас свидетельство, что так поступили в свое время Феодосья и Евдокия.

Все, что нам внятно сегодня, что продолжает жить в духе наших дней, обладает эффектом достоверности. Когда мы читаем в Житии, как вслед за только что описанной сценой, на ночном допросе (тогда тоже любили допрашивать ночью: ночным был первый допрос, о котором у нас идет речь, ночью возили сестер на допросы в Чудов монастырь — см. с. 151, 158—161), оказавшись перед ворвавшимся в ее спальню чудовским архимандритом Иоакимом, на его вопрос «Как крестишься и како еще молитву твориши?» боярыня, «сложав персты по древнему преданию святых отец и отверзши преосвященная уста своя, и воспе: „Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!“» (с. 148), — мы за одним только словечком этой сцены («и воспе») угадываем историческое свидетельство (а следовательно, и за всеми остальными). «И воспе»! Это значит, что боярыня произнесла слова Иисусовой молитвы с погласицей, как это делает и сегодня любая старообрядка, будь ей задан с вызовом такой же точно вопрос. Мы даже можем представить явственно, что тон этой погласицы был высок, об этом оставил свидетельство сам протопоп Аввакум: вспоминая о том, как однажды, во время великого пожара в Москве, они вместе «молебствовали» тайно об избавлении ее дома от огненной стихии. Аввакум пишет о боярыне: «⟨...⟩ быша бо слезы от очию ея, яко река ⟨...⟩ глас же тонкий изо уст ея гортанный исхождаше, яко ангельский: „увы, — глаголаше, — Боже, милостив буди мне, грешнице!“».⁴¹

Мы угадываем все эти детали потому, что Феодосья Прокопьевна Морозова — наш «вечный спутник». Многое нам близко и понятно в ней по духу. И слишком многое нам близко и понятно в истории русского «ГУЛАГа XVII века» потому, что после XVII века был век XX с его собственным ГУЛАГом. Духовный поединок боярыни Морозовой с царем и его подручными нам доступен в его психологических деталях потому, что

⁴¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 297 (О трех исповедницах слово плачевное).

нам понятны психологические детали духовных поединков, свершавшихся в застенках ГУЛАГа в наш век, — если не на собственном опыте, то через таких свидетелей, как Солженицын и Шаламов.

У А. И. Солженицына в романе «В круге первом» есть эпизод с ночным допросом инженера Бобынина в приемной министра госбезопасности Абакумова. Бобынин тоже отказывается стоять в момент допроса. Усевшись с вызовом в удобное кресло (опешивший министр даже не успел крикнуть ему: «Встать!»), Бобынин на вопрос Абакумова «Но вы представляете, кем я могу быть?» — юродствуя знакомым нам образом, я бы сказала, по-аввакумовски, отвечает: «Ну кем? Ну кто-нибудь вроде маршала Геринга?» И затем герой Солженицына произносит свой потрясающий монолог о том, что лишенный всего — жены, ребенка, родителей, всякого имущества вплоть до одежды, внешней свободы — человек делается «снова свободен».

Житие боярыни Морозовой — это повесть о духовном поединке боярыни Морозовой с царем в борьбе за старую веру.

Чем больше лишалась боярыня всего, что может иметь человек в земной жизни, тем свободнее вела себя перед своим соперником. Сына ее уморили (это было нетрудно: Иван с детства был болезненным), пытками на дыбе лишили ее красоты и здоровья, несметные богатства ее имений конфисковали, под конец отобрали даже лестовку (четки) и почти всю одежду. Наконец она лишилась самого дорогого, что у нее еще оставалось, — любимой младшей сестры.

После кончины Евдокии царь последний раз предложил боярыне покориться и принять новые обряды, надеясь, что в нынешней ситуации, «от великаго глада снедаема», она выкажет хотя бы «малое повиновение». Первую попытку соблазнить ее он предпринял еще в Москве, после пыток на дыбе, когда передавал через своего посланца обещание возвести ее «в первую честь», лишь бы она хотя бы только показала всенародно руку с троеперстием, занесенную для крестного знамения («не крестися треме персты, но точию, руку показав, наднеси на три те перста!»). Тогда он сравнивал ее с великомученицей Екатериной и обещал прислать за ней свою царскую карету и множество бояр, чтобы они на головах своих несли ее домой. Боярыня тогда пригрозила, сказав посыльному, что если это сбудется, «то аз, на главах несема бояры, воскричу,

яко аз крещуся по древнему преданию святых отец!» (с. 164). Тем все и закончилось.

Теперь снова пришел к боярыне в темницу царский посланец, «никонианский» монах, и сообщил, что царь повелел увещевать ее «поне мало покоритися». И вот тут в гневной отповеди боярыни искусителю мы видим всю великую меру свободы человека, у которого можно отнять все, но нельзя отнять Христа.

Царь рассчитывал, что на грани последней потери она сдастся. А она взметнулась всем своим существом («Оле глубокаго неразумия, о, великаго помрачения!») из-за того, что от нее ждут уступок в тот момент, когда она уже претерпела все возможные муки и лишения, когда уже «предпослала» к Господу возлюбленную свою Евдокию, обвинив мертвое ее тело тремя нитями «по церковному преданию»; ей предлагают погубить все это, когда она стоит на грани обретения полной свободы! И она отвечает: «...прочее убо вы (...) к тому ми о сем отнюд не стужайте! (Впредь больше никогда мне о том не досаждайте — Н. П.) Аз бо о имени Господни умрети есмь готова» (с. 171).

Рассказывая об этом подлинно патетическом моменте, автор Жития, как и многократно прежде, прибегает к приему драматизации повествования. Мы снова видим как бы маленькую сценку: как старец-монах появляется у темничного входа, как несколько раз творит Иисусову молитву по-новому («оставя сыновство Христово к Богу», то есть не произнося слов «Сыне Божий» в Иисусовой молитве. — Н. П.) и не получает ответа; в конце концов он произносит молитву правильно — и слышит из подземелья: «Аминь»; как входит он в темницу, спрашивает, почему прежде не было «аминя» (употребляется форма прямой речи), боярыня объясняет: «Егда слышах глас противен, молчах; егда же очютих не таков, отвещах» (с. 171). Монах исполняет царское поручение и в ответ слышит страстный монолог боярыни.

В этой сцене эффект достоверности достигается за счет описания старинного этикета (по сию пору бытующего в монастырской Руси), связанного с правилами прихода посетителя в чужой дом или келью. Но еще больший эффект достигается за счет психологической достоверности монолога боярыни, потому что нам близка мотивировка ее ответа мучителю —

как и у Солженицына. Однако у Солженицына герой лишен Христа (вернее, его образ представлен автором вне христианского контекста). Поэтому приведем еще одну параллель.

Когда в боровской темнице у сестер отобрали лестовки, то «мученицы навязали пятьдесят узлов ис трепиц и по тем узлам, аки по небесовосходной лествице, обе напеременах молитву Богу возсылали» (с. 169). Их молитвенный подвиг был неразрывной частью духовной брони с гонителями. И потому эта маленькая деталь — навязанные из тряпиц четки — говорит о многом.

В 30-х годах XX века арестованный за веру старообрядческий епископ Петроградско-Тверской епархии Геронтий, сидя в одиночной камере, поступил точно так же: лишившись четок, он постепенно разорвал на ленточки оставленное ему полотенце и по изготовленной лестовке молился. В начале 1950-х годов, после освобождения, епископ Геронтий написал свои воспоминания о десятилетии, проведенном им в лагерях ГУЛАГа. Там мы читаем: «Лестовку и крест у меня отобрали. Из спичек я сделал крестик <...> а лестовку сделал из полотенца: оторвал кромку вдоль и навязал узелков 50 штук — это было пол-лестовки. Но это изобретение мое тоже отбирали. От полотенца осталась только узенькая ленточка. Было еще одно полотенце в запасе <...>»⁴²

Поистине боярыня Морозова — это «вечный спутник» всякого русского человека.

Федор Соковнин — автор Жития своей сестры боярыни Морозовой

В 1979 году увидела свет книга покойного А. И. Мазунина, посвященная текстологическому, литературоведческому и историческому исследованию Жития боярыни Морозовой.⁴³ Последующие публикаторы Жития получили возможность опираться на научные выводы А. И. Мазунина как при подго-

⁴² Воспоминания епископа Геронтия // Духовные ответы. М., 1997. Вып. 8. С. 75.

⁴³ Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

товке текста Жития, так и при комментировании, что с благодарностью делаю и я.

Но один научный вывод А. И. Мазунина — гипотезу о том, что автором Жития был неизвестный по имени дворецкий из дома Федосьи Прокопьевны Морозовой,⁴⁴ — можно оспорить.

Что автором Жития был тот, кто именуется в нем «большим братом», ясно всякому, прочитавшему Житие. Вот фрагменты текста, дающие такую ясность. «Седящим же им (речь идет о сидении сестер-мучениц в Боровской тюрьме. — Н. П.), часто моляху наставницу свою мать Меланию, чтобы их посетила, и всяко не бе воля. Потом же аки известися Феодоре, яко скоро будет отшествие их, сего ради пишет к матери своєю рукою, еже рече: „Умилосердися, посети в останошное“, якоже и бысть. Молит же взяти ей с собою и *болшаго брата*. И поспеши Бог; и яхомся пути, понеже *слышахом*, яко в тех днех мысль бе у царя, еже, послав, допросит их накрепко и аще не покорятся, указ чинити. Но обаче *нас* сохранил Бог. В день недельный, в 3 час нощи, *приидохом* в темницу».⁴⁵ На протяжении большей части Жития автор его избегал повествовать от первого лица, но такое повествование прорвалось при описании последнего тайного свидания его с боровскими узницами. «Большой брат» вместе со старицей Меланией и другими близкими людьми (по именам названы еще племянник мужа третьей боровской узницы, Марии Даниловой, Родион и старица Елена) пришел в тюрьму ночью 11 января 1675 года («В день недельный, в 3 час нощи, приидохом в темницу»). На рассвете он с Родионом ушел из камеры («И отидохом с Родионом на разсвете»),⁴⁶ а женщины, мать Мелания с Еленой, «дерзнуша и день той пребыти у них».⁴⁷ На следующую ночь мужчины снова пришли («и приидохом паки в темницу в полунощное время»)⁴⁸ Описывая события этой ночи в темнице, автор Жития опять сказал о себе в первом лице: рассказав о том, как поучала в эту ночь инокиня Мелания узниц, он добавил: «Аз же, видев сие и слышах, преизлиха пребых удив-

⁴⁴ Повесть о боярыне Морозовой. С. 71—77.

⁴⁵ См. наст. изд. С. 166.

⁴⁶ Там же. С. 167.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

ляясь разуму, и терпению, и любви блаженные Феодоры, како, наказуема, любезне смиряшесь, а и неповинна ни в чесом же». ⁴⁹

Что «большой брат» является автором Жития, было ясно всем, кто еще до А. И. Мазунина хоть как-то касался этого произведения, — и И. Е. Забелину, и Н. Субботину, и Я. Л. Барскову. ⁵⁰ Но в том, кого следует подразумевать под «большим братом», у писавших ясности не возникло. Н. Субботин, первоначально высказавший (в антистарообрядческой статье «Новые опыты искажения глаголемыми старообрядцами памятников старинной письменности») как бы априорное мнение, что «большой брат» — это старший брат Федосьи Прокопьевны Морозовой Федор Прокопьевич Соковнин, ⁵¹ вскоре затем изменил его на другое, высказанное им при издании Жития в «Материалах для истории раскола»: «Мы склоняемся к мысли, что речь идет здесь о брате Мелании, а не о брате Морозовой и Урусовой». ⁵² Причиной, склонившей Субботина к перемене мнения, было то, что он стал считать, будто «ни старшему, ни младшему брату Морозовой и Урусовой неудобно было ехать в Боровск по обстоятельствам, в которых оба находились в то время», имея в виду отправку братьев Соковниных после ареста их сестер на воеводскую службу в Острогжск (Алексея) и Чугуев (Федора). ⁵³

Вслед за Н. Субботиным и А. И. Мазунин стал смотреть на чугуевское воеводство (с 1672 по 1675 гг.) Федора Соковнина как на аргумент, опровергающий вероятность того, что старший брат Федосьи и Евдокии побывал зимой 1675 года в Боровской тюрьме, то есть как на аргумент против авторства Федора Соковнина по отношению к Житию. ⁵⁴ А. И. Мазунин стал рассуждать так: «большим братом» можно было назвать не только

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. 3-е изд. М., 1901. С. 139; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. [М., 1886]. Т. 8. С. XIII—XV; Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 299.

⁵¹ Субботин Н. Новые опыты искажения глаголемыми старообрядцами памятников старинной письменности // Братское слово. 1886. Т. 1, № 3. С. 231—233.

⁵² Материалы для истории раскола за первое время его существования. С. XIII—XIV.

⁵³ Там же. С. XV.

⁵⁴ Повесть о боярыне Морозовой. С. 72.

родного брата, но и брата по вере.⁵⁵ Верно подметив в тексте Жития детали, которые изобличают в его авторе человека, хорошо знакомого с расположением и убранством покоев в доме боярыни Морозовой, равно как и такие детали, которые могли идти только от очевидца ареста сестер в доме Морозовой,⁵⁶ А. И. Мазунин выдвинул гипотезу о том, что автором Жития был дворецкий, который должен был хорошо знать дом и наблюдать арест.

Как видим, основной, и даже единственный, аргумент против того, что «большой брат», навестивший в боровской темнице сестер Федосью Морозову и Евдокию Урусову и написавший их Житие, — это их родной старший брат, сводится к тому, что с конца 1672 по 1675 г. этот старший брат, Федор Соковнин, находился на воеводстве в Чугуеве, что засвидетельствовано Житием и документальными материалами.

Но этот аргумент спорен. В том, что в январе 1675 года (время посещения «большим братом» Боровска) Федор Соковнин оставался чугуевским воеводой, нельзя быть стопроцентно уверенным. Об окончании его воеводской службы в 1675 году известно из Дворцовой разрядной книги, в которой среди записей, относящихся к маю 7183(1674/75) г., читаем: «Того ж году приехал из Чугуева с службы великого государя думной дворянин Федор Прокопьевич Соковнин».⁵⁷ Из этой записи, поскольку она сделана в мае 1675 года, следует только то, что возвращение Федора Соковнина в Москву состоялось не позже мая 1675 года, но когда именно — судить трудно. 7183 год от сотворения мира, если переводить на летосчисление от Рождества Христова, начинался 1 сентября 1674 г., а кончался 31 августа 1675 г.; так что нам в точности не известно, когда Федор Соковнин покинул Чугуев: до мая 7183 года были сентябрь — декабрь 7183-го (от Рождества Христова — 1674) и январь — апрель 7183-го (от Р. Х. — 1675).

Но даже если Федор Соковнин до самого мая 1675 года оставался в Чугуеве, разве оттуда он не мог отправиться в Боровск? Как из Чугуева, так и из Москвы, находишь он зимой 1675 года уже там, ему следовало пуститься в такое путешест-

⁵⁵ См.: Повесть о боярыне Морозовой. С. 72—77.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Дворцовые разряды. М., 1859. Т. 3. Стб. 1422.

вие тайно. Конечно, Чугуев отстоит значительно дальше от Боровска, чем Москва, но это не довод: мы не знаем, как скоро собралась последняя группа паломников в Боровскую темницу, Федора могли подождать. Да ничего нам не известно и об образе его жизни в Чугуеве: у Федора могли быть вполне легальные поездки по делам воеводской службы и ехать в Боровск, возможно, ему пришлось не так уж издалека.

Коль скоро аргумент о Чугуевском воеводстве вовсе не бесспорен, посмотрим еще раз на выражение «большой брат» в Житии. Боярыня, видя приближение конца, просит инокиню Меланию посетить ее «в останошное» и «молит взяти ей с собою и большого брата». Контекст этой фразы таков, что нет никаких препятствий воспринимать употребленное здесь слово «брат» в его основном значении — родной брат, брат по плоти, тем более до этого в Житии уже говорилось об обоих братьях боярыни, при этом именно о старшем — как об очень близком ей человеке. Сохранился документ, благодаря которому известно, что в устах Федосьи Прокопьевны Морозовой слова «большой» и «меньшой» при обозначении кровного братского родства были обиходными: в одном из писем к протопопу Аввакуму в Пустозерск она написала от себя и от своей младшей сестры Евдокии: «Свету душе моей батюшку Аввакуму Петровичу — многогрешная сестра твоя *большая и меньшая* и дети наши просим {...} твоего благословения». ⁵⁸ Боярыня называла себя «большой сестрой», а свою родную младшую сестру — «меньшой», значит и своего старшего брата она должна была называть «большим».

Он был тем братом, о котором царю было известно, что он знает «вся тайны сестры своя». Царь допытывался у Федора Соковнина после ареста его сестер о местопребывании их наставницы, инокини Мелании, и по этому поводу сказал ему: «Ты вся тайны сестры своя свеси». ⁵⁹ Значит, старший брат был очень близким боярыне Морозовой человеком. Царь находил возможным расспрашивать о старице Мелании именно Федора Соковнина; а ведь мы из Жития знаем, что это старица Мелания привела к боярыне в Боровск «большого брата».

⁵⁸ Барсков Я. Л. Памятники. С. 35.

⁵⁹ См. наст. изд. С. 154.

Что Федор Соковнин был единомышленником своих сестер и тайным старообрядцем, ясно из того письма протопопа Аввакума к Федосье Прокопьевне (еще в бытность ее на воле), в котором он, из ссылки, просил через боярыню Федора похлопотать, надо полагать — перед царем, об улучшении его содержания как ссыльного: «⟨...⟩ да помоли брата своего и нашего друга, чтоб пожаловал о кормовой тое грамоте, пожаловал потружался». ⁶⁰ Братья Соковнины имели возможность похлопотать перед царем: ведь оба они исполняли службу стольников при царском дворе, ⁶¹ а Федор еще был и дворецким царицы Марии Ильиничны Милославской. ⁶²

А. И. Мазунин обратил внимание на то, что тому, кто писал Житие, хорошо было известно многое из происходившего у царя на Верху во время заговора против сестер и их ареста (вплоть до того, как прибежал в Грановитую палату, бросивши недоконченным допрос, чудовский архимандрит Иоаким, будущий патриарх, «и пошепта во ухо» царю, донося ему, что неповиновение выказывает не только Федосья, но и Евдокия). ⁶³ Стольничья служба братьев Соковниных при дворе может объяснить тут многое. Если князь Петр Урусов присутствовал в этот момент в Грановитой палате и вынужден был слушать, как царь сказал про его жену наушничавшему Иоакиму: «Возьми и тую» (князь «оскорбился, а помощи делу не возможе»), ⁶⁴ то могли там присутствовать и братья Соковнины. Во всяком случае их присутствие вероятнее присутствия дворецкого Морозовой. Но даже если их там и не было, то опять же более вероятно, что Петр Урусов, так сочувственно описанный в Житии, рассказал обо всем прежде всего братьям Соковниным.

И та особенность, что автор Жития хорошо знает покой дома Морозовой, к ее родному брату подходит ничуть не меньше, чем к дворецкому.

Для предположения об авторстве Федора Соковнина достаточно много оснований.

⁶⁰ Барсков Я. Л. Памятники. С. 35.

⁶¹ См.: Русский биографический словарь. (Смеловский — Суворин). СПб., 1909. С. 49—50.

⁶² Там же.

⁶³ См. наст. изд. С. 149.

⁶⁴ Там же.

К сказанному можно прибавить еще одно. Когда мы читаем в Житии: «Царю же по взятии Феодорине во многи дни сидящу с бояры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественное ея обличение. Феодора же, брата ея, призвав пред ся, велми изтязоваше его о многих вещех, вопрошая его: „Повеждь ми — где Мелания? Ты вся тайны сестры своя свеси“, и велми на Феодора належаше гневом»,⁶⁵ — то «литературный слух» подсказывает нам, что так писать должен был сам Федор. И когда в другом месте Жития про отсылку братьев Соковниных на воеводство читаем: «(...) и двою брату ею, Феодора и Алексея, оваго на Чугуев, оваго на Рыбное, яко бы на воеводство, паче же в заточение, поотсла. Феодор бо на власти своей толико обогатися, яко и своих рублей тысячу прожил»,⁶⁶ — «литературный слух» говорит нам: это написал Федор и никто другой. Кто, кроме него самого, мог так досадовать на то, что пришлось поистратиться там, где обычно обогащались, и так нестати высказаться об этом посреди описания трагических событий?

Братья Соковнины сохранили верность своим замученным сестрам до конца своих дней. Уже после 1682 года (точно в каком году, неизвестно)⁶⁷ они положили в Боровске надгробную плиту на месте их погребения.⁶⁸ Для этого требовалось немалое мужество, ибо и 80-е, и 90-е годы XVII века были временем продолжавшегося и разгоравшегося гонения на старообрядцев. На плите они написали: «Лета 7184 (1675) погребены на сем месте сентября в 11 день боярина князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярина Глебова жена Ивановича Морозова боярыня Феодосья Прокопьевна, а в иноках инока схимница Феодора, а дочери обе окольниковы Прокофья Федоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор

⁶⁵ Там же. С. 154.

⁶⁶ Там же. С. 155.

⁶⁷ Такая датировка (после 1682 г.) устанавливается на основании того, что в надписи на плите Федор поименован боярином, а Алексей — окольниковым, а известно, что пожалованы в боярина и окольниковы братья были в 1682 г. (ср.: *Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц*. С. 142—143).

⁶⁸ Сделанная на плите надпись дважды была опубликована в XIX веке. См.: *Барсуков Я. Жизнь и труды П. М. Строева*. СПб., 1878. С. 40; *Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц*. С. 142.

Прокофьевич да окольников Алексей Прокофьевич Соковнины».⁶⁹

В 1697 году Алексея Соковнина казнили за участие в стрелецком заговоре. Вместе с полковником Иваном Цыклером его обвинили в замышлении убийства Петра I.⁷⁰ В этом же году умер и Федор Соковнин, отправленный в ссылку за брата.⁷¹ А ведь до 1697 года оба они продолжали нести службу при дворе, как несли ее при жизни Федосьи и Евдокии. Но, значит, оставались при этом тайными старообрядцами и не могли простить царю Алексею гибели своих сестер, не могли простить царя Алексея и служить его сыну от Натальи Нарышкиной; вспомним, что с отказа поехать на свадьбу царя с Натальей Нарышкиной началось открытое стояние боярыни Морозовой за старую веру.

Узники Пустозерской земляной тюрьмы

Весной 1670 года в Пустозерске строили земляную тюрьму. Стрелецкий полуголова Иван Елагин прибыл сюда чинить казнь.

Четверо узников шли в окружении команды стрельцов к месту, где уготована была плаха. Протопоп Аввакум, священник Лазарь, дьякон Феодор и инок Елифаний готовились к смерти. Палач ждал на своем месте. Когда полуголова вышел на середину и начал разворачивать свиток, чтобы прочесть царев указ, осужденные на казнь стали прощаться друг с другом. Аввакум благословил плаху. В это время Иван Елагин принялся вычитывать цареву грамоту: государь изволил приговорить Аввакума к заключению в земляной сруб, посадив на хлеб и воду, а остальным узникам — сечь руки и резать языки.

⁶⁹ Теперь надгробная плита находится в часовне, построенной в память о боровских мученицах в 2003 г. на месте их предполагаемого захоронения. В советское время она хранилась в Боровском краеведческом музее, занимавшем помещения Пафнутьева-Боровского монастыря, и выставлялась там в качестве экспоната.

⁷⁰ См.: Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 418—430.

⁷¹ См.: Русский биографический словарь. С. 49.

То, что происходило далее, 14 апреля 1670 года, в заброшенном на край света Пустозерском остроге, было тоскливо и страшно. Старец Епифаний просил, чтобы вместо руки и языка ему отсекли голову, так велико было отчаяние. Священник Лазарь сам расправлял язык под инструментом палача, чтобы сократить мучения.

Когда их развели с места казни по тюрьмам, узники «размтали» все свое «имение», раздали все, «не оставив у себя и срачицы». Это был жест последнего исступления и бессилия. Они звали смерть, отказавшись от пищи, а Епифаний обнажал рану на руке, чтобы вместе с кровью ушла и жизнь.

Пустозерская казнь была не просто очередным мучительством, но крушением последних надежд: еще в феврале 1668 года, вскоре по прибытии в пустозерское заточение, священник Лазарь написал две челобитные — царю и патриарху Иоасафу, в которых просил у царя суда на архиепископов и давал последовательный и программный разбор всех пороков церковной реформы.⁷²

Содержание челобитных было известно товарищам Лазаря и одобрялось ими. О требованиях Лазаря дьякон Феодор за несколько месяцев до казни писал семье Аввакума: «Лазарь отец писал царю письма (...) а писал страшно и дерзновенно зело — суда на еретиков просил».⁷³ Узники все еще надеялись на царя, на его сочувствие и охоту рассудить их право и, главное, на силу своего слова. Ведь Лазарь не только просил, он и грозил: «И аще мы (...) мучимы есмы всяко и казимы, в тесных темницах затворены (...) и о сем, царю, будут судиться с тобою прародители твои, и прежнии цари и патриархи (...) к сим же и святити отцы».⁷⁴

Конечно, пишучи так, они должны были ожидать самого худшего. Они и ждали (оттого и «страшна» челобитная Феодору), но вместе с тем и надеялись. Двухлетняя волокита с отсылкой челобитных⁷⁵ объяснялась тем, что Лазарь никак не позволял воеводе Ивану Неелову «вычитать» их, прежде

⁷² См.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. [М., 1878]. Т. 4. С. 179—284.

⁷³ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 68.

⁷⁴ Материалы для истории раскола... Т. 4. С. 263.

⁷⁵ См.: Веселовский С. Б. Документы о постройке пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григории Яковлеве // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. 26. С. 13—22.

чем отсылать государю, как требовала того процедура. Он посылая челобитные за собственной печатью, лично и только царю, обращался к нему как человек к человеку и ждал, что тот как человек вонмет ему. Настойчивое желание избежать посредников в общении с царем происходило от надежды на то, что это условие обеспечит успех. «Сказки» Лазаря были написаны в феврале 1668 года, а посланы в Москву в феврале 1670-го.⁷⁶ 14 апреля было ответом на них.

Надежды рухнули. Вместо Божиего праведного и торжественного суда (Лазарь просил у царя испытания «Божией судьбой» и вызывался «предо всем царством самовластно взыти на огонь во извещение истины»⁷⁷) — несправедный и унижительный в своей обыденности «градской» суд, трясущиеся руки палачей, не умеющих толком извлечь клещами усекаемые языки.

Но наступил день, когда из дальнего и пустынного Пустозерска полетела к единомышленникам осужденных весть: «178-го году, апреля в 14 день, на Фомины недели в четверк в Пустозерском остроге по указу цареву полуголова Иван Елагин взял ис тюрем протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Феодора и старца Елифания; и шли они до уреченнаго места на посечение...».⁷⁸ Кто писал записку о «казни», начинающуюся так по-летописному торжественно, нам в точности неизвестно. Имя, писанное криптограммой под сочинением, — Иван Неронов. В Пустозерске до 1679 года проживал пинежанин Иван Неронов.⁷⁹ Из заключительных слов записки ясно, что автор их был гонимый сторонник старой веры и, возможно, тоже пустозерский узник. Важно, что строки эти помимо документального свидетельства о кровавом событии означают еще и то, что узники вновь собрались с силами противиться гонителям. Возвещение о их страдании само по себе уже было актом борьбы и означало, что казнь не достигла цели.

Примечательно, что герой этого небольшого сочинения, если позволительно выделять героев среди страдальцев, — священник Лазарь.

⁷⁶ Материалы для истории раскола... Т. 4. С. XXVII—XXVIII, 223—284.

⁷⁷ Там же. С. 236.

⁷⁸ Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Стб. 713. (РИБ. Т. 39).

⁷⁹ См.: Малышев В. И. Старейший список «Книги толкований и нравоучений» протопопа Аввакума // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 272.

У плахи, сообщает свидетель казни, осужденные вели себя по-разному. Аввакум «вопил», бранился и рыдал, «что отлучен от братии», Епифаний кротко умолял о смертной казни, Лазарь — пророчествовал. Когда попу отсекли язык, было так много крови, что ею обагрились два больших полотенца. Одно из них Лазарь бросил молчаливым зрителям со словами: «Возьмите дому своему на благословение». И еще один жест был рассчитан на зрителя: отрубленную руку Лазарь поднял и, поцеловав, положил себе за пазуху.⁸⁰

В казни, свершившейся в Пустозерске, существовала некая градация: отпущенная Лазарю мера была самой суровой — было приказано сечь ему руку по запястье. Феодору кисть отрубили до половины ладони. Епифанию отсекли четыре пальца.

Возможно, Лазаря наказали строже всех как автора челобитных; и особое его поведение во время казни тоже, очевидно, связано с осознанием первенства в данном случае.

Из-под пера Лазаря, в отличие от остальных соузников, после казни 1670 года не родилось ни строчки. Не мудрено: он полностью лишился правой руки. Может быть, были и другие, скрытые, причины. Тем не менее в пустозерском писательском союзе роль Лазаря заметна, а кое в чем оказывается основополагающей. Тема избранничества впервые прозвучала как раз в связи с именем попа Лазаря. Мы убедились в этом на примере сочинения очевидца, описавшего вторую казнь. Были и другие сочинения.

Еще в Москве у деятелей раскола возникла мысль о необходимости описывать и предавать гласности события, связанные с их собственной жизнью. Она пришла к ним вместе с осознанием исключительности их роли; под влиянием этой мысли была написана автобиографическая записка Епифания, создано (на основе записки Аввакума) сочинение дьякона Феодора о московском мучении Аввакума, Лазаря и Епифания. Тема избранничества, которая зазвучала в этом сочинении, уже тогда соединилась с именем Лазаря: «И егда священнику Лазарю язык отрезаша, является священномученику Лазарю Божий пророк Илия и глаголет ему: „Дерзай, священниче, и о истине свидетельствуй, не бояся“. И тогда он, отъем руку свою от уст, и кровь вылил на землю, и начат глаголати к людям слово Божие

⁸⁰ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 714—715.

и рукою благословляти народ». ⁸¹ Ее, эту тему, и продолжил очевидец второй казни в Пустозерске. А затем применительно к себе ее развивал Аввакум в своем Житии и в посланиях, использовал и дьякон Феодор. ⁸²

В 1668 году в Пустозерске соединились, чтобы прожить бок о бок пятнадцать лет, четыре человека, имена которых для одной половины русских людей XVII в. стали символом праведности и святости, для другой — еретичества и крамолы. Позади был собор 1666—1667 гг. с расстрижением, бесконечными допросами и уговорами покаяться. Позади была первая казнь: Лазарю, Епифанию и Феодору резали языки первый раз еще в Москве. Царь и духовные власти, отправляя узников в общее заточение, не помышляли, что превращают тем самым северный Пустозерск в своеобразный духовный и литературный центр, куда в течение полутора десятилетий будут сходиться все нити старообрядческой борьбы.

Известно, что вскоре по прибытии осужденных в Пустозерск начался оживленный обмен посланиями между острогом и старообрядческой Москвой. Сочинения пустозерцев направлялись также на Мезень, на Соловки; позже в сферу влияния войдут Сибирь, Керженские леса. Семья протопопа Аввакума, томящаяся в Мезенской ссылке, стала основной связующей с внешним миром силой. Дьякон Феодор в письме к сыну протопопа Ивану писал о посланных на Мезень сочинениях: «〈...〉 в Соловки пошли и к Москве верным. И тут давай списывать верным человеком, иже довольны будут и иных

⁸¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. [М., 1881]. Т. 6. С. 47.

⁸² См. рассказ о явлении Феодору Богородицы в послании Феодора к сыну Максиму (Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 149). Мотив избранности присутствовал не только в поведении Лазаря (как можно было бы заключить из того, что оба знаменательных эпизода описаны третьим лицом), но и в собственно-ручных писаниях романо-борисоглебского попа. В челобитной 1668 г. Лазарь писал царю Алексею: «В прошлых летех сего страдания моего обложен был оковы... И лежащу ми в размышлении и скорбящу, и сну малу на мя нашедшу. И явися мне святыи пророк Илия Фезвитянин и рече ми: „Лазарь, аз емь с тобою, не бойся“. И невидим бысть. Аз же обретохся радости исполнен, железа же обретох с себя спадша» (Материалы для истории раскола. Т. 4. С. 264). Параллелизм этой сцены с текстом из Апостольских Деяний очевиден. Как ангел, явившийся апостолу Петру в темнице, является Лазарю пророк Илия. И так же оковы спали с заточенного, как спали цепи с апостола (Деян. 12:7).

научити». О «грамотках к Москве», которые надлежало пересылать семейству Аввакума, писал и сам протопоп.⁸³ В это время (до последней трети 1669 г.⁸⁴) в Пустозерске было написано два сочинения, которые до некоторой степени можно считать плодом коллективного творчества узников: Послание Иоанну и «Книга-ответ православных». И хотя первое подписано и протопопом Аввакумом, а о втором известно, что оно составлено по поручению всей «горькой братии», все же известно также и то, что писаны оба сочинения дьяконом Феодором.⁸⁵

Дьякон слыл за знатока Писания. Инок Авраамий даже считал его «паче иных» в Божественном писании потрудившимся.⁸⁶ Это, очевидно, и определило то, что программные сочинения, трактующие о пришествии в мир Антихриста и об отношении к никонианским священникам, было поручено написать дьякону Феодору.

Общаться заключенным было первое время сравнительно легко. Их привезли зимой. Земляная тюрьма готова не была, да и не было возможности ее строить — из-за вечной мерзлоты, из-за неимения строевого леса, из-за отсутствия рабочих рук. Препирательства между воеводой и ижемскими и усть-цилемскими крестьянами, уклонявшимися от выполнения государственной повинности на постройке земляной тюрьмы, тянулись до 1670 года, пока не пришел указ о казнях и немедленном возведении тюрем.⁸⁷ А до тех пор для ссыльных были освобождены избы местных крестьян, каждому отдельная.

По ночам они выбирались из своих узилищ и встречались в домах преданных им людей или, быть может, в каком-то одном доме. Во всяком случае известно, что среди пустозерцев жил некий «брат Алексей», в чьем доме Аввакум и Феодор встречались ночами до казни.⁸⁸ В этом доме, возможно, и приписал

⁸³ Барсков Я. Л. Памятники. С. 69, 40—41.

⁸⁴ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 2—3.

⁸⁵ См.: Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 3—9, 246—305.

⁸⁶ Материалы для истории раскола... Т. 7. С. 261.

⁸⁷ Веселовский С. Б. Документы о постройке пустозерской тюрьмы. С. 6—13.

⁸⁸ Барсков Я. Л. Памятники. С. 68; Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975. С. 209—210; Понырко Н. В. Новые материалы о протопопе Аввакуме (Два «дела» мезенской воеводской канцелярии о сыне Аввакума Афанасии) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 397—398.

Аввакум к готовому уже Посланию Феодора Иоанну: «Сие Аввакум протопоп чел и сие разумел истинно».⁸⁹

Содержание обоих сочинений Феодора составляло последовательную характеристику переживаемого времени как последнего отступления перед пришествием Антихриста. Раньше, в Москве на соборе, они только грозили Антихристом, теперь уже без колебаний утверждали, что «последнее отступление», которому должно наступить перед явлением Антихриста, пришло в Россию вместе с Никоновой реформой.

Понятно, что для власти это было клеймо, а пустозерцы, рассудившие так, превращались в противников всего государственного устройства. Феодор писал: «Во время се — ни царя, ни святителя. Един бысть православный царь на земли остался, да и того, не внимающего себе, западний еретицы ⟨...⟩ угасили ⟨...⟩ и свели во тьму многия прелести».⁹⁰ Кроме изобличения «последнего отступления» сочинения Феодора толковали об отношении к никонианскому духовенству. Чуждаться повелевали пустозерские узники священников никонианского рукоположения («то есть часть антихристово воинства»⁹¹), а священников дониконовского поставления принимать только в том случае, если они отвергаются нововведений, в противном же случае — отвергаться их, как и первых.

Сочинение Феодора было последовательным обличением и откровенной программой, и хоть писалось оно по решению всех союзников, но рукою Феодора. Неспроста сам Феодор писал: «А послание, что к тебе писано, брате Иоанне, от меня, и ты того в Соловки не посылай руку мою (то есть автограф. — Н. П.), отступникам бы не попало — они руку мою знают».⁹²

Следует указать и еще на одно сочинение, приведшее вторично дьякона Феодора на казнь. В 1669 году была написана и отослана Пятая челобитная протопопа Аввакума царю Алексею. Однако автором первой половины этой челобитной был не Аввакум, а дьякон Феодор;⁹³ именно эта часть представляла собой одно из самых дерзких и смелых сочинений среди писа-

⁸⁹ Материалы для истории раскола... Т. 6. С. 79.

⁹⁰ Там же. С. 72.

⁹¹ Там же. С. 64.

⁹² Барсков Я. Л. Памятники. С. 69.

⁹³ См.: Поньирко Н. В. Дьякон Феодор — соавтор протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1976. Т. 31. С. 362—365.

ний раннего старообрядчества. Именно здесь было сказано: «Господин убо есть над всеми царь, раб же со всеми есть Божий»; здесь ответственность за расправу над старообрядцами перелагалась с духовных властей на царя: «Все в тебе, царю, дело затворися и о тебе едином стоит».⁹⁴ Вторая, писанная самим протопопом Аввакумом, часть челобитной была значительно мягче по тону. Тут хоть и обвинения, но еще и признание в любви и благословение. В первой же части — никакого намека на частные отношения, совершенно непримиримая позиция и страстное обличение царя как главного и даже единственного виновника нововведений и расправы над узниками.

Только дьякон Феодор решался в те поры называть царя «рогом антихристовым» — в своем письме, адресованном семейству Аввакума, где в числе прочего упоминал и о том, что первая часть Пятой челобитной принадлежит его перу. Из письма было видно, что дьякон меньше других надеялся на милость и способность царя справедливо рассудить пустозерцев.⁹⁵

И вот это-то письмо и попало в руки властей. Единственный известный сейчас список послания дьякона Феодора семье Аввакума обнаружен в делах Тайного приказа.⁹⁶ Тайному приказу и вместе с ним царю, стало быть, сделалось известно и авторство дьякона в отношении Пятой челобитной и помещенное в этом письме рассуждение о «роге антихристовом» со ссылкой на пророчества некоего суздальского пустынника Михаила, который будто бы по смерти царя Михаила Федоровича, в пору воцарения Алексея Михайловича, предвидя будущее, учил: «Несть царь, братие, но рожок антихристов».⁹⁷

Письмо Аввакумову семейству, первая часть Пятой челобитной царю, «Книга-ответ православных» и послание Иоанну стоили дьякону Феодору половины ладони и второго отсечения языка.

Иерархия казней соответствовала и священнической иерархии казнимых. За что был вторично приговорен к отсечению языка и четырех перстов кроткий инок Епифаний, нам неизвестно.

⁹⁴ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 757, 760.

⁹⁵ Барсков Я. Л. Памятники. С. 68—70.

⁹⁶ Там же. С. IX.

⁹⁷ Там же. С. 69.

В автобиографическом Житии, написанном уже после 1670 года, как и в более ранней автобиографической Записке, Епифаний предстает пустынным подвижником, погруженным в свой внутренний мир. Давно, задолго до Пустозерска, в пустынной келье своей молился Епифаний, да «пожрет» его сердце Иисусову молитву. Ему в те поры не давалось овладеть этой молитвой, о которой Иоанн Златоуст писал: «Аще кто сию молитву Иисусову, требуя ея, глаголет, яко из ноздрей дыхание, — по первом лете вселится в него Христос, Сын Божий, по втором лете внидет в него Дух Святой, по третьем лете приидет к нему Отец, и вшедше в него, и обитель в нем сотворит святая Троица. И пожрет молитва сердце, и сердце пожрет молитву».⁹⁸ Но Епифаний надеялся на заповедь «просящему дастся» и постоянно пребывал в стремлении постичь «умную» молитву. Молитва не давалась ему, и он отчаялся, молясь о ней со слезами в ночи. Так продолжалось долго. В одну из ночей утомленный «правилом» и совсем потерявший надежду инок прилег на лежанке и забылся «тонким» сном. И тут он услышал, что ум его «молитву Иисусову творит светло, и красно, и чудно». Он проснулся: «а ум мой, яко лебедь доброгласный, вопиет ко Господу».⁹⁹ С тех пор в душе Епифания пребывала эта молитва.

И одновременно это был человек, решившийся пойти из далекой пустыни в столицу с обличением Никона и царя. Никто не знает содержания «книг» Епифания, направленных против нововведений, потому что книги эти не сохранились. Но то, что они существовали, известно. Именно за «книги» обрекли кроткого инока на казнь в Москве.¹⁰⁰ Может быть, в апреле 1670 года ему их снова припомнили? Или в Пустозерске были написаны новые?

⁹⁸ Карманова О. Я. Автобиографическая записка Соловецкого инока Епифания (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 256.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ О книгах, созданных им для обличения Никоновой реформы, пишет сам Епифаний в своей автобиографической Записке (См.: Карманова О. Я. Автобиографическая записка. С. 260) и в своем Житии (см. наст. изд. С. 126). Существует свидетельство выговского жителя Епифания о том, что принесенные в Москву «книги, написанные на Суне-реке» Епифаний «пред соборною церковию во время праздника при собрании множества народа сам нача чести всем людям вслух» (Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 155).

Казнь 1670 года в Пустозерске была призвана уничтожить пустозерский союз как силу. Но это не удалось. Наоборот, казнь подняла пустозерских узников на мученическую ступень и дала им право непреоборимого нравственного превосходства над противниками. Писаний не убавилось. Их стало больше. Достаточно сказать, что оба Жития, Аввакума и Епифания, написаны после 1670 года, как и оба Пустозерских сборника — памятники совместной писательской деятельности узников.

А писать после 1670 года стало значительно труднее. Отстроенная наконец тюрьма представляла собой четыре сруба, осыпанных землей. Каждый из них был обнесен тыном, и все вместе — общим острогом. От полу до потолка можно было достать рукой, и в самом верху находилось оконце, в которое подавалась пища и выбрасывались нечистоты. Весной тюрьмы до лежанок затопляло водой, зимой печной дым выедал глаза и удушал. Глаза Епифания так загноились, что он временно ослеп и долго не мог заниматься любимым рукоделием — вырезыванием деревянных крестов. Но именно здесь, в землянках, а не в первые два года в крестьянских избах, при постоянной нехватке бумаги, были написаны Жития Аввакума и Епифания, другие значительные произведения Аввакума, здесь писал свои сочинения дьякон Феодор. Все четверо были разные. И во многом равновеликие Аввакуму. Несоизмерим был дар слова.

При очевидном главенстве Аввакума свою роль играл и его священнический сан. Не надо забывать, что Аввакум был старшим по сану, единственным протопопом среди узников. Лазарь — просто поп, Феодор занимал последнюю ступень в священнической иерархии — дьякон, Епифаний вовсе не был священником, а просто иноком. Поэтому, когда московская и другая паства обращалась преимущественно к Аввакуму за разрешением разных вопросов, будь то нравственные проблемы, вопросы догматики или тактики (все они для старообрядца XVII в. с высшей точки зрения были вопросами веры), они обращались не только к его таланту и авторитету, но и прежде всего к его духовному сану, изначально предполагавшему такой авторитет. Это обстоятельство, может быть, внешнее, но его следует иметь в виду.

Духовный сан Аввакума определял его отношения с людьми. Но в протопопе счастливо соединилось священническое

предназначение с человеческой сущностью. Как, например, в духовном отцовстве.

Он был священник и потому учитель, «отец» («Се аз и дети, яже ми дал есть». — Евр. 2:13). Число духовных детей Аввакума, по его собственному счету, достигало шестисот.¹⁰¹ Можно сказать, что вся его жизнь была страстным и добросовестным исполнением миссии духовного отцовства. Талант и духовная мощь поднимали протопопу над людьми, заставляли смотреть на них как на малых детей. Его знаменитое «играю со человеки» — это игра строгого и пекущегося отца с детьми.¹⁰²

Разве не «играл» он со своей духовной дочерью Анной из Тобольска, когда та, раскаиваясь перед ним в грехе, плакала и рыдала. «Аз же пред человеки кричу на нея», смиряя ее и в конце концов прощая.¹⁰³

Так же «играет» Аввакум, когда бранит старицу Меланию. Сменяются гневные обличения одно яростнее другого, а в заключение: «А Меланью-ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей: стадо-то Христово крепко пасет, как побраню. Ведь я не сердит на нея — чаю знаешь ты меня».¹⁰⁴

И вся брань по адресу боярыни Морозовой, оплакивающей умершего сына своего Ивана Глебовича, — тоже игра. Он бранит «нарочно», чтобы утешить, а сам скорбит вместе с матерью.¹⁰⁵

Символика «отец — дети» часто движет образами Аввакума. Так, наставление в вопросах веры Ксении Ивановны (казначей в доме боярыни Морозовой) вырастает у Аввакума в картину прогулки по некоему «разумному граду», где наставляемая представлена как малое чадо, ведомое за руку в незнакомых местах опытным наставником: «Да гряди убо, чадо, да ты повожу, прежде за руку ем, по граду и покажу ти сокровенная чюдеса великаго сего града и разумнаго, и угощу тя в нем».¹⁰⁶

¹⁰¹ См. наст. изд. С. 51.

¹⁰² Здесь надо воспринимать глубинный план этого выражения у Аввакума, а именно, евангельское «и сотворю вы ловца человеком» (Мф. 4:19; Мк. 1:17).

¹⁰³ См. наст. изд. С. 96—97.

¹⁰⁴ Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 214 (Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой).

¹⁰⁵ Там же. С. 212—213.

¹⁰⁶ Там же. С. 262 (Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне).

Здесь следует оговориться. Отношение к людям как к детям не питало гордыню Аввакума. Вот, например, он пишет своей духовной дочери: «Ты уже мертвец, отреклася всего, а оне еще, горемыки, имут сердца своя к супружеству и ко птенцам. Можно нам знать, яко скорбь их томит».¹⁰⁷ Противопоставление себя другим («Можно нам знать (...) их») не лишает Аввакума сострадания. Даже «заплутавшие» дети остаются его детьми — «таковы и мне дети, хотя бы оне и впрямь заплутали».¹⁰⁸

Для Аввакума всякий человек не закончен, и потому, даже если плох, то не однозначен. Он плох, покуда не покался, а покаяния Аввакум ждал всегда, потому что искал и предполагал в человеке душу. Поэтому он глубоко склонен к прощению. Пусть дьякон Феодор повинился перед собором патриархов, но кончил он все-таки пустозерской тюрьмой; пусть среди мучителей протопопа во время его заточения в Пафнутьеве монастыре был келарь Никодим, но затем он сделался тайным последователем старой веры.

Очень важен в этом отношении эпизод с отречением сыновей Аввакума. Находившиеся в Мезени Прокопий и Иван перед угрозой казни «повинились» мучителям. Аввакум на это отвечал так: «Ну да Бог вас простит, не дивно что так зделали, и Петр апостол некогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о сем плакася горько, таже помилован и прощен бысть».¹⁰⁹

От этого изначального прощения человеку прегрешений в уповании на его способность «восстать» происходило и двойственное, на первый взгляд, отношение Аввакума к людям. Афанасия Пашкова Аввакум и проклинает, и жалеет, и ненавидит, и любит. То же можно сказать и об отношении протопопа к царю Алексею Михайловичу. Не объяснит ли сказанное сложные отношения протопопа с дьяконом Феодором, отчасти являющиеся загадкой?

Вспомним рассказ Феодора: «По сем же некогда в полночь выходил аз из ямы вон окном, якоже и он Аввакум, в тын и их посещал и прочих братию вне ограды. И то хождение мое нелюбо ему (Аввакуму. — Н. П.) стало, и сотнику сказал он. Сот-

¹⁰⁷ Там же. С. 212.

¹⁰⁸ Барсков Я. Л. Памятники. С. 34 (Письмо к боярыне Морозовой).

¹⁰⁹ См. наст. изд. С. 86.

ник же, Андрей именем, враг бысть, мздоимец, и на мя гнев имел за некое обличение. И в то время велел меня ухватить стрельцом в тыну, нага суца. И яша мя, и начаша бити зело... А стрельцы, влезше в мою темницу, по благословению протопопову, и те книжицы и выписки мои похитиша и ему продаша».¹¹⁰ Речь идет о возникшей в Пустозерске распре между дьяконом Феодором и протопопом Аввакумом.

Спор между Феодором и Аввакумом по догматическим вопросам возник еще до первой пустозерской казни, тогда речь касалась Троицы. Но он вскоре утих. Аввакум в ту пору обуздал себя, осознав нелепость распри в их условиях. Он сказал тогда Феодору: «Впредь покинем о том стязатися в темнице сей».¹¹¹ Миротворческую роль играл инок Епифаний, уговаривавший своего духовного сына не браниться с Феодором.

После 1670 года спор возобновился и разросся. Помимо несогласия в догмате о Троице обнаружилось несходство мыслей в понимании догмата о схождении Святого Духа на апостолов, о воплощении Бога Слова, о сошествии Христа в ад. При этом Феодор, по мнению ученых богословов, изучавших писания старообрядцев, отстаивал абсолютно правильную православную точку зрения.¹¹² Аввакум же оказался погрешим. В его сугубо конкретном и чувственном понимании отдельных догматов сказались народно-демократические воззрения русского христианства, основным источником которых были апокрифы и идущая за ними иконография. Феодор был более искусен в отвлеченном богословии; сознание собственной правоты укрепляло его даже тогда, когда он оказался один против троих.

Но в чем же дело? Почему спор возник и принял такие крайние формы? Многие в полемике между Аввакумом и Феодором непонятно из-за односторонности источников. Спасти дело могли бы книги Феодора, посвященные вопросам спора. Но они были уничтожены по наущению Аввакума.¹¹³ Как объяс-

¹¹⁰ См.: *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 147.

¹¹¹ Там же. С. 141.

¹¹² *Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. С. 216—233.

¹¹³ Можно предположить, что подспудная причина распри заключалась в следующем. Спор начался с того, что толкование Феодором догмата о Троице было основано на признании опечаток или описок в книгах дониконовского выхода. Для узников, страдавших «за единый аз» в старых книгах, это было как бы покушением на смысл

нить это наущение? Как объяснить то, что протопоп, сострадавший десяткам более далеких людей, смог выдать дьякона стрельцам, подговорить их весной затопить тальми водами его тюрьму?

К чести Феодора, он и в споре находил добрые слова для своих оппонентов: «Подвижники они и страстотерпцы великия и стражут от никониян за церковныи законы святых отец доблественне, и терпение их и скорби всякия многолетныя болши первых мучеников мнятся ми воистину. За та же вся и аз с ними стражду и умираю купно».¹¹⁴ Аввакум для дьякона таких слов не нашел. Но поверим все же, что его проклятия Феодору (как только не бранил его Аввакум: и «щенком», и «косой собакой», и «бешеным дитяткой», отлучал Феодора от своего благословения) не были последними. Ведь называет он дьякона «дитятко бешеное». Все-таки «дитятко». А может быть, протопоп опять «играет»? Вспомним, как яростно бранил он боярыню Морозову за юродивого Феодора, но это не мешало ему любить ее и почитать за истинную страстотерпицу.

То, что ругательные слова Аввакума о дьяконе Феодоре не были окончательными, подтверждается совместной работой узников над Пустозерским сборником, свидетельствованием правды о мучениях Феодора в Житии Аввакума, создававшемся во время распри.

Последняя, смертная, казнь соединила их вновь и навечно. Снова был апрель, шла Страстная седмица. Снова четверых вели на площадь. Только теперь там ждала не плаха, а новенький сруб. Приговоренные могли не гадать о казни: они знали, что их ждет. Когда-то Аввакум писал: «А во огне-том здесь небольшое время потерпеть — аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно! Боишися печи той? Дерзай, плюнь на нея, не бось. До печи-той страх-от; а егда в нея вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельския силы с ним».¹¹⁵ Теперь настал и его черед «увидеть Христа».

всей их борьбы. Не случайно Аввакум, изобличая Феодора, несколько раз называет его при этом «никонианином».

¹¹⁴ Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 150.

¹¹⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 571 (обращение к чаду Симеону, из Книги толкований).

Перед смертью осужденные на казнь прощались друг с другом. Дьякон Феодор подошел к протопопу Аввакуму, и тот благословил его.¹¹⁶ Когда на площади сделалось жарко от пылавшего сруба, кому-то из зрителей в зыбком воздухе над языками пламени привиделась возносящаяся к небу фигура.¹¹⁷ Так кончили свою жизнь пустозерские узники в Страстную пятницу 1682 года.

¹¹⁶ См.: Виноград Российский Семена Денисова. М., 1906. Л. 21 об.—22.

¹¹⁷ Известна легенда о том, что из четырех сожженных один живым вознесся на небо; героем ее был старец Епифаний (см.: Барсков Я. Л. Памятники. С. 392—393).

Житие протопopa Аввакума

КРЕСТЬ — всѣмъ воскресение, крестъ — падшим исправление, страstem умерщвление и плоти пригвождение; крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчный.^{1*} Аминь.

Многострадальный юзникъ темничной, горемыка, нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопopъ Аввакум понужен бысть житие свое написати отцемъ его духовным иноком Епифаниемъ, да не забвению предано будетъ дѣло Божие.^{2*}

Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего мира, послѣши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дѣлы благими ихже нынѣ хочу глаголати аз, недостойный. Разумѣя же свое невѣжество, припадая, молю ти ся, и еже от тебя помощи прося: Господи, управи умъ мой и утверди сердце мое не о глаголании устен стужатиси,¹ но приготовитися на творение добрых дѣлъ, яже глаголю, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ, на Судищи десныя ти страны причастник буду со всѣми избранными твоими.

И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ от сердца, и языком возглаголю^{3*} Дионисия Ареопагита о Божественных именовех,^{4*} что есть тебѣ, Богу, присносущные имена истинные, еже есть близостные, и что — виновные, сирѣчь похвальные.

¹ заботиться, печься;

Сия суть сущие: Сый,² Свѣтъ, Истинна, Животь. Только свойственных четьрѣ. А виновных много, сия суть: Господь, Вседержитель, Непостижим, Непреступен, Трисиянен, Триипостасен, Царь Славы, Непостоянен огонь, Духъ, Богъ, и прочая.

По сему разумѣвай того же Дионисия о истиннѣ: «Себе бо отвержение — истинны испадение; истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть. От сущаго же Богъ испасти не можетъ, и еже не быти — нѣсть».^{5*}

Мы же речем: потеряли новолюбцы существо Божие испадениемъ от истиннаго Господа Святаго и Животворящаго Духа. По Дионисию, коли ужъ истинны испали, тутъ и Сущаго отверглись. Богъ же от существа своего испасти не может, и еже не быти — нѣсть того в нем, присносущен истинный Богъ наш. Лучше бы имъ в Символѣ вѣры не глаголати «Господа», виновнаго имени, а нежели «истиннаго» отсѣкати, в немже существо Божие содержится. Мы же, правовѣрнии, обоя имена исповѣдуем и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруем, со Отцем и с Сыномъ поклоняемаго,^{6*} за негоже стражемъ и умираемъ, помощию его владычню.

Тѣшит нас той же Дионисий Ареопагит, в книге ево писано: «Сей убо есть воистинну истинный христианин, зане истинною разумѣвъ Христа и тѣм богоразумие стяжавъ, иступив убо себе, не сый в мирском их нравѣ и прелести, себя же вѣсть трезвящися и изменена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдѣствующе истинны ради, но и невѣдением скончающися всегда, разумом же живуще, и християне суть свидѣтельствуемы».^{7*}

Сей Дионисий, научен вѣре Христовѣ от Павла апостола, живой во Афинѣхъ, прежде, да же не приити в вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя.^{8*} Егда же вѣрова Христови, вся сия вмѣних быти яко уметы.³ К Тимофею пишет^{9*} в книге своей, сице глаголя: «Дитя, али не разумѣешь, яко вся сия внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть, и тля, и

² Сущий;

³ грязь, нечистоты, мусор;

пагуба. Аз пройдох дѣлом и ничтоже обрѣтох, токмо тщету». Чтый да разумѣть.

Ищитати бѣги небесныя любят погибающии, понеже «любви истинныя не прияша, воеже спастися имъ, и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, воеже вѣровати имъ лжи, да Суд примут не вѣровавши истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ». ^{10*} Чти о семъ Апостоль, 275.

Сей Дионисий, еще не приидохъ вѣру Христову, со ученикомъ своимъ во время распятія Господня бывъ в Солнечномъ градѣ и видѣ: солнце во тьму преложилося и луна — в кровь, звѣзды в полудне на небеси явилися чернымъ видом. ^{11*} Он же ко ученику глагола: «Или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотию стражетъ», понеже не по обычаю тварь ⁴ видѣ изменену и сего ради бысть в нѣдоумѣнии.

Той же Дионисий пишет о солнечномъ знаменіи, когда затмится: «Есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сии луны Богъ положилъ не в предѣлахъ, якоже и прочіи звѣзды, но обтекають по всему небу, знамение творя или во гнѣвъ, или в милость. Егда заблудница, еже есть луна, подтечетъ от запада подъ солнце и закроетъ свѣтъ солнечный, и то затмѣние солнцу за гнѣвъ Божий къ людямъ бываетъ. Егда же бываетъ от востока луна подтекаетъ, и то, по обычаю шествіе творяще, закрываетъ солнце». ^{12*}

А в нашей Росіи бысть затмение солнцу въ 162 году предъ моремъ. ^{13*} Плыл Вольгою-рекою архіепископъ Симеонъ Сибирской, ^{14*} и в полудне тма бысть, передъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ; часа с три плачючи у берега стояли. Солнце померче, от запада луна подтекала, являя Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. В то время Никонъ-отступникъ вѣру казилъ ⁵ и законы церковныя — и сего ради Богъ излиалъ фіял гнѣва ярости своея на Русскую землю; зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Паки потомъ, минувъ годовъ с четырнатцеть, вдругорядъ затмѣние солнцу было въ Петровъ постъ, в пятокъ, въ час шестый, тма бысть, солнце померче, луна от запада же подтекала, гнѣвъ Божий являя, — протопопа Аввакума, бѣднаго горемыку,

⁴ творение Божие;

⁵ повреждал, искажал;

в то время с прочими в соборной церкви власти остригли^{15*} и на Угрѣше^{16*} в темницу, проклинавъ, бросили.

Вѣрный да разумѣет, что дѣлается в земли нашей за нестрое-ние церковное и разорение вѣры и закона. Говорить о том пре-станем, в день вѣка познано будет всѣми, потерпим до тѣхъ мѣсть.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Иисусѣ Наввинѣ во Израили, егда Иисус сѣкий иноплеменники и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полднях: ста Иисус крестообразно, сирѣчь разпростре руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сирѣчь назад отбѣжало, и паки потече; и бысть во дни том и в нощи тритцеть четыре часа. Понеже в десятый час назад отбѣжало, так в сутках десеть часов прибыло. И при Езекии-царѣ бысть знамение: оттече солнце назад во второй на десеть часъ дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов.^{17*} Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумѣшь.

Он же Дионисий пишет о небесныхъ силахъ, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу раздѣляяся деветь чиновъ на три троицы.^{18*} Престоли, херувими и серафими, освящение от Бога приемля, сице восклицаютъ: «Благословена слава от мѣста Господня!» И чрез ихъ преходит освящение на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти. Сия троица, славословя Бога, восклицаютъ: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По алфавиту, «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Низский толкует: «Аллилуйя — хвала Богу». А Василий Великий пишет: «Аллилуйя — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: слава тѣбѣ, Боже».^{19*} До Василия по-яху во церкви ангельския рѣчи: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» Егда же бысть Василий, и повелѣ пѣти двѣ ангельския рѣчи, а третьюю — человѣческую, сице: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебѣ, Боже!». У святыхъ согласно, у Дионисия и у Василия: трижды воспѣвающе, со ангелы славим Бога, а не четыре-жи по римской бляди. Мерско Богу четверичное воспѣвание сицевое: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебѣ, Боже». Да будет проклят сице поюще, с Никоном и с костелом римским!

Паки на первое возвратимся. Третья троица: силы, архангели, ангели, — чрез среднюю троицу освящение приемля, поютъ: «Святъ святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь

небо и земля славы его!»^{20*} Зри: тричислено и се воспѣвание. Пространно прѣчистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилась Василию, ученику Ефросина Псковскаго.^{21*} Велика во «аллилуйи» хвала Богу, а от зломудръствующих досада велика: по-римски Троицу святую в четверицу глаголють, Духу и от Сына исхождение являютъ.^{22*} Зло и проклято се мудрование Богом и святыми! Правовѣрных избави, Боже, сего начинания злаго о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, емуже слава нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Афонасий Великий рече: «Иже хочетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, еяже аще ⁶ кто целы и непорочны не соблюдает, кромѣ ⁷ всякаго недоумѣния, ⁸ во вѣки погибнетъ. Вѣра же кафолическая сия есть: да единого Бога в Троицѣ и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже существо раздѣляюще. Инь бо есть составъ Отець, инь — Сыновен, инь — Святаго Духа. Но Отчее, и Сыннее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприсносушно величество. Яковъ Отець, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святой». Вѣчень Отець, вѣчень Сынъ, вѣчень и Духъ Святой. Не созданъ Отець, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святой. Богъ — Отець, Богъ — Сынъ, Богъ — и Духъ Святой. Не три Бози, но един Богъ, не три Несозданнии, но един Несозданный. Равнѣ: Вседержитель — Отець, Вседержитель — Сынъ, Вседержитель — и Духъ Святой. Подобне: Непостижимъ Отець, Непостижимъ Сынъ, Непостижимъ и Духъ Святой. Не три Вседержители, но единъ Вседержитель, един Непостижимый. «И в сей святѣй Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более или мнѣе, но цѣлы три составы и соприсносусны суть себѣ и равны».^{23*} «Особно бо есть: Отцу — нерождение, Сыну же — рождение,

⁶ если;

⁷ без, помимо;

⁸ сомнения;

а Духу Святому — исхождение; обще же им — Божество и Царство». ^{24*}

Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣчении Бога Слова к вашему спасению. За благодсть щедрот излия себе от отеческих нѣдръ Сынъ, Слово Божие, в Дѣву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от Духа Свята и Марии дѣвы вочеловѣчився, нас ради пострадал, и воскресе в третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную Величества на высоких, и хоцетъ паки приити судити и воздати комуждо по дѣлом его, его же Царствию нѣсть конца.

И сие смотрение ⁹ в Бозѣ бысть прежде, да же не создатися Адаму, прежде, да же не вообразитися. ¹⁰ Рече Отець Сынови: «Сотворим челоуѣка по образу нашему и по подобію». И отвѣща другий: «Сотворим, Отче, и преступит бо». И паки рече: «О, единородный мой! О, свѣте мой! О, Сынѣ и Слове! О, сияние славы моя! Аще промышляеши ¹¹ созданием своим, подобает ти обещися в тлимаго челоуѣка, подобает ти по земли ходити, апостолы воспріяти, пострадати и вся совершити». И отвѣща другий: «Буди, Отче, воля твоя!» Посем создася Адам, и прочая. Аще хоцеши пространно разумѣти, чти «Маргарит», «Слово о вочеловѣчении», ^{25*} тамо обряцеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сиче всяк вѣруяй во нь ¹² не постыдится, а не вѣруяй осужден будет и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Афонасію. Сиче аз, протопоп Аввакумъ, вѣрую, сиче исповѣдаю, с симъ живу и умираю.

Рождение же мое в нижегородскихъ предѣлах, за Кудмою рекою, в селѣ Григоровѣ. ^{26*} Отець ми бысть священникъ Петръ, ^{27*} мати — Марія, инока Марфа. Отець мой прилѣжаше питія хмельнова, мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху Божию. Аз же, нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и в той ноци воставше, предъ образом плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть, и с тѣхъ мѣсть обыкох по вся ноци молитися.

Потом мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом.

⁹ промысл;

¹⁰ быть сотворенному по образу Божию;

¹¹ печешься Божественным промыслом;

¹² в него;

Изволила мати меня женить. Аз же прѣсвятѣй Богородице молихся, да даст ми жену — помощницу ко спасению. И в том же селѣ дѣвица, сиротина же, безпрестанно во церковь ходила, имя ей Анастасия.^{28*} Отець ея был кузнецъ, именем Марко, богатъ гораздо, а егда умре, послѣ ево вся истоцилося. Она же в скудости живяше и моляшеся Богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным. И бысть по воли Божии тако.

Посем мати моя отиде к Богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино мѣсто.^{29*} Рукоположен во дьяконы дватцети лѣт з годом и по дву лѣтех в попы поставлен; живый въ попѣхъ осмь лѣтъ и потом совершенъ¹³ в протопопы православными епископы,^{30*} тому дватцеть лѣтъ минуло, и всего тритцеть лѣтъ, какъ священство имѣю, а от рода на шестой десяток идетъ.

Егда аз в попѣхъ был, тогда имѣлъ у себя детей духовных много, по се время сотъ с пять или с шесть будет. Не почивая аз, грѣшный, прилѣжа во церквах, и в домѣхъ, и на распутьяхъ, по градом и селам, еще же и во царствующемъ градѣ, и во странѣ Сибирской, проповѣдуя и уча слову Божию, годовъ будет тому с полтретьятцеть.¹⁴

А егда еще былъ в попѣхъ, прииде ко мнѣ исповѣдаться дѣвица, многими грѣхми обременена, блудному дѣлу и малакии всякой повинна, нача мнѣ, плакавшеся, подробну возвѣщати во церкви, пред Евангелиемъ стоя. Аз же, треокаянный врачъ, слышавше от нея, сам разболѣвся, внутрь жгом огнемъ блудным.

И горко мне бысть в той час. Зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ к налою, и возложилъ правую руку на пламя, и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разжежение.

И отпустя дѣвицу, сложа с себя ризы, помолясь, пошелъ в дом свой зѣло скорбенъ; время же яко полнощи. И пришед в свою избу, плакався предъ образом Господним, яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучит мя Бог от детей духовных, понеже бремя тяжко, не могу носити. И падох на землю на лица своем, рыдаше горце, и забыхся лежа.

Не вѣмъ какъ, плачю, а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато. По единому кормщику на них сидѣльцов.

¹³ произведен, поставлен;

¹⁴ двадцать пять, два с половиной десятка;

И я спросилъ: «Чье корабль?» И онѣ отвѣщали: «Лукин и Лаврентиевъ», — сии быша ми духовныя дѣти, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными красотами испещренъ, красно, и бѣло, и сине, и черно, и пепелесо, егоже умъ человѣчь не вмѣстит красоты его и доброты; юноша свѣтель, на кормѣ сидя, править; бѣжит ко мнѣ из-за Волги, яко пожрати мя хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидя на нем отвѣщал: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, и з женою, и з дѣтми». И я вострепетахъ и, сѣдше, разсуждаю, что се видимое и что будетъ плавание.

А се по мале времени, по писанному, «объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя, скорбь и болѣзнь обрѣтох». ^{31*} У вдовы начальник отнял дочь. И аз молих его, да же сиротину возвратит к матери. И онѣ, презрѣвъ моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежал в забыти полчася и больши, паки оживе Божиим мановением. Он же, устращася, отступился мнѣ дѣвицы. Потом научил ево дьяволь: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по землѣ в ризах. А я молитву говорю въ то время.

Таже ¹⁵ инѣ начальник во ино время на мя разсвирипел: прибѣжавъ ко мнѣ в дом, бив меня, и у руки, яко пес, огрыз перьсты; и егда наполнилась гортань ево крови, тогда испустилъ из зубовъ своих мою руку и, меня покинувъ, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платом, пошел к вечернѣ. И на пути он же наскочил на меня паки со двема пистольми и запалил ис пистолы. И Божиимъ мановением на полке порох пыхнулъ, а пистоль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия запалил паки. Божия же воля так же учинила: пистоль и та не стрелила. Аз же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, осѣнил ево больною рукою и поклонился ему. Онѣ меня лаетъ, а я ему говорю: «Благодать во устнѣхъ твоих, Иванъ Родионович, да будет».

Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлѣба не дал. В то же время родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ сидит с матерью и з братом в землѣ закопан. ^{32*} Аз же, взяв клюку, а мать — некрещенова младенца, пошли

¹⁵ Потом;

з братьею и з домочадцы, амо¹⁶ же Богъ наставит, а сами, пошедь, запѣли божественныя пѣсни, евангельскую стихѣру, большимъ распѣвомъ, «На гору ученикомъ идущимъ за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему»,^{33*} — всю до конца, а предъ нами образы несли. Пѣвцовъ в дому моемъ было много, — поюще, со слезами на небо взираем. А провождающии жители того мѣста, мужи и жены и отрочата, множество народа, с рыданиемъ, плачуще и сокрушающе мое сердце, далече нас провожали в поле. Аз же, на обычномъ мѣсте став и хвалу Богу воздав, поучение прочеть и благословя, насили в дома ихъ возвратил; а з домашними впередъ побрели и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филиппъ древле.^{34*}

Егда же азъ прибрелъ к Москвѣ к духовнику цареву протопопу Стефану^{35*} и к другому протопопу, к Неронову Иванну,^{36*} они же обо мнѣ царю извѣстиша, и с тѣхъ мѣсть государь меня звать почал.

Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто. И я притащился — ано и стѣны разорены моихъ храминъ. И я паки позавелся, а дьяволъ и паки воздвигъ бурю. Приишоша в село мое плясовые медвѣди з бубьнами и з домрами, и я, грѣшникъ, по Христвѣ ревнуя, изгналъ ихъ, и хари¹⁷ и бубны изломалъ на поле един у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнял — одново ушибъ, и паки ожилъ, а другова отпустилъ в поле. И за сие меня бояринъ Василей Петровичъ Шереметевъ, едучи в Казань на воеводство в судне, браня много, и велѣлъ благословить сына своего бритобратца,^{37*} азъ же не благословилъ, видя любодѣйный образъ. И онъ меня велѣлъ в Волгу кинуть; и, ругавъ много, столкали с судна.

Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпѣвъ, приехавъ с людьми ко двору моему, стрелялъ изъ луковъ и ис пищалей с приступомъ. А я в то время, запершись, молился ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, имиже вѣси¹⁸ судбами!». Онъ же побѣжалъ отъ двора, гонимъ Святымъ Духомъ.

Таже в ночь ту прибѣжали отъ него, зовутъ меня к нему со слезами: «Батюшко-государь, Евфимей Стефановичъ при кончинѣ

¹⁶ куда;

¹⁷ маски, личины;

¹⁸ знаешь;

и кричит неудобно,¹⁹ бьет себя и охает, а сам говорить: „Дайте батька Аввакума, за него меня Богъ наказует!“» И я чаял — обманываютъ меня, ужасеся духъ мой во мнѣ, а се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матере моя, и от небытия в бытие мя устроил, аще меня задушатъ, причти мя с митрополитомъ Филиппомъ Московскимъ;^{38*} аще ли зарѣжутъ, и ты, Господи, причти мя з Захариею-пророкомъ;^{39*} аще ли посадятъ в воду, и ты, Владыко, яко и Стефана Пермскаго,^{40*} паки свободишь мя!»; и, молясь, поехал в дом к нему, Евфимию.

Егда же привезоша мя на двор, выбѣжала жена ево Неонила, ухватила меня под руку, а сама говорить: «Подитко, государь наш батюшко, подитко, свѣтъ наш кормилец!» И я сопротив: «Чюдно! Давеча был блядин сынъ, а топерва — батюшко миленькой. Большо у Христа-тово остра шелепуга²⁰ та, скоро повинился мужъ твой!»

Ввела меня в горницу — вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопить неизреченно: «Прости, государь, согрѣшил пред Богомъ и пред тобою!», а сам дрожитъ весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цѣль быти?» Он же, лежа, отвѣчал: «Ей, честный отче!» И я рекль: «Востани! Богъ простит тя». Он же, наказанъ гораздо, не могъ сам востати. И я поднял и положил ево на постѣлю, и исповѣдал, и маслом священным помазал, и бысть здрав, такъ Христос изволилъ. И з женою быша мнѣ дѣти духовные, изрядныя раби Христовы. Так-то Господь гордымъ противится, смиренным же даетъ благодать.^{41*}

Помале инии паки изгнаша мя от мѣста того. Аз же сволокся к Москвѣ, и Божию волею государь меня велѣлъ поставить въ Юрьевецъ Повольской^{42*} в протопопы. И тут пожил немного — только осмь недѣль. Дьяволь научил попов и мужиков и бабъ: пришли к патриархову приказу, гдѣ я духовныя дѣла дѣлал, и, вытаща меня ис приказу собранием, — человекъ с тысящу и с полторы их было, — среди улицы били батошьемъ и топтали. И бабы были с рычагами, грѣхъ ради моих убили за-мертва и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями при-бѣжал и, ухватя меня, на лошади умчалъ в мое дворишко и пушкарей около двора поставил. Людие же ко двору приступаютъ,

¹⁹ тяжело, не своим голосом;

²⁰ плеть, кнут;

и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималь от блудни, вопяты: «Убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ в ровь кинем!»

Аз же, отдохня, по трех дняхъ ночью, покиня жену и дѣти, по Волге сам-третей ушелъ к Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ — ано и тутъ протопопа же Даниила изгнали.^{43*} Охъ, горе! Вездѣ от дьявола житья нѣтъ!

Приехалъ к Москвѣ, духовнику показался. И онъ на меня учинился печален: «На што-де церковь соборную покинулъ?» Опять мнѣ другое горе! Таже царь пришелъ ночью к духовнику благословитца, меня увидялъ — тутъ опять кручина: «На што-де городъ покинулъ?» А жена, и дѣти, и домочадцы, чело-вѣкъ з дватцетъ, въ Юрьевце остались, невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты. Тутъ паки горе!

Посем Никонъ, другъ наш, привез из Соловковъ Филиппа митрополита.^{44*} А прежде его приезде Стефанъ духовникъ моля Бога и постясь седмицу з братьею — и я с ними тут же — о патриархе, да же дасть Богъ пастыря ко спасению душъ нашихъ.^{45*} И с митрополитомъ Корнилиемъ Казанскимъ,^{46*} написавъ челобитную^{47*} за руками, подали царю и царицѣ — о духовникѣ Стефане, чтобъ ему быть в патриархахъ. Он же не восхотѣлъ самъ и указалъ на Никона митрополита. Царь ево и послушал. И пишетъ к нему послание навстрѣчу: «Пресвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всеа Русии, радоватися», и прочая.

Егда же приехалъ, с нами — яко лис: челомъ да здорово; вѣдаетъ, что быть ему в патриархахъ, и чтобъ откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить! Царь ево на патриаршество зоветъ, а онъ бытто не хочетъ. Мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладываютъ,^{48*} какъ чему быть; и, много пружався,²¹ со дьяволомъ, взошелъ на патриаршество Божиимъ попусщениемъ, укрепя царя своимъ кознованиемъ²² и клятвою лукавою.

Егда бысть патриархомъ, такъ насъ и в Крестовую^{49*} не сталъ пускать. А се и ядъ отрыгнулъ: в Постъ великой прислалъ память^{50*} казанскому протопопу Ивану Неронову, — а мнѣ былъ отецъ духовной, я все у него и жилъ в церквѣ,^{51*} егда куды

²¹ наломавшись;

²² злымъ ухищрениемъ, кознями;

отлучится, ино я вѣдаю церковь. И к мѣсту говорили, на дворець ко Спасу,^{52*} да я не пораждѣлъ, или Богъ не изволил. Народу много приходило х Казаньской, такъ мнѣ любо — поучение чол безпрестанно. Лишо о братьях родных духовнику поговорил, и онѣ их в Верху у царевны, а инова при себѣ жить устроил, попом в церквѣ.^{53*} А я самъ, идѣже людие снемлются, там слово Божие проповѣдал, да при духовникове благословении и Неронова Иванна тѣшил надѣ книгами свою грѣшную душу о Христѣ Исусѣ. Таже Никонъ в памяти пишет: год и число, «по преданию-де святыхъ отецъ и апостоль, не подобает метания творити на колѣну, но в пояс бы вам класть поклоны, еше же и трема перѣсты бы есте крестились».

Мы, сошедъшеся со отцы, задумалися: видим, яко зима хошетъ быти, сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мнѣ приказал церковь, а сам скрылся в Чюдов,^{54*} седмицу един в полатке²³ молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспѣ страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мнѣ, плачючи, сказал, таже епископу Коломенскому Павлу, егоже Никон напослѣдок в новгородскихъ предѣлах огнемъ зжегъ;^{55*} потом Даниилу, Костромьскому протопопу, и всей сказал братье. Мы же з Данилом, ис книгъ написавъ выписки о сложении перѣсть и о поклонѣхъ, и подали государю,^{56*} много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрыл их, мнит ми ся — Никону отдал.

Послѣ тово вскорѣ, схватавъ Никонъ Даниила, остриг при царѣ за Тверскими вороты;^{57*} и, содравъ однарятку, ругавъ, отвел в Чюдов, в хлѣбню, и, муча много, сослал в Астрахань. Возложя на главу там ему венец терновъ, в земляной тюрмѣ и уморили. Таже другова, Темниковскаго протопопа Даниила,^{58*} посадил у Спаса на Новом.^{59*} Таже — Неронова Иванна: в церквѣ скуфью снял и посадил в монастырѣ Симанове и послѣ на Вологду сослалъ въ Спасов Каменной монастырѣ, потом в Кольской острогъ.^{60*}

Посем меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрельцами; человекъ со мною с шестьдесят взяли;^{61*} их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворѣ на чепь посадили ночью. Егда же розсвѣтало, в день недѣльный,²⁴ посадили меня на

²³ комнатке, келье;

²⁴ воскресный;

тельгу, ростеня руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря^{62*} и тутъ на чеши кинули в темную полатку, ушла вся в землю. И сидѣлъ три дни, ни ел, ни пил; во тѣмъ сидя, кланялся на чеши, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мнѣ не приходил, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Таже во исходѣ третьихъ сутокъ захотѣлося есть мнѣ, послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ — человекъ, не вѣмъ — ангель, и по се время не знаю, токмо в потемкахъ, сотворя молитву и взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки далъ и хлѣбца немношко, и штець дал похлебать, — зѣло прикусны, хороши, — и рекъ мнѣ: «Полно, довлѣетъ ти ко укреплению!» И не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало. Чюдно только — человекъ, а что же — ангелу ино вездѣ не загорожено.

Наутро архимарит з братьею вывели меня, журят мнѣ: «Что патриарху не покорисся?» И я от Писания ево браню. Сняли большую чепь и малую наложили. Отдали чернѣцу под началь,²⁵ велѣли в церковь волочить. У церкви за волосы дерутъ, и под бока толкають, и за чепь торѣгають, и в глаза плюють. Богъ их простит в сий вѣкъ и в будущий, не их то дѣло, но дьявольское.

Тутъ же в церквѣ у нихъ былъ нашъ братъ подначальной ис Хамовниковъ, пьянѣства ради преданъ бѣсомъ, и гараздо бѣсился, томим от бѣсовъ. Аз же зъжалихся, грѣшной, об немъ: в обѣдню, стоя на чеши, Христа-свѣта и прѣчистую Богородицу помолил, чтоб ево избавили от бѣсовъ. Господь же ево, бѣднава, и простил: бѣсовъ отгналъ. Он же целоумень сталь, заплакавъ и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказал, чтоб про меня не сказал никому; людие же не догадались о семъ, учили звонить и молебень пѣть.

Сидѣлъ я тутъ четыре недѣли. Послѣ меня взяли Логина, протопопа Муромскаго.^{63*} В соборной церквѣ при царѣ остриг ево овчеобразный волкъ в обѣдню во время переноса, егда снялъ у архидьякона со главы дискос и поставил на прѣстоле Тѣло Христово. А с чашею архимаритъ чюдовъской Ферапонтъ внѣ ольтаря при дверехъ царьскихъ стоял. Увы, разсѣчения Тѣлу и Крови Владыки Христа! Пущи жидовскаго дѣйства игрушка

²⁵ под надзор;

сия! Остригше, содрали с Логина однартку и кафтан. Он же разжегъся ревностию Божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог ольтарной в глаза ему плевалъ, и, распоясався, схватя с себя рубашку, во ольтарь Никону в глаза бросил.

Чюдно! Растопоряся, рубашка покрыла дискос с Тѣлом Христовым и прѣстолю. А в то время и царица в церквѣ была. На Логина же возложя чепь и потаща ис церкви, били метлами и шелепами до Божоявленскаго монастыря,^{64*} и тутъ кинули нагова в полатку и стрельцов на карауле накрѣпко учинили. Ему же Богъ в ту ночь дал новую шубу да шапку. И наутро Никону сказали. Он же, разсмѣваясь, говорит: «Знаю-су я пустосвятость тѣхъ!» И шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Посем паки меня из монастыря водили пѣшева на патриарховъ двор, по-прежнему ростяня руки. И стязався многу со мною, паки отвели так же. Таже въ Никитин день со кресты ходъ, а меня паки противъ крестов везли на тѣлеге. И привезли к соборной церкви стричь меня так же. И держали на пороге в обѣдню долго. Государь сошел с мѣста и, приступя к патриарху, упросил у него. И, не стригше, отвели в приказ Сибирской^{65*} и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ с нами стражет же за православную вѣру, — Саватѣй-старецъ,^{66*} сидитъ в земляной тюрьмѣ у Спаса на Новомъ. Спаси ево, Господи, и тогда мнѣ добро дѣлал.

Таже послали меня в Сибирь в ссылку з женою и дѣтми.^{67*} И колико дорогою было нужды, тово всево говорить многу, развѣ малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телѣге и потащили, до Тобольска три тысячи версть, недѣль с тринадцеть волокли телѣгами и водою и санми половину пути.

Архиепископъ Симеонъ Сибирской — тогда добръ был, а нынѣ учинился отступникъ — устроилъ меня в Тобольске к мѣсту.^{68*} Тутъ, живучи у церкви, великия беды постигоша мя. Пятья²⁶ слова государевы сказывали на меня^{69*} в полтара годы. И един нѣкто, двора архиепископя дьякъ Иван Струна, тот и душею моею потряс; сице. Владыка съехал к Москвѣ, а онъ без него, научением бѣсовским и кознями, напалъ на меня, — церкви моя дьяка Антония захотѣлъ мучить напрасно.^{70*} Он же Антон утече у него и прибѣжал ко мнѣ во церковь. Иван же

²⁶ Пять раз;

Струна, собрався с людьми, во ин день прииде ко мнѣ во церковь — а я пою вечерню — и, вскоча во церковь, ухватил Антона на крылосѣ за бороду. А я в то время затворил двери и замкнуль, никою не пустилъ в церковь, один онъ Струна вертится, что бѣсь, во церквѣ. И я, покиня вечерню, со Антономъ посадя ево на полу, и за мятеж церковной постегаль ременемъ нарочито-таки. А прочии, человекъ з дватцетъ, вси побѣгоша, гоними духом. И покаяние принявъ от Струны, к себѣ отпустил ево паки. Сродницы же ево, попы и чернцы, весь град возмутили, како бы меня погубить. И в полнощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня, взяв, в воду свети. И Божиимъ страхом отгнани быша и вспять побѣгоша.

Мучился я, от них бѣгаючи, с мѣсяць. Тайно иное в церквѣ начую, иное уйду к воеводѣ.^{71*} Княиня меня в сундукъ посылала: «Я-де, батюшко, нат тобою сяду, какъ-де придут тебя искать к намъ». И воевода от нихъ, мятежниковъ, боялся, лишю плачетъ, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просилься, — ино не пустят. Таково-то время было. Провожал меня много Матфей Ломковъ,^{72*} иже и Митрофан в чернцах именуем, на Москвѣ у Павла митрополита^{73*} ризничим был, как стригъ меня з дьякономъ Афонасьемъ.^{74*} Тогда в Сибири при мнѣ добръ был, а опослѣ проглотил ево дьявол: отступил же от вѣры.

Таже приехал с Москвы архиепископъ, и мнѣ мало-мало лехче стало. Правильною виною посадил ево, Струну, на чепь за сие: человекъ нѣкий з дочерью кровосмѣшение сотвориль, а онъ Струна, взявъ с мужика полтину, не наказавъ, отпустил. И владыка ево за сие сковать приказал и мое дѣло тут же помянулъ.^{75*} Он же Струна ушел к воеводам в приказ и сказалъ слово и дѣло государево на меня.^{76*} Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову за приставъ.^{77*} Увы, Петру погибель пришла! Подумавъ, архиепископъ по правилам за вину кровосмѣшения стал Струну проклинать в церквѣ. Петръ же Бекѣтов в то время, браня архиепископа и меня, изшедь ис церкви, взбѣсился, идучи ко двору, и падъ, издше,²⁷ горкою смертию умре. Мы же со владыкою приказали ево среди улицы вергнути псом на снадѣние, да же граждана оплачют ево согрѣшение; и сами три дни прилѣжне Божеству стужали об нем, да же отпустится ему в день вѣка от Господа: жалѣя Струны,

²⁷ испустил дух;

таковую пагубу приял; и по трех днех тѣло его сами честнѣ погребли. Полно тово говорить плачевнова дѣла.

Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Аѣну вести,^{78*} за сие, что браню от Писания и укаряю Никона-еретика. В то же время пришла с Москвы грамотка ко мнѣ: два брата, жили кои у царя в Верху, умерли з женами и дѣтми.^{79*} И многия друзья и сродники померли жо в мор. Излиял Богъ фиял гнѣва ярости своя на всю Русскую землю за раскол церковный, да не захотѣли образумитца. Говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицал три пагубы: морь, мечь, разделение,^{80*} — вся сия збылось во дни наша, — а опослѣ и самъ, милой, принужденъ трема перѣсты креститца. Таково-то попущено дѣйствовать антихристову духу, по Господню речению, «Аще возможно ему прельстити и избранныя»^{81*} и «Всяк мняйся стояти да блюдется, да ся не падет».^{82*} Што тово много и говорить! Того ради, неослабно ища правды, всяк, молися Христу, а не дряхлою душею о вѣре прилежи, так не покинет Богъ. Писанное внимай: «Се полагаю в Сионѣ камень претыканию и камень соблазну»,^{83*} вси бо не сходящиися с нами о нем претыкаются или соблажняются. Разумѣешь ли сие? Камень — Христос, а Сионъ — Церковь, а блазнящиися — похотолюбцы и вси отступницы, временных ради о вѣчном не брегуть, просто молить, дьяволю волю творят, а о Христовѣ повелѣнии не радят. Но аще кто преткнется о камень сей — сокрушится, а на немже камень падет, сотреть²⁸ его. Внимай-ко гораздо и слушай, что пророкъ говорит со апостолом: что жорновъ дурака в муку перемелет; тогда узнаеть всяк высокосердечный, какъ скакать по холмам перестанет, сирѣчь от всѣхъ сихъ упразднится. Полно тово.

Паки стану говорить, какъ меня по грамотѣ ис Тобольска повезли на Аѣну.

А егда въ Енисѣйскъ привезли, другой указ пришел: велено в Дауры вести, тысящъ з дватцеть от Москвы и больши будет. Отдали меня Афонасью Пашкову:^{84*} онъ туды воеводою посланъ, и, грѣхъ ради моих, суровъ и безчеловѣчен человекъ, бьет безпрестанно людей, и мучит, и жжетъ. И я много разговаривал ему, да и сам в руки попал, а с Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

²⁸ сотрет, расплющит;

Поехали из Енисѣйска.^{85*} Егда будем в Тунгуске-рекѣ,^{86*} бурею дощеникъ мой в воду загрузило, налилсь среди реки полон воды, и парус изорвало, одны полубы наверху, а то все в воду ушло. Жена моя робять кое-какъ вытаскала наверхъ, а сама ходит простоволоса, в забытии ума, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!» И Божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить. На другом дощенике двухъ человѣкъ сорвало, и утонули в водѣ. Оправяся мы, паки поехали вперед.

Егда приехали на Шаманской порогъ, навстрѣчу нам приплыли люди, а с ними двѣ вдовы, — одна лѣтъ въ 60, а другая и болши, плвуть пострижися въ монастырь. А онъ Пашков сталь их ворочать и хочет замужъ отдать. И я ему сталь говорить: «По правилам не подабаеъ таковыхъ замужъ давать». Он же, осердясь на меня, на другомъ пороге стал меня из дощеника выбивать: «Еретик-де ты, для-де тебя дощеникъ худо идетъ, поди-де по горам, а с казаками не ходи!»

Горе стало! Горы высокіе, дебри непроходимыя, утес каменной яко стена стоит, и поглядѣть — заломя голову. В горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе, в них же витають гуси и утицы — періе красное; тамо же вороны черныя, а галки — сѣрыя, измѣнено при русскихъ птицахъ имѣють періе. Тамо же орлы, и соколы, и кречата, и курята индѣйскіе, и бабы, и лебеди, и иныя дикіе, многое множество птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляють звѣри дикіе: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикіе; во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ же горы Пашковъ выбивал меня со звѣрми витать.

И азъ ему малое писанейце послал,^{87*} сиче начало: «Человѣче, убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающаго в безны, егоже трепещуть небо и земля со человѣки и вся тварь, токмо ты един презираешъ и неудобство к нему показуешъ», и прочая там многоныко писано. А се — бегуть человѣкъ с пятьдесят, взяли мой дощеникъ и помчали к нему, версты с три от него стояль. Я казакамъ каши с маслом наварил да кормлю их, и онѣ, бедныя, и едят, и дрожать, а иныя плачють, глядя на меня, жалѣя по мнѣ.

Егда дощеникъ привели, взяли меня палачи, привели передъ него. Он же и стоит, и дрожить, шпагою потѣпершись. Начал мнѣ говорить: «Поп ли ты или роспоп?» И я отвѣщал: «Азъ есмь Аввакумъ протопоп. Что тебѣ дело до меня?» Он же,

рыкнувъ яко дивий звѣрь, и ударил меня по щоке, и паки по другой, и в голову еще; и збилъ меня с ногъ, ухватил у слуги своево чеканъ и трижды по спинѣ, лежачева, зашибъ, и, разболочки, — по той же спинѣ семьдесят два удара кнутом. Палач бьет, а я говорю: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мнѣ!» Да тожъ, да тожъ говорю. Так ему горько, что не говорю: «Пощади». Ко всякому удару: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помогай мнѣ!» Да о серединѣ-той вскричалъ я: «Полно бить-тово!» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолыла ему: «За что ты меня бьешь, вѣдаешь ли?» И онъ паки велѣлъ бить по бокам. Спустили. Я задрожалъ да и упал; и он велѣлъ в казенной дощеник оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть.^{28a}

Осень была, дождь на меня шель и в побои, и в ночь. Какъ били, так не больно было с молитвою-тою, а лежа на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил таково больно убить-тово меня? Я веть за вдовы твои сталь! Кто дастъ судию между мною и тобою! Когда воровалъ,²⁹ и ты меня такъ не оскорблялъ,³⁰ а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшил!» Бытто доброй челоувѣкъ, другой фарисей, погибельный сынъ, з говенною рожею праведником себя наменилъ да со Владыкою, что Иевъ непорочной, — на судь.^{88*} Да Иевъ хотя бы и грѣшенъ, ино нельзя на него подивить, внѣ Закона живый, Писания не разумѣлъ, в варварьской землѣ живя, аще и того же рода Авраамля, но поганова колѣна. Внимай: Исаакъ Авраамович роди сквернова Исава, Исавъ роди Рагуила, Рагуиль роди Зара, Зара же — праведнаго Иева.^{89*} Вотъ смотри, у ково Иеву добра научитца, — всѣ прадеды идолопоклонники и блудники были. Но от твари³¹ Бога уразумѣвъ, живый праведный непорочно и, въ язвѣ лежа, изнесе глаголь от недоразумѣния³² и простоты сердца: «Изведый мя ис чрева матере моея, кто дастъ судию между мною и тобою, яко тако наказуеши мя; ни аз презрѣхъ сироты и вдовицы, от острига овецъ моихъ плещи нищих одѣвахуся!»^{90*} И сниде Богъ к нему, и прочая. А я таковая же дерзнухъ от коего разума? Родихся во Церквѣ, на Законѣ почиваю, Писанием

^{28a} беть — бревно, которое закрепляется поперек барки, с борта на борт;

²⁹ грешил, безобразничал;

³⁰ наказывал;

³¹ творения;

³² от недомыслия, от несовершенного разума;

Ветхаго и Новаго Закона огражденъ, вожда себя помышляю быти слепымъ, а самъ слѣпъ извнутри. Какъ дощеник-отъ не погряз со мною! Стало у меня в тѣ поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашло, да и умирать стал. Воды мнѣ в ротъ плеснули, так вздохнул да покаялся пред Владыкою, да и опять перестало все болѣть.

Наутро кинули меня в лотку и наперед повезли. Егда приехали к порогу Падуну Большому, — река о томъ мѣсте шириною с версту, три залавка гораздо круты, аще не воротами што поплывет, ино в щепы изломает. Меня привезли под порог: сверху дождь и снѣгъ, на плечах одно кафтанишко накинута просто, льетъ по спинѣ и по брюху вода. Нужно³³ было гораздо. Из лотки вытащили, по каменью, скована, около порога тово тащили. Да уж³⁴ к тому не³⁵ пняю на Спасителя своего, но пророком и апостолом утѣшаюся, в себѣ говоря: «Сыне, не пренемогай наказаниемъ Господним, ниже ослабѣй, от него обличаем. Егоже любит Богъ, того и наказует. Биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще³⁶ наказание терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте».^{91*}

Таже³⁷ привезли в Брацкой острог^{92*} и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидѣл до Филипова посту в студеной башне. Там зима в тѣ поры живет, да Богъ грѣлъ и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спинѣ-той нельзя было. Коли покормят, коли нѣтъ. Есть-тово послѣ побой тѣхъ хочется, да веть-су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ. Да безчинники ругались надо мною: иногда одново хлѣбца дадутъ, а иногда ветчинки одно невареной, иногда масла коровья, без хлѣба же. Я-таки, что собака, так и емъ. Не умывался веть. Да и кланяться не смогъ, лише на крестъ Христовъ погляжу да помолитвую. Караульщики по пяти человекъ одалъ стоят. Щелька на стенѣ была, — собачка ко мнѣ по вся дни приходила, да поглядит на меня. Яко Лазаря во гнюю у вратѣхъ богатаго пси облизаву гной его,^{93*} отраду

³³ тяжело, трудно;

³⁴ ³⁵ больше не;

³⁶ если;

³⁷ потом, затем;

ему чинили, тако и я со своею собачкою поговаривал. А чело-вѣцы далече окрестъ меня ходят и поглядѣть на тюрьму не смѣ-ютъ. Мышей много у меня было, я их скуфьею бил: и батошка не дали; блох да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «Прости!», да сила Божия возбранила, велено терпѣть.

В шестую недѣлю послѣ побой перевелъ меня в теплую избу, и я тутъ с аманатами и с собаками зимовал скован. А жена з дѣтми верстъ з дватцетъ была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучи, браня, зиму ту там, в мѣсте пустом.

Сынъ Иванъ еще невелик былъ, прибрел ко мнѣ побывать послѣ Христова Рожества, и Пашковъ велѣлъ кинуть в студеную тюрьму, гдѣ я преже сидѣлъ. Робячье дѣло — замерзъ было тутъ; сутки сидѣлъ, да и опять велѣлъ к матерѣ протолкать; я ево и не видал. Приволокся — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали вперед. Все разорено: и запас, и одежда, и книги — все растащено. На Байкалове море паки тонул. По рекѣ по Хилку^{34*} заставилъ меня лямку тянуть; зѣло ну-женъ³⁸ ходъ ею былъ: и поестъ нѣколи было, нежели спать; це-лое лѣто бились против воды. От тяготы водяныя в осень у лю-дей стали и у меня ноги пухнуть и животь посинялъ, а на дру-гое лѣто и умирать стали от воды. Два лѣта бродилъ в водѣ, а зимами волочился за волоки чрез хрелты.

На том же Хилъке в третье тонул. Барку от берегу оторвало; людские стоятъ, а меня понесло; жена и дѣти остались на бере-гу, а меня сам-другъ с кормщиком понесло. Вода быстрая пере-ворачивает барьку вверхъ дномъ и паки полубами, а я на ней ползаю и кричу: «Владычице, помози! Упование, не погрузи!» Иное ноги в водѣ, а иное выползу наверхъ. Несло с версту и больши, да переняли; все розмыло до крохи. Из воды вышедъ, смеюсь, а люди те охаютъ, глядя на меня, платье-то по кустамъ вѣшаютъ. Шубы шелковые и кое-какие бездѣлицы-той было много еще в чемоданах да в суммах — с тѣхъ мѣстъ все перегни-ло, наги стали.

А Пашковъ меня же хотѣлъ бить: «Ты-де надъ собою дѣла-ешь на смѣхъ». И я-су, в кустъ зашедъ, ко Богородице припаль: «Владычице моя, пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и так спина болитъ!» Так Богородица-свѣтъ и уняла — стал по мнѣ тужить.

³⁸ труден, тяжел;

Доехали до Ирѣнгеня-озера.^{95*} Волокъ тутъ, стали волочитца. А у меня работников отнялъ, инымъ нанятца не велить. А дѣти были малѣньки: таскать нѣ с кѣмъ, одинъ бѣдной протопоп. Здѣлал нарту и зиму всю за волок бродилъ. У людей и собаки в подпрышках, а у меня не было одинова, лишо двухъ сынов, — маленьки еще были Иванъ и Прокопей, тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волокъ — верѣсть со сто; насилу, бѣдные, и перебрали. А протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила. А дочь Огрофена брела-брела да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною помаленку тащили. И смѣх, и горе, как помянутся дние оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ поваляться, а мать по кусочку прыничка имъ дастъ, и онѣ, съедши, опять лямку потянутъ.

И кое-какъ перебились волок да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба Мамѣврийска.^{96*} Не пустил нас и в засѣку Пашковъ сперва, дондѣже натѣшился; и мы недѣлю-другую мерзали подъ сосною с робята одни кромѣ людей на бору; и потом в засѣку пустилъ и указал мнѣ мѣсто. Такъ мы с робята огородились, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили. И как до воды домаялись весною, на плотах поплыли на низ по Ингодѣ-реке; от Тобольска четвертое лѣто.

Лѣсъ гнали городской и хоромной, есть стало нѣчева, люди стали мереть з голоду и от водяныя бродни. Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, лишо станут бить, ано и умереть, и без битья насилу человекъ дышитъ. С весны по одному мешку солоду дано на десеть человекъ на все лѣто, да-петь работай, никуда на промыслъ не ходи. И верѣбы, бѣдной, в кашу ущипать збродит — и за то палькою по лбу: «Не ходи, мужикъ, умри на работѣ». Шестъ сотъ человекъ было, всѣхъ так-то перестроилъ. Охъ, времени тому, не знаю, какъ умъ у него изступил!

Однарятка московская жены моя не згнила, по-рускому рублевъ в полтретьятцеть,³⁹ а по тамошнему и больши. Дал нам четьрѣ мешка ржи за нея, и мы с травою перебивались. На Нерче-реке всѣ люди з голоду померли, осталось небольшое мѣсто. По степямъ скитаяся и по лѣсу, траву и корение копали, а мы с ними же, а зимою сосну. Иное кобылятины Богъ дастъ,

³⁹ двадцать пять, два с половиной десятка;

а иное от волковъ пораженныхъ зверей кости находили и, что у волка осталось, то мы глодали; а иные и самыхъ озяблыхъ волковъ и лисицъ ели.

Два у меня сына в тѣхъ умерли нуждахъ.^{97*} Невелики были, да однако дѣтки. Пускай ихъ, негдѣ ся дѣнуть. А с прочими, скитающиеся наги и боси по горамъ и по острому камению, травую и корениемъ перебывались. И самъ я, грѣшной, причастенъ мясамъ кобыльимъ и мертвечьимъ по нужде. Но помогала намъ по Христѣ боляроня, воеводьская сноха Евдокья Кириловна,^{98*} да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна.^{99*} Онѣ намъ от смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтобъ онѣ не свѣдал. Иногда пришлютъ кусокъ мяса, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, колько сойдется — четверть пудика и гривенку-другую, а иногда и полпудика, и пудикъ передастъ, накопя, а иногда у куровъ корму нагребетъ. И тое великие нужды было годовъ с шесть и больши. А во иные годы Богъ отрадил.

А онѣ Афонасей, навѣтуя, мнѣ безпрестанно смерти ищет. В той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ двѣ вдовы, — сѣнныя любимыя ево были, Марія да Софья, одержимы духомъ нечистымъ. Ворожа и кольдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ,^{100*} — зѣло жестоко ихъ бѣси мучатъ, кричатъ и бьются. Призвавъ меня и говоритъ, поклоняся: «Пожалуй, возьми ихъ ты и попекися объ нихъ, Бога моля, послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщалъ: «Выше, — реку, — государь, мѣры прошение, но за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ, бѣдныхъ.

Простите, Господа ради! Во искусь то на Руси бывало — человекъ три-четыре бѣшаныхъ в домѣ моемъ бывало приведшихъ, и за молитвъ святыхъ отецъ, исхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣниемъ Бога живаго и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, свѣта. Слезами и водою покроплю и масломъ помажу во имя Христова, молебная пѣвше, — и сила Божия отгоняше отъ человекъ бѣсы, и здрави бываху, не по моему достоинству, но по вѣре приходящихъ. Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ,^{101*} и при Улиане-мученике — рысью, и при Сисинии — оленемъ:^{102*} говорили человекъскимъ гласомъ. Богъ идѣже хочетъ, побѣждается естества чин.^{103*} Чти житие Феодора Едесскаго, тамъ обрящещи — и блудница мертваго воскресила.^{104*} В Кормчей писано: «Не всѣхъ Духъ Святыи рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика».^{105*}

Таже привели ко мнѣ бабѣ бѣшаныхъ. Я, по обычаю, сам постился и имѣ не давалъ есть. Молебѣствовалъ и масломъ мазалъ и, какъ знаю, дѣйствовалъ. И бабы о Христѣ целоумны стали. Христосъ избавилъ ихъ, бѣдныхъ, отъ бѣсовъ. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ; живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и домой не идутъ.

Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинилися дочери духовныя, осердился на меня опять пущи и старова, хотѣлъ меня в огнѣ жечь: «Ты-де вывѣдываешь мое тайны»; а ихъ домой взялъ. Онъ чаялъ, Христосъ просто покинетъ — ано и старова пущи стали бѣситца. Заперъ ихъ в пустую избу, ино никому приступу нѣтъ к нимъ. Призвалъ к нимъ чернова попа, и онъ в него полѣниемъ бросаютъ. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что. И приступитъ ко двору не смѣю: больно сердить на меня. Тайно послалъ к нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напоить. И имѣ, бѣднымъ, далъ Богъ, лехче отъ бѣсовъ стало. Прибтели ко мнѣ сами тайно. И я ихъ помазалъ во имя Христова масломъ, такъ опять стали, далъ Богъ, по-старому здоровы и опять домой сошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали Богу молитца.

Ну-су, всякъ правовѣрный, разсуди прежде Христова суда: какъ было мнѣ ихъ причастить, не исповѣдавъ? А не причастивъ, ино бѣсовъ совершенно не отгонишь. Я инова оружия на бѣсовъ не имѣю, токмо крестъ Христовъ, и священное масло, и вода святая, да коли сойдется, слезъ каплю-другую тутъ же прибавлю; а совершенно исцеление бѣсному — исповѣдаю и причащю Тѣла Христова, такъ, даетъ Богъ, и здравъ бываетъ. За што было за то гнѣваются? Явно в немъ бѣсъ дѣйствовалъ, навѣтуя ево спасению.

Да ужъ Богъ ево проститъ. Постригъ я ево и поскимилъ, к Москвѣ приехавъ: царь мнѣ ево головою выдалъ, Богъ такъ изволилъ. Много о томъ Христу доуки было, да слава о немъ Богу. Давалъ мнѣ на Москвѣ и денегъ много, да я не взялъ: «Мнѣ, — реку, — спасение твое тощю надобно, а не деньги; постригись, — реку, — такъ и Богъ проститъ». Видитъ бѣду неминуемую, — прислалъ ко мнѣ со слезами. Я к нему на дворъ пришелъ, и онъ палъ предо мною, говоритъ: «Воленъ Богъ да ты и со мною». Я, простя ево, с чернѣцами с чюдовскими постригъ ево и поскимилъ. А Богъ ему же еще трудовъ прибавилъ, потому доуки моея об немъ ко Христу было, чтобъ ево к себѣ присвоилъ: рука и нога у него же отсохли, в Чюдове ис кѣльи не исходитъ. Да любо

мнѣ сильно, чтоб ево Богъ Царствию Небесному сподобил. Докучаю и нынѣ об нем, да и надѣюся на Христову милость, чаю, помилует нас с ним, бѣдных. Полно тово, стану паки говорить про даурьское бытие.

Таже с Неръчи-реки назад возвратилися к Русѣ.^{106*} Пять недѣль по льду голому ехали на нартах. Мнѣ под робятъ и под рухлишко дал двѣ клячки, а сам и протопопица брели пѣши, убивающеса о лед. Страна варварьская, иноземцы немирные, отстать от лошадей не смѣем, а за лошадыми итти не поспѣемъ, голодные и томные⁴⁰ люди. Вьную пору протопопица, бѣдная, брела-брела да и повалилась, и встать не сможет. А иной томной же тут же взвалился: оба карамкаются, а встать не смогутъ. Опослѣ на меня, бѣдная, пеняет: «Долго ль-де, протопопъ, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самыя до смерти». Она же противъ тово: «Добро, Петрович, и мы еще побредем вперед».

Курочка у нас была чернѣнька, по два яичка на всяк день приносила, Богъ такъ строил робяти на пищу. По грѣхом, в то время везучи на нартѣ, удавили. Ни курочка, ништо чудо была, по два яичка на день давала. А не просто нам и досталась. У боярони куры всѣ занемогли и переслѣпли, пропадать стали; она же, собравъ их в коробъ, прислала ко мнѣ, велѣла об них молитца. И я, грѣшной, молебен пѣлъ, и воду святилъ, и куры кропил, и, в лѣсъ сходя, корыто имъ здѣлал, и отослал паки. Богъ же, по вѣре ея, и исцелилъ их. От тово-то племяни и наша курочка была.

Паки приволоклись на Иргень-озеро. Бояроня прислала-пожаловала сковородку пшеницы, и мы кутыи наелись.

Кормилица моя была бояроня та Евдокѣя Кириловна, а и с нею дьяволь ссорилъ, сице. Сынъ у нея былъ Симеонъ, тамъ родился; я молитву давал и крестил. На всяк день присылала ко благословению ко мнѣ. Я крестом благословя и водою кроплю, поцеловав ево, и паки отпускаю, — дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома, занемогъ младенец. Сма-лодушничавъ, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. И я, свѣдавъ, осердился же на нея, и межъ нами пря⁴¹ велика стала быть.

⁴⁰ измученные, истомившиеся;

⁴¹ распря;

Младенец пуци занемог: рука и нога засохли, что батошки. В заторь пришла, не знает, дѣлать что. А Богъ пуци угнетает: робеночек на кончину пришель. Пѣстуны, приходя, плачють ко мнѣ, а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себѣ одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко Владыке, чтоб образумил ея.

Господь же премилостивый Богъ умягчил ниву сердца ея: прислала наутро Ивана, сына своего, со слезами прощения просить. Он же кланяется, ходя около печи моея, а я на печи нагъ под берестом лежу, а протопопица в печи, а дѣти кое-гдѣ перебиваются: прилучилось в дождь, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы-колдуна». Потом и больнова принесли и положили пред меня, плача и кланяся. Аз же, воставъ, добыл в грязи патрахѣль и масло священное нашолъ; помоля Бога и покадя, помазаль маслом во имя Христово и крестомъ благословиль. Младенецъ же и здрав паки по-старому сталь, с рукою и с ногою, манием Божественымъ. Я, напоя водою, и к матери послалъ.

Наутро прислала бояроня пироговъ да рыбы; и с тѣхъ мѣсть помирился. Выехавъ из Дауръ, умерла, миленькая, на Москвѣ; я и погребаль ея в Вознесенском манастырѣ.

Свѣдал про младенца Пашков и самъ, она сказала ему. Я к нему пришель, и онъ поклонился низенько мнѣ, а сам говоритъ: «Господь тебѣ воздаст; спаси Богъ, что отечески творишь, не помнишь нашева зла». И в тотъ день пици довольно прислал.

А послѣ тово вскорѣ маленько не стал меня пытатъ. Послушай-ко, за что. Отпускаль онъ сына своего Еремѣя^{107*} в Мунгальское царство^{108*} воевать — казаковъ с ним 72 человекъ да тунгусов 20 человекъ — и заставил иноземца шаманить, сирѣчь гадать, удасться ли им поход и з добычаю ли будутъ домой. Волхвов же той мужик близ моего зимовья привель живова барана ввечеру и учал над ним волхвовать; отвертя голову прочь, и начал скакать и плясать и бѣсов призывать, крича много; о землю ударился, и пѣна изо рта пошла. Бѣси ево давили, а онъ спрашивал их, удасться ли поход. И бѣси сказали: «С побѣдою великою и з богатством большим будете назад».

Охъ, душе моей! От горести погубил овцы своя, забыл во Евангелии писанное, егда з Зеведеевичи на поселян жестоких

совѣтовали: «Господи, аще хочеши, — речевѣ, — да огонь снидетъ с небесе и потребитъ ихъ, якоже и Илия сотвори». Обращъ же ся Исусъ и рече имъ: «Не вѣста,⁴² коего духа еста⁴³ вы. Сынъ бо Человѣческий не прииде душъ человѣческихъ погубити, но спасти». И идоша во ину весь.^{109*} А я, окаянной, здѣлалъ не такъ; во хлѣвинѣ своей с воплем Бога молил, да не возвратится вспять ни един, да же не збудется пророчество дьявольское; и много молился о томъ.

Сказали ему, что я молюся такъ, и онъ лише излаялъ в тѣ поры меня, отпустилъ сына с войскомъ.

Поехали ночью по звѣздамъ. Жаль мнѣ их; видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть, а сам-таки молю погибели на них. Иные, приходя ко мнѣ, прощаются, а я говорю имъ: «Погибнете тамъ!» Какъ поехали, так лошади под ними взоржали в другъ, и коровы ту взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужасъ напал на всѣхъ. Еремѣй прислалъ ко мнѣ вѣсть, «чтобъ батюшко-государь помолился за меня». И мнѣ ево сильно жаль: другъ мнѣ тайной былъ и страдал за меня. Какъ меня отецъ ево кнутомъ билъ, сталъ разговаривать отцу, такъ кинулся со шпагою за ним. И какъ на другой порогъ приехали, на Падун, 40 дощениковъ всѣ в ворота прошли безъ вреда, а ево, Афонасьевъ, дощеникъ, — снасть добрая была, и казаки, всѣ шесть сотъ, промышляли о немъ, — а не могли взвести, взяла силу вода, паче же рещи, Богъ наказалъ. Стащило всѣхъ в воду людей, а дощеникъ на камень бросила вода и чрезъ ево льется, а в него не идетъ. Чудо, какъ Богъ безумныхъ тѣхъ учитъ! Бояроня в дощенике, а онъ самъ на берегу. И Еремѣй сталъ ему говорить: «За грѣхъ, батюшко, наказуетъ Богъ! Напрасно ты протопопато-во кнутомъ-тѣмъ избилъ. Пора покаятца, государь!» Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣръ. И Еремѣй, отклонясь къ соснѣ, прижавъ руки, стоя, «Господи, помилуй!» говорить. Пашковъ, ухватя у малова колешчатую пищаль, — николи не лжетъ, — приложась на Еремѣя, спустилъ курокъ: осѣклася и не стрелила пищаль. Онъ же, поправя порохъ, приложась, опять спустилъ, и паки осѣклася. Онъ и в третій сотворилъ — такъ же не стрелила. И онъ и бросилъ

⁴² ведаете;

⁴³ есть (вы оба);

на землю ея. Малой, поднявъ, на сторону спустил — пищаль и выстрелила! А дощеник единаче⁴⁴ на камени под водою лежитъ. Потом Пашков сѣлъ на стулъ и шпагою подѣперъся, задумался. А сам плакать стал. И, плакавъ, говорилъ: «Согрѣшил, окаянной, пролилъ неповинную кровь! Напрасно протопопа билъ, за то меня наказуетъ Богъ!» Чюдно! По Писанию, яко косенъ Богъ во гнѣвъ и скорь на послушание,^{110*} — дощеник самъ, покаяния ради, с камени сплыл и стал носом против воды. Потянули — и онъ и взбежал на тихое мѣсто. Тогда Пашковъ, сына своево призвавъ, промолыл ему: «Прости-барте, Еремѣй, правду ты говоришь». Он же приступя и поклонился отцу. А мнѣ сказывал дощеника ево кормьщик, Григорей Тельной, тутъ былъ.

Зри, не страдал ли Еремѣй ради меня, паче же ради Христа! Внимай, паки на первое возвратимся.

Поехали на войну. Жаль мнѣ стало Еремѣя! Сталъ Владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их, и не бывали на срок. А в тѣ поры Пашков меня к себѣ и на глаза не пускалъ. Во един от дней учредил застѣнок и огонь росклялъ — хочеть меня пытать. Я, свѣдавъ, ко исходу души и молитвы проговорил, вѣдаю стряпанье ево: послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя и, сидя, женѣ, плачущей, и дѣтям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живемъ — Господеви живемъ, аще умираемъ — Господеви умираемъ».^{111*} А се и бегутъ по меня два палача.

Чюдно! Еремѣй сам-другъ дорошкою едетъ мимо избы моея, и их вскрикал и воротилъ.

Пашковъ же, оставя застѣнок, к сыну своему с кручины, яко пьяной, пришелъ. Таже Еремѣй, со отцемъ своим поклоняся, вся подробну росказал: какъ без остатку войско побили у него, и какъ ево увель иноземец пустым мѣстом, раненова, от мунгальских людей, и какъ по каменным горам в лесу седмь дней блудил, не ядше, одну бѣлку съель; и как моимъ образом челоуѣкъ ему явился во снѣ и благословил и путь указал, в которую сторону итти, он же, вскоча, обрадовался и выбрел на путь. Егда отцу рассказывает, а я в то время пришелъ поклонитися им. Пашков же, возведъ очи свои на меня, вздохня, говорит: «Так-то ты дѣлаешь, людей-тѣхъ столько погубил».

⁴⁴ по-прежнему;

А Еремѣй мнѣ говоритъ: «Батюшко, поди, государь, домой! Молчи, для Христа!» Я и пошел.

Десеть лѣтъ онъ меня мучил или я ево — не знаю, Богъ розбереть.

Переменная ему пришла,^{112*} и мнѣ грамота пришла:^{113*} велено ехать на Русь. Онъ поехал, а меня не взял с собою; умышлялъ во умѣ: чаял, меня без него и не вынесет Богъ. А се и сам я убоился с ним плыть, на поездѣ говорилъ: «Здѣсь-де земля не взяла, на дороге-дѣ вода у меня приберет». Среди моря бы велѣлъ с судна пехнуть, а сказал бы, бытто сам ввалился; того ради и сам я с ним не порадулъ.

Онъ в дощениках поплыл с людьми и с ружьемъ, а я — мѣсяць спустя послѣ ево, набрав старых, и раненых, и больных, кои там негодны, человекъ з десяток, да я с семьею, семнатцеть человекъ. В лотку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поехали, ничево не боясь. А во иную-су пору и боялись, человекъ бо есмы, да гдѣ жо стало дѣтца, однако смѣрть! Бывало то и на Павла апостола, сам о себѣ свидѣтельствуе сице: «Внутрь убо — страх, а внѣ убо — боязнь»;^{114*} а в ином мѣсте: «Уже бо-де не надѣяхомся и живи быти, но Господь избавил мя есть и избавляетъ».^{115*} Так то и наша бѣдность: аще не Господь помогал бы, вмалѣ⁴⁵ вселися бы во ад душа моя. И Давыдъ глаголетъ, яко «аще не бы Господь в нас, вегда востати человеком на ны, убо живы пожерли быша нас».^{116*} Но Господь всяко избавил мя есть и донинѣ избавляет. Мотаюсь, яко плевель посреде пшеницы, посреде добрых людей, а инѣде-су посреде волковъ, яко овечка, или посреде псовъ, яко заяць; всяко перебиваеся о Христѣ Исусѣ. Но грызутся еретики, что собаки, а без Божьи воли проглотить не могутъ. Да воля Господня, что Богъ дастъ, то и будет, без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе-то здѣлать, и с чем бы появиться пред Владыку, а то умрем всяко. Полно о сем.

Егда поехали из Даур, Кормчию книгу прикащику дал, и онъ мнѣ мужика-кормщика дал. Прикащик же дал мучки гривенок с трицать, да коровку, да овечок. Мясо иссуша, и пловучи, тѣмъ лѣто питались. Стало пици скудать, и мы з братьею

⁴⁵ скоро, быстро;

Бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова звѣря, тѣмъ и до Байкалова моря доплыли.

У моря русскихъ людей наехали — рыбу промышляют и соболи. Ради нам, миленькие, Терентьюшко з братьею; упокою нас, всево надавали много. Лотку починя и парус скропавъ, пошли чрез море. Окинула нас на море погода, и мы гребми перегреблися: не больно широко о том мѣсте, или со сто, или с восьмьдесятъ версть.

Чем к берегу пристали, востала буря вѣтренная, насили и на берегу мѣсто обрѣли от волнъ восходящих. Около его горы высокия, утесы каменные и зѣло высоки. Дватцеть тысящъ версть и больши волочился, а не видал нигдѣ таких горъ. На верху их — полатки и повалуши, врата и столпы и ограда, все богодѣланное. Чеснокъ на них и лукъ растутъ больши романовскаго и слатокъ добре. Там же растутъ и конопли богорасленные, а во дворах травы красны, и цвѣтны, и благовонны зѣло. Птиц зѣло много, гусей и лебедей, по морю, яко снѣгъ, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерледи, омули и сиги, и прочих родовъ много; и зѣло жирна гораздо, на сковородѣ жарить нельзя осетрины: все жиръ будет. Вода прѣсная, а нерпы и зайцы великие в нем, — во акиане, на Мезени живучи, такихъ не видал. А все то у Христа надѣлано человекъ ради, чтобъ упокояся, хвалу Богу воздавал. А человекъ, суетъ которой уподобится, дние его, яко сѣнь,⁴⁶ преходятъ,^{117*} — скачетъ, яко козель, раздувается, яко пузырь, гнѣвается, яко рысь, съестъ хочет, яко змия, ржетъ, зря на чужую красоту, яко жребя, лукавует, яко бѣсъ,^{118*} насыщаяся невоздержно, без правила спать, Бога не молит, покаяние отлагаетъ на старость, и потом исчезаетъ, и не вѣмъ, камо отходит — или во свѣтъ, или во тьму, день Судный явить коегождо. Простите мя, аз согрѣшил паче всѣхъ человекъ!

Таже в русские грады приплыли. Въ Енисѣйске зимовал, и, пливше лѣто, в Тобольске зимовал.^{119*} Грѣхъ ради наших война в то время в Сибири была:^{120*} на Оби-реке предо мною наших человекъ з дватцеть иноземцы побили. А и я у них былъ в руках: подержавъ у берега, да и отпустили, Богъ изволил. Паки на Ирѣтише скопом стоятъ иноземцы, ждуть березовскихъ, наших побити. А я к нимъ и привалил к берегу. Онѣ

⁴⁶ тень, дым;

меня и опъступили. И я, ис судна вышед, с ними кланяяся, говорю: «Христос с нами уставися!». Варъвари же Христа ради умягчилися и ничево мнѣ зла не сотворили, Богъ тако изволил. Торговали со мною и отпустили меня мирно. Я, в Тоболескъ приехавъ, сказываю, — и люди всѣ дивятся.

Потом и к Москвѣ приехал.^{121*} Три годы из Дауръ ехал, а туды пять лѣтъ волокъся, против воды, на восток все ехал, промежду орѣдъ и жилищъ иноземъских. И взадъ, и вперед едучи, по градом и по селамъ и в пустых мѣстехъ слово Божие проповѣдал и, не обинуяся, обличалъ никониянъскую ересь, свидѣтельствуя истинну и правую вѣру о Христѣ Иусѣ.

Егда же к Москвѣ приехалъ, государь велѣлъ поставить меня к руке, и слова милостивыя были. Казалось, что и в правду говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешъ? Еще-де велѣлъ Богъ видатца». И я сопротивъ тово рекъ: «Молитвами святых отецъ нашихъ еще живъ, грешник. Дай, Господи, ты, царь-государь, здрав был на многа лѣта», и, поцеловав руку, пожал в руках своих, да же бы и впредь меня помнил. Он же вздохнул и иное говорил кое-што. И велѣлъ меня поставить в Кремль на монастырьском подворье.^{122*} В походы ходя мимо двора моего, благословляяся и кланяяся со мною, сам о здоровьѣ меня спрашивал часто. В ыную пору, миленькой, и шапку уронилъ, поклоняся со мною.

И давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣл, и в духовники звали, чтоб я с ними в вѣре соединился. Аз же вся сия Христа ради вмѣних⁴⁷ яко уметы,⁴⁸ поминая смерть, яко вся сия мимо идетъ. А се мнѣ в Тобольске в тонце снѣ страшно возвѣщено было. Ходилъ въ церковь большую и смотрилъ в олтарѣ у них дѣйства, как просвиры вынимають, — что тараканы просвиру исщиплють. И я имъ говорил от Писания и ругалъся их бездѣлю.⁴⁹ А егда привыкъ ходить, такъ и говорить пересталъ, что жалом ужалило: молчать было захотѣлъ. В царевнины имянины,^{123*} от завтрени пришед, взвалился. Так мнѣ сказано: «Аль-де и ты по толикихъ бедах и напастех соединиешься с ними? Блюдиися, да не польма⁵⁰ растесан будешь!»^{124*} Я вскочил во ужасѣ велице и

⁴⁷ расценил;

⁴⁸ грязь, мусор;

⁴⁹ бесчинству;

⁵⁰ надвое;

паль предъ иконою, говорю: «Господи, не стану ходить, гдѣ по-новому поють». Да и не пошел к обѣдне к той церквѣ. Ко инымъ ходил церквам, гдѣ православное пѣние, и народы учил, обличая их злѣсовное и прелестное мудрование.

Да я жъ еще егда былъ в Даурахъ, на рыбной промыслъ к дѣтям шел по льду зимою, по озеру бежалъ на базлуках,⁵¹ там снѣгу не живетъ, так морозы велики и льды толсты, близко человека, намерзають, — а мнѣ пить зѣло захотѣлось среди озера стало. Воды не знаю гдѣ взять, от жажды итти не могу, озеро верьсть с восьмь, до людей далеко. Бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: «Господи, источивый Израилю, в пустыни жаждущему, воду! Тогда и днесъ — ты же! Напой меня имиже⁵² всѣи судбами!» Простите, Бога ради! Затрѣщаль лед, яко громъ, предо мною, на высоту стало кидать, и, яко река, разступилъся сюду и сюду и паки снидеса вмѣсто, и бысть гора льду велика, а мнѣ оставил Богъ пролубку. И дондеже строение Божие бысть, аз на востокъ кланялся Богу. И со слезами припал к пролубке и напилъся воды досыта. Потом и пролубка содвинулась. И я, возставше и поклоняся Господеви, паки побѣжал по льду, куды мнѣ надобе, к дѣтямъ. И мнѣ столько забывать много для прелести сего вѣка?!

На первое возвратимся. Видят онѣ, что я не соединяюся с ними, — приказал государь уговаривать меня Стрешневу Родиону, окольничему.^{125*} И я потѣшил ево, — царь то есть, от Бога учинень, — помолчалъ маленко. Так меня поманивають: денег мнѣ десеть рублевъ от царя милостыни, от царицы — десеть же рублевъ, от Лукьяна-духовника^{126*} — десеть же рублев, а старой другъ, Феодором зовуть, Михайловичъ Рѣтищевъ^{127*} — тотъ и 60 рублев, горькая сиротина, даль; Родионъ Стрешневъ — 10 же рублев, Прокопей Кузьмич Елизаровъ^{128*} — 10 же рублев. Всѣ глядятъ, всѣ добры, всякой боярин в гости зоветъ. Тако же и власти, пестрые и черные, кормъ ко мнѣ везуть да тащатъ, полну клѣтъ наволокли. Да мнѣ жо сказано было: с Симонова дни на Печатной дворъ хотѣли посадить. Тутъ было моя душа возжелала, да дьяволь не пустил.

Помолчалъ я немного, да вижу, что неладно колесница течеть, одержалъ ея. Сиче написавъ, подал царю: «Царь-государь, —

⁵¹ базлуки — род подковы с шипами;

⁵² каими;

и прочая, какъ ведется, — подобает ти пастыря смиренномудра матери нашей общей святѣй Церкви взыскать, а не просто смиренна и потаковника ересям; таковых же надобно избирати во епископство, и прочих властей; бодрѣствуй, государь, а не дремли, понеже супостатъ дьяволъ хочет царство твое проглотить». Да там и многонько написано было.^{129*} Спина у меня в то время заболѣла, не смогъ сам выбрестъ и податъ, выслалъ на переездѣ с Феодоромъ юродивым.^{130*}

Он же дерзъзо х корѣте приступил и кромѣ царя письма не дал никому. Сам у него, протяня руку ис кореты, доставал, да в тѣснотѣ людъской не достал. Осердясь, велѣлъ Феодора взять и со всѣмъ под Красное крыльце^{131*} посадить. Потом, к обѣдне пришед, велѣлъ Феодора к церквѣ привести, и, взяв у него письмо, велѣл ево отпустить. Он же, покойник, побывав у меня, сказал: «Царь-де тебя зоветъ», да и меня в церковь потащилъ. Пришедъ предъ царя, стал предъ нимъ юродствомъ шаловать, — такъ ево велѣл в Чюдовъ отвести.

Я предъ царемъ стою, поклоняюсь, на него гляжу, ничего не говорю. А царь, мнѣ поклоняюсь, на меня стоя глядитъ, ничего жъ не говорит. Да так и разошлись.

С тѣхъ мѣсть и дружбы только: онъ на меня за письмо кручинен стал, а я осердился же за то, что Феодора моего под начал послалъ. Да и комнатные на меня же: «Ты-де не слушаешь царя», да и власти на меня же: «Ты-де нас оглашаешь царю и в писмѣ своемъ бранишь, и людей-де учишь ко церквамъ к пѣнию нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать.

Феодора сковали в Чюдове монастыре, — Божию волею и желѣза разсыпалися на ногахъ. Он же влѣзь послѣ хлѣбов в жаркую печь, на голомъ гузнѣ ползая, на поду крохи побиралъ. Черницы же, видѣвъ, бѣгше, архимариту сказали, что нынѣ Павель-митрополить,^{132*} он же и царю извѣстилъ. Царь, пришед в монастырь, честно Феодора приказал отпустить: гдѣ-де хочет, тамъ и живет. Онъ ко мнѣ и пришел. Я ево отвелъ къ дочери своей духовной, к бояронѣ к Федосье Морозове, жить.^{133*}

Таже меня в ссылку сослали на Мезень.^{134*} Надавали было добрые люди кое-чево — все осталось тутъ, токмо з женою и дѣтьми повезли; а я по городомъ паки их, пестрообразныхъ зверей, обличал.

Привезли на Мезень и, полтара года держав, паки одново к Москвѣ поволокли.^{135*} Токмо два сына со мною съехали,^{136*} а прочии на Мезень остались вси.

И привезше к Москвѣ, подержавъ, отвезли в Пафнутьевъ монастырь. И туды присылка была — тожь да тожь говорят: «Долго ли тебѣ мучить нас? Соединись с нами!» Я отрицаюся, что от бѣсовъ, а онѣ лѣзутъ в глаза. Скаску имъ тутъ написалъ^{137*} з большую укоризною и бранью и послалъ с посланникомъ их — Козьма, дьякон ярославской,^{138*} приехал с подьячим патриарша двора. Козьма-та не знаю, коего духа человекъ: въявѣ уговаривает меня, а втай подкрепляетъ, сице говоря: «Протопопъ, не отступай ты старова тово благочестия! Велик ты будешь у Христа человекъ, какъ до конца претерпишь! Не глади ты на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опуталь меня!» Просто мольть, отрекся пред Никоном Христа, такъ уже, бѣдной, не сможетъ встать. Я, заплакавъ, благословил ево, горюна: больши тово нѣчево мнѣ дѣлатъ, то вѣдает с ним Богъ.

Таже, державъ меня в Пафнутьеве на чеши десеть недѣль, опять к Москвѣ свезли, томнова человекъ, посадя на старую лошедь; пристав созади: побивай да побивай, иное вверх ногами лошедь в грязи упадет, а я через голову. И днем одним перемчали девяносто веръсть, еле живъ дотащился до Москвы.

Наутро ввели меня в Крестовую, и стяжався власти со мною много, потом ввели в соборную церковь. По «Херувимской», в обѣдню, стригли и проклинали меня,^{139*} а я сопротиво их, враговъ Божиих, проклинал. Послѣ меня в ту же обѣдню и дьякона Феодора стригли и проклинали.^{140*} Мятежно сильно в обѣдню ту было.

И, подержавъ на патриарховѣ дворѣ, вывели меня ночью к Спальному крыльцу; голова досмотрил и послал в Тайнишные водяные ворота. Я чаял, в реку посадят — ано от Тайных дѣлъ шишь анѣтихристовъ стоитъ, Дементей Башмаковъ,^{141*} дожидается меня. Учал мнѣ говорить: «Протопопъ, велѣль тебѣ государь сказать, „не бось-де ты никова, надѣйся на меня“». И я ему поклоняюсь, а сам говорю: «Челом, — реку, — бью на ево жалованье, какая онѣ надежа мнѣ. Надежа моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «Не надѣйтесь на князя, на сыны человеческия, в нихже нѣсть спасения»,^{142*} и прочая.

Таже полуголова Осипъ Саловъ^{143*} со стрельцами повез меня к Николѣ на Угрѣшу в монастырь. Посмотрю — ано предо мною и дьякона тащатъ. Везли болотами, а не дорогою до монастыря, и, привезше, в полатку студеную над ледником посадили. И прочих, дьякона и попа Никиту Суздальскаго,^{144*} в полаткахъ во иныхъ посадили. И стрельцовъ человекъ з дватцеть с полуголовою стояли. Я сидѣл семнатцеть недѣль, а онѣ, бѣдныя, изнемогли и повинились, сидя пятнацеть недѣль. Так их в Москву взяли опять, а меня паки в Пафнутьевъ перевезли^{145*} и там в полатке, сковавъ, держали близко з год.

А какъ на Угрѣше былъ, тамо и царь приходил и посмотря около полатки, вздыхая, а ко мнѣ не вошел; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним кое-што говоря про меня да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да, видишь, Богу уш то надобно так.

Опослѣ и Воротынъской князь-Иван^{146*} в монастырь приезжалъ и просился ко мнѣ, так не смѣли пустить; денегъ, бѣдной, громаду в листу подавал. И денегъ не приняли. Послѣ, в другое лѣто на Пафнутьеве подворье в Москвѣ я скованъ сидѣлъ, такъ онъ ехал в корѣте нарочкомъ мимо меня, и благословилъ я ево, миленькова. И всѣ бояря-те добры до меня, да дьяволь лих. Хованъска князь-Ивана^{147*} и батогами за благочестие били в Верху; а дочь-ту мою духовную Феодосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына ея Ивана Глѣбовича уморили, и сестру ея княиню Евдокью Прокопьевну, дочь же мою духовную, с мужемъ и з дѣтьми, бивше, розвели. И нынѣ мучат всѣхъ,^{148*} не велятъ вѣровать въ старова Сына Божия, Спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовуть. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединишь с ними в преисподний адъ! Полно тово.

В Никольскомъ же монастырѣ мнѣ было в полатке в Вознесениевъ день Божие присѣщение; в царевѣ послании писано о томъ, тамо обрящеши.^{149*}

А егда меня свезли в Пафнутьевъ монастырь, тутъ келарь Никодимъ сперва до меня былъ добръ в первомъ году, а в другой привоз ожесточалъ, горюнь: задушил было меня, завалая и окошка, и дверь, и дыму нѣгдѣ было итти. Тошнѣ мнѣ было земляныя тюрьмы: гдѣ сижу и емъ, тутъ и ветхая вся — срание и счанье; прокурить откутають, да и опять задушатъ. Доброй человекъ, дворянин, другъ, Иваномъ зовуть, Богдановичъ Камы-

нинъ, въкладчикъ в монастырѣ, и ко мнѣ зашелъ, да на келаря покричал, и лубье, и все без указу розломаль, такъ мнѣ с тѣхъ мѣсть окошко стало и отдух. Да что на него, келаря, дивить! Всѣ перепилися табаку гово, что у газскаго митрополита 60 пудъ выняли напослѣдокъ,^{150*} да додру, да иные монастырѣские тайные вещи, что игравше творять. Согрѣшил, простите! Не мое то дѣло, то вѣдаютъ онѣ, своему владыке стоять или падаютъ. То у них были законоучителие и любимые риторы.

У сего же я Никодима келаря на Велик день попросился для праздника отдохнуть, чтоб велѣлъ, двери отворя, посидѣть. И онъ, меня наругавъ, отказаль жестоко, какъ захотелось ему; таже, пришед в кѣлю, разболѣлся. И масломъ соборовали, и причащали, — тогда-сегда дохнетъ. То было в понедеѣльникъ свѣтлой. В ночь же ту против вторника пришел ко мнѣ с Тимофѣемъ, келейником своим, он келарь; идучи в темницу, говорить: «Блаженна обитель, блаженна и темница, таковых имѣеть в себѣ страдальцов! Блаженны и юзы!» И паль предо мною, ухватился за чепъ, говорить: «Прости, Господа ради, прости! Согрѣшил пред Богомъ и пред тобою, оскорбилъ тебя, и за сие наказал меня Богъ». И я говорю: «Какъ наказал, повѣжд ми!». И онъ паки: «А ты-де самъ, приходя и покадя, меня пожаловаль, поднял, что-де запираеся! Ризы-де на тебѣ свѣтлоблещащияся и зѣло красны были!»

А келейник ево, тут же стоя, говорить: «Я, батюшко-государь, тебя под руку вель ис кѣльи проводя, и поклонилъся тебѣ». И я, уразумѣвъ, сталь ему говорить, чтоб онъ иным людем не сказывал про сие. Он же со мною спрашивался, какъ ему жить впред по Христѣ: «Или-де мнѣ велишь покинуть все и в пустыню пойти?» И я ево понаказаль и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы хотя втайнѣ старое благочестие держаль. Он же, поклоняся, отиде к себѣ, а наутро за трапезою всей братѣ сказаль. Людие же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, благословения просяще и молитвы от меня; а я их словом Божиим пользую и учю. Въ то время и враги кои были, и тѣ тут примирились. Увы мнѣ! Коли оставлю суетный сей вѣкъ! Писано: «Горе, емуже рекуть добре вси человекы». ^{151*} Воистинно, не знаю, какъ до краю доживать. Добрых дѣлъ нѣтъ, а прославиль Богъ; да то вѣдаетъ онъ — воля ево!

Тут же приехалъ и Феодоръ, покойникъ, з дѣтми ко мнѣ побывать ^{152*} и спрашивался со мною, какъ ему жить: «В рубашке

ль-де ходить али платьє вздѣть? ^{153*} Еретики-де ищуть меня. Был-де я на Резани, у архиепископа Лариона ^{154*} скованъ сидѣль, и зѣло-дѣ жестоко мучили меня; рѣткой день плетьми не бивше пройдетъ; а нудили-де к причастью своему; и я-де уже изнемогъ и не вѣдаю, что сотворю. В нощи з горестию великою молихся Христу, да же бы меня избавиль от них, и всяко много стужаль. ⁵³ А се-де чепь вдругъ грянула с меня, и двери-де отворились. Я-де, Богу поклонясь, и побрелъ ис полаты вонъ. К воротам пришелъ, — ано и ворота отворены! Я-де и управился путем. К свѣту-де ужъ далеконько дорогою бреду. А се двое на лошадях погонею за мною бегутъ. Я-де-таки подле стороны дороги бреду: онѣ-де и пробѣжали меня. А се-де розсвѣтало, — едутъ противъ меня назадъ, а сами меня бранят: „Ушель-де, блядин сынъ! Гдѣ-де ево возъмѣшь?“ Да и опять-де проехали, не видали меня. Я-де помаленку и к Москвѣ прибрѣль. Какъ нынѣ мнѣ велишь: туды ль-де паки мучитца итти или-дѣ здѣсь таитца от них? Как бы-де Бога не прогневить».

Я, подумавъ, велѣль ему платьє носить и посредѣ людей, таяся, жить.

А однако не утаиль, нашель дьявол и в платьє и велѣль задавить. Миленькой мой, храбрый воин Христовъ былъ! Зѣло вѣра и ревность тепла ко Христу была; не видалъ инова подвижника и слезоточца такова. Поклонов тысящу откладеть да сядеть на полу и плачет часа два или три. Жиль со мною лѣто в одной избѣ; бывало, покою не дасть. Мнѣ еще немоглось в то время; в комнатке двое нас; и много часа три полежить да и встанет на правило. Я лежу или сплю, а онъ, молясь и плачючи, приступит ко мнѣ и станеть говорить: «Какъ тебѣ сорома нѣтъ? Ветъ ты протопопъ. Чем было тебѣ нас понуждать, а ты и самъ ленивъ!» Да и роскачает меня. Онъ кланяется за меня, а я сидя молитвы говорю: спина у меня болѣла гораздо. Онъ и самъ, миленькой, скорбенъ былъ: черевъ из него вышло три аршина, а вдруго-ряд — пять аршинъ, от тяготы зимняя и от побой. Бродиль в одной рубашке и босиком на Устюге годовъ с пять, зѣло велику нужду терпѣль от мраза и от побой. Сказывал мнѣ: «Ногами-теми, что кочением мерзлым, по каменью-тому-де бью, а какъ-де в тепло войду, зѣло-де рветъ и болитъ, какъ-де сперва учал странствовать; а се-де лехче, да лехче, да не стало и

⁵³ докучал;

болѣть». Отець у него в Новгороде, богатъ гораздо, сказывал мнѣ, — мытоимецъ-де, Феодором же зовут; а онъ уроженецъ мезенской, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Богъ изволилъ, и удавили его на висѣлице отступники у родни на Мезени.^{155*}

А уродъствовать-тово⁵⁴ какъ обѣщался Богу, да солгал, такъ-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, «и погодою било нас, и, не вѣдаю-де какъ, упалъ в море, а ногами зацепился за петлю и долго висѣлъ: голова в водѣ, а ноги вверху; и на умъ-де взбрело обѣщание, яко не солгу, аще от потопления мя Богъ избавит. И не вѣмъ-де, кто, силен, выпехнул меня из воды на полубы. С тѣхъ-де мѣсть стал странствовать».

Домой приехавъ, житие свое дѣвством прошел, Богъ изволил. Многие борьбы блудныя бывали, да всяко сохранилъ Владыко. Слава Богу о нем, и умер за христьянскую вѣру! Добро, онъ уже скончал свой подвигъ. Какъ-то еще мы до пристанища доедем? Во глубинѣ еще плоем, берегу не видѣть, грести надобе прилѣжно, чтоб здорово за дружиною в пристанище достигнуть. Старец, не станем много спать: дьяволь около темниц наших бодро зѣло ходитъ, хочется ему нас гораздо! Да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа, своего Творца, и Содѣтеля, и Владыки. А дьяволь — какая диковина, чево ево боятца! Боятца подобаетъ Бога и заповѣди его соблюдать, так и мы со Христомъ ладно до пристанища доедем.

И Афонасей-уродивый крѣпко же житье проходил, покойник, сынъ же мнѣ былъ духовной, во иноцех Авраамий;^{156*} ревнив же о Христвѣ и сей былъ гораздо, но нравомъ Феодора смирънѣ. Слез река же от очию истекала, так же бос и в одной рубашке ходил зиму и лѣто и много же терпѣлъ дождя и мраза. Постригшися, и в пустыни пожил, да отступники и тово, муча много, и сожгли в огнѣ на Москвѣ на Болотѣ.^{157*} Пускай ево, испекли хлѣбъ сладок святѣй Троицѣ. Павелъ Крутицкой за боруду ево драл и по щокам бил своими руками, а онъ истиха Писанием обличал их отступление. Таже и плетьми били и, муча всяко, кончали во огнѣ за старую нашу христьянскую вѣру, он же скончался о Христвѣ Исусѣ, послѣ Феодорова удавления два года спустя.

⁵⁴ уродъствовать;

И Лука Лаврентиевич, сынъ же мнѣ былъ духовной, что на Мезени вмѣсте с Феодором удавили тѣ же отступники, на виселице повѣся, смирен нравъ имѣл, покойникъ, говорил, яко плакал, москвитин родом, у матери-вдовы сынъ былъ единочаденъ, сапожник чиномъ, молод лѣты, годовъ в полтретьятцеть, да умъ столѣтен. Егда вопросы его Пилатъ: «Какъ ты, мужик, крестисся?», он же отвѣща: «Какъ батюшко мой протопоп Аввакумъ, такъ и я крещуся». И много говоря, предаде его в темницу. Потом с Москвы указали удавить, так же, что и Феодора, на виселице повѣся; он же и скончался о Христѣ Исусѣ.

Милые мои, сердечные други, помогайте и нам, бѣднымъ, молитвами своими, да же бы и нам о Христѣ подвигъ сей мирно скончати.

Полно мнѣ про дѣтей тѣх говорить, стану паки про себя сказывать.

Какъ ис Пафнютьева монастыря привезли меня к Москвѣ,^{158*} и, на подворье поставя, многожды водили в Чюдовъ, грызлися, что собаки, со мною власти.^{159*} Таже передъ вселенскихъ привели меня патриарховъ, и наши всѣ тут же сидятъ,^{160*} что лисы. Много от Писания говорил с патриархами: Богъ отверзъ уста мое грѣшныя, и посрамил ихъ Христос устами моими. Послѣднее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша Палестина, и серби, и альбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь во своем упорствѣ и крестисся пятью перъсты! Так-де не подобаетъ».

И я имъ отвѣщаль о Христѣ сице: «Вселенстии учителие! Римъ давно упалъ и лежит невсклонно, а ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета,^{161*} да и дивить на вас нельзя, немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, Божиею благодатию, самодержство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была немятежна. Никонъ-волкъ со дьяволом предали трема перъсты креститца. А первые наши пастыри, якоже сами пятию перъсты крестились, такоже пятию перъсты и благословляли по преданию святых отецъ наших, Мелетия Антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека.^{162*} Еще же и московский помѣстный бывый собор при царѣ Иваннѣ^{163*} так же слагати

перъсты и креститися и благословляти повелеваетъ, якоже и прежнии святїи отцы, Мелетїй и прочїи, научиша. Тогда, при царѣ Иванѣ, на соборѣ быша знаменосцы: Гурий, Смоленскїй епископъ, и Варсонофїй Тверскїй, иже и быша Казанскїе чюдотворъцы,^{164*} и Филиппъ, Соловецкїй игумень, иже и митрополить Московскїй,^{165*} и иные от святыхъ русскїихъ».

И патриарси, выслушавъ, задумалися. А наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцовъ своихъ, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши святые, неучоныи люди были и грамотъ не умѣли, — чему-де им вѣрить!».

О, Боже святый! Како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досаждения! Мнѣ, бедному, горько, а дѣлать нѣчева стало; побранил ихъ, колко могъ, и послѣднее рекъ слово: «Чистъ есмь аз и прахъ прилѣпшїй отъ ногъ своихъ оттрясаю предъ вами, по писанному: «Лутче единъ, творяй волю Божию, нежели тмы беззаконныхъ!»^{166*} Такъ на меня и пуще закричали: «Возьми, возьми его! Всѣхъ насъ обезчестил!»», да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на меня бросились грудю, человекъ ихъ сорокъ, чаю, было, всѣ кричать, что татаровя. Ухватилъ дьякъ Иванъ Уаровъ^{167*} да и потащилъ меня. И я закричалъ: «Постой, не бейте!» Такъ онѣ всѣ отскочили.

И я толмачю архимариту Денису^{168*} сталъ говорить: «Говори, Денис, патриархамъ — апостоль Павелъ пишетъ: „Таковъ намъ подобаше архиерей: прѣподобенъ, незлобивъ“,^{169*} и прочая. А вы, убивше человекъ неповинна, какъ литоргисать станете?» Такъ онѣ сѣли. И я, отшедъ ко дверямъ, да на бокъ повалился, а самъ говорю: «Посидите вы, а я полежу». Такъ онѣ смѣются: «Дуракъ-де протопоп-отъ, и патриарховъ не почитаетъ». И я говорю: «Мы уроди Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы сильни, мы же немощни!»^{170*}

Потомъ паки ко мнѣ пришли власти и про «аллилуйя» стали говорить со мною. И мнѣ Христосъ подаль: Дионисїемъ Ареопагитомъ римскую ту блядь посрамилъ в нихъ. И Евфимей, чюдовскїй келарь,^{171*} молилъ: «Правъ-де ты, нѣчева-де намъ большїи тово говорить с тобою». И повели меня на чепь.

Потомъ полуголову царь прислалъ со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тутъ же — священника Лазаря^{172*} и старца Епифанїя,^{173*} обруганы и острижены, какъ и я былъ прежде. Поставили насъ по разнымъ дворамъ. Неотступно 20 человекъ стрельцовъ, да полуголова, да сотникъ надъ нами стояли: берегли,

жаловали, и по ночам с огнем сидѣли, и на дворъ срать провожали. Помилуй их Христос! Прямые добрые стрельцы те люди, и дѣти таковы не будут, — мучатся туды жо, с нами возяся. Нужица-та какова прилучится, и онѣ всяко, миленькие, радѣютъ. Да што много разсуждать, у Спаса онѣ лутче чернѣцовъ тѣхъ, которые клабуки-те рогатые ставцами-тѣми носятъ.^{174*} Полно онѣ, горюны, испиваютъ допьяна да матерны бранятся, а то бы онѣ и с мучениками равны были. Да што же дѣлать, и такъ их не покинетъ Богъ.

Таже нас перевезли на Ондрѣвѣское подворье.^{175*} Тутъ приезжал ко мнѣ шпынять от Тайныхъ дѣлъ Дементей Башмаков; быто без царева вѣдома былъ, а опослѣ бывше у меня, сказал — по цареву велѣнию былъ. Всяко, бѣдныя, умышляютъ, какъ бы им меня прельстить, да Богъ не выдастъ за молитвъ прѣчистые Богородицы, она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевыхъ горахъ дьякъ конюшей Тимофей Марковъ^{176*} от царя прислан и у всѣхъ былъ, — много кое-чево говоря, с криком розошлись и со стыромъ⁵⁵ болшимъ. Я послѣ ево написал послание^{177*} и с сотником Иваном Лобковым к царю послалъ: кое о чем многоноко поговоря, и благословение ему и царице и дѣтям приписалъ.

Потомъ, держав на Воробьевыхъ горахъ, и на Ондрѣвскомъ подворье, и в Савине слободке,^{178*} к Николѣ на Угрѣшу перевезли. Тут голову Юрья Лутохина^{179*} ко мнѣ опять царь прислалъ и за послание «спаси Богъ» с поклономъ большое сказал и, благословения себѣ и царицѣ и дѣтям прося, молитца о себѣ приказал.

Таже опять нас в Москву ввезли, на Никольское подворье, и взяли о правовѣрии еще скаски⁵⁶ у насъ.^{180*} Потом многожды ко мнѣ присланы были Артемон и Дементей,^{181*} ближние ево, и говорили царевым глаголомъ. «Протопопъ, вѣдаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де благославения твоего с царицею и дѣтми, помолися о насъ», — кланяючися посланник говорит. Я-су и нынѣ по немъ тужу, сильно мнѣ ево жаль. И паки он же: «Пожалуй-де, послушай меня, соединишь со вселенскими тѣми хотя чем небольшим!»

⁵⁵ скандалом, криком;

⁵⁶ записки, свидетельства;

И я говорю: «Аще мнѣ и умереть — со отступниками не соединюсь! Ты, реку, царь мой, а имѣ какое дѣло до тебя? Потеряли, реку, своево царя латыши безвѣриемъ своим, да и тебя суды приехали проглотить! Не сведу рукъ с высоты, дондеже отдаст тебя мнѣ Богъ!»

И много тѣхъ присылокъ было. Говорено кое о чемъ немало, день Судный явить. Послѣднее слово рекль: «Гдѣ ты ни будешь, не забывай нас в молитвахъ своих!» Я и нынѣ, грѣшной, елико могу, молюся о немъ. Аще и мучит мя, но царь бо то есть; бывало время, и впрямь добръ до нас бываль. До Никона-злодѣя, прежде мору, х Казаньской пришедъ, у руки мы были, яйцами нас дѣлалъ, — и сынъ мой Иванъ, маленекъ еще был, и не прилучился подле меня, а онъ, государь, знаетъ гораздо ево, послалъ брата моево роднова сыскивать робенка, а самъ долго стоя ждалъ, докамѣсть братъ на улице робенька сыскаль. Руку ему даетъ целовать, и робенокъ глупъ, не смыслить, видить, что не поп, такъ не хочеть целовать. И государь самъ руку к губамъ робенку принес, два яйца ему далъ и погладил по голове. Ино-су и сие намъ надобе не забывать, не от царя намъ мука сия, но грѣхъ ради нашихъ от Бога дьяволу попущено озлобити⁵⁷ нас, да же, искусяся нынѣ, вечнаго искушения уйдемъ. Слава Богу о всемъ!

Таже, братию, Лазаря и старца, казня, вырѣзавъ языки, а меня и Никифора-протопопа^{182*} не казня, сослали нас в Пустозерье.^{183*} А двоихъ сыновъ моихъ, Ивана и Прокопья, оставили на Москвѣ за поруками; и онѣ, бѣдныя, мучились годы с три, уклоняся от смерти властелинска навѣта, гдѣ день, гдѣ ночь, — никто держать не смѣеть, — и кое-какъ на Мезень к матери прибрели. Не пожили и з годъ — ано и в землю попали.^{184*} Да пускай, лутче пустые бродни, чем по улицамъ бродить. Я безпрестанно Бога о томъ молю: «Господи, аще хотимъ, аще и не хотимъ, спаси нас!» И Господь и промышляетъ о нашемъ спасении помаленку; пускай потерпимъ токо, а то пригодится нѣ въ кую пору, тогда слюбится, какъ время будет.

Аз же ис Пустозерья послалъ к царю два посланья,^{185*} — одно невелико, а другое больше: говорилъ кое о чемъ ему много. В послании ему сказалъ и богознаменія, показанная мнѣ не в одно время, тамо чтый да разумѣеть. Еще же от меня и от

⁵⁷ причинить страдания, обложить бедами, мучить;

братьи дьяконово снискание послано в Москву, правовѣрнымъ гостинца — книга «Отвѣтъ православныхъ»,^{186*} и от Лазаря священника два послания: царю и патриарху.^{187*}

И за вся сия присланы к нам гостинцы: повѣсили в дому моемъ на Мезени на виселице двухъ человекъ, дѣтей моихъ духовныхъ: Феодора преждедеченнаго юродиваго да Луку Лаврентьевича,^{188*} рабы Христовы, свѣты мои, были. И сыновъ моихъ двоихъ Ивана и Прокопья велено же повѣсить. И онѣ, бѣдные, испужався смерти, повинились: «Виноваты пред Богомъ и пред великимъ государемъ», а невѣдомо, что своровали. Такъ их и с матерью троих закопали в землю. Да по правилам так онѣ здѣлали, спаси Богъ. Того ради, робята: не бойтесь смерти, держите старое благочестие крѣпко и непопользновенно! А мать за то сидить с ними, чтоб впредь дѣтей подкрѣпляла Христа ради умирати и жила бы, не розвѣшавъ уши. А то баба, бывало, нищих кормить, стороннихъ научаетъ, какъ слагать перьсты и креститца и творить молитва, а дѣтей своих и забыла подкрепить, чтоб на вислицу пошли и з доброю дружиною умерли заодно Христа ради.

Ну да Богъ вас простить, не дивно что такъ здѣлали, и Петръ апостоль нѣкогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о семь плакася горько,^{189*} таже помилованъ и прощенъ бысть. А и о вас нѣкогда молящу ми ся тошно, и видѣвъ вашу пред собою темницу и вас троих на молитвѣ стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненны к небесем стоятъ простерты. Аз с тѣх мѣсть обрадовался, и лехче мнѣ стало, яко покаяние ваше принял Богъ. Слава о сем Богу!

Таже тот же Пилать, полуголова Иванъ Елагин,^{190*} был у нас в Пустозерье и взял у нас скаску,^{191*} сиче реченно: год и мѣсяць, и паки: «Мы святых отецъ предание держимъ неизмѣнно, а Паисѣя, Александрьскаго патриарха, с товарищи еретическое соборище проклинаемъ»; и иное там говорено многонько, и Никону-еретику досталось.

По сем привели нас к плахе и прочитали наказ: «Изволил-де государь и бояря приговорили: тебя, Аввакума, вмѣсто смертные казни учинить струб в землю и, здѣлавъ окошко, давать хлѣбъ и воду, а прочимъ товарищам рѣзать без милости языки и сѣчь руки». И я, плюнувъ на землю, говорилъ: «Я, реку, плюю на ево кормлю; не едше умру, а не предамъ благовѣрия». И по том повели меня в темницу, и не ель дней з десятков, да братья велѣли.

Таже священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ из горла; кровь попошла да и перестала; онъ в то время без языка и паки говорить сталъ. Таже, положи правую руку на плаху, по запыстѣ отсѣкли, и рука отсѣченная, лежа на земли, сложила сама по преданию перѣсты и долго лежала пред народы, исповѣдала, бѣдная, и по смерти знамение Спасителево неизмѣнно. Мнѣ-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличаетъ! Я на третей день у Лазаря во ртѣ рукою моею гладил — ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ, даль Богъ; а говоритъ, яко и прежде. Играетъ надо мною: «Щупай, протопопъ, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смѣхъ с ним, и горе! Я говорю: «Чего щупать, на улице язык бросили». Он же сопротивъ: «Собаки онѣ, вражьи дѣти! Пускай мои едятъ языки!». Первой у него лехче и у старца на Москвѣ рѣзаны были, а нынѣ жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чудно, с первой же величиною, лишю маленько тупенек.

Таже взяли соловецкаго пустынника старца Елифания; он же моливъ Пилата тощнѣ и зѣло умильнѣ, да же повелить отсѣщи главу его по плеча, вѣры ради и правости закона. Пилатъ же отвѣща ему, глагола: «Батюшко, тебя упокоить, а самому мнѣ гдѣ дѣтца? Не смѣю, государь, такъ здѣлать». И не послушавъ полуголова старцова моления, не отсѣче главы его, но повелѣ язык его вырѣзать весь же.

Старец же, прекрестя лице свое, и рече, на небо взирая: «Господи, не остави мя, грѣшнаго!», и вытяня своима рукама языкъ свой, спекулатару на нож налагая, да же не милуя его рѣжетъ. Палач же, дрожа и тресыйся, насилу выколупаль ножемъ языкъ из горла, ужас бо обдержаше ево и трепетень бяше.^{192*} Палач же, пожалѣя старца, хотя ево руку по составамъ резать, да же бы зажило впредь скорѣе; старец же, ища себѣ смерти, поперегъ костей велѣлъ отсѣщи, и отсѣкоша четырѣ перѣста. И сперва говорил гугниво. Таже молилъ прѣчистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, московской и пустозерьской, на воздухе; он же, единъ взяв, положил в ротъ свой; и с тѣхъ мѣсть стал говорить чисто и ясно, а язык совершенъ обрѣтется во ртѣ.

Посем взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали весь же, осталься кусочик в горлѣ маленекъ, накомъ рѣзанъ, не милость показуя, но руки не послужили, — от дрожи и трепета ножъ из рукъ валился. Тогда на той мѣре и зажил, а опослѣ и паки с прежней вырос, лишю маленько тупенек. Во знамение Богъ

так устроилъ, да же разумно невѣрному, яко рѣзан. Мы, вѣрни суть, и без знаменія вѣруемъ старому Христу Исусу, Сыну Божию, свѣту, и преданное от святыхъ отецъ старобытное в церкви держим неизмѣнно; а иже кому недоразумно, тотъ смотри на знаменіе и подкрѣпляйся.

У него же, дьякона, отсѣкли руку поперегъ ладони, и все, дал Богъ, здорово стало; по-прежнему говорить ясно и чисто. И у него вdrugоряд же языкъ рѣзан, на Москвѣ менши нынѣшняго рѣзано было. Пускай никоніяня, бѣдныя, кровию нашею питаются, яко медъ испивая!

Таже осыпали нас землею: струбъ в землѣ, и паки около земли другой струбъ, и паки около всехъ общая ограда за четырьми замками; стражи же десятеро с человѣкомъ стражаху темницу.^{193*}

Мы же, здѣсь, и на Мезени, и повсюду сидящи в темницах, поем пред Владыкою Христомъ, Сыномъ Божиим, Пѣсни Пѣсням, ихже Соломан воспѣтъ, зря на мать Вирсавію: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая! Очи твои горять, яко пламень огня; зубы твои бѣлы паче млека; зрак лица твоего паче солнечныхъ лучъ; и вся в красотѣ сияешь, яко день в силѣ своей! Аминь».^{194*} Хвала о Церквѣ.

Посем, у всякаго правовѣрна прощения прошу. Иное было, кажется, и не надобно говорить, да прочтох Дѣянія апостольская и Послания Павлова, — апостоли о себѣ возвѣщали жо, егда Богъ содѣлаеть в них. Не нам, Богу нашему слава! А я ничтоже есмь. Рекох и паки реку: аз есмь грѣшникъ, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытаремъ и грѣшникамъ и всякому человѣку окаянной лицемѣрець. Простите же и молитесь о мнѣ, а я — о вас, чтущихъ сие и слушающих. Неука я человѣкъ и несмыслень гораздо, больши тово жить не умѣю, а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу молятся о мнѣ. В день вѣка вси же познають содѣланная мною — или добрая, или злая. Но аще и не ученъ словомъ, но не разумом; не ученъ диалектика, и риторики, и философии, а разумъ Христовъ в себѣ имам, якоже и апостоль глаголетъ: «Аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ».^{195*}

Еще вам про невѣжество свое скажу. Зглупаль, отца своего заповѣдь преступил, и сего ради дом мой наказанъ бысть. Внимай, Бога ради, и молися о мнѣ.

Егда еще я былъ попом, духовникъ царевъ Стефан Внифантьевичъ благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина,^{196*} — себя пользоваться, прочитая, и людей. А я, окаянной, презрѣвъ благословление отеческое и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому былъ братъ мой родной, именем Евфимей, зѣло грамотѣ былъ гораздъ и о церквѣ велико прилѣжаніе имѣлъ, напослѣдок взятъ был к большой царевнѣ в Верѣхъ,^{197*} а в мор и з женою преставился. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилѣжал, презирая и правило многажды.

И видѣ Богъ неправду з братом в нас, яко неправо ходим по истиннѣ: я книгу променял, отцову заповѣдь преступил, а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ, — изволил нас Владыко сице наказать. Лошедь ту по ночам и в день в конюшнѣ стали бѣси мучить: всегда заезжена, мокра и еле стала жива. Я недоумѣюся, коея ради вины бѣсь озлобляетъ нас так. И в день недѣльный послѣ ужины, в келейном правилѣ на полунощнице, братъ мой Евфимей говорилъ кафизму «Непорочную»^{198*} и завопилъ высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!»^{199*} и, испустя книгу из рукъ, ударился о землю, от бѣсовъ бысть пораженъ, начал неудобно⁵⁸ кричать и вопить, понеже бѣси жестоко мучиша его.

В дому же моем иные родные два брата, Козьма и Герасим, больши ево, а не смогли ево держать. И всѣхъ домашних, челоуѣкъ с тритцетъ, держа ево, плачють пред Христомъ и, моляся, кричатъ: «Господи, помилуй! Согреѣшили пред тобою, прогнѣвали благость твою! За молитвъ святых отецъ наших помилуй юношу сего!» А онъ пуци бѣсится, и бьется, и кричить, и дрожить.

Аз же помощію Божіею в то время не смутился от голки⁵⁹ бѣсовския тоя, — кончавше правило обычное, паки начях Христу и Богородице молитися со слезами, глаголя: «Всегосподованная госпоже Владычице моя пресвятая Богородице! Покажи ми, за которое мое согрѣшение таковое быст ми наказание, да уразумѣвъ, каюсь пред Сыном твоим и пред тобою, въпредь тово не стану дѣлать!» И плачючи, послал во церковь по По-

⁵⁸ тяжело, истощно;

⁵⁹ сумятицы;

требник и по святую воду сына моего духовного Симеона, юношу лѣтъ в четырнатцеть, таков же, что и Евфимей; дружно меж себя живуще Симеонъ со Евфимием, книгами и правилом другъ друга подкрепляюще и веселящеся оба, в подвиге живуще крѣпко, в постѣ и молитвѣ.

Той же Симеон, по друге своем плакавъ, сходилъ во церковь и принес книгу и святую воду. И начахъ аз дѣйствовать над обу-реваемым молитвы Великаго Василия. Онъ мнѣ Симеонъ ка-дило и свѣщи подносил и воду святую, а прочии беснующагося держали. И егда в молитвѣ дошла рѣчь: «Аз ти о имени Господни повелеваю, душе нѣмой и глухий, изыди от создания сего и к тому⁶⁰ не вниди в него, но иди на пустое мѣсто, идѣже челоуѣкъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ»,^{199a*} бѣс же не слушаетъ, не идетъ из брата. И я паки ту же рѣчь вdrugорядъ, и бѣсъ еще не слушаетъ, пуши мучить брата.

Охъ, горѣ, какъ молыть! И соромъ, и не смѣю! Но по повелѣнню старца Епифанія говорю, коли уж о сем онъ приказалъ написать. Сице было: взялъ я кадило и покадилъ образы и бѣснова, и потомъ ударилъся о лавку, рыдавъ на много час. Возставше, в третьие ту же Василиеву рѣчь закричалъ к бѣсу: «Изыди от создания сего!» Бѣс же скорчилъ в кольцо брата и, пружався,⁶¹ изыде и сѣлъ на окошке. Брат же бывъ яко мертвъ.

Аз же покропилъ ево святою водою, он же, очхнясь, перъ-стом мнѣ на окошко, на бѣса сидящаго, указываетъ, а самъ не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропилъ водою окошко — и бѣсъ сошелъ в жерновыи угол.⁶² Брат же паки за ним перъстомъ указывает. Аз же и там покропилъ водою — бѣсъ же оттоля пошел на печь. Брат же и там ево указываетъ — аз же и там тою же водою. Брат же указалъ под печь, а сам прекрестился. И я не пошел за бѣсом, но напоил брата во имя Господне святою водою.

Он же, вздохня из глубины сердца, ко мнѣ проглагола сице: «Спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бѣсовских! Будет тебѣ бить челом брат мой Аввакумъ за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Богъ, которой

⁶⁰ никогда больше, впредь;

⁶¹ напружившись, понатужившись;

⁶² придверный угол в избе;

ходил во церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебѣ с ними битца, подобием онъ что и Симеонъ, друг мой. Подлѣ реки Сундовика^{200*} меня водили и били, а сами говорятъ: „Нам-де ты отданъ за то, что братъ твой на лошедь променял книгу, а ты ея любишь“; так-де мнѣ надобе поговорить Аввакуму-брату, чтоб книгу ту назад взял, а за нея бы дал деньги двоюродному брату».

И я ему говорю: «Я, реку, свѣтъ, брат твой Аввакум!» И онъ отвѣчалъ: «Какой ты мнѣ братъ! Ты мнѣ батько! Отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищахъ живеть, будет тебѣ бить челом». Вотъ, в избѣ с нами же на Лопатищах, а кажется ему — подле реки Сундовика. А Сундовик верстъ с пятнатцеть от нас под Мурашкинымъ да под Лысковым течет. Аз же паки ему дал святыя воды. Он же и судно⁶³ у меня отнимаетъ и съестъ хочеть: сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскалъ и давать стал, — онъ и не сталъ пить.

Ночь всю зимнюю с ним простряпал; маленько полежавъ с ним, пошелъ во церковь заутреню пѣть. И без меня паки бѣси на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, освятил его масломъ, и паки бѣси отидоша, и умъ цѣль сталъ, но дряхль бысть, от бѣсовъ изломан. На печь поглядывает и оттоле боится. Егда куды отлучюся, а бѣси и навѣтовать станут. Бился я з бѣсами, что с собаками, недѣли с три за грѣхъ мой, дондеже книгу взял и деньги за нея дал. И ездил ко другу своему, Илариону-игумну,^{201*} онъ просвиру вынял за брата, тогда добро жиль, что нынѣ архиепископъ Резанъской, мучитель стал христианской. И инымъ друзьямъ духовным бил челом о братѣ. И умолили о нас Бога.

Таково-то зло преступление заповѣди отеческой! Что же будет за преступление заповѣди Господни? Охъ-да только огонь да мука! Не знаю, какъ коротать дни, слабоумием объять и лицемѣриемъ и лжею покрыт есмь, братоненавидѣнием и самолюбием одѣянъ, во осуждении всѣхъ человекъ погибаю. И мня ся нѣчто быти, а каль и гной есмь, окаянной, прямое говно, отовсюду воняю — и душею, и тѣлом. Хорошо мнѣ жить с собаками и со свиньями в конурахъ, так же и онѣ воняють. Да псы и свиньи — по естеству, а я — чрез естество, от грѣхъ воняю, яко пес мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ

⁶³ сосуд, посудина;

властей тѣх, что землю меня закрыли! Себѣ уже воняю, злая дѣла творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и в темницу ко мнѣ бѣшаной зашел, Кирилушком звали, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз и платье переменяль, — зѣло вшей было много. Замкнуты, двое нас с ним, живем, да Христос с нами и прѣчистая Богородица. Онѣ, миленькой, бывало, сцѣтъ под себя и серет, а я ево очищаю. Есть и пить просить, а без благословения взять не смѣть. У правила стоять не захочет, — дьяволь сонѣ ему наводит, — и я чотками постегаяю, так и молитву творить станеть и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онѣ и паки бѣсноватися станет. При мнѣ беснуется и шалуеть, а егда пойду к старцу посидѣтъ въ ево темницу, а Кирила положу на лавке и не велю вставать ему и благословяю его, и докамѣсть у старца сижу, лежить и не встанет, за молитвъ старцовых, Богомъ привязан, лежа бѣснуется. А в головах у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квас, и прочая, а ничево без меня не тронет. Какъ прииду, такъ встанет, и дьявол, мнѣ досаждая, блудить заставляет. Я закричу, такъ и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просить и украсть тщится до времени обѣда; а егда пред обѣдом «Отче наш» проговорю и ястие благословяю, так тово брашна и не есть, неблагословеннова просит. И я ему напехаю силою в ротъ, такъ и плачет, и глотаеть. И как рыбою покормлю, так бѣсѣ в нем вздивиячится, а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плакавъ пред Владыкою, опять стягну постом и окрочу ево Христомъ. Таже маслом ево освятиль, и от бѣса отрадило ему.

Жилъ со мною с мѣсяцъ и больши. Перед смертью образумилься. Я исповѣдал ево и причастил, он же и преставися по том. Я, гробъ и саван купя, велѣль у церкви погребѣсти и сорокоусть по нем дал. Лежалъ у меня мертвой сутки в тюрьмѣ. И я, ночью вставъ, Бога помоля и ево, мертвова, благословя, поцеловався с ним, опять лягу подлѣ нѣво спать. Таварищ мой, миленькой, был. Слава Богу о семъ! Нынѣ он, а завѣтра я так же умру.

Да у меня же был на Москвѣ бѣшаной, Филиппомъ звали, как я ис Сибири выехалъ, в углу в ызбѣ прикованъ к стѣнѣ, понеже в нем был бѣсѣ суровъ и жесток. Бился и дрался, и не смогли дамашние ладить с ним. Егда же аз, грѣшный, со крестом и с водою прииду, повиненъ бывает и яко мертвъ падает пред крестом, и ничево не смѣть дѣлать надо мною. И молитвами

святых отецъ сила Божия отгнала бѣса от него; но токмо ум еще былъ не совершенъ. Феодор-юродивой был приставленъ над ним, что на Мезени отступники удавили вѣры ради старья, еже во Христа, — Псалтырь надъ Филиппом говорилъ и учил молитву говорить. А я сам во дни отлучашеся дому своего, токмо в нощи дѣйствовал над ним.

По нѣкоем времени пришел я от Федора Ртищева зѣло печалень, понеже съ еретиками бранился и шумѣлъ в дому ево о вѣре и о законѣ.^{202*} А в моемъ дому в то время учинилося нестройство: протопопица з домочадицею Фетиньею побранились, дьяволь ссорилъ ни за што. И я, пришед, не утерпя, бил их обѣих и оскорбил гораздо въ печали своей. Да и всегда-таки я, окаянной, сердить, дратца лихой. Горе мнѣ за сие, согрѣшилъ пред Богомъ и пред ними.

Таже бѣсъ в Филиппѣ вздивьял, и начал кричать и вопить и чепь ломать, бѣсясь. На всѣх домашнихъ ужас нападе, и голъка⁶⁴ бысть велика зѣло. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротить. Но бысть не по-прежнему: ухватилъ меня и учал бить и драть. И всяко, яко паучину, терзает меня, а сам говорить: «Попал ты в руки мнѣ!» Я токмо молитву говорю, да без дѣлъ и молитва не пользуетъ ничто. Дамашние не могутъ отнять, а я и сам ему отдался: вижу, что согрѣшилъ, пускай меня бьетъ.

Но чуден Господь! Бьет, а ничто не болит. Потом бросилъ меня от себя, а сам говорить: «Не боюсь я тебя!» Так мнѣ стало горько зѣло: бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ. Полежал маленько, собрался с совѣстию, вставше, жену свою сыскал и пред нею прощатца⁶⁵ стал. А сам ей, кланяся в землю, говорю: «Согрѣшил, Настасья Марковна, прости мя, грѣшнаго!» Она мнѣ также кланяется. Посем и с Фетиньею тѣм же подобиемъ прощался. Таже среди горницы лег и велѣлъ всякому челоувѣку себя бить, по пяти ударовъ плетью по окаянной спинѣ; челоувѣкъ было десяток-другой, и жена, и дѣти, стегали за епитимию. И плачють, бѣдные, и бьють, а я говорю: «Аще меня кто не бьет, да не имат со мною части и жребия в будущемъ вѣце». И онѣ, и не хотя, бьють, а я ко всякому удару по молитвѣ Исусовой говорю.

⁶⁴ сумятица;

⁶⁵ просить прощения;

Егда же отбили всѣ, и я, возстав, прощение пред ними жѣ сотворил. Бѣсъ же, видѣвъ неминучую, опять ис Филиппа вышел вонъ. Я крестомъ Филиппа благословил, и он по-старому хорошъ сталъ, и по томъ Божиюю благодатию и исцелѣлъ о Христвъ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

А егда я в Сибири в Тобольске был, туды еще везли, привели ко мнѣ бѣшанова, Феодоромъ звали. Жестокъ же былъ бѣсъ в немъ. Соблудилъ в Великъ день,^{203*} праздникъ наругая, да и взбѣсился, жена ево сказывала. И я в дому своемъ держалъ мѣсяца з два, стужалъ⁶⁶ об немъ Божеству, в церковь водил и масломъ освятил, — и помиловалъ Богъ: здравъ бысть и умъ исцелѣ.

И сталъ со мною на крылосѣ пѣть, а грамотѣ не ученъ, и досадилъ мнѣ в литоргию во время переноса. Азъ же ево в то время на крылосѣ побивъ, и в притворѣ пономарю велѣлъ к стѣнѣ приковать. Онъ же, вышатавъ пробой, взбѣсился и старова больши; и ушедъ к большому воеводѣ^{204*} на дворъ, людей розгонявъ и сундукъ разломавъ, платье княгинино на себя вздѣлъ — въ верху у нихъ празнуетъ, бытто доброй человекъ. Князь же, от церкви пришедъ и осердясь, велѣлъ многими людьми в тюрьму ево оттащить. Онъ же в тюрьмѣ юзниковъ, бѣдныхъ, перебилъ и печь розломал. Князь же велѣлъ в село ко своимъ ево отслать, гдѣ онъ живалъ. Онъ же, ходя в деревняхъ, пакости многия творил. Всякъ бѣгаетъ от него, а мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь.

Я по немъ предъ Владыкою на всякъ день плакалъ: Богъ было исцелилъ, да я самъ погубилъ. Посемъ пришла грамота с Москвы: велѣно меня на Лѣну ис Тобольска сослать.^{205*} Егда я на рѣку в Петровъ день в дощеникъ собрался, пришелъ ко мнѣ бѣшаной мой Феодоръ целоумень; на дощенике при народѣ кланяется на ноги мои, а самъ говоритъ: «Спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ, помиловалъ мя. Бѣжалъ-де я по пустыни третьева дни, а ты-де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ; бѣси-де и отбѣжали от меня. И я-де и нынѣ пришедъ, паки от тебя молитвы и благословения прошу». Азъ же, окаянный, поплакалъ, глядя на него, и возрадовался о величии Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляетъ Господь: ево исцелилъ, а меня возвеселилъ. И поуча ево и благословя, отпустилъ к женѣ ево в домъ. А самъ поплылъ в ссылку, моля о немъ

⁶⁶ докучал;

свѣта-Христа, да сохранитъ ево от неприязни впредь. Богу нашему слава!

Простите меня, старецъ с рабом тѣмъ Христовым: вы мя понудисте сие говорить.

Однако ужъ розьякался, — еще вамъ повѣсть скажу. Еще в попах был, там же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня в дому молодая вдова, давно ужъ, и имя ей забылъ, помнится, кабы Евфимьею звали, — ходит и стряпааетъ, все дѣлает хорошо. Какъ станемъ в вечер правило начинать, так ея бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣет вся и яко камень станет, кажется, и не дышит; ростянетъ ея на полу, и руки, и ноги, лежит яко мертва. Я, «О, всепѣтую»^{206*} проговоря, кадилом покажу, потом крестъ положу ей на голову и молитвы Великаго Василия в то время говорю, такъ голова под крестом свободна станет, баба и заговоритъ. А руки, и ноги, и тѣло еще каменно. Я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я так же по другой — и другая освободится так же; я и по животу — так баба и сядетъ. Ноги еще каменны, не смѣю туды гладить крестом. Думаю-думаю, да и ноги поглажу — баба и вся свободна станет; вставше, Богу помолясь, да и мнѣ — челом. Прокуда-таки — ни бѣс, ни што — в ней был, много време так в ней играл. Маслом ея освятил, такъ вовсе отшелъ, — исцелѣла, дал Богъ.

А иное два Василия бѣшаные бывали у меня прикованы, странно и говорить про нихъ.

А еще сказать ли, старец, повесть тебѣ? Блазновато, кажется, да уже сказать — не пособить. В Тобольске была дѣвица у меня, Анною звали, какъ вперед еще ехал, маленька ис полону ис кумыкъ привезена, дѣвство свое непорочно соблюла. В совершенствѣ возраста отпустил ея хозяинъ ко мнѣ; зѣло правильне и богоугодне жила. Позавидѣ дияволь добродѣтели ея, наведе ей печаль о Елизарѣ, о первом хозяинѣ ея. И стала плакать по нем, таже и правило презирать, и мнѣ учинилась противна во всем, а дочь мнѣ духовная. Многожды в правило и не молясь простоит, дремлет, прижавъ руки. Благодитрый же Богъ, наказуя ея, попустил бѣса на нея: стоя лѣностию в правило, да и взбѣсится. Аз же, грѣшный, жалѣя по ней, крестом благославию и водою кроплю, и бѣсъ отступит от нея. И тово было многожды.

Таже в правило, задремавъ, и повалилася на лавку и уснула. И не пробудилась три дни и три ночи: тогда-сегдадохнетъ. Аз же по временамъ кажу ея, чаю, умереть. В четвертый же день

встала и, сѣдши, плачетъ. Есть даютъ — не есть и не говоритъ. Того же дня в вечер, проговоря правило и распустя всехъ, во тмѣ началъ я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступя ко мнѣ, пад, поклонилась до земли. Аз же от нея отшелъ за стол, бояся искусу дьявольскова, и сѣлъ на лавке, молитвы говоря. Она же, к столу приступя, говорит: «Послушай, государь, велѣно тебѣ сказать». Я и слушать сталъ. Она же, плачючи, говоритъ: «Егда-де я, батюшко, на лавку повалилась, приступили два ангела и взяли меня и вели зѣло тѣснымъ путем. На лѣвой странѣ слышала плачь с рыданиемъ и гласы умильны. Таж-де привели меня во свѣтлое мѣсто: жилища и полаты стоять. И едина полата всѣхъ болши и паче всѣхъ сияетъ красно. Ввели-де меня в нея, а в ней-де стоять столы, а на нихъ послано бѣло и блюда з брашнами стоять. По конец-де стола древо многовѣтвено повѣвает и гараздо красно, а в немъ гласы птичьи умильны зѣло, не могу про них нынѣ сказать. Потом-де меня вывели из нея; идучи, спрашиваютъ: „Знаешь ли, чья полата сия?“ И я-де отвѣщала: „Не знаю, пустите меня в нея“. И онѣ мне отвѣщали сопротивъ: „Отца твоего Аввакума полата сия. Слушай ево, так-де и ты будешь с ним. Крестися, слагая перѣсты так, и кланяйся Богу, какъ тебѣ онѣ наказываетъ. А не станешь слушать, так будешь в давешнемъ мѣсте, гдѣ слышала плакание то. Скажи жо отцу своему, мы не бѣси, мы ангели, смотри — у нас и папарты“.⁶⁷ И я-де, батюшко, смотрела: бѣло у ушей-тех их».

По том, испрося прощения, исправилася благочинно по-прежнему жить. Таже ис Тобольска сослали меня в Дауры, аз же у сына духовнаго оставилъ ея тутъ. А дьяволь опять здѣлал по-своему: пошла за Елизара замужъ и дѣток прижила. Егда услышала, что я еду назад, отпросясь у мужа, постриглась за мѣсяць до меня.

А егда замужем была, по временам бѣсъ мучил ея. Егда же аз в Тоболескъ приехалъ, пришла ко мнѣ и робятишек двоих положила пред меня, кающеся, плачетъ и рыдаетъ. Аз же пред человекѣ кричю на нея. Потом к обѣдне за мною в церковь пришла, и во время переноса напал на нея бѣсъ: учала кричать кокушъкою и собакою и козою блекотать. Аз же зжалихся, покиня «Херувимъскую» пѣть, взявъ крестъ от олтаря и на бѣса

⁶⁷ папарты — изображаемые на иконах белые воздушные ленточки возле ушей ангелов — знак слушания Бога;

закричалъ: «Запрещаю ти именемъ Господнимъ! Изыди из нея и к тому не вниди в нея!» Бѣсъ и покинулъ ея. Она же припаде ко мнѣ за нюже вину. Аз же простил и крестом ея благословил, и бысть здрава душою и тѣлом. Потом и на Русь я вывез ея. Имя ей во иноцех Агафья, страдала много вѣры ради з дѣтми моими на Москвѣ, с Ъваном и Прокопьем, за поруками их всѣхъ вмѣсте Павел-митрополит волочил.^{207*}

Ко мнѣ же, отче, в дом принашивали матери дѣток своих маленьких, скорбию одержимы грыжною. И мои дѣтки егда скорбѣли во младенчествѣ грыжною жъ болѣзнию, и я маслом помажу священным с молитвою презвитерскою чювьства вся и, на руку масла положи, вытру скорбящему спину и шульятка,⁶⁸ — и Божиею благодатию грыжная болѣзнь и минуется. И аще у коего младенца та же отрыгнет скорбь, и я так же сотворю, и Богъ совершенно исцеляет по своему челоувѣколюбию.

А егда еще я попом былъ, с первыхъ временъ, егда к подвигу сталъ касатися, тогда бѣсъ меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехалъ к ней отецъ духовной; аз же из двора пошелъ во церковь по книгу с вечера, глубоко нощи, по чему исповѣдывать больную. И егда пришелъ на паперть, столлик маленькой, тутъ поставлень, поскакивает и дрожить бѣсовским дѣйством. И я, не усташася, помолясь предъ образом, осѣнил ево рукою и, пришед, поставилъ ево на мѣсте, так и перестал скакать. И егда я вошелъ в трапезу, тутъ иная бѣсовская игрушка: мертвецъ на лавке стоял в трапезе непогребеной, и бѣсовским дѣйством верхняя доска раскрылась и саван стал шевелитца на мертвомъ, меня усташая. Аз же, помолясь Богу, осѣнил мертваго рукою, и бысть по-прежнему паки. Егда же вошел в олтарь, — ано ризы и стихари шумять и летаютъ с мѣста на мѣсто: дьяволь дѣйствуетъ, меня усташая. Аз же, помоляся и прѣстоль поцеловав, благословил ризы рукою и, приступивъ, их пощупал, а онѣ висятъ по-старому на мѣсте. Аз же, взявъ книгу, и вышел ис церкви с миромъ. Таково то бѣсовское ухищрение к челоувѣком.

Еще скажу вам о жертвѣ никониянской. Сидящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынятую со крестомъ Христовымъ. Аз же, облазняся, взял ея и хотѣлъ потребить наутро, чая, чистая; православная над нею была служба, понеже поп

⁶⁸ животик;

старопоставленной служилъ над нею. А до того онъ поп по новым служил книгам и паки сталъ служить по-старому, не покайся о своей блудне.

Положа я просвиру в углу на мѣсте и кадилъ в правило в вечер. Егда же возлегъ в ночь ту и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и един, щербатъ, чермень, взяв меня за голову и говоритъ: «Семь-ко ты сюды, попалъ ты в мои руки!» — и завернулъ мою голову. Аз же, томяся, еле-еле назнаменовалъ Иисусову молитву, и отскочиша и исчезоша бѣси. Аз же, стоя и охая, недоумѣюся, за что меня бѣсъ мучил. Помоля Бога, опять повалился. Егда же забыхся, вижу на нѣкомъ мѣсте церковь и образъ Спасовъ и крестъ, по-латынѣ написанъ; и латынники, инымъ образомъ приклякивая, молятся по-латынски. Мнѣ же нѣкто от предстоящих велѣлъ крестъ той поцеловати. Аз же егда поцеловах, нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудюша. Аз же послѣ их встацился зѣло разслаблен и разломан, не могу и сидѣть; уразумѣлъ, яко просвиры ради от бѣсовъ обруганъ, выложилъ ея за окошко и ночь ту и день препроводил в трудѣ и немощьствуя, рассуждая, что сотворю над просвирую.

Егда же прииде ночь другая, по правилѣ возлегшу ми, и, не спя, молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полкъ в кѣлью мою з домрами и з гутками, и одинъ сѣлъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала. И начаша играти в гутки и в домры, а я у них слушаю, лежа; меня ужъ не тронули, и исчезоша. Аз послѣ их возставъ, моля Бога со слезами, обѣщалься жжечь просвиру ту. И прииде на мя благодать Духа Святаго; яко искры во очию моею блещахуся огня невещественнаго, и самъ я в той час оздравѣлъ, благодатию духовною сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и жжегше просвиру, выкинулъ и пепель за окошко, рекохъ: «Вотъ, бѣсъ, „твоя от твоих“ тебѣ въ глаза бросаю!»

И на ину ночь един бѣсъ, в хижу мою вошед, походя и ничево не обрѣте, токмо чотки из рукъ моих вышибъ, и исчезе. Аз же, поднявъ чотки, паки начал молитвы говорити. И во ино время, среди дня, на полу в поддыменье лежа, опечалихся креста ради, что на просвирѣ жжегъ, и от печали запѣлъ стих на глас третей: «И печаль мою пред ним возвѣщу»,^{208*} а бѣсъ в то время на меня вскричалъ зѣло жестоко больно. Аз же ужасся и паки начах молитвы говорити. Таже во ину ночь забытием ума о крестѣ том паки опечалихся и уснух; и нападоша на мя бѣси,

и паки умучиша мя, яко и прежде. Аз же, разслаблень и изломан, на силу жив, с доски сваялся на полъ, моля Бога и каяся о своем безумии, проклял отступника Никона с никонияны, и книги их еретическия, и жертву их, и всю службу ихъ, — и благодать Божия паки прииде на мя, и здравъ бысть.

Виждь, человекѣ, каково лѣпко бѣсовское дѣйство христіаном! А егда бы съель просвиру ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго их никониянѣскаго священія таковая бѣда, а от большаго агнца причастия, что получишь? Развѣ вѣчную муку. Лутче умереть не причастия, нежели, причастия, осуждѣну быти!

О причастии святых Христовых непорочных Таин. Всякому убо в нынѣшнее время подобает опасно жити и не без разсмотрѣнія причащатися Тайнам. Аще ли гоненія ради не получишь священника православна, и ты имѣй у себя священное служеніе от православных запасный агнецъ, и, обрѣтше духовна брата, аще и не священника, исповѣждься ему, пред Богом каяся. И по правилѣ утреннѣм на коробочку постели платочикъ, пред образомъ зажги свѣчку, и на ложечку водицы устрой на коробке и в нея положи часть Тайны; покадя кадиллом, приступя со слезами, глаголя: «Се приступаю к Божественному причащенію, Владыко, да не опалиши мя приобщеніем, но очисти мя от всякия скверны, огонь бо, — рекль еси, — недостойных опалая. Се предлежит Христос на пищу всѣмъ, мнѣ же прилѣплятися Богови благо есть и полагати на Господа упованіе спасенія моего. Аминь».^{209*} И по томъ причастия с сокрушеннымъ сердцем и паки воспой благодарная к Богу, и поклонцы по силѣ, прощенье ко брату. Аще един, и ты ко образу, пад на землю, глаголи: «Прости мя, Владыко, Христе Боже, елико согрѣшихъ»,^{210*} весь до конца говори. И потомъ образ целуй и крестъ на себѣ. А прежде причастія надобѣ же образ целовать. Ну, прости же и меня, а тебя Богъ простит и благословит. Вотъ хорош и умереть готов. Сиче видал в правилѣхъ указано, твори так, не блюдишь.

Еще тебѣ скажу, старец, повѣсть, какъ я был в Даурахъ с Пашковымъ с Афонасьемъ на озерѣ Ирѣгене. Гладны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а инова и ничево нѣтъ, от глада исчезаем. Помоля я Бога, взявъ двѣ сѣти, в протоке перекидал. Наутро пришел, — ано мнѣ Богъ даль шесть язей да двѣ щуки. Ино

во всѣхъ людяхъ дивно, потому никто ничево не может добыть. На другіе сутки рыбъ здесять мнѣ Богъ дал. Тут же свѣдавъ Пашковъ и исполняя зависти, збил меня с тово мѣста и свои ловушки на том мѣстѣ велѣлъ поставить, а мнѣ, на смѣх и ругаясь, указал мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродят. Человѣку воды по лодышку, — какая рыба, и лягушекъ нѣтъ! Тутъ мнѣ зѣло было горько. А се, подумавъ, рече: «Владыко человѣколюбче, не вода даетъ рыбу, ты вся промысломъ своимъ, Спасе наш, строишь на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки-той на безводном-том мѣсте, посрами дурака тово, прослави имя твое святое, да не рекутъ невѣрнии: „Гдѣ есть Богъ их!“»^{211*} И помолясь, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти на меня, бѣдные, кручиняся, говорят: «Батюшко, к чему гноить сѣти-те? Видиши ли, и воды нѣту, какой быть рыбе?» Аз же, не послушавъ ихъ совѣту, на Христа уповаю, здѣлал так, какъ захотѣлось.

И наутро посылаю дѣтей к сѣтям. Онѣ же отвѣщали: «Батюшко-государь, пошто итти, какая в сѣтяхъ рыба! Благослови нас, и мы по дрова лутче збродим». Меня же духъ подвизает, — чаю в сѣтяхъ рыбу. Огорчась на большева сына Ивана, послал ево одново по дрова, а с меньшимъ потащилъся к сѣтям сам, гораздо о том Христу докучаю. Егда пришли, — ино и чудно, и радощно обрѣли: полны сѣти напехал Богъ рыбы, свившиися клубомъ, и лежат с рыбою о середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «Батюшко-государь, рыба, рыба!» И аз ему отвѣщаль: «Постой, чадо, не тако подобаетъ, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдём в воду».

И помолясь, вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу. И паки построя сѣти на том же мѣсте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы, на третей день — паки столько же рыбы. И слезно, и чудно то было время.

А на прежнемъ нашем мѣсте ничево Пашкову не даетъ Богъ рыбы. Он же, исполняя зависти, паки послал ночью и велѣлъ сѣти мои в клочки изорвати. Что-петь з дуракомъ дѣлаешь! Мы, собравъ рваные сѣти, починя втай, на ином мѣсте промышлявъ рыбку, кормились, от нево таяся. И здѣлали езь, Богъ же и там сталъ рыбы давать. А дьяволъ ево научилъ, и езь велѣлъ втай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили; и много тово было. Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Терпѣніе убогихъ не погибнет до конца.^{212*}

Слушай-ко, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро^{213*} к дѣтям по рыбу — от двора версть с пятнатцеть, там с людьми промышляли — в то время, как ледь трѣснул и меня напоилъ Богъ; и у дѣтей накладше рыбы нарту большую, и домой потащилъ маленькимъ дѣтям, послѣ Рожества Христова. И егда буду на-среди дороги, изнемогъ, таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу там не бывает, токмо морозы велики. Ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла. Выбилъся из силы, вспотѣл, и ноги не служатъ. Версть с восьмь до двора; рыба покинуть и так побрести — ино лисицы розѣдят, а домашние гладны; все стало горе; а тащить не могу. Потаща гоны мѣста, ноги задрожать, да и паду в лямке среди пути ницъ лицом, что пьяной; и озябше, вставъ, еще попойду столько же, и паки упаду.

Бился такъ много, блиско полуночи. Скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую тонкую тафтяную бѣлую шубу и взлѣз на вершину древа, уснулъ. Поваляся, пробудился, — ано все замерзло, и базлуки на ногах замерзли, шубенко тонко, и животъ озябъ весь. Увы, Аввакумъ, бѣдная сиротина, яко искра огня угасаетъ и яко неплодное древо посѣкаемо бывает, только смерть пришла. Взираю на небо и на сияющия звѣзды, тамо помышляю Владыку, а самъ и прекреститися не смогу: весь замерзъ. Помышляю, лежа: «Христе, свѣте истинный, аще не ты меня от безгоднаго⁶⁹ сего и нечаемаго времени избавишь, нѣчева мнѣ стало дѣлать, яко червь исчезаю!». А сѣ согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню как, взложилъ лямку, опять потащил. Ино нѣтъ силки. Еще версты с четырьѣ до двора, — покинул, и не хотя, все, побрел один. Тащилъся с версту да и повалился, только не смогу; полежавъ, еще хощу побрести, ино ноги обмерзли, не смогу подымать; ножа нѣтъ, базлуков отрѣзать от ногъ нѣчемъ. На колѣнях и на руках ползъ с версту. Колѣни озябли, не могу владѣть, опять легъ. Уже дворъ и не само далеко, да не могу попасть; на гузнѣ помаленьку ползу. Кое-какъ и доползъ до своая конуры. У дверей лежу, промолыть не могу, а отворить дверей не могу же.

К утру уже встали, уразумѣвъ, протопопица втащила меня, бытто мертвова, в ызбу; жажда мнѣ велика — напоила меня водою, разболокси. Два ей горя, бѣдной, в ызбѣ стало: я да корова

⁶⁹ безвременного;

немошная — только у нас и животов было — упала на водѣ под ледь, изломався, умирает, в ызбѣ лежа. В двадцети в пяти рублях сия нам пришла корова, робяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайлова ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескѣ прислала,^{214*} и Пашковъ, на церковной обиход взявъ, мнѣ в то число коровку ту было дал; кормила с робяты год-другой. Бывало и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешь, так лехче на брюхе.

Плакавъ, жена бѣдная с робяты зарѣзала корову и истекшую кровь ис коровы дала найму-казаку, и онъ приволок мое с рыбою нарту.

На обѣде я едше, грѣх ради моих, подавился — другая мнѣ смерть! С полчаса не дышалъ, наклонясь, прижавъ руки, сидя. А не кусомъ подавился, но крошечку рыбки положи в ротъ: вздохнулъ, вспомянувъ смерть, яко ничтоже человекъ в житии семъ, а крошка в горло и бросилась да и задавила. Колотили много в спину, да и покинули; не вижу ужъ и людей, и памяти не стало, зѣло горько-горько в то время было. Ей, горька смерть грѣшному человекъ! Дочь моя Агрѣвна^{215*} была невелика, плакавъ, на меня глядя, много, и, никто ея не учил, — робенокъ, разбѣжався, локтишками своими ударила в мою спину, — и крови печенье из горла рыгнуло, и дышать стала. Большие промышляли надо мною много и без воли Божии не могли ничево здѣлать; а приказал Богъ робенку, и онъ, Богомъ подвизаем, пророка от смерти избавил. Гораздо невелика была, промышляет около меня, бытто большая, яко древняя Июдифъ о Израили, или яко Есвирь о Мардохѣ, своем дядѣ, или Девора мужеумная о Варацѣ.^{216*}

Чюдно гораздо сие, старецъ: промыслъ Божий робенка наставил пророка от смерти избавить!

Дни с три у меня зѣлень горькая из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить. Сие мнѣ наказание за то, чтоб я не величался пред Богом совѣстию своею, что напоил меня среди озера водою. А то смотри, Аввакумъ: и робенка ты хуже, и дорогою было, идучи, исчезнул, не величайся, дурак, тѣмъ, что Богъ сотворит во славу свою чрез тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя. Ему слава подобает, Господу нашему Богу, а не тебѣ, бедному, худому человекъ. Есть писано во пророцѣхъ, тако глаголет Господь: Славы своя иному не дам.^{217*} Сие реченно о лжехристах, нарицающихся Богомъ, и на жиды,

не исповѣдающих Христа Сыном Божиимъ. А инѣдѣ писано: Славящия мя — прославлю.^{218*} Сие реченно о святых Божиих; егоже хошет Богъ, того прославляетъ.

Вотъ смотри, безумнѣ, не сам себя величай, но от Бога ожидай; какъ Богъ хошетъ, так и строит. А ты-су какой святой: из моря напился, а крошкою подавился! Только б Божиим повелѣнием не робенок от смерти избавил, и ты бы, что червь: был, да и нѣтъ! А величаешься, грязь худая: я-су бѣсов изгонял, то, се дѣлал, — а себѣ не могъ помощи, только бы не робенок! Ну, помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворит по милости своей, ему же слава.

О сложении перьсть.

Всякому убо правовѣрну подобаеъ крѣпко перьсты в рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с нерадѣнием и бѣсов тѣшитъ. Но подобаеъ на главу, и на брюхо, и на плеча класть рука с молитвою, еже бы тѣло слышало, и, умомъ внимая о сих тайнах, крестися. Тайны тайнам в руке перьсты образуютъ, сице разумѣй. По преданию святых отецъ подобаеъ сложити три перьста: великий, и мизинец, и третий, подлѣ мизинаго, всѣхъ трехъ концы вкупе, — се являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святаго Духа; таже указательный и великосредний, два сия, сложити и единъ от двухъ, великосредний, мало наклонити, — се являет Христово смотрение Божества и человѣчества. Таже вознести на главу, — являет Умъ нерожденный: Отецъ роди Сына, превѣчнаго Бога, прежде вѣкъ вѣчныхъ. Таже на пупъ положить, — являет воплощение Христа, Сына Божия, от святыя Богоотроковицы Марии. Таже вознести на правое плечо, — являет Христово вознесение и одесную отца седѣние и праведных стояние. Таже на лѣвое плечо положить, — являет грѣшных от праведных отлучение, и в муки прогнание, и вѣчное осуждение.^{219*}

Тако научиша нас перьсты слагати святии отцы, Мелетий, архиепископъ Антиохийский, и Феодоритъ блаженный, епископъ Киринѣйский, и Петръ Дамаскинъ, и Максим Грекъ.^{220*} Писано о семъ во многих книгах, во Псалтырях, и в Кирилове, и о вѣре в Книге, и в Максимове книге, и Петра Дамаскина в книге, и в житъе Мелетиеве,^{221*} — везде одинако святии о тайнѣ сей по-вышереченному толкують.

И ты, правовѣрнѣ, назидая себя страхом Господнимъ, прекрестяся и падъ, поклонися главою в землю, — се являетъ

Адамово падение. Егда же восклонисся, — се являеть Христо-вым смотрением всѣхъ нас востание, — глаголи молитву, сокрушая свое сердце: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго». Таже твори по уставу и метание на колѣну, какъ Церковь прежде держала, опирайся руками и колѣнами, а главу до земли не доводи. Такъ Никонъ, Черныя Горы игумень,^{222*} повелѣваетъ в своей книге творити метания:^{223*} всякому своя плоть пометати пред Богомъ подобаетъ без лѣности и без гордыни, во церкви, и в дому, и на всяком мѣсте. Изряднее же в Великий постъ томить плоть своя по уставу, да не воюеть на духъ. В праздники же, и в суботы, и в недѣли⁷⁰ просто молимся стояще, поклоны по уставу творим поясные и в церкви, и в кѣлье, изравняяще главу противъ пояса, понеже праздника ради не томим плоти метанием, а главу наклоняем в пояс без лѣности и без гордыни Господу Богу и Творцу нашему. Субота бо есть упокоения день, в он же Господь почи от всѣхъ дѣлъ своихъ, а недѣля — всѣхъ нас востание Воскресения ради. Тако же и праздники, радосно и духовно веселящися, торжествуем.

Видишь ли, боголюбче, какъ у святыхъ-тѣхъ положено розводно, — и спасительно, и покойно; не какъ у нынѣшних антихристова духа: и в Великой постъ метания на колѣну класть, окаянные, не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ? Развѣ умерши станут кланятца прилѣжно; да мертвые уже на ногах не стоят и не кланяются, лежать всѣ и ожидаютъ общаго востания и противо дѣлъ воздаяния. А мнѣ видятся равны уже онѣ мертвецамъ-тѣмъ: аще и живи суть, но исполу живи, но дѣла мертвечия творят, срамно и глаголати о них.

Онѣ жо, бѣдныя, мудръствуютъ трема перѣсты креститца, большой, и указательный, и великосредний слагая в троицу, а не вѣдомо, в какую, — большо в ту, что во Апокалипсисе пишет Иванъ Богословъ: змий, звѣрь, лживый пророкъ.^{224*} Толкование: змий глаголется дияволъ, а лживый пророкъ — учитель ложной, папа или патриархъ, а звѣрь — царь лукавой, любяй леть и неправду.

Сия три перѣста предал Фармос, папа римьской, — благословляя и крестилься ими. И по нем бывый Стефанъ, седмый

⁷⁰ в воскресенья;

папа, выкопавъ, поругал ево, — перъсть отсѣкше, бросилъ на землю. И разступилася земля, и пожре персть. Таже, отсѣкше, другой бросилъ, — и бысть пропасть велика. Потом и третий, отсѣкши, бросил, — и изыде из земли смрад лють, и начаша люди от смрада издыхати. Стефан же велѣл и тѣло Фармосово в Тиверь-рѣку кинуть, и, сложа персты своя по преданию, благословил пропасть, — и снидесе земля по-прежнему паки.^{225*} О сем писано в лѣтописце латынском, о вѣрѣ Книга указываетъ лѣтописецъ которой.^{226*}

Но аще ревнитель Стефанъ и обличилъ сию триперъсную ересь, а однако римляне и донынѣ трема персты крестятся; потом и Польшу прельстили и вси окресныя рѣши:⁷¹ немец, и серби, и албанасы, и волохи, и греки, — вси обольстились. А нынѣ и наша Русь ту же три перста возлюбила, предание Никона отступника со дьяволомъ и с Фармосом.

Еще же и новой адовъ пес выскочил из безны в греках, Дамаскинъ иподьякон, безъимяник, и предал безумным грекам тѣ же три перста, — толкует за Троицу, отсѣкая вочеловѣчние Христово.^{227*} Чему быть, — выблядок того же римскаго костела, брат Никону-патриарху!

Да там же в греках какой-то, сказываютъ, протопоп Малакса архиереомъ и ереомъ благословлять рукою повелѣвает, нѣ-како странно сложа персты, «Исус Христомъ».^{228*} Все дико: у давешняго врага вочеловѣчения нѣтъ, а у сего Малаксы святыя Троицы нѣтъ. Чему быть, — время то пришло: нѣкъмъ им играть, аже не Богомъ! Да что на нихъ и сердитовать! Писаное время пришло. Ипполитъ святой и Ефремъ Сирий, издалеча уразумѣвъ о семь времени, написали сице:^{229*} «И дастъ имъ, скверный, печать свою за знамение Спасителя во». Се о трехъ перъстахъ реченно.

Егда сам себя волею своею печатает трема персты, такового умъ тѣмень бывает и не разумѣвает правая, всегда помрачен, печати ради сея скверныя.

Еще же и другое писание: «И возложить им скверный и мерский образ на чело». Се писано о архиерейскомъ благословении, еже Малакса предал; от разумѣющихъ толкуется: идолъ в руке слагая, на чело возлагаютъ, еже есть мерский образ. Да будутъ онѣ прокляты со своимъ мудрованиемъ

⁷¹ страны.

развращеннымъ, тотъ — такъ, другой — инакъ, сами в себѣ несогласны, враги креста Христова!

Мы же держимъ святыхъ отецъ предание, Мелетия и прочихъ, неизмѣнно. Якоже знаменуемъся пятью перъсты, такоже и благословляемъ пятью перъсты, во Христа и во святую Троицу слагая по-вышереченному, какъ святити предаша. И при царѣ Иване бывый в Москвѣ помѣстный соборъ^{230*} такъ же персты повелеваетъ слагати, якоже Феодорит, и Мелетий, и Петръ, и Максим Грек научиша.^{231*} пятью персты креститися и благословляти. Тамо на соборѣ быша знаменосцы Гурий и Варсонофий и Филиппъ, русскія чудотворцы.^{232*}

И ты, правовѣрне, без сомнѣнія держи предание святыхъ отецъ, Богъ тебя благословит, умри за сие, и я с тобою же долженъ. Станемъ добре, не предадимъ благовѣрія, не по што нам ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили! Слава о семъ Христу, Сыну Божию, со Отцемъ и со Святымъ Духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

Ну, старецъ, моево вяканія много ветъ ты слышалъ. О имени Господни повелеваю ти, напиши и ты рабу-тому Христову, какъ Богородица бѣса-тово в рукахъ-тѣхъ мяла и тебѣ отдала; и какъ муравьи-те тебя за тайно-еть удъ ели; и какъ бѣсъ-отъ дрова-те сожег, и какъ кѣлья-та обгорѣла, а в ней все цѣло; и какъ ты кричал на небо-то; да и иное, что помнишь.

Слушай же, что говорю! Не станешь писать, такъ я осержусь: у меня любил слушать, чево соромитца! Скажи жо хотя немношко. Апостоли Павел и Варнава на соборѣ сказывали же во Еросалимѣ предъ всѣми, елика сотвори Богъ знаменія и чюдеса во языцехъ с нима, — в Дѣяніихъ зачало 36.^{233*} И 42 зачало: И величашеся имя Господа Исуса; мнози же от вѣровавшихъ прихождаху, исповѣдающе и сказующе дѣла своя.^{234*} Да и много тово найдется во Апостолѣ и в Дѣяніи. Сказывай, не бось, лише совѣсть крѣпку держи; не себѣ славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-отъ Христовъ веселится, чтучи; а мы за чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить. Какъ умремъ, так онѣ помянут нас, а мы ихъ там помянем. Наши онѣ люди будут там, у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Житие инока Епифанія

Часть I

ПОСЛУШАНИЯ ради Христова и твоего ради повелѣнія и святаго ради твоего благословенія, отче святыи,^{1*} и прошения ради раба тово Христова^{2*} не отрекуся сказати вам о Христвъ Исусѣ. Но не позазритѣ скудоумию моему и простотѣ моеи, понеже грамотики и философии не учился, и не желаю сего, и не ищу, но сего ищу, како бы ми Христа милостива сотворити себѣ и людем, и Богородицу, и святых его. А что скажу вамъ просто, и вы Бога ради собой исправтѣ со Христом, а мене, грѣшнаго, проститѣ и благословитѣ, и помолитесь о мнѣ ко Христу и Богородице и святым его. Аминь.

Родился я в деревнѣ. И как скончались отецъ мой и мати моя, и азъ, грѣшный, идох¹ во град нѣкий,^{3*} зело велик и многолюденъ, а град благочестивой, христианской, и пребых в нем семь лѣтъ.

И прииде ми помыслъ възыскати пути спасенія, и идох ко всемилостивому Спасу во святую обитель Соловецкую,^{4*} ко преподобным отцем нашим Зосимѣ и Саватию.^{5*} И тамо ми благодать Христова поспѣшила: отцы святии приняли мя с радостію, а иным отказали. И сподобил мя Христос, и Богородица, и святии его быти у них в послушании семь лѣтъ, не зазорно пред Богом и не укорно пред челоуѣки; вси мя за послушание

¹ пошел;

любаша. И по сем святыи отецъ нашъ архимарит Илья^{6*} и прочии отцы возложили на мя святыи иноческый образ. И в том иноческом образѣ сподобил мя Богъ быти у них в послушании пять лѣтъ; и всего двенатцать лѣтъ былъ у нихъ.

И как грѣх ради наших попустилъ Богъ на престол патриаршескый наскочити Никону, предотече антихристову, он же, окаянный, вскорѣ посадил на Печатной дворѣ врага Божия Арьсенія, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас в Соловецком монастырѣ в заточении.^{7*} И той Арсенъ, жидовин и грек, быв у нас в Соловках, сам про себя сказал отцу своему духовному Мартирию-священноиноку,^{8*} что он в трех землях был, и трою² отрекался Христа, ища мудрости бѣсовския от врагов Божиих. И с сим Арсением, отметником и со врагом Христовым, Никон, врагъ же Христовъ, начаша они, враги Божии, в печатныя книги сѣяти плевелы еретическыя, проклятыя, и с тѣми злыми плевелами тѣ книги новыя начаша посылати во всю Рускую землю на плач и на рыдание церквам Божиим и на погибель душам человеческим.

Тогда у нас в Соловецком монастырѣ святии отцы и братия начаша тужити и плакати горько и глаголати сице: «Братия, братия! Увы, увy! Горе, горе! Пала вѣра Христова, якоже и в прочихъ земляхъ, в земли Руской, двема врагами Христовыми Никоном и Арсеном». Паче же всѣхъ прежереченный Мартирий-священноинок обливашея горькими многими слезами, возвѣщая трикратное отречение Арсениево от Христа, Бога нашего, обѣрегая дѣтей своихъ духовныхъ и прочию братию от Арсенія, отступника и еретика.

Тогда и азъ, многогрѣшный, со святыми отцы тужа и плача, пребыл с ними время нѣкое. И от тоя тоски и печали, по совѣту и по благословению старца келейнаго и отца духовнаго, взял³ книги и иная нужная потребная пустынная, и благословил мене старецъ образомъ пречистыя Богородицы со младенцемъ Исусъ Христомъ, мѣдянымъ, вольяшнымъ,⁴ и изыдохъ от святаго монастыря, милости у Христа просити себѣ и людемъ, в дальнюю пустыню на Суну-рѣку, на Виданьской остров: от Соловковъ четьрѣста верст, а от великаго озера Онѣга — 12 версть.

² трижды;

³ взяв;

⁴ литым;

И тамо обрѣтох старца, именем Кирила,^{9*} чюдна и славна житием, пребывающа в молитвах, и во псалмѣх, и в постѣ, и милостыню творяше велику сиротам и вдовицам. Держаше бо той старецъ у себе в пустынѣ толчею и мельницу на нужную потребу себѣ, а иное все отдаваше требующим Христа ради. И той мя старецъ принял къ себѣ в пустыню с великою радостію и удержал мя у себе Христа ради.

И бѣ со старцем в кѣлии живяше бѣс зѣло лют, много бо старцу пакости творяше во снѣ и наявѣ. Нѣкогда бо той старецъ Кирило изыде ис тоя пустыни во Александровъ монастырь^{10*} духовныя ради потребности ко отцем духовным и приказал свою пустыню назирати отцу своему родному Ипатию и зятю своему Ивану,^{11*} в деревнѣ живущим, 12 верстѣ от его пустыни. «А в кѣлию мою, — рече, — не ходите», — оберегая их старецъ от беса, сице рек.

Зять же его Иванъ соблудил со женою своею и, не обмывся, взял сосѣда своего, именем Ивана же, — о сем сказа нам жена его последи, — и идяше пустыни дозрѣти. И не послушаша старцева наказания, внидоша в кѣлию его и возлегоша спать. Бѣсъ же Ивана поганого до смерти удавилъ, и власы долгия кудрявыя со главы содрал, и надулъ его, яко бочку великую, а другаго Ивана вынес ис кѣли в сѣни и выломилъ ему руку.

И той Иванъ живой спал в кѣли в сѣнях день да ночь. И как наполняшеся сутки, он же пробудилъся, яко пьян, и, рукою своею не владѣя, приползѣ ко Ивану удувленому, хотяше бо его разбудити, и узрѣ его удувлена, отекаша, надута, и ужасеся зѣло, едва ис кѣлии исползѣ на брюхѣ и на колѣнах. И кое-как приползѣ во другую во странноприимную кѣлью и тут полсутко со умомъ собирався. И по сем сволокся в карбас и пустился на низъ по рекѣ.

И принесе его вода в деревню ко Ипатию, тестю Ивана удувленого. Он же взял людей, и иде в пустыню и в кѣлью старцеву, и взяша зятя своего, и понесоша. И трѣснула кожа на Иванѣ удувленом, бѣ бо надулъ его бѣсъ крепко и туго зѣло, и истече крови много в кѣлье. Они же ужем⁵ связаша ему брюхо и на древе несоша его в карбасъ, яко бочку, и везе на погость, и въ яму в четыре доски положиша, тако и погребоша.

⁵ веревкой, жгутом;

Сия ми вся повѣда старецъ Кирило, и Иванъ безрукой, и Иван Лукин, которой тово удавленово носиль и погребаль.

И после того та кѣлья стояше пуста, а старецъ Кирило в странноприимной кѣлье живяше. И послаша мене старецъ в ту кѣлью жити, идѣже бѣсь живетъ. Аз же, грѣшный, старцу рекох сице: «Отче святой, помози ми во святых своих молитвах, да не сотворит ми дьявол пакости!» И рече ми старецъ: «Иди, отче, Христос с тобою и Богородица и святии его, да и азъ, грѣшный, в молитвах буду помогати тебѣ, елико Богъ помощи подасть». И благослови мя в кѣлию ити. Аз же со благословениемъ старцевым идох в кѣлию ту, идѣже бѣсь живет.

И нача сердце мое трепетатися во мнѣ, кости и тѣло дрожати, и власы на главѣ моей востали, и нападе на мя ужас великъ зѣло. Аз же, грѣшный, положил книги на налой, а образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы со Исус Христом поставиль в киотѣ, и благодаря Бога и Богородицу и святых его всѣх, и на помощь призывати их себѣ, да не дадутъ мя в поругание бѣсу. И много о сем доуки было всяко, простите мя Бога ради! Посемъ кадило нарядил и покадил образы, и книги, и кѣлию, и сѣни, и ино и начал вечерню пѣти, и псалмы, и каноны, и поклоны, и иное правило по преданию старца келейнаго. И продолжися правило до полунощи и больше; сие было до Крещения Христова за два дни. И утомяся довольно, и возлегъ опочинуту, и живоносным крестом Христовым оградиль себя трижи, призывая Христа, и Богородицу, и святаго аггела-хранителя моего, да сохранить мя и оборонит от бѣса силою Христовою. И абие ⁶ сведохся в сон и спях до заутрени мирно и тихо, ни страха, ни духа бѣсовскаго не ощутилъ.

И благодатию Христовою и образом вольяшным мѣдяным пречистыя Богородицы изгнанъ бысть бѣсь ис кѣлии тоя. Посем и старецъ Кирило прииде ко мнѣ в кѣлию ту жити. И жил я в той кѣлье у старца 40 недѣль — не видали мы бѣса ни во снѣ, ни наявѣ. А какъ я вольяшной мѣдяной образ пречистыя Богородицы ис кѣлии от старца Кирила вынес во свою пустыню и во свою кѣлию, да и сам вышелъ от него, такъ бѣсь и опять к нему в кѣлию пришелъ жить с нимъ. Старецъ же Кирило, не бояся бѣса, живетъ съ бѣсом, терпитъ от него всякую обиду

⁶ тотчас;

и пакости во снѣ и наявѣ. О семъ мнѣ сам старецъ Кирило последи сказал в духовнѣ.

А живя я у старца в кѣлии, по его благословению, на том же острову, от его кѣлии полверсты, строилъ себѣ кѣлейцу малую, безмольвия ради и уединения, о пяти стѣнках: меж углы — одна с локтем сажень, а другая — полсажени поперек, а вдоль — с первую; малая — книгъ ради и правила, бѣлая, а другая — рукодѣлія ради и покоя. И егда совершилъ кѣлейцу помощію Христовою, и покрыл, и стѣнки вытесал, и опечек здѣлал, и образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы со Исусъ Христом внесъ и поставилъ на бѣлой стѣнкѣ, и помоляся ему, свѣту-Христу, и Богородице-свѣту, и рекох ко образу сице: «Ну, свѣтъ мой Христос и Богородица, храни образ свой и кѣлейцу мою и твою!»

И поклоняся ему, и идох ко старцу в пустыню; и пребых у него два дни труда ради мелничнаго.

И на третей день идох во свою пустыню и узрѣх издалеца кѣлейцу мою, яко главню, стоящу. И вострепета во мнѣ сердце мое, и потекоша от очей моих слезы на землю, и нападе на мя печаль великая, и не могах с того мѣста никаможе двинутися от горькия печали. И начахъ вопити къ Богородице, зря на небо и на кѣлию, яко на главню, взирая, сице вопя: «О, пресвятая госпоже, владычице моя Богородице! Почто презрѣла еси бѣдное мое моление, и прошение отринула, и приказу моего не послушала, кѣлейцы моя и своя не сохранила, но и образа своего не пощадила! Се нынѣ мнѣ, бѣдному и грѣшному, гдѣ работати и славу воздати Христу, сыну твоему, свѣту нашему и Богу, и тебѣ, свѣту?! Гдѣ мнѣ милости просити у Христа и у тебе и бремя греховное отрясати, яже от юности моя накопишася? Гдѣ быти безмольвию по преданию святых отецъ? Гдѣ рукодѣлію быти и от того питатися, по Христову словеси и святых отецъ? Гдѣ старца кѣлейнаго преданное правило наполняти?» И иная, подобная сим.

И вздохнув, на небо зря, милости прося у Христа и у Богородицы, и идох къ кѣлии огорѣлой.

А около кѣлии приготовлено было на сѣнишка лѣсу много, то все пригорѣло. А у кѣльи кровля по потолокъ вся сѣгорѣла, и около кѣльи чисто все огнь полизал.

Аз же, грѣшный, вздохня от печали, внидох в кѣлию огорѣлую.

О, чудо неизреченное Христово и пречистыя Богородицы! В кѣлии чисто и бѣло, все убережено, сохранено: огонь в кѣлию не смѣлъ внити, а образ на стенѣ стоит пречистыя Богородицы, яко солнце сияя показа ми ся! И обрати ми ся печаль в радость. И воздѣх руцѣ мои на небо, хвалу и благодарение воздая Христу и Богородице. И падох предо образом на землю лицом, и помоляся поклонами и молитвами, да поможет ми Богъ паки кѣлейцу построить.

И помощию Христовою и пречистыя Богородицы у кѣлейцы верьх нарубилъ и покрылъ, и стѣны и углы огорѣлыя досками обиль, и сѣнечки построиль. А старецъ Кирило и печь склаал каменную со глиною. И благодатию Христовою кѣлия моя со всѣмъ стала готова. И по малѣх днех взем у старца Кирила благословение и идох во свою кѣлию и во свою пустыню, милости просити у Христа и Богородицы и святых его себѣ и людем.

И по двух неделях начаша ко мнѣ в кѣлию бѣси приходити по нощем, устрашающе мя и давяше, не дающе ми опочинути. И того было немало время. Аз же, грѣшный, много о сем моляся Христу и Богородице, да избавит мя от бѣсов. Бѣси же таки, что день, то пуще устрашают мя и давят. Азъ же прилѣжнее притекаю и молюся Христу и Богородице, да избавит мя от бѣсовъ. И нѣкогда, после правила моего, с великою боязнию возлегъ опочинути, моляся прилѣжно Богородице, и абие свѣдохся в сонъ. И отворишася сѣнныя двери, а в кѣлейце моей стало свѣтло в полунощи. И паки кѣлейныя двери отворишася, и внидоша в кѣлию ко мнѣ два бѣса; и поглядѣли на меня, и скоро въспять возвратилися, и кѣлию мою затворили, и невѣсть камо ищезоша. Аз же помышляю, чесо ради бѣси не давили мене и не мучили, и смотрю по кѣлейце моей туды и сюды. А в кѣлии светло, а я лежу на лѣвом боку. И възрѣх на правую руку — и правой рукѣ на мышцѣ моей лежит образ вольяшной мѣдяной пречистыя Богородицы. Азъ же, грѣшный, лѣвою рукою хотѣлъ его взять — ано и нѣту, а в кѣлии стало и темно. А икона стоит на стенѣ по-старому. А сердце мое наполнено великия радости и веселия Христова. Аз же прославих о семъ Христа и Богородицу. И от того часа близ году не видалъ, ни слыхалъ бѣсовъ ни во снѣ, ни наявѣ.

И паки нѣкогда после правила моего, мнит ми ся в полунощи или и далѣ, возлегшу ми опочинути от труда, и абие сведохся в сонъ тонокъ. И приидоша ко мнѣ в келию два бѣса, один нагъ,

а другой ф кавтанѣ; и взем доску мою, на нейже почиваю, и начаша мене качати, яко младенца, и не дадяху ми опочинути, играюще бо. И много сего было у них. Аз же, осердяся на них, востал со одра моего скоро и взем бѣса нагово поперекъ посредѣ его, он же перегнулься, яко мясище нѣкое бѣсовское, и начах его бити о лавку, о коничекъ, и вопиюще сице къ высотѣ небесней великим голосом: «Господи, помози ми! Пречистая Богородица, помози ми! Святыи аггеле мой хранителю, помози ми!»

И мнит ми ся в то время, кабы потолокъ кѣлейной открывається и прихожаше ми сила Божия оттуду на бѣса, еже мучити его. А другой бѣсъ прямо дверей стоитъ в велице ужасѣ и хочет вонъ бѣжати ис кѣлии, да не может, нозѣ бо его прилѣпшася к мосту кѣлейному. И мучится, тянет нозѣ свои, от земли оторвати хочет, да не может, и сего ради бѣжати нельзѣ ему. Азъ же велегласно вопию ко Господу по-вышереченному.

И сего было время немало. И не вѣмъ, какъ бѣсъ из рук моих ищезнул. Аз же возбнухся,⁷ яко от сна, зѣло усталъ, биюще бѣса, — а руцѣ мои от мясища бѣсовскаго мокры.

И после того больше году, мнит ми ся, не бывали бѣси ко мнѣ в кѣлию.

И по сих в нѣкое время, до Покрова за двѣ недѣли, послѣ правила моего, возлегшу ми по обычаю моему на мѣстѣ моемъ обычном, на голой доскѣ, а глава ко образу пречистыя Богородицы, от образа пяди три или двѣ. И еще ми не уснувшу, отворишася двери сѣнныя скоро зѣло и пылъко, да и кѣлейныя двери скоро-скоро зѣло отворишася. И вскочилъ ко мнѣ въ кѣлию бѣсъ, яко лютой и злой разбойникъ, и ухватил мене, и согнулъ вдвое, и съжалъ мя крѣпко и туго зѣло: невозможно ми ни дышать, ни пицать, только смерть. И еле-еле на великую силу пропищалъ в тосках сице: «Николае, помози ми!» Так он мене и покинул, и не вѣмъ, куды дѣлся.

Аз же, грѣшный, собрався со душею моею, и со слезами начах глаголати с великою печалию ко образу вольяшному пречистыя Богородицы сице: «О, пресвятая владычице моя Богородице! Почто мя презираеши и не бережеш мене бѣднаго и грѣшнаго! Я веть на Христа-свѣта и на тебя-свѣта надѣяся, миръ оставил и вся, яже в мирѣ, и монастырь оставил и идох

⁷ очнулся, пробудился;

в пустыню работати Христу и тебѣ, и всю мою надежу во всем возложил на Христа и на тебя. Видиши ли, владычице моя Богородице, в малѣ⁸ веть разбойник-от, злодѣй, меня не погубил, а ты не бережеш мене! Богородице, свѣтъ моя, не покинь мене, бѣднаго раба твоего, обороняй мене от злодѣевъ тѣх!» И иная, подобная сим.

И от печали тоя великия найде на мя сонъ. И вижу себя сѣдяща посредѣ кѣлейцы моей на скамейкѣ, на нейже рукодѣлие мое временем дѣлаю. А Богородица от образа прииде, яко чистая дѣвица, и наклоняся лицом ко мнѣ, а в руках у себя бѣса мучить, кой меня мучил. Аз же зрю на Богородицу и дивлюся, а сердце мое великия радости наполнено, что Богородица злодѣя моего мучит. И даде ми Богородица бѣса уже мертваго в мои руки. Аз же взем у Богородицы из рук бѣса мертваго и начах его мучити в руках моих, глаголюще сице: «О, злодѣй мой, меня мучилъ, а и сам пропал!» И бросилъ его в окно на улицу. Он же и оживе и восталъ на ноги свои, яко пьян. И рече ми бѣсъ сице: «Уже я опять к тебѣ не буду: иду на Вытерьгу», бѣ бо Вытерга волость велика^{12*} тамо есть. И азъ рѣх ему: «Не ходи на Вытергу, иди тамо, гдѣ людей нѣту». Он же, яко сонной, побрелъ от кѣльи прочь. Аз же яко от сна убудихся и обрѣтохся вмѣсто печали в великой радости, и прославих Христа и Богородицу-свѣта.

А живя я в пустынѣ, сподобилъ мя Богъ питатися от рукодѣлія. А иное боголюбѣцы приносили Христа ради, и я у них принимал, яко от руки Христовы, прося имъ милости у Христа и Богородицы и святых его. А что Христос пришлет и паче potreбы моя рабы своими, и азъ то паки отдавалъ требующим Христа ради. И о всѣх сих слава Христу и Богородице и святым его всѣм во вѣки. Аминь.

А в пустынѣ жити без рукодѣлія невозможно, понеже находит уныние и печаль и тоска велика. Добро в пустынѣ — псалмы, молитва, рукодѣлие и чтение. Так о Христѣ Исусѣ зѣло красно и весело жити. О, пустыня моя прекрасная!

И во сто семьдесят третьем году,^{13*} после Велика дни^{14*} вскорѣ, от труда рукодѣльнаго и правилнаго возлегъ на одрѣ моемъ опочинуть и абие сведохся в сон тонок. И скоро отворишася двери снѣжныя, и вниде бѣсъ в снѣни. Аз же идох в снѣни

⁸ чуть было;

ко дияволу и хощу его рукою моею живоносным крестом Христовым оградити, он же побѣжал от меня. Аз же, яко за разбойником, за бѣсом гонюся, и ухватил его поперек, и согнулъ его вдвое, и начах его о сѣнную стѣну бити, а самъ воплю великим голосом къ высотѣ небесной, глаголюще сице: «Господи, помози ми! Богородица, помози ми! Ангеле мой святыи, помози ми!»

И мнит ми ся тогда на умѣ моем, кабы от высоты небесныя от Бога приходит ми помощь великая на бѣса, мучити его.

И того у мене труда было много над бѣсом. И не вѣмъ как, из рукъ моих выскочил и ушоль. Азъ же, грѣшныи, яко от сна, вострепенулъ, зѣло устал, умучился, бѣса биюще. И скоро нападе на мя уныние и печаль велика, и бых яко изумленъ до часа десятаго и больши того дни.

И после обѣда от печали тоя великия возлег опочинути в кѣлии. И абие бысть шумъ велик, и дым в кѣлию мою вниде. Аз же востах скоро со одра и идох шума видѣти, и узрех: у кѣлии моей огонь велик зѣло дышет, съель у мене дров шесть сажень, да каръбас, да и иново лѣсу немало. А пламя вѣверъх дышетъ сажень на пять и хошет кѣлию мою полизати скоро и сурово. Аз же видѣх бѣду скорую, наносимую от злодѣя моего, от разбойника, от бѣса, и кинулъся скоро-скоро къ Богородице въ кѣлью. И воздѣх руки мои на высоту небесную и завопѣл великим голосом ко образу вольяшьному мѣдяному пречистыя Богородицы, сице глаголюще: «О, пресвятая владычице моя Богородице! Помози ми, рабу твоему! Избави мя от напасти сея, наносимыя ми от злодѣя моего, от разбойника! Сохрани кѣлейцу свою и мою от огня сего, якоже и прежде сего сохранила еси!» И ударился о землю трою предо образом и изыдох ис кѣлии.

О, чюдо преславное! О, диво великое! О, милость великая и скорая Христова и пречистыя Богородицы! Вѣтръ бо стал дуть и отвратилъ пламя огненное от кѣлии моей. И благодатию Христовою и пречистыя Богородицы заступлениемъ пребысть кѣлия моя сохранена от огня и ничимже не врежена. О всѣх сих слава Христу и Богородице!

Что же по сих? Не возможе бо дияволь пакости сотворити ми, кѣлии моей сожещи, он же, злодѣй, инако покусися: насадилъ бо ми в кѣлию червей множество-много, глаголемых мравий; да не позазрите ми, отцы святии и братия, — всяка плоть не похвалитя пред Богом, ^{15*} — и начаша у мене тѣ черви-мураши тайныя уды ясти зѣло горько и больно до

слезь. Азь же, многогрѣшный, варомъ ⁹ их стал варить. Они же ми ядяху тайныя уды, а иново ничево не ядят, ни рук, ни ногъ, ни иново чево, токмо тайныя уды. Аз же давить их стал руками и ногами. А они прокопаша стѣну кѣлии моя и идяху ко мнѣ в кѣлию, и ядяху ми тайныя уды. Аз же кѣлию мою землею осыпаль и затолокъ крѣпко и туго, а они, не вѣмъ како, и землю, и стѣну кѣлейную прокопаша и ядяху ми тайныя уды. И гнѣздо себѣ здѣлали потъ печью и оттуду исхожаху ко мнѣ и ядяху ми тайныя уды. И аз гнѣздо их кошницею ¹⁰ носиль в воду, а они больши тово наносятъ всяково порошья ¹¹ туды. И тово у меня было труда с ними много: что ни дѣлаю, а они у меня кусаютъ за тайныя уды. Много помышляль мешокъ шить на тайныя уды, да не шиль, такъ мучилсѣ. А иное помышляль кѣлию переставить, не дадяху бо ми ни обѣдать, ни рукодѣля дѣлати, ни правила правити. Многожды бо правило по книгѣ на улицѣ у креста большово говорил: гдѣ ни стану в кѣлии, а они за тайныя уды кусаютъ. Горько и больно!

И тоя напасти бѣсовския было больше трех мѣсецов. И напоследи уже сѣлъ обѣдать, а тайныя уды крѣпко закуталь, а они же, не вѣмъ как, достигли и укусили. И слезы изо очей моих потекоша. Аз же востах ото обѣда — не до обѣда стало — и въздѣх руцѣ мои, и возопиль ко образу вольяшному пречистыя Богородицы, глаголюще сиче: «О, пресвятая владычице моя Богородице! Избави мя от напасти сея бѣсовския!» И ударихься трою о землю, и больше, со слезами. И от того часа перестали у меня мураши тайных удовъ кусати и ясти, да и сами помалу-малу вси ищезоша, и не вѣсьтъ камо дѣшася. И о всѣх сих слава Христу и Богородице!

Простите мя, отцы святии и братия! Согрѣшил я: много ветъ я мурашей тех передавил, а иных огнем пережегъ, а иных варомъ переварил, а иных въ землю закопал, а иных в воду множество-много кошницею переносил и перетопил в водѣ. Колико-то себѣ труда тово суетново сотвориль, муки той приняль бездѣльной! ¹² Хотѣлъ было, окаянной, своею суетною немощною человѣческою силою и промысломъ кѣлию себѣ очистити

⁹ кипятком;

¹⁰ кошелкою, корзиною;

¹¹ мусора;

¹² бесполезной;

от проказы бѣсовския: давил, да огнем сожигал, да в воду носилъ, ано никако силою человѣческою сего невозможно сотворити. А сего и на разум тогда не попало, что было вопѣти о сем ко Христу и Богородице и святым его. Видите ли, отцы святіи и братія, колико немощна сила-та человѣческая! И худаго и малаго червья, и ничтоже мнимаго, без благодати Духа Святаго невозможно одолѣти; не токмо звѣря, или бѣса, или человѣка, но и худаго и ничтоже мнимаго всякаго дѣла без помощи Божіи невозможно исправить.

Посем простите мя, отцы святіи и братія, в слове, и в дѣлѣ, и в помышлении и благословите и помолитесь о мнѣ, грѣшнем, Христу и Богородице и святым его. А я, грѣшной, должень о васъ молитися — о чтущих, и о слушающих, и о преписующихъ сие. Буди на васъ благодать Христова и милость, и пречистыя Богородицы, и святых его всѣх, и на домѣхъ вашихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Часть 2

За слово и за свидѣтельство Исус Христово юзник темничной, многогрѣшный инокъ Епифаній, — возлюбленному моему о Христѣ Исусѣ чаду и брату, посѣтившему мя нѣкогда в темницѣ, Афанасію.^{16*} За милость и любовь Христову по плоти родившаго отца твоего, воистинну милостиваго и боголюбиваго, миръ ти, и отцу твоему христілюбивому, и всему благодатному дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога Отца и Господа Исуса Христа.

О имени Господни послан ти крестъ Христовъ кедровой, и ты, чадо мое любимое, приими его, Господа ради, с любовію Христовою, и почитай его честно, и поклоняйся ему, яко самому Христу или яко образу Христову. Есть писано во Святом Писании, яко Христос — въ крестѣ, а крестъ — во Христѣ. И ты, рабъ Христовъ, почитай крестъ Христовъ, яко самого Христа, и поклоняйся ему, яко самому Христу или яко образу Христову, с вѣрою теплою сердечною, и проси у Христа Бога, егоже хочещи, по воли его святѣй, и дасть ти милость и благословение здѣ и в будущемъ вѣцѣ во вѣки. Аминь.

Да послано ти, чадо мое любимое о Христѣ Исусѣ, житія моего часть малая. Вотъ тебѣ и другая часть житія моего бѣднаго и грѣшнаго и страдания моего темничнаго горькаго,

Христа Исуса ради сладкаго. И ты, чадо мое любимое Афанасие, прими его с любовью Христовою, Господа ради, и сложи его с прежнюю часть жития моего вмѣсто. И зри на него, яко на мене, бѣднаго старца, и прочитай его с любовью Господнею. И аще что обрящещи на пользу души своей, и ты, чадо, о сем прослави Христа Бога, а мене, грѣшнаго, не забывай во святых своих молитвах, да милостив ми будет Господь Богъ!

А аз, грѣшный, за милость и любовь Христову отца твоего, родившаго тя, и за твое ко мнѣ темничное посѣщение прошу вам милости у Христа Бога, елико Господь ми помощи подаваетъ. Да молю тя о Христѣ Иусѣ, чадо мое любимое: отца твоего, родившаго тя и воспитавшаго тя, во всем его слушай и почитай его с любовью Христовою, — тако же и ты почтенъ будеши от своих чадъ, паче же почтенъ будеши от Бога в сем вѣцѣ и в будущем во вѣки. Аминь.

По сем паки миръ ти, чадо мое любимое, и отцу твоему, и братии твоей, и всему дому вашему, и благословение, и милость, и благодать от Бога, Отца нашего, Исуса Христа, и от мене, грѣшнаго старца, раба его. А азъ нынѣ уже, чадо мое, сѣжу в темницѣ исполу мертвъ, жив погребен землею, яко во гробѣ, и ожидаю исходу души моей съ часу на часъ.

Ну, чадо, слушай же жития моего грѣшнаго. Да молю тя о Христѣ Иусѣ: не позазри простотѣ моей, понеже азъ грамотики и философии от юности моя не учился и не искалъ сего; и нынѣ не ищу того, но сего ищу, како бы ми Христа Исуса милостива сотворити себѣ и людемъ. И что обрящещи просто и неисправлено, и ты собою исправь со Христом Иусом, а мене, грѣшнаго, прости и благослови, и помолися о мнѣ Христу Богу и Богородице и святым его.

Чюдо о крестѣ Христа Бога и Спаса нашего. Мнит ми ся, чадо мое и брате мой любимый Афанасий, во 172 году,^{17*} сѣдящу бо ми в кѣлии в пустыни моей Виданьской, приехал ко мнѣ в пустыню зимой христианин на лошадаѣ, а на дровняхъ у него брусъ изготовлено на большей крестѣ. И прииде к моей кѣлейцѣ с великимъ опасением и со страхом Божиим, мя мя, живуща в пустыни, яко чюдна и свята мужа. И приступя ко оконцу моему, сотвори молитву сице: «Господи Иусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Аз же рекъ: «Аминь». И рече ми христианин: «Отче святой и господине, прислан аз к тебѣ Богом и привезъ тебѣ хлѣбъ да четверик ржи, и денегъ

у мене возми, елико хочеш, а здѣлай мнѣ, Бога ради, крестъ Христовъ». Аз же, грѣшный, рекъ ему сице: «Рабе Божий! Которым ты образом прислан ко мнѣ, грѣшному, въ пустыню и далече ли от моя пустыни живеш?» И рече ми христианин: «Зимою, господинѣ, — 40 верстъ, а лѣтом и больши. За болотами живу и за порогами страшными, великими, непроходимыми от тебе. Имѣю у себе жену и чада, и деревню пашенную и по лесам хожу, звѣри ловлю всякия и птицы. И нѣкогда бо, отче святыи, ходящу ми по лесам по обычаю моему, ищущу ми звѣрей и птицъ на лов мой, и уже много времени не токмо уловити, но и не видалъ ни оленя, ни лисицы, ни куницы, ни зайца, ни тетерева, и просто рещи, никакова животна; и нападе на мя печаль велика и уныние горкое, понеже, как и почал полѣсовати, не бывала такая на мене бѣда. И прииде ми на ум тогда, отче святыи, сие.

Есть у нас близ наша деревни остров зѣло красен и великъ, и на том островѣ скоты наши ходять. И многия люди говорят, достойно-де на семъ островѣ быти пустынь или монастырю и церквѣ, а хотя бы-де нынѣ какой боголюбецъ крестъ Христовъ поставил, и то бы-де зѣло добро. И се слово паде на сердце мое и запали огнем божественым душу мою и сердце мое, и всю утробу мою, и вся уды¹³ моя: да поставлю крестъ Христовъ на том островѣ на славу Христу Богу нашему и на поклонение православным христианином. И возведох очи мои на небо, и прекрестилъ лице мое Христовым знаменіем, и рекох сице: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго, дай ми лов днесь, какой ни буди, и аз ти, грѣшный, на сем островѣ, имярек, поставлю крестъ на славу тебѣ, свѣту, и на поклонение православным христианином».

И егда дал обѣщание Богу, зря на небо, и как сведох очи мои с небесъ на землю, и начах очима моима обзирати около себе сюду и сюду, зря лова какова-любо ми посланнаго от Бога. О, скорого услышания Христа Бога, свѣта нашего! О, дивное милосердие Христово! О, чудо несказанное, егоже ни отцы, ни дѣды наши ни слыхали, ни видали! Вижу скоро издалеца борана великаго, и скоро идох к нему, славя Бога, боран же милъ ми ся дѣя. Аз же, грѣшный, возьмъ борана за рога, дивяся неизреченной милости Божии, и сведохъ борана в деревню мою

¹³ члены;

с радостию великою, дивяся скорому услышанию Христову и милости Спасовѣ. И повѣдах сие чудо Божие великое женѣ моей, и чадом моим, и всѣм сосѣдям моим. И вси прославиша Бога о сем чудеси».

И паки рече ми христианин: «Не дивно бы ми было, отче святыи, аще бы ми послаа Богъ оленя, или соболя, или лисицу драгую, или ин звѣрь: то бо их дом и жилище, бѣ бо лѣсу на всѣ страны по сту верстѣ есть и больше, туто живут все звѣри и птицы. А жилищъ чловѣческих, ни деревень — ни слуху нету.

Да прости мя, грѣшнаго, отче святыи, согрѣшил я, окаянный! Помалу-малу, день от дне, недѣля от недѣли, мѣсяць от мѣсяца и уже конечно¹⁴ отложил обѣщание мое о крестѣ ко Христу, Богу нашему. И по се время, господинѣ, уже два годы минуло обѣщанию моему. И нынѣ, отче, во един от дней от труда деревеньскаго внидох в хижу мою и возлегъ опочинути, и скоро отворишася двери избы моя, и вниде ко мнѣ в ызбу муж святолѣпень, весь бѣлъ, и ризы на нем бѣлы, и ста предо мною, мнѣ же лежащу. И рече ми муж той святолѣпный сице: «Чловѣче, что забыль еси обѣщание свое, еже о крестѣ Христовѣ?» Аз же рекох ему: «Отче святыи, не умѣю креста здѣлать». И рече ми муж той: «Иди на Суну-рѣку, на Виданьской остров: тамо в пустынѣ соловецькой старецъ живет, именем Епифаний, онъ тебѣ здѣлает крестъ». И невидим бысть мужъ той святолѣпный. Аз же воспрянух яко от сна, и взял бревно, и внесох в ызбу мою, и, посуша, обрусилъ его; и привезох, господинѣ, днесъ к тебѣ в пустыню. Сотвори милость со мною, Христа ради, и любовь духовную! Возми у мене хлѣбъ да четверикъ ржи, да и денегъ, елико хоцещи, а здѣлай мнѣ крестъ Христовъ, исполни мое обѣщание! К тебѣ аз послан Богом».

Аз же рек ему: «Да есть ли от ваша деревни ближе моя пустыни грамотныя люди?» И рече ми христианин: «Есть, господинѣ, от насъ шесть верстѣ погостъ; тамо живут попь да дякъ, да к нимъ не посланъ я, но к тебѣ в пустыню ехаль 40 верстѣ».

Аз же, грѣшный, прославих о семъ Христа Бога, и взял у христианина хлѣб да четверикъ ржи, а денегъ не взял, и препоясахся поясом моимъ, и взял топоръ в руки и иную снасть, подобную кресту, и дѣлалъ креста два дни. И слова вырѣзал на

¹⁴ окончательно;

крестъ, и покрылъ его, и помощію Христовою вся построилъ о немъ. И, по обычаю моему, помоляся со христіянином Христу и кресту Христову, и росписавъ кровлю у креста, и иная вся указав ему, и разобравъ крестъ, положихом его честно на дровни, и с миром о Христѣ Исусѣ отпустилъ христіянина в путь его. Он же, радуясь зѣло о полученіи креста Христова, идяше къ домови своему в путь свой. О всѣхъ сихъ слава Христу и Богородице и святымъ его!

О прѣподобнемъ Ефросинѣ,^{18*} иже во Андомскую пустыню^{19*} забежа от никоніянскія ереси и скончася тамо о Христѣ Исусѣ. Мнѣ он, грѣшному, другъ былъ любимой; азъ у него в пустынѣ годъ жилъ во единой кѣлии, и правило с нимъ вѣмѣсте говорили; зѣло христілюбивъ чловѣкъ былъ, безмолвие вельми любилъ.

Нѣкогда бо мнѣ, грѣшному, в пустыни моеи Виданьской сѣдящу бо ми в безмолвіи, прииде ко мнѣ в пустыню страны¹⁵ старецъ, именемъ Варѣламъ.^{20*} И рече ми умиленнымъ гласомъ и слезнымъ сице: «Отче Епифаній! Другъ нашъ и братъ и отецъ Ефросинъ святой преставися и нынѣ дивныя чудеса творить благодатию Духа Святаго. Азъ у него болши году жилъ, укрывалъся от никоніянскія ереси. Чюдной мужъ жити-емъ былъ. Христа Бога зѣло любилъ и безмолвіе». Сице рече ми братъ. Азъ же, грѣшный, от того времени началъ тужити и скорбѣти в сердци моемъ, глаголя: «Какъ избуду муки вѣчныя и получу Царство Небесное?! Господи, Господи Владыко вседержителю, очисти мя от всякаго скверныя плоти и духа и буди ми правитель, и наставникъ, и вождь ко спасенію моему! И спаси мя, грѣшнаго раба твоего, имиже вѣси судьбами!» Тако же и Богородице, и святому ангелу-хранителю моему, и прѣподобнаго Ефросина в помощь призывая, и всѣхъ святыхъ, да помолятся о мнѣ ко Христу Исусу, свѣту, еже бы ми избыти муки вѣчныя и улучити Царство со святыми его.

И в семъ помыслѣ много дней препроводилъ, моляся всяко Богу, да избуду мукъ и обрящу рай со святыми в будущемъ вѣце; то таки и думаю, сидя, и ходя, и на одрѣ моемъ лежа, и правило говоря, молитвы, и каноны, и псалмы, и поклоны, и руководѣіе дѣлая. Молюся, иногда умомъ, иногда языкомъ: да избуду муки вѣчныя и улучю Царство вѣчное со святыми.

¹⁵ странствующий;

И нѣкогда бо ми после канонѡв и после молитвъ и поклоновъ ношнихъ, мнит ми ся в полунощи, возлегшу ми опочинути от трудовъ на одрѣ моемъ, и сведохся абие в сон мал. И вижду в кѣлейцѣ моей сердечными очима моима гробъ, а во гробѣ лежитъ старецъ Ефросинъ, другъ мой любимой и сердечной, мертвъ. Аз же зрю во гробъ на Ефросина и дивлюся, помышляя в себѣ: «Како обрѣтетея в кѣлии моей другъ мой и гробъ его? А погребенъ онъ во Андомской пустынѣ, а нынѣ обрѣтетея в Виданьской пустынѣ у мене и в кѣлии моей. Что хошетъ быти се?» И зрю на него прилѣжно. И нача прѣподобный Ефросинъ помалу-малу оживати. И оживе, и воста от гроба. Аз же, грѣшный, с великою радостію объемъ его рукама моима, и начахъ лобызати и цѣловати его с любовію Христовою и глаголати: «О, свѣтъ мой и другъ мой любимой Ефросинушко! Вѣдаю азъ, что ты давно умеръ, преставился на онъ свѣтъ, а нынѣ вижду тя, паки ожилъ ты. Скажи мнѣ, свѣтъ мой, Бога ради, какъ тамъ Царство Небесное, гдѣ святыя, и праведныя, и прѣподобныя, и вси святіи водворяются, и царствуютъ, и живутъ, какъ на ономъ свѣтѣ тамо? Да и грѣшникамъ како уготована мука та горкая и лютая, огонь, и червь, и смола, и всякая горестъ и бѣда? Скажи мнѣ, Христа ради, Ефросинушко, по ряду вся! Боюся азъ, грѣшный, муки вѣчныя и бѣды тамошныя».

Прѣподобный же Ефросинъ свѣтлымъ лицемъ и веселымъ зрѣніемъ воззрѣ на мя и рече ми тихимъ и любовнымъ и смиреннымъ гласомъ сице: «Брате мой и друже мой любимой Епифаній! Молися ты прилѣжно пречистой Богородице, то всѣхъ бѣдъ избудеши и получиши радость».

И, не вѣмъ какъ, святыи изъ рукъ моихъ изыде и невидимъ бысть. Азъ же, грѣшный, убудихся яко от сна, а сердце мое наполнено великия радости, яко Богъ показа ми друга моего любимаго и брата и отца, прѣподобнаго старца Ефросина, и учения святаго от устъ его слышати сподобилъ мя, еже повелѣ ми молитися прилѣжно пречистой Богородице. О всѣхъ сихъ слава Христу Богу, свѣту, и Богородице, матери его истинной, и святому ангелу-хранителю моему, и прѣподобному Ефросину, и всѣмъ святымъ во вѣки. Аминь.

Чюдо пречистыя Богородицы. Тамо же, в Виданьской пустынѣ, по вышереченному по обычаю моему, после правила моего возлегъ на одрѣ мой опочинути. И скоро прискочиша бѣси т кѣлии моей. И зашумѣли громко зѣло, и отвориша

сѣнныя двери, да и кѣлейныя, пылко зѣло отвориша. И въскочилъ ко мнѣ в кѣлию бѣс, яко злой и лютой разбойникъ, и ухватилъ мене за горло, и нача давить. Аз же, грѣшный, завопѣль к Богородице сице: «Богородица, Богородица, помози ми!» Он же и исчез, и не вѣм, камо дѣлся. Аз же о семъ прославих Христа Бога и Богородицу, яко отгнаша от мене разбойника-злодѣя дьявола.

А иное чюдо дивное и преславное пречистыя Богородицы сказа мнѣ, грѣшному, прѣподобный старец мой кѣлейной священноинокъ Мартирий, укрѣпляя мене, да бы держался азъ крѣпко каноннаго святаго правила и кондаки и икосы говорилъ бы на всякъ день пречистой Богородице неизмѣнно безлѣности. Рече бо ми сице: «Чадо! Есть писано во Отченикѣ.^{21*} Бѣ во странѣ нѣкоей монастырь нѣкий, а в нем мниси¹⁶ живяху зѣло христоролюбивы и Богородицу крѣпко и прилѣжно почитаху, и моляшеся ей всегда вѣрно и прилѣжно. И бѣ у нихъ в томъ монастырѣ устав таковъ: еже на заутрени в церкви пречистой Богородице кондаки и икосы по вся дни говорят, а концы воспѣвають вси стоящии во церкви, еже есть сице — „Аллилуйя“ и паки — „Радуйся, невѣсто неневѣстная“.^{22*}

И нѣкогда бо тоя обители игумен посла брата на службу монастырскую. Старец же взем благословение от отца, и идяше на службу, благодаря Бога. И труждаяся тамо день до вечера, и прииде к монастырю уже поздно, и врата монастырские заперты. И рече в себѣ старецъ: „Что сотворю? Аще¹⁷ начну во врата ударяти и стукати, то тѣм стуканием моим всю братию соблажню и смущу и вратарей и стражей тем оскорбляю и опечалую и раздражу, и труд мой тѣм погублю, еже днесъ приобрѣтох, и мзды лишуся от Христа Бога и Богородицы. Лучше ми братию не смутити и стражей не возбудити, но самому нужица Бога ради прияти“. И помоляся старецъ Христу и Богородице, и прижався ко оградѣ монастырской, возлегши, благодаря Бога, тако и уснулъ.

И егда нача въ монастырѣ к заутрени благовѣстити, старец же скоро воста и, прижався ко оградѣ монастырской, моляшеся с вѣрою сердечною теплою прилѣжно. Бѣ бо церковь близъ ограды, и все ему слышати, что поють в церкви. И егда

¹⁶ монахи;

¹⁷ Если;

начали говорити кондаки и икосы и концы воспѣвати, „Аллилуйя“ и „Радуйся, невѣсто ненеѣстная“, а старецъ, внѣ монастыря стоя за стеною, тако же концы возглашаетъ: „Аллилуйя“, „Радуйся, невѣсто ненеѣстная“. И егда послѣдний конецъ икоса возгласиша во церкви, „Радуйся, невѣсто ненеѣстная“, и старецъ, за стеною стоя, тоже рече „Радуйся, невѣсто ненеѣстная“, и ста пред ним пречистая Богородица и рече ему: „Радуйся и ты, старче, вото тебѣ златица“.

Старецъ же приемъ златицу от руки прѣсвятыя Богородицы и поклонися ей. Она же и не видима бысть. Он же возрѣ на златицу, лежащую на руцѣ его, и возрадовася зѣло и удивися дивом великим: бѣ бо златица красна зѣло, и яко от огня от нея свѣтяшеся. И скоро-скоро старецъ потече ко вратомъ монастырьскимъ и возопи гласом великим: „Вратницы, вратницы! Отверзите ми врата скоро! Богородица ми златицу даде чудную!“

Они же отвориша ему врата. Старецъ же бѣжа во церковь ко игумену и ко братии всей, и ста посреди церкви, и рече великимъ гласомъ: „Отцы святии и братия! Зрите на благословение чудное пречистыя Богородицы!“ И скоро вси отцы стекошася ко старцу. И узрѣша ту чудную и красную златицу, и дивяся много красотѣ ея, и прославиша вси Христа Бога и Богородицу.

Старецъ же повѣда им вся вышереченная. Отцы же паки прославиша Бога и Богородицу и разсужение старцево и терпѣние его зѣло похвалиша. И повелѣ игумен звонити во вся, и пѣвше молебная Христу Богу и Богородице много, и ту красную златицу прицепиша ко образу мѣстному пресвятыя Богородицы на славу Христу Спасу и на похвалу Богородице и на воспоминание дивнаго и преславнаго чудеси ея во вѣки вѣком. Аминь». ^{23*}

И паки рече ми преподобный старецъ священноинокъ Мартирий: «Ну, чадо, вото тебѣ сказано преславное чудо пречистыя Богородицы. И ты внимай себѣ умом и кононов говорити не ленися! Исусовъ канон говори на всяк день, а акафисто канон Богородице — пременяя, по дню смотря, а кондаки и икосы — на всяк день, да „Воду прошед“, ^{24*} да ангелу-хранителю канон, да и инья каноны, елико можеша вмѣстити, вмѣсти, чадо. И Псалтырь такоже на всяк день пой. Трудися, чадо, здѣ

крѣпко, и вѣрно, и твердо, да во ономъ вѣцѣ добро будетъ во вѣки, аминь. А говори, чадо, каноны, и кондаки, и икосы, и псалмы, и всякое правило неспѣшно, чтобы глаголемое тобою и ум твой разумѣлъ и славил бы Бога о сих. И сицевое правило и Богу приятно и любезно, и душам нашим спасительно. А еже, чадо, у нас в Соловецкомъ монастырѣ по всѣмъ кѣліямъ предано всѣмъ братіямъ, умѣющимъ грамотѣ, каноны, и кондаки, и икосы пречистой Богородице говорити еще от святаго отца нашего Зосимы-чюдотворца и по немъ от игуменов, по обычаю вышереченнаго оного монастыря, воспоминая преславное чудо пресвятыя Богородицы: егда говорятъ каноны, и кондаки, и икосы умѣющими грамотѣ, а не умѣющими тутю же стоятъ с молитвою Исусовою, а концы вкупѣ вси возглашаютъ сице — „Аллилуйя“ и паки „Радуйся, невѣсто неневѣстная“. И тако, чадо, у нас въ Соловецкомъ монастырѣ во всякой кѣліи от начала и до днесь держится». Аз же, грѣшный, старцу поклонихся до земнаго лица за поучение его святое.

Ну, чадо мое любимо Афонасие! Внимай себѣ умомъ крѣпко! Что мнѣ, грѣшному, старецъ приказал, то и азъ ти приказываю о Христѣ Исусѣ, тому слава во вѣки. Аминь.

Ино чудо пречисты Богородицы.

Но не позазри, чадо мое, Бога ради, малодушию моему. Писано есть: «Всяка плоть не похвалится предъ Богомъ». ^{25*} Егда нас новыя мучители никоніяня възяли исъ темницъ и за святу вѣру Христову предъ всѣмъ народомъ пустоозерскимъ отсѣкоша намъ руки и отрѣзаша языки и съ тѣми горкими и лютыми ранами паки отведоша насъ въ старыя темницы, кождо во свою, — ох, ох, горе, горе дней тѣхъ! — азъ же, грѣшный, внидохъ во свою темницу, и возгорѣся сердце мое во мнѣ и вся внутренняя моя огнемъ великимъ, азъ же падохъ на землю и бысть весь въ поту. И началъ умирати. И три накона умиралъ, да не умерѣ. Душа моя исъ тѣла моего не вышла. Такъ азъ сталъ тужить, глаголя: «Что будетъ, смерти нѣту! А лутче сего времени ко исходу души на што? Богъ сподобилъ причаститися Тѣла Христова и Крови, и кровь мою помощію Христовою пролилъ за старую вѣру его святу, и за люди его, и за церкви его святыя. Благодарю тя, Господи, яко сподобилъ мя еси пострадади за вся сия и кровь мою изляти! Возьми же, свѣтъ мой истинной Христосъ, скоро душу мою отъ тѣла моего! Не могу терпѣти болѣзней лютыхъ и горькихъ!»

И вижу, что нѣту ми смерти. И азъ воставъ со земли, и на лавку лег ницѣ, а руку мою сѣченую повѣсилъ на землю, помышляя в себѣ сице: «Пускай кров-та выдет из мене вся, так я и умру». И много крови вышло, и в темнице стало мокро. И стражи сѣна на кровь наслали. И пять дней точилъ кровь ис тѣла моего, да бы ми от того смерть пришла. А точка кровь, вопѣлъ много ко Господу на высоту небесную, глаголя: «Господи, Господи! Возьми душу мою от мене! Не могу терпѣти болѣзней горких! Помилуй мене, бѣднаго и грѣшнаго раба твоего, возьми душу мою от тѣла моего!»

И вижу, что не дастъ ми Богъ смерти. И аз, грѣшной, бил челом Симеону-десятнику, да отмоеет ми от руки засушины кровавыя. Он же отмыл от руки моя запекшуюся кровь и во имя Христово, моляся Богу, помаза ми раны тѣ сѣрою елевою, нутреннею, и обяза ми болную мою руку платом со слезами, и изыде ис темницы, плача, видя мя тоскующа горко. Ох, ох! Горе, горе дней тѣхъ! Аз же, грѣшный, в темнице един воляся по земли на брюхѣ, и на спинѣ, и на боках, и всяко превращаяся¹⁸ от великия болѣзни и от горкия тоски, всяко вопѣлъ ко Господу: да возмет душу мою. Также и Богородице, и всѣм святым моляхся: да помолятся о мнѣ ко Господу, да бы взял душу мою от мене Господь. И много сего было моления и вопля.

Простите мя, грѣшнаго, отцы святии и братия! Согрѣшил аз, окаянный, — от болѣзни великия и от тоски горкия начах глаголати сице: «О, горе тебе, окаянный Епифанъ! Христос, Сынъ Божий, тебя, вопиюща и молящася, не слушает, ни Богородица, ни святии его вси. А ты, святой отецъ нашъ Илья, архимарит Соловецкой, был ты у меня в пустынь Виданьской, явился мнѣ и велѣлъ мнѣ книги писать на обличение царю и на обращение его ко истиннѣй вѣрѣ Христовѣ, святѣй, старой. И аз книги писал ко спасению цареву и всего мира. И снесъ их ко царю. А нынѣ мя царь утомилъ и умучилъ зѣло, и язвы наложил горкия, и кровию мя обагрить, и в темницу повелѣ мя ринуту немилостиво. А ты мнѣ нынѣ в сицевой бѣдѣ, и в скорби, и в болѣзни лютой нимало не поможеша. Ох, ох! Горе мнѣ, бѣдному! Одинъ погибаю! Не помогает ми никто нынѣ, ни Христос, ни Богородица, ни святии его вси!»

¹⁸ ворочаясь, вертясь, крутясь;

И много тосковал, валяясь по земли. И всполошь на лавку, и легъ на спинѣ, а руку съченую положилъ на сердце мое. И найде на мя яко сонѣ. И слышу — Богородица руками своими больную мою руку осязает. И преста рука моя болѣти. И от сердца моего отъиде тоска. И радость на мя найде. А Пречистая руками своими над моею рукою яко играет. И мнит ми ся, кабы Богородица къ рукѣ моей и персты приложила; и велика радость найде на мя тогда. Аз же, грѣшный, хотѣх рукою моею удержати руку Богородичну и не могъ удержати, уйде бо.

Аз же, грѣшный, яко от сна убудихся. Лежу по-старому на спине, а рука моя на сердца моемъ лежит, платом обязана по-старому. Аз же, лежа, помышляю: «Что се бысть надо мною?» И начах осязати лѣвою моею рукою правую мою руку съченую, ища у ней перстов. Ано — перстов нѣту, а рука не болит. А сердце радуется. Аз же, грѣшный, прославихъ о семь Христа Бога, свѣта нашего, и Богородицу, мать его истинную.

Сие чудо было в седьмый день после мучения. И помалумалу рука моя исцелѣ от ран. И дѣлаю нынѣ всякое рукодѣлие по-прежнему помощію Христовою и пречистые Богородицы, въ славу Христу Богу. Аминь.

Да еще ти, чадо мое и брате мой любимый, за любовь Христову побѣсѣдую о языках моих. Егда мы были на Москвѣ в Кремль-городѣ на Угрѣшскомъ подворьѣ Никольском,^{26*} тогда много к намъ приходило людей от царя и от сонмища никоніяньска: звали нас и нудили много всяко в вѣру никоніяньску, и мы их не послушали. И тогда Аввакума протопопа и Никифора протопопа^{27*} ухватиша скоро и сомчаша с Москвы в Братошино,^{28*} 30 верстъ от Москвы. И последи их скоро прискочилъ къ нам голова стрелецкой со стрельцами, Василей Бухвостов,^{29*} яко злой и лютой разбойникъ, — да воздасть ему Господь по дѣлом его! — и ухватили нас, священника Лазаря^{30*} и меня, под руки и помчали скоро-скоро и зѣло немилостиво и безбожно. И примчали на Болото.^{31*} И посадя нас на плаху, и отрѣзаша нам языки, и паки ухватиша насъ, яко звѣрие лютии, лютии, суровии, и помчаша нас такоже скоро-скоро. Мы же от болѣзней и от ранъ горких изнемогахом, не можем бѣжати с ними. И они ухватили извощика, и посадиша нас на телѣгу, и паки помчаша нас скоро; и потом на ямскія телѣги посадиша нас и свезоша нас в Братошино. Тогда на пути из мене, грѣшна-

го, в малѣ души не вытрясли на телѣгах, бѣ бо тогда люта зѣло и тяжка болѣзнь была. Ох, ох! Горе, горе дней тѣх!

И поставили нас въ Братошинѣ на дворы. Тогда азъ, грѣшный, внидох на печь от болѣзни и от тоски горкия и печали великия, и возлегъ на печи, и начах помышляти в себѣ сице: «Горе мнѣ, бѣдному! Как жить? Говорить стало нѣчем, языка нѣту. Кабы я жил в монастырѣ или в пустынѣ, так бы у мене языкъ был. Прости мя, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, согрѣшил пред тобою, свѣтом, и пред Богородицею, и пред всѣми святыми! Пошелъ к Москвѣ ис пустыни, хотѣлъ царя спасти; и царя не спас, а себя вредил: языка не стало, и нужного молвить нѣчем. Горе! Какъ до конца доживать?» И воздохнулъ ко Господу из глубины сердца моего, и востав, сошел с печи и сѣлъ на лавкѣ, и печалуюся о языкѣ моем.

О, скорого услышания свѣта нашего Христа Бога! Поползе бо ми тогда язык ис корения и дойде до зубовъ моих. Аз же возрадовахся о семъ зѣло и начах глаголати языком моим ясно, славя Бога. Тогда Аввакум протопоп, то чудо услышав, скоро ко мнѣ прибѣжа, плача и радуясь. И воспѣли мы с ним вкупѣ «Достойно есть» и «Слава и нынѣ», и все по ряду до конца по обычаю.

И по трех днех повезоша нас в заточение в Пустоозерье,^{32*} всѣх четверых въкупѣ. И в Пустоозерье посадиша нас в темницах. И по двух годѣх приехалъ к нам от новых мучителей никониянъ полуголова Иван Ялагин^{33*} со стрельцами и по три дни нудилъ нас всяко отрещися святыя вѣры Христовы старой и приступити к новой вѣре никониянской. И мы его не послушали. И он велѣлъ по наказу нам языки рѣзати паки и руки сѣчь. И посреди всего народа пустоозерскаго поставиша нас. И Лазарю священнику ис корения языкъ отрѣзаша и руку по запястие отрѣкоша. Потомъ приступиша ко мнѣ, грѣшному: палачъ с ножом и с клещами хочет гортань мою отворяти и языкъ мой рѣзати. Аз же, грѣшный, тогда воздохнулъ из глубины сердца моего, умиленно зря на небо, рекох сице: «Господи, помози ми!» О, дивнаго и скорого услухания свѣта нашего Христа Бога! Найде бо на мя тогда яко сонъ, и не слыхаль, как палачъ язык мой вырѣзалъ, только в малѣ-в малѣ ощутивъ, яко во снѣ, что палачъ ми отрѣзал языкъ. А на Москвѣ, как первой языкъ мой палачъ отрѣзал, тогда яко лютая змия укусила, и всю утробу мою защемило, и до Вологды^{34*} тогда у мене от тоя болѣзни

кровь шла заднимъ проходомъ. И потом положиша руку мою правую на плаху и отсѣкоша четыре перста. Аз же возьм перъсты мои, и положил в зѣпъ.¹⁹

И отведоша нас по темницам. Аз же, грѣшный, внидох тогда во свою темницу, и трою умираю, и пять дней кровь из руки моя точилъ, смерти просил у Христа Бога. И не даде ми ся смерть, но пришеде ко мнѣ в темницу свѣтъ-Богородица, и отъяша болѣзнь от руки моя. О семъ писано пространно напереди.

И по отъятии болѣзни от руки моя почал азъ правило мое говорить, псалмы и молитвы, умом. А гдѣ язык был во ртѣ, туто стало быти слинь много. Егда спать лягу, и что под головою лежит, то все умочит слинами, текущими из гортани. И ясти нужно²⁰ было тогда, понеже яди во ртѣ превращати нѣчем тогда было. И егда принесут мнѣ щей, и рыбы, и хлѣба, и я в одно мѣсто сомну все, да тако вдругъ и глотаю. А егда стану псалом говорить «Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей», и егда дойдет до сего мѣста: «Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей»,^{35*} тогда азъ, многогрѣшный, воздохну из глубины сердца моего, и слезишка иногда из глазишек появятся; и с тѣми слезами погляжу умиленно на крестъ и на образ Христовъ и реку сице ко Господу: «Господи! Кому во мнѣ возрадоваться? У мене и языка нѣту. Чемъ возрадуюся?» И паки: «Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣсвятъ хвалу твою»,^{36*} — «Что ми, Господи, бѣдному, и уста моя отверзать? Чемъ мнѣ тебѣ, свѣту, и хвалу воздати, а у мене во устах и языка нѣту?!» И паки возведу очи мои на образ Христовъ, и воздохну, и реку с печалию: «Господи, что се бысть надо мною, бѣдным!» А Псалтырь говоря, дойду до сего мѣста: «Предзрѣх Господа предо мною выну,²¹ яко одесную мене есть, да ся не подвижу, сего ради возвеселися сердце мое и возрадовася язык мой»,^{37*} — аз же тогда умиленно возведу очи мои ко Господу, зря на крестъ и образ его, и реку: «Господи, свѣтъ мой! Куды языкъ мой ты дѣль? Нынѣ сердце мое не веселится, но плачет, и языкъ мой не радуется, и нѣту его во устах моих». И паки: «Вопроси

¹⁹ за пазуху;

²⁰ тяжело, трудно;

²¹ непрерывно;

отца твоего, и возвестят тебѣ, старца твоя, и рекут ти»,^{38*} — «Господи, чем мнѣ, бѣдному, воспросити, а у мене и языка нѣту?!» И иная, подобная сему, обрѣтающе во псалмех, и аз умиленно погляжу на образ Христовъ, и воздохну, и реку: «Господи! Дай ми языкъ, бѣдному, на славу тебѣ, свѣту, а мнѣ, грѣшному, на спасение!» И сего у мене было дѣла больше дву недѣль; всяко моляхся Христу Богу и Богородице и всѣм святым, да дасть ми Господь языкъ.

И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моемъ опочинуту, и вижу себя на нѣкоем полѣ велике и свѣтле зѣло, емуже конца нѣсть. И диваюся красотѣ и величеству поля того, и вижу: о лѣвую страну мене на воздухе лежат два мои языка, московской и пустоозерской, мало повыше мене, московской не само красенъ, но блѣдноват, а пустоозерской зѣло краснешенекъ. Аз же, грѣшный, простеръ руку мою лѣвую, и взем рукою моею со воздуха пустоозерской мой красной языкъ, и положилъ его на правую мою руку, и зрю на него прилѣжно. Он же на рукѣ моей ворошится живешенекъ. Аз же, дивяся много красотѣ его и живости его, и начахъ его обѣми руками моими превращати, чюдяся²² ему. И справа его в руках моих, рѣзаным мѣстом к рѣзаному же мѣсту, т корению язычному, идѣже преже бѣ, и положил его руками моими во уста мои; он же и прилну къ корению, идѣже преже былъ от рожения матерня. Аз же возрадовался и возбнух яко от сна, и диваюся сему видѣнню, глаголя в себѣ: «Господи! Что се хочет быти?»

И от того времени скоро помалу-малу дойде языкъ мой до зубовъ моих и бысть полонъ и великъ, якоже от рожения матери моея и в монастырѣ, и в пустынѣ бѣ. И слинъ нелѣпых и непотребных не стало во устах моих. И потребенъ ми бѣ сталь языкъ на всякую службу: къ ядению, и к молитвѣ, и ко псалмом, и ко всякому чтению святых книгъ. Есть языкъ мой, Богом данный ми новой, короче старово, ино толще старово и ширѣ во всѣ страны, и по сметѣ есть со старой. И о семь нынѣ веселюся о Господѣ сердцем моим и душею моею. И языком новым моим радуюся со Давыдом пророком, и молюся, и славлю, и величаю, и пою, и хвалю, и хвалу воздаю Христу Иисусу, спасителю моему, свѣту, давшему ми новой языкъ, елико он ми, свѣт Богъ, спаситель мой, помощи ми подаваетъ и научает

²² дивясь;

мя на славу и хвалу ему, Господу Богу нашему, а мнѣ, бѣдному и грѣшному, на спасение. И паки со Давыдомъ святымъ вкупѣ реку: «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, тво-
рай чюдеса единъ»,^{39*} тому слава во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Воистину, чадо мое и брате мой любимый Афанасій, утѣшает нас, бѣдных, гонимых рабов своих, в нуждах, и в напастех, и в бедах, и в печалех, и в болѣзнях наших всяких Христос, Сынъ Божий. Яко отецъ чадолюбивой чад своих, тако и Богъ утешает молящихся ему, свѣту, с вѣрою теплою; не оставляет их во всяком горѣ, утѣшаетъ всяко. Нѣкогда бо ми, грѣшному, в темнице сей, яко во гробе, сѣдящу, прииде на мя печаль велика и возмутиша всю внутреннюю мою, и начах глаголати в себѣ сице: «Что се творится надо мною, бѣднымъ! Монастырь оставил, в пустынь не жил! А колико ми в пустынь Христос и Богородица чюдныхъ показа богознаменій! И то мя не удержит тамо: пошелъ къ Москвѣ, хотѣлъ царя отвратити от погибели его, злые ереси никоніянскія хотѣлъ от него отлучити и спасти его. А нынѣ царь пуще и старово погибает, христіанъ злѣ всяко мучит за истинную святую старую Христову вѣру. А я нынѣ в темнице, яко во гробе, сижу, живъ землею погребенъ; всякую нужу терплю темничную, дымъ горкой глотаю, глаза дымомъ и копотію и всякою грязію выело. Одна темница — то и церковь, то и трапеза, то и заходь.²³ А клопы жива хотятъ съестъ и червьямъ не хотятъ оставить. А не вѣдаю, есть ли то на ползу и спасение бѣдной и грѣшной души моей и приятно ли то и угодно ли то Богу, свѣту нашему, сия вся моя страдания. Аще бы вѣдал, что есть на пользу и на спасение бѣдной и грѣшной души моей и Христу Богу приятна моя бѣдная страдания, то бы с радостію терпѣлъ вся сия о Христвѣ Исусѣ».

И возгорѣся сердце мое и вся внутренняя моя, аз же, грѣшный, воздѣхъ руцѣ мои на высоту небесную и завопѣлъ ко Господу Богу: «О, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, сотворивый небо и землю, солнце и мѣсяць, и звезды, и всю тварь видимую и невидимую! Услыши мя, грѣшнаго раба твоего, вопиющаго ти! Яви ми, имиже вѣси судьбами, годно ли ти, свѣту, течение мое сие и потребенъ ли ти сей путь мой, и есть ли на спасение ми, бѣдному и грѣшному рабу твоему, вся сия страдания моя бѣдная!» И иная, подобная сим. И ударихся три закона

²³ нужник;

о землю; и много после сего поклонов было. И со слезишками и Богородице, и всѣм святым моляхся, да явит ми Господь, годно ли ему, свѣту, страдание мое бѣдное сие и есть ли на спасение души моей грѣшной.

Сие было 179 году в Великий постъ,^{40*} тогда хлѣба не елъ две недели три дни. И уже изнемогъ от поста и от труда поклоннаго и молитвеннаго и возлегъ на земли на рогозинѣ, на нейже поклоны творяхъ. И скоро найде на мя сонъ мал. И вижу сердечныма очима моима: темничное оконце мое на всѣ страны широко стало и свѣтъ великъ ко мнѣ в темницу сияет. Аз же зрю прилѣжно на той великий свѣтъ. И нача той свѣтъ огустевати, и сотворися ис того свѣта воздушнаго лице, яко челоуѣческое — очи, и нос, и брада, подобно образу нерукотворенному Спасову. И рече ми той образъ сице: «Твой сей путь, не скорби!» И паки той образъ разлился въ свѣтъ и невидим бысть. Аз же отворилъ очи мои тѣлесныя и поглядѣлъ на оконце мое темничное. А оконце по-старому, якоже и прежде, бысть. Аз же рекох: «Слава тебѣ, Господи! По множеству болѣзней моих в сердца моем утѣшения твоя возвеселиша душу мою».^{41*}

И той образ гласом своимъ отгналъ от мене тму малодушия. От того времени сталъ терпѣти с радостию всякую нужу темничную, благодаря Бога, чая и ожидая будущия, грядущия радости, обѣщанныя Богом терпящим его ради всяку скорбь и болѣзнь в вѣцѣ сем. О всѣх сих слава Христу Богу, свѣту нашему, во вѣки вѣком. Аминь.

Да простите мя, господия моя! Егда темничное то сидѣние в нѣчесом²⁴ оскорбит мя, и досадить, и опечалит горко, и аз, окаянный, не мога тоя скорби терпѣти, стану о монастырѣ и о пустынѣ прилѣжно тужити, а себя укоряти сице: «Ну, окаянной! На обѣщании²⁵ в Соловецком монастырѣ въ попы ставили, и ты не стал, и в монастырѣ не жилъ, и пустыню оставилъ; терпи же нынѣ, окаянной, всякую бѣду и горестъ и досаду темничную!». И иная подобная сим изреку, укаряя себя и темничное сидѣние уничижая. И последи сего ми не проходит, такъ попущениемъ Божиимъ бѣси ми ругаются и досажаютъ тогда. И вы мя, господия и братия моя, во всяком малодушии,

²⁴ чем-либо;

²⁵ т. е. в месте принесения монашеского обета;

в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, простите и благословите и молитесь о мнѣ, грѣшнем, Христу Богу и Богородице и святым его. Аминь.

Чюдо о глазах моих креста ради Христова.

Егда послали к нам никоніяня, новыя мучители, с Москвы в Пустоозерье полуголову Ивана Ялагина со стрельцами, он же, приехав к нам и взяв нас ис темницъ, и поставил нас пред собою и наказъ сталъ прочитати. Тамо у них писано величество царево и последи писано у них сице: «Вѣруете ли вы в Символъ вѣры в Духа Святаго не истиннаго^{42*} и тремя персты креститися хотите ли по нынѣшнему изволу цареву? Аще примете сии двѣ тайны, и царь вас вельми пожалует». И мы отвѣщали ему противу наказу сице: «Мы вѣруем и в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, а тремя персты креститися не хотим, нечестиво то». И по три дни нудили нас всяко сии двѣ отступныя вещи принять, и мы их не послушали. И они нам за то по наказу отрѣзаша языки и руки отсѣкоша: Лазарю священнику — по запястие, Феодору дьякону — поперегъ долони, мнѣ, бѣдному, — четыре перста, осмь костей. И по сем отведоша нас, бѣдных, в старыя темницы. Ох, ох! Увы, увы, дней тѣх! И обрубиха около темницъ наших струбы, и осыпаша в темницахъ землею, и тако погребоша нас живых в землю з горкими и лютыми язвами. И оставиша нам по единому оконцу, куды нужная пища приимати и дровишекъ принять.

И от того времени, господія моя, стало у мене быти в темнице нужно,²⁶ и чадно, и пыльно, и горко от дыма; и многажды умирал от дыма. И от всѣх сих темничныхъ озлоблений,²⁷ и от пепелу, и от всякия грязи и нужи темничныя, помалу-малу начаша у мене глаза худо глядѣти и гною стало много во очех моих; и я гной содиралъ с них руками моими. И уже зѣло изнемогоша очи мои, и не видѣл по книгѣ говорить. И я, грѣшной, о семь опечалился зѣло, и уныл, и тужил не мало времени. И нѣкогда бо ми возлегшу на одрѣ моем, и рекох себѣ: «Ну, окаяннѣ Епифане! Ель ты много, пил ты много, спалъ ты много, а о правилѣ келейном не радѣлъ, ленился и не плакал пред Богом из воли своя. Се нынѣ плачи и неволею слепоты своя, нынѣ пришло тебѣ время Феофила-старца: он плакал 30 лѣт

²⁶ худо, скверно, невыносимо, тяжко;

²⁷ бед, мучений;

над корчагою, писано о нем в Патерикѣ Печерскомъ.^{43*} Но он Феофил был за готовою трапезою в монастырѣ, а тебѣ, окаянному, и дровѣ въ печь положить, слепому, нелзѣ». И инаго подобно сему рекох себѣ из глубины сердечныя со слезишками. А иное ко Господу рекох: «Господе Иусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грѣшнаго! По благодати спаси мя, а не по долгу, имиже вѣси судьбами. Не имѣю бо пред тобою благословенное мною ничтоже, но спаси мя ради пречистыя Богородицы и святаго аггела-хранителя моего и всѣх святых твоих». А иное кое-што поговорил к Богородице, и ко аггелу, и ко всѣмъ святым со въздыханием и со слезишками, да помолятся о мнѣ, бѣдном и грѣшном, свѣту нашему Христу Иусу. И тако лежа, плача, и уснуль.

И скоро вижу сердечныма очима моима, кабы сотник к темнице моей пришелъ к оконцу и принес много крестов больших и малых. Отесаны, большая щепа обита с них, оглавлены, яко быти тут крестам многим. И кладяше их на оконце мое темничное, и рече ми сотник сице: «Старче! Здѣлай мнѣ крестов Христовых много: надобно мнѣ». И аз рекох ему с печалию: «Уже, господинѣ, нелзѣ мнѣ нынѣ крестов дѣлать: не вижу, а се и рука больна сѣчена. Отошло нынѣ от мене рукодѣлие то». И рече ми сотник: «Дѣлай, Бога ради, дѣлай! Христос тебѣ поможетъ». И невидим бысть. Аз же, грѣшный, убудихся яко от сна и рекох себѣ: «Что се будет видѣние?» А глаза-таки у мене болят по-старому и гноем заплывают, и аз руками гной содираю со очей моих с печалию великою, на силу великую гляжу.

И по сем в третий день прииде к темницѣ моей сотник той же явѣ в день и принесе ми древо кедровое на кресты, и кляпичек, и долотечко маленькое — прежних моих снастей крестовых. С приезде до мучения здѣся аз дѣлал кресты болше дву годовъ; и как мы пошли къ смерътному часу, на мучение, тогда азъ ту снасть отдалъ требующим Христа ради; а он ту снасть паки сыскал и принесъ ко мнѣ. И даде ми снасть и древо и рече ми сотник: «Старець! Здѣлай мнѣ крестов Христовых немало-таки: много надобѣ мнѣ вести к Москвѣ и давать боголюбцем». И аз рекъ ему: «Уже, рабе Христовѣ, отошло от мене нынѣ сие дѣло: не вижу, а се и рука сѣченая больна, а сие дѣло великое и святое и щепетко²⁸ его дѣлать». И рече ми паки сотник: «По-

²⁸ искусно;

жалуй-су, пожалуй-су, Бога ради потружайся, не обленися — будетъ тебя столко, Христос тебѣ поможет!».

И аз рек ему: «И ты сходи, Бога ради, ко Аввакуму и принеси мнѣ от него благословение, да и помолился бы о мнѣ, да поможет ми Господь кресты дѣлать». Он же скоро тече ко Аввакуму и принесе ми от него благословение. И рече ми сице: «Аввакум тебя благословляет кресты дѣлать и молится Богу о тебѣ, да поможет ти Господь кресты дѣлать». И аз рек ему: «Благослови же и ты мене Бога ради кресты дѣлать, да и помолися о мнѣ». Он же рече ми: «Богъ благословит тя кресты дѣлать, и помолюся о тебѣ». И иде от темницы моея, по обычаю благочинно с прощением поклоняся.

Азь же, грѣшный, превращая в руках моихъ древо кедровое и кляпичек и долотечко, глаголя сице: «Господи, Господи Иисусе Христе, истинный Боже нашъ, что се будетъ? Рука болна, и очи не видят, а нудят мя и благословляют раби твои. Их ради вѣры великия и прочих рабов твоих, желающих креста твоего святого на поклонение себѣ, помози ми, Господи, грѣшному рабу твоему, их ради молитвѣ». И с началом помоляся Христу Богу, свѣту, и Богородице, матери его истинной, и святому аггелу-хранителю моему, и всѣмъ святымъ, и началъ крестъ дѣлать. О, чудо великое Христа Бога, свѣта нашего! О, скорога милосердия Спаса нашего Христа! О, дивняго исцѣления очей моихъ бѣдныхъ! Креста ради Христова бысть очи мои в том часѣ безболѣзнены и свѣтлы зѣло, а и рука моя стала потребна на службу кресту Христову. Слава Христу Богу, свѣту нашему, о всѣхъ сих во вѣки вѣком! Аминь.

И егда поможет ми Господь крестъ здѣлать малой или большой, поклонной или воротовой, и аз его положу или поставлю на обычномъ мѣсте честно и поклонюся ему, и проговорю ему тропарь «Спаси, Господи, люди своя»^{44*} и кондакъ «Вознесыйся на крестъ».^{45*} По сем — пѣснь шестую кресту, ирмос «Божественное се и всечестное совершающе празднество богомудрении Божия Матере, приидѣте, руками восплещем, от нея рождашагося вѣрою славяще»:^{46*} «Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — всѣмъ воскресение, крестъ — падшим исправление, страстемъ умерщвление и плоти пригвождение; крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчный. Слава, Господи, кресту

твоему честному! Крестъ — врагом губитель, крестъ — злочестивым язва и пленение, и вѣрнымъ держава, благочестивым хранитель, и бѣсомъ отгонитель. Слава. Крестъ — страstem пагуба, крестъ — помысломъ злым отгнание, крестъ — сокрушение языческо искусително и духовом показася ловительство. И нынѣ. Крестъ воздвижется, и падають духов воздушныхъ чинове; крестъ снисходить, и нечестивии вси ужасаются, яко молънию видяще крестную силу».^{47*}

По семь — молитва кресту: «Да воскреснет Богъ, и разыдутся врази его, и да бѣжат от лица его ненавидящии его, яко ищезаетъ дым, да ищезнут; яко таетъ воскъ от лица огню, тако да погибнуть бѣси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамениемъ. И да возвеселимся, рекуще: Радуйся, кресте Господень, прогоняяй бѣсы силою на тебѣ пропятаго Господа нашего Исуса Христа, во адъ сошедшаго и поправшаго силу дияволу, и давшего нам крестъ свой честный на прогнание всякаго врага и супостата! О, пречестный и животворящий кресте Господень! Помогай намъ со пресвятою госпожею Богородицею и со всѣми святыми небесными силами, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣком. Аминь».^{48*}

По сем: «Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим».^{49*} Трижи. И поклоны три великия.

Таже: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ! Спаси, Господи, и помилуй раб своих, идѣже будетъ сей крестъ твой честный, носящих, и держащих, и поклоняющихся ему, молящихся тебѣ, свѣту, и домъ той, и мѣсто то, идѣже будетъ крестъ твой сей святой. Отгони от нихъ всякъ дух нечистъ, лукав сатанинъ, и всѣхъ бѣсов его, и злыхъ челоувѣкъ, и всякое дѣйство сатанино, и всѣхъ бѣсов его, и злыхъ челоувѣкъ. И избави их, Господи, ото всякаго расколу церковнаго, и от всякия службы еретическия, и от всякия скорби, гнѣва, и нужды, и печали, и от всякия болѣзни душевныя и тѣлесныя; и прости им, Господи, всякое согрѣшение, волное и неволное, и спаси их, свѣтъ нашъ; и молитвами ихъ святыми и мене, грѣшнаго раба твоего, спаси».

Да и Богородице, и аггеломъ-хранителем, и всѣмъ святым о том же помолюся. Поклон. Таже: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Со страхомъ и любовью приступаю ти, Христе». Поклон земной. «Страхом убо — грѣха ради, любовью же — спасения ради».^{50*} Поклон земной.

И приступя ко кресту со страхом Божиим, возму его рукою и целую в подножие, глаголя сице: «Осѣни ми, Господи, уста и языкъ благодатию Духа твоего Святаго, силою креста твоего святаго, на славу тебѣ, свѣту, и на спасение бѣдной и грѣшной души моей». Таже — лице и очи: «Да всегда зрю къ тебѣ, свѣту». Таже — уши: «Да слышу и разумѣю по воли твоей святѣй». Таже — главу и ум: «Да всегда угодная тебѣ, свѣту, творять». Таже — к сердцу приложу крестъ и реку сице со умилениемъ: «Господи! Благодатию Духа твоего Святаго, силою креста твоего святаго зажги и запали сердце мое любовью твоею и всю внутреннюю мою, да всегда горитъ к тебѣ, свѣту; и очисти мя, Господи, от всякия скверны плоти и духа и спаси мя». Таже поцелую его паки и реку: «Такоже и всѣх рабовъ твоих, носящих, и держащих, и любящих тя, свѣта, очисти и спаси ихъ».

Таже положу его на то же мѣсто и реку: «Вѣрую, Господи, яко ты еси Христос, Сынъ Божий, распныйся на честнемъ крестѣ и воскресъ, и поклоняюся тебѣ, свѣту, и честному кресту твоему и воскресению, и пречистой Богородице, и святым аггелом-хранителем нашим, и всѣмъ святым твоимъ». И поклон земной великий или 2. Таже: «Слава и нынѣ. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, благослови! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвъ ради пречистыя ти матери, силою честнаго и животворящаго креста, и святыхъ небесныхъ силъ бесплотныхъ, и святыхъ аггелъ-хранителей нашихъ, и святаго пророка и предотеча крестителя Ивана, и святыхъ славныхъ и всехвалныхъ апостолъ, и иже во святыхъ отецъ нашихъ, Николы архиепископа, Мир Ликийскихъ чюдотворца, и Филиппа, митрополита Московскаго, всея Руси чюдотворца, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Саватія и Германа, и Илии-архимарита, и Иринарха-игумена, Соловецкихъ чюдотворцевъ, и святаго имярък, егоже есть день, и всѣхъ святыхъ твоихъ помилуй и спаси нас, яко благъ и человекъколюбець».^{51*} Господи помилуй! (трижи)». Сие кресту совершение.

А егда, чадо мое любимое Афанасие, дѣлаю азъ кресты тѣ прилѣжно и утомлюся, дѣлая их доволно, и возлягу опочинути на одрѣ моем и усну, егда первой сон отъидеть от мене, аз же лежу на одрѣ моем, уже не спя, тогда ми чудныя гласы бывають, повелевают ми востати и дѣлати кресты, сице: отвнѣюду²⁹ к темничному моему оконцу причича яко юноша нѣкий доброголасный, чудным, и умилненным, и свѣтлым гласом сотворит ми молитву сице: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй насъ!» Аз же реку «аминь» и востану. И того дни зѣло ми поспѣшно³⁰ бываетъ в рукодѣлии крестовъ. Да и сему аз, чадо мое Афанасие, много дивлюся: дѣлаю азъ сего рукодѣлия дватцать пять лѣтъ или, мнит ми ся, близ и тридесяти лѣтъ, а ни которою снастию ни руки, ни ноги ни поспѣкъ, ни порѣзал. Соблюдает мя благодать Святаго Духа и до днесь. А по смѣте, мнит ми ся, больше пяти или шести сот здѣлано крестовъ. А егда дѣлаю ведерка, или ящики, или ино что, тогда много рукъ и ногъ спѣкъ и рѣзал, и крови тачивал много.

А егда не послушаю гласа того, будящаго мя, и паки усну, тогда много ми бѣси творять во снѣ пакости, иногда и осквернять мя, окаяннаго, искушением. Аз же востану тогда с печалию и очищуся от искушения, по преданию старческому, и того дни крестовъ не дѣлаю, укаря себя сице: «Недостойн ты, окаанный, сего святаго рукодѣлия — дѣлати крестовъ».

А от рукодѣлия крестов только имываль азъ денег четыре денги, развѣ³¹ хлѣба и рыбы и инаго нужных тѣлесных, а то все отдавалъ Христа ради. И аще кто принесет ми за труды от крестов хлѣба или ино что ядомое и нужное тѣлу моему, и аз прииму у него во имя Христово и положу ту милостыню предо образом Христовым и пречистыя Богородицы, и прошу милости у Христа Бога и Богородицы приносящему рабу Христову, и чадом его, и всему дому его, да умножит ему Христось Богъ вмѣсто сих сторицею и благословить его во вся дни живота его и весь дом его, и да сподобит их Господь и въ будущем вѣцѣ благословения во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Ну, чадо мое Афанасие и брате мой любимый, за любовь Христову сказано тебѣ житие мое бѣдное и грѣшное. Да сказана

²⁹ снаружи;

³⁰ успешно, с помощью, благополучно;

³¹ кроме.

тебѣ и тайна моя о рукодѣлии крестовомъ. И аще хоцещи, и ты твори тако же. Да и всѣмъ то же говорю рабомъ Господнимъ, любящим Христа Исуса, тому слава нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Да молю васъ о Христѣ Исусѣ, не позазрите, Господа ради, простотѣ моей, чада моя и братія моя, и отцы, и вси раби Христовы, чтущии и слышачи сия вся, но простите мя, грѣшнаго, в словѣ, и в дѣлѣ, и в помышлении, и благословите, и молитесь за мя, а васъ Богъ проститъ в семъ вѣцѣ и в будущемъ. Аминь.

Житие боярыни Морозовой *

ЕСЯЦА ноемврия во 2 день. Сказание отчасти о доблести и мужествѣ и изящномъ¹ свидѣтельствѣ и терпѣливодушномъ страдании новоявленной преподобновеликомученицы боярыни Феодосии Прокопиевны, нареченныя во инокинях Феодоры, по тезоименству земныя славы Морозовы, и единокровныя сестры ея и сострадалницы ея благовѣрныя княгини Евдокии, и третия соузницы ихъ Марии. Имати² же сия повѣсть повѣданіе въкратцѣ.

Сия убо блаженная и приснопамятная родися от родителю благородну и благочестиву, отца Прокопия, сигклитика царствующаго града Москвы, пореклом³ словяше⁴ Соковнинъ, мати же ея бяше Анисия,^{1*} и бяху⁵ челоуѣка благовѣрна⁶ и боящася Бога. Егда же сия достиже возраста и бяше семнадцати лѣтъ, тогда родителя ея сочтаста ю законному браку за боярина Глѣба Ивановича Морозова;^{2*} и бывши мати, роди бо сына по явлению великаго Сергія чудотворца, и наречень бысть Иванъ.^{3*}

* В публикуемом списке Жития исправления пропусков и ошибок даются курсивом. — Н. П.

¹ Лучшем;

² Имеет;

³ по прозванию;

⁴ слыл, звался;

⁵⁻⁶ оба людьми благоверными;

Братъ же Глѣбов Борисъ Ивановичъ Морозовъ велми любяще сноху свою духовною любовию, сию Феодосию. Егда убо приходяше к нему в домъ, тогда онъ самъ срѣташе⁷ ю любезнѣ и глаголаше: «Прииди, другъ мой духовной, поиди, радость моя душевная!» И сѣдящи на многъ часъ, бесѣдоваху духовныя словеса. И провождаючи ю, глаголаше: «Днесъ насладихся паче меда и сота словес твоихъ душеполезныхъ».

И мала лѣта пожив, оста вдовою, имущи с собою сиротою сына своего Ивана. Научена же бысть добродѣтельному житию и правымъ догматомъ священномученикомъ Аввакумомъ протопопом.^{4*} Егда же токмо увѣдѣ,⁸ о православии возревнова зѣло и развращеннаго всего отвратися.

И бысть к ней присылка по повелѣнью цареву: Иоаким, архимарить Чюдовской, и Петръ ключарь.^{5*} Она же крѣпко свидѣтельствова и зѣло ихъ посрами. И ея ради обличения — крестъ на просвирахъ во всей Росии потребили, — а у ней польотчинъ отняли.^{6*} Она же, аще⁹ и многи скорби приимаше, обаче¹⁰ благочестия ни единомъ же образомъ отступити не хотяше, но и умерети о правдѣ изволяше. Упрощениемъ царицы Марии,^{7*} понеже зѣло милостива к ней была и любила ея за добродѣтель, по семъ искушению малу ослабу получи.^{8*}

И по томъ многи милостыни сотвори, много имѣнныя расточи неимущимъ, многихъ с правезу скупы, и монастыремъ доволная подаваше, и церквамъ потребная приношаше, пустынниковъ многихъ потребными удовлещаше, прокаженныхъ в дому своемъ упокоеваше.

Послѣди же от страдалца отца Трифилия^{9*} увѣдѣ о нѣкоей инокинѣ благоговѣйной, именемъ Мелании,^{10*} и призвавши ю и слышавъ словеса ея, возлюбилъ зѣло и изволилъ ю в мать себѣ избрати. И смирившись Христа ради, отдадеся ей под началъ и до конца отсѣче свою волю. И сице пребысть до конца опасная¹¹ послушница, яко и до дне смерти своя ни в чемъ повелѣнныя ея не ослушалася. И от тоя Мелании наставляема, уже в конецъ постиже разумѣти и сотворити всякое богоугодное дѣло. По

⁷ встречал;

⁸ узнала;

⁹ хотя;

¹⁰ однако;

¹¹ прилежная;

темницам с нею ходящи пѣшима ногама и милостыню носящи, и по чудотворным мѣстом обтичющи обѣ купно зѣло рано, яко Мария Магдалыни и Мария Ияковля ко гробу Господню, тако и сию голубицы в собор,^{11*} и в Чюдов,^{12*} и к ризѣ Господни,^{13*} на ся, яко достойни, возлагающе ризу Господню и цѣлающе устнама с теплыми слезами, чудотворцав же мощи лобызающе вѣрными душами.

По том же Феодосия тщашеся всяку волю Божию дѣлом совершити и нудяше плоть свою на постническия подвиги, питаше бо ся постом и цвѣтяше молитвами, смертною памятию содрогашеся и радостотворнымъ плачем исполняшеся, жегома и разжигаема огнем Божия любве, распалающися, не згараше, но Духъ Святой ю орошаше. И не вѣм азъ, о которой добродѣтели не прилѣжаше, наипаче же всего, яко крѣпкое основание, полагаше православную вѣру, вѣдущи извѣстно, яко без вѣры невозможно угодити Богу. И дерзновенно реку: достойно и праведно сей блажѣнней со Фезвитянином пророком глаголати и со оруженосным огнеколесничником Илиею славным громогласно вопити: «Ревнуй поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителю!^{14*} Яко кафолическую вѣру оставиша, а римлянолатиньския догматы возлюбиша, и рабы Божия избиша, и тщатся до конца церковь Божию раскопати». И елицы убо аще и от сродникъ ей бяху, держажу же ся никониянства, без сомнѣния ихъ обличаше.

Михайло Алексѣевичъ Ртищев со дщерию своею Анною,^{15*} аки возлюблении сосуди никоновы, многожды и у нея в дому сѣдяще, начинаху Никона хвалити и предание его блажити, искушающе ю и надѣющеся, еда како возмогутъ ю поколебати и на свой разум привести, и глаголюще: «Великъ и премудръ учитель Никонъ патриархъ, и вѣра, преданная от него, зѣло стройна, и добро и красно по новымъ книгамъ служити». Помолчавъ, отверзает уста Прокопиевна: «Поистинѣ, дядюшко, прелщени есте и такова врага Божия и отступника похваляете и книги его, насеянныя римскихъ и иныхъ всякихъ ересей, ублажаете. Православнымъ намъ подобаетъ книгъ его отвращатися и всѣхъ его нововводныхъ преданий богомерзскихъ гнушатися и его самого, врага церкви Христовы, проклинати всячески». Старѣйший же сѣдиновець еще понуждается, рекущи: «О, чадо Феодосие! Что сие твориши! Почто отлучилася от нас? Не видиши ли виноград сей? — о дѣтехъ сѣдящихъ се глаголетъ, —

только было нам, зря на них, яко на лѣторасли¹² масличныя, веселитися и ликовати, купно с тобою ядуще и пиюще, общемою любовию, но едино между нами разсѣчение стало! Молю тя: остави распрю, прекрестися трема персты и прочее¹³ ни в чемъ не прекослови великому государю и всѣмъ архиереом! Вѣмъ азъ, яко погуби ты и прельсти злѣйший онъ врагъ протопопъ, егоже и имени гнушаюся вспомянути за многую ненависть, егоже ты сама вѣси,¹⁴ за егоже учение умрети хочещи, реку же обаче — Аввакума, проклятаго нашими архиереи».

Добляя же, яко видя старика безумствующа, ослабляюща¹⁵ лицом и тихим гласом рече: «Не тако, дядюшко, не тако; нѣсть право твое отвѣщание, сладкое горким нарицаеши, а горкое сладким называеши. А отецъ Аввакумъ — истинный ученикъ Христовъ, понеже страждет за законъ Владыки своего, и сего ради хотящим Богу угодити довлѣтъ его учения послушати». И ина множайшая сихъ изрече и всегда с ними брань неукротиму имяше, и помощию Христовою посрамляше ихъ.

Единою¹⁶ же Анна сия Михайловна нача ей вѣщати: «О, сестрица голубушка! Съѣли тебе старицы белевки, проглотили твою душу аки птенца, отлучили тебе от насъ! Не точию¹⁷ насъ ты презрѣла, но и о единороднѣмъ сынѣ своемъ не радиши. Едино у тебе и есть чадо, и ты и на того не глядишь. Да еще какое чадо-то! Кто не удивится красотѣ его! Подобаше тебѣ, ему спящу, а тебѣ бдѣти над нимъ и поставить свѣщи от чистѣйшаго воска, и не вѣм, каковую лампаду жеци над красотою зрака¹⁸ его и зрѣти тѣбе доброты¹⁹ лица его и веселитися, яко таковое чадо драгое даровал тебѣ Богъ. Многажды бо и сам государь и съ царицею велми дивляхуся красотѣ его, а ты его ни во что полагаеши, великому государю не повинуеши. И убо еда како за твое прекословие приидетъ на тя и на домъ твой огнепалная ярость царева, и повелитъ дом твой разграбити — тогда сама многи скорби подымеши и сына своего нища

¹² молодые побеги;

¹³ впредь;

¹⁴ ведаешь, знаешь;

¹⁵ улыбалась, усмехалась;

¹⁶ Однажды;

¹⁷ Не только;

¹⁸ облика;

¹⁹ красоты;

сотвориши своим немилосердиемъ». Феодосия же отверзе священная своя уста и рече: «Неправду глаголеши ты! Нѣсмь бо азъ прельщена, якоже ты глаголеши, от бѣлевскихъ стариць, но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца цѣлымъ умомъ. А Ивана люблю азъ и молю о немъ Бога безпрестани и радѣю о полезныхъ ему душевныхъ и тѣлесныхъ; а еже вы мыслите, еже бы мнѣ Ивановы ради любви душу свою повредить или, сына своего жалѣючи, благочестия отступити, — и сия рекши, знаменася крестнымъ знаменiemъ и глагола, — сохрани мене, Сынъ Божий, от сего неподобнаго²⁰ милования! Не хочу, не хочу, щадя сына своего, себе погубити; аще и единороденъ ми есть, но Христа азъ люблю болѣе сына! Вѣдомо вамъ буди: аще умышляете сыномъ мнѣ препяти от Христова пути, то никогда сего не получите; но сице вамъ дерзновенно реку: аще хотите — изведите сына моего Ивана на Пожаръ^{16*} и предадите его на растерзание псомъ, страша мене, яко да отступлю от вѣры, то азъ, — не хочу сего сотворити, — аще и узрю красоту его псы растерзоваему, благочестия же ни помыслию отступити, вѣдый буди извѣстно,²¹ яко аще азъ до конца во Христовѣ вѣре пребуду и смерти сего ради сподоблюся вкусить, то никтоже его от руку моею исхитити не можетъ». Сия слышавши Анна, яко от грома ужасошися от страшныхъ ея словесъ и преизлиха дивляшеся крѣпкому ея мужеству и непреложному разуму.

Моляше же ся Феодосия многожды Богу, яко да дастъ и сестрѣ ея княгини Евдокии^{17*} такую же любовь ко Христу и попечение имѣти о души. Словесы же наказоваше ю с любовью намнозѣ и увеща ю, еже предатися в повинование матери Мелании. Она же зѣло радостнѣ и с великимъ усердиемъ умоли матеръ, еже бы попеклася о спасении души ея. Мати же надолзѣ отрицашеся; но обаче княгиня многими слезами возможно, и бысть послушница изрядна; и не точию²² во единомъ послушании, но и во всѣхъ добродѣтельныхъ нравѣхъ ревноваше старѣйшей сестрѣ своей Феодосии и тщашеся во всемъ уподобитися ей, постомъ, и молитвами, и къ юзникомъ посѣщениемъ; и тако уподобися ей, яко бы рещи: во двою тѣлесехъ едина душа.

²⁰ непристойного, неподобающего;

²¹ знай доподлинно;

²² не только;

Феодосия же начатъ мыслию на бошая простиратися, желая зѣло ангельскаго образа. И припадъ к матери, лобызаше руцѣ ея, и поклоняся на землю, моляше, яко да облечет ю во иночески чинъ. Мати же паки отлагаше многихъ ради вещей. Первое — мыслящи, яко вещи сей невозможно есть в дому утаитися, и аще уведено се будет у царя, многимъ людемъ многия будут скорби, распросовъ ради, увѣдѣннй, кто постригъ. А другое дѣло: и еже из дому скрытися — другая бѣда. Третье: аще и утаитя, приспѣ время сына бракомъ сочетати,^{18*} и убо ту потреба быти многой молвѣ и попечению и о свадебныхъ чинѣхъ уряжение, а инокомъ таковая творити не в лѣпоту. Четвертое: потреба еже до конца ошаятися²³ и малаго оногo лицѣмѣрия и приличия ради уже не ходити къ храму, но стати до конца мужески.

Она же зѣло распалающися любовию Божиею и зѣло желаше несытою любовию иноческаго образа и жития. Мати же и в семь паки видя вѣру ея велию и усердие многое и непреложный разум, изволи быти сему: молит отца Досифея,^{19*} яко да сподобит ю ангельскаго одѣяния. Онъ же постриже ю,^{20*} и наречена бысть Феодора, и даде от Евангелия матери Мелании.

Тогда блаженная Феодора, яко сподобися таковаго дара Божия великаго и яко желанный ей ангельский иноческий чинъ зря на себѣ, начатъ вдаватися болшимъ подвигомъ, посту, и молитвѣ, и молчанию, а от домовыхъ дѣл от всѣхъ нача уклонятися, сказующи себе болящу, и всякия судныя дѣла приказала вѣдати вѣрнымъ людемъ своимъ.

Егда же приспѣ бракъ царевъ, егда поять²⁴ царицу Наталию,^{21*} тогда Феодора не восхотѣ на бракъ царевъ приити с прочими боярынями. И тяжко си вмѣни царь Алексѣй, понеже ей достояше в первыхъ стояти и титулу царскую говорить. И послѣди прилѣжнѣ зва ю, и до конца отречеса, рекущи, яко «ноги ми зѣло прискорбни и не могу ни ходити, ни стояти». Царь же рече: «Вѣмъ, яко загордилася». Преподобная же сего ради не восхотѣ приити, понеже тамо в титулѣ царя благовѣрнымъ нарицати и руку его цѣловати, и от благословения архиереовъ ихъ невозможно избыти. И изволи страдати, нежели с ними сообщатися, вѣдущи бо, яко се дѣло просто царь не покинет.

²³ чуждаться;

²⁴ взял;

Якоже и бысть: все бо то лѣто зело на ню гнѣвалься, и начать вины искати, како бы ю аки не туне изгнати.

И уже близ есени присла к ней болярина Троекурова^{22*} и, с месяцъ поноровя, князь-Петра Урусова,^{23*} с выговором, еже бы покорилася, приняла всѣ новоизданныя ихъ законы, аще ли не послушает, то быти бѣдам великим. Она же дерзаше о имени Господни и боляром тѣм отказоваше: «Азь царю зла не вѣм себе сотворшу и дивлюся, почто царский гнѣвъ на мое убожество? Аще ли же хочет мя отставити от правыя вѣры, и в том бы государь на мене не кручинился, но извѣстно ему буди: по се число Сынъ Божий покрываль своею десницею, ни в мысли моей не приях когда, еже отставя отеческую вѣру и приняти никоновы уставы. Но се ми возлюблено, яко в вѣре християнской, в нейже родихся и по апостольским преданиемъ крестихся, в том хошу и умрети. И прочее доваѣт ему, государю, не стужати²⁵ мнѣ, убозѣй ми рабѣ, понеже мнѣ сея наша православныя вѣры, седмию вселенскими соборы утверженныя, никако никогда отрещися невозможно, якоже и прежде множицею сказах ему о семь».

Посланныи же пришедше и повѣдаху царю мужественныя словеса ея. Онъ же паче множае гнѣвом распалешся, мысля ю сокрушити, и глаголя предстоящим: «Тяжко ей братися со мною — единъ кто от нас одолѣет всяко!»

И нача с боляры своими совѣт творити о ней, что ей хочет сотворити. И бысть в Верху не едино сидѣние об ней, думающе, како ю сокрушать. И боляре убо вси, видяще неправедную ярость и на неповинную кровь составъ злый, не прилагахуся к совѣту, но точию возразити злаго не могуще, страха же ради молчаху. Наипаче же царю на сие поспѣшествоваху архиереи, и старцы жидовския, и иеромонахи римския. Тии бо зѣло блаженную ненавидяху и желающе ю всячески, яко сыроядцы, живу пожрети, понеже сия ревнителница, вездѣ будущи, и в дому своемъ при гостѣхъ, и сама гдѣ на бесѣдѣ, несумѣннѣ потязаше²⁶ ихъ прелесть и при множествѣ слышащихъ поношаше ихъ блядство заблужденное, а имъ во уши вся сия приходяше. И сея ради вины²⁷ ненавидяху ея.

²⁵ докучать;

²⁶ обличала;

²⁷ причины;

И сице у нихъ думѣ идущи, у Феодоры в то время в дому живяху пятерица инокинь изгнанныхъ, и прошахуса у нея, да отпустит их, чтобы и ихъ тутъ не захватили. А она не можаше насытитися ихъ любве, зѣло бо радовашеся, зря в нощи на правилѣ себе с ними Христу предостоящу и на трапезѣ их с собою ядущихъ. И сего ради держа их послѣ перваго выговору седмицъ яко пять, и скорбящимъ им, глаголаше: «Ни, голубицы мои, не бойтесь! Нынѣ еще не будетъ ко мнѣ присылки». Княгиня же Евдокия во вся сия дни с нею и с ними такожде неразлучна бѣше и любезную сестру свою в скорбѣхъ ея утѣшаше, и точию на мало время в домъ ко князю отѣзжала, болѣе же ту пребываше.

Егда же приспѣ ноября 14 число, рече Феодора старицамъ: «Матушки мои, время мое прииде ко мнѣ! Идите вси вы каяждо,²⁸ аможе²⁹ Господь васъ сохранить, а менѣ благословите на Божие дѣло и помолитесь о мнѣ, яко да укрѣпитъ мя Господь вашихъ ради молитвъ, еже страдати без сомнѣния о имени Господни». И тако, любезнѣ цѣловавъ, отпусти ихъ с миромъ.

В мясопустѣ^{24*} же отиде и княгиня в домъ свой. И сѣдящи с княземъ на трапезѣ и вечеряючи, начатъ ей князь повѣдовать, что у нихъ в Верху творится, и рече: «Скорби великия грядут на сестру твою, понеже царь неукротимымъ гнѣвомъ содержимъ и изволяетъ на томъ, что вскорѣ ея из дому изгнати». И сия изрекъ князь, начатъ другая глаголати: «Княгиня, послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ, ты же внемли словесемъ моимъ! Христос во Евангелии глаголетъ: Предадутъ вы на сонмы, и на соборищихъ ихъ бьютъ васъ, пред владыки же и царя ведени будете мене ради во свидѣтельство имъ.^{25*} Глаголю же вам, другомъ своимъ: не убойтесь от убивающихъ тѣло и по том не могущихъ лишше что сотворити.^{26*} Слышиши ли княгини, се Христос самъ глаголетъ, ты же внемли и на память!» Княгиня о сихъ зело радовашеся.

Во утрие грядущу князю ко царю в Верхъ, моли его княгини, яко да отпуститъ ю к Феодорѣ. Онъ же рекъ: «Иди и простиися с нею, точию не косни³⁰ тамо, мню бо азъ, яко днесъ присылка к ней будетъ».

²⁸ каждая;

²⁹ туда, где;

³⁰ не медли, не задерживайся;

Она же пришедши и укоснѣ в дому ея до ноши, и ждущим имѣ гостей.

И се во второй час ноши отворишася врата болшия. Феодора же, вмалѣ ужасшися, разумѣ, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку. Благовѣрная же княгиня, озаряема Духом Святым, подкрѣпи ю и рече: «Матушка-сестрица, дерзай! С нами Христос — не бойся! Востани, положим начало». И егда совершиша семь поклоновѣ приходных, едина у единой благословишася свидѣльствовати истину. Феодора возляже на пуховикъ свой, близ иконы Пресвятыя Богородицы Феодоровския, княгиня же отиде в чюланѣ, иже устроеноѣ в той же постелной, егоже содѣла Феодора наставницѣ своей Мелании, и тамо княгини подобнѣ возляже.

И се Иоаким, архимарит Чюдова монастыря, грядяше с великою гордостію и вниде в постелную дерзѣско, и видѣвѣ ю возлежащу, повѣда ей послана себе быти от царя и понуди ю, яко да востанет, да или стоящи или поне³¹ сѣдящи отвѣт творить противу царских словесѣ, повелѣнных ему глаголати пред нею. Она же не повинуся сего сотворити.

Тогда архимарит истяза³² ю: «Како, — рече, — крестишися и како еще молитву твориши?» Она же, сложа персты по древнему преданию святых отецѣ и отверзши преосвященная уста своя, и воспѣ: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Сиче азѣ крещуся, сиче же и молюся».

Архимаритѣ же паки второе истязание принесе: «Старица Меланья, — а ты ей в дому своемѣ имя нарекла еси Александра, — гдѣ она нынѣ, повѣждаѣ вскорѣ, потребу бо имама о ней».

Блаженная же Феодора отвѣща: «По милости Божии и молитвами родителей наших, по силѣ нашей, убогий нашѣ домѣ отверсты врата имяше к восприятию странных рабовѣ Христовых. Егда бѣ время, бысть и Сидоры, и Карпы, и Меланьи, и Александры; нынѣ же нѣсть от нихѣ никогоже».

Думный же Иларионѣ Ивановѣ^{27*} ступи в чюланѣ, и не бѣ в чюланѣ свѣта, и видѣ человекѣ, возлежаще на одрѣ, и вопроши: «Кто ты еси?» Княгиня же отвѣща: «Азѣ князь-Петрова жена есмь Урусова». Онѣ же яко устранивѣся и яко огнемѣ

³¹ хотя бы;

³² допросил;

опалаемъ, въспять въскочи. Видя же архимаритъ думнаго, сие сотворша, и рече: «Кто тамо есть?» Онъ же рече: «Княгиня Евдокия Прокопиевна князь-Петра Урусова». Архимарит рече: «Вопроси ю, како крестится». Онъ же, не хотя сего сотворити, глаголя: «Нѣсмь послани, но токмо к бояронѣ Феодосии Прокопиевнѣ». Иоаким же паки: «Слушай мене, азъ ти повелѣваю: истяжи ю».

Тогда думный, приступль, вопроси ю и исповѣда. И не отвержеса, но возлежащи на одрѣ и лѣвыя руки лактем подкрѣпляющися, и десницею сложа персты — великий палець со двѣма малыми, указательный же с великосредним протяжи — и показуя думному, глаголаше усты, Господа Исуса Сыном Божиим величаючи: «Сице, — рече, — азъ вѣрую!» Думный же, изшедъ, повѣда архимариту. Онъ же, от великия ярости не могый надолзѣ терпѣти, видя свое зловѣрие благовѣрными женами попираемо, рече думному: «Пребуди ты здѣ, дондеже азъ, шедъ тамо, повѣм сие цареви».

И с словом скоро потече, и прииде ко царю. Царю же сѣдящу посреде боярь въ Грановитой полатѣ, и приближився близ и пошепта ему во ухо, якоже не точию бояроня ста мужески, но и сестра ея княгиня Евдокия, обрѣтшаяся у нея в дому, ревнующи сестрѣ своей, «крѣпцѣ твоему повелѣнью сопротивляется». Царь же рече: «Никакоже, азъ бо слышах, яко княгиня тая смиренъ обычай иматъ и не гнушается нашея службы, люта бо оная сумозбродная та». Тогда архимарит челоуѣконенавистнѣ важдаше³³ на ню, рекущи: «Не точию конечно³⁴ уподобися во всем сестре своей старѣйшей, но и злѣйши ея ругается нам». Тогда царь рече: «Аще ли тако есть, то возми и тую». Князь же Петръ ту стоя и слышав сия словеса, оскорбися, а по мощи дѣлу не возможе.

И пришед паки архимарит в дом мученицы, и елицы предстояху пред нею, тѣх нача истязати, рабынь ея, и аще кии обрящутся от них, ревнующе в вѣре госпожи своей. Дияконъ же черной Иосафъ стояше внѣ у дверей и рече ко архимариту: «Вопроси Ксенью Иванову, истяжи Анну Соболеву». И сотвори тако. Они же обѣ укрѣпишася и исповѣдаша, показующе сложение перстѣ, и молитву творяще, о Сынѣ Божии надѣющеса.

³³ стал наговаривать;

³⁴ окончательно, полностью;

И поставиша ихъ особѣ на страну. Прочии же убояшася вси, и поклонишася. И тѣхъ поставиша о шую³⁵ страну.

И по томъ рече архимаритъ боляронъ: «Понеже не умѣла еси жити в покорении, но в прекословии своемъ утвердилася еси, сего ради царское повелѣние постиже на тя, еже отгнати тя от дому твоего. Полно тебѣ жити на высотѣ, сниди долу; вставъ, иди отсюда!» Блаженная же ни сего хотяше сотворити. Тогда онъ повелѣ людемъ взяти ю и нести. И принесоша крѣсла, и посадивше ю, повелѣниемъ Иоакимовымъ, и несоша на низъ. Сынъ же преподобныя Иванъ Глѣбовичъ проводи ю до средняго крыльца и поклонився ей созади, она и не видящи его, и паки и возвратися вспять.

Феодору же и Евдокию, возложше на нихъ на нозѣ желѣза конския, и посадиша ихъ в людские хоромы в подклѣтѣ, и заповѣдаша людемъ блюсти ихъ стражею, и отидоша.

И по двю дний прииде паки думный Иларионъ, и снем с ногу желѣза, и повелѣ имъ ити, идѣже поведуть. Блаженная же Феодора не восхотѣ ити, и повелѣ слугамъ ея нести ю. И принесше сукна и посадивше ю, несоша повелѣниемъ думнаго до Чюдова монастыря, с нею же ведена и княгини Евдокия.

И принесоша Феодору, и вшедши во едину от полатъ вселенскихъ, и по обычаю образу Божию поклонившися, властемъ же мало и худо поклонение сотвори. Бяху³⁶ же ту Павелъ, митрополитъ Крутицкой,^{28*} и паки Иоакимъ, архимаритъ Чюдовской, и думной, и инии. Блаженная же Феодора не восхотѣ стоящи глаголати с ними, но сѣдящи отвѣтъ имъ творяше. И много нуждаху³⁷ ю, яко да постоитъ, и не восхотѣ.

Тогда Павелъ митрополитъ начатъ ей глаголати тихо, воспомяная честь ея и породу: «И сие тебѣ, — рече, — сотвориша старцы и старицы, прелестившии тя, с нимиже любовнѣ водилася еси и слушала учения ихъ, и доведоша тя до сего безчестия, еже приведене быти честности твоей на судище». Потомъ же многими словесы кротяще ю, увѣщаваху, яко да покорится цареви. И красоту сына ея воспоминаху, яко да помилуетъ его, и да не сотворитъ дома его разорена быти своимъ прекословиемъ.

³⁵ по левую;

³⁶ были;

³⁷ понуждали;

Она же противу всѣхъ ихъ словесъ даяше им премудрыя отвѣты. «Нѣсмь, — рече, — прельщена, якоже глаголете, от старцов и стариць, но от истинныхъ рабов Божиихъ истинному пути Христову и благочестию навыкохъ, а о сынѣ моемъ престаните ми многая глаголати, общах бо ся Христу моему, свѣту, и не хочу общанія солгати и до послѣдняго моего издыханія, понеже Христу азъ живу, а не сыну».

Они же видѣша мужество ея непреклонное, и не могуще ея препрѣти, и восхотѣша ю поне си устрашити. И рекоша ей такую главизну:³⁸ «Понеже крѣпко сопротивляешися словесем нашим, прочее³⁹ в краткости вопрошаем тя: по тѣм Служебником, по коим государь царь причащается, и благовѣрная царица, и царевичи, и царевны, ты причастиши ли ся?» Она же мужеским сердцем рече: «Не причащуся!» «Вѣм азъ, — рече, — яко царь по развращенным никонова издания Служебником причащается, сего ради азъ не хочу!» Митрополит еще: «И како убо ты о нас всѣхъ мыслиши, еда⁴⁰ вси еретицы есмы?» Она же паки отвѣща: «Понеже онъ врагъ Божий Никон своими ересми, аки блевотиною, наблевалъ, а вы нынѣ то скверные его полизаете, и посему явѣ, яко подобни есте ему».

Тогда Павелъ Крутицкой возопи велми, глаголя: «О, что имамы сотворити! Се всѣхъ насъ еретиками нарицаеть!» Иоаким же и той вопияше: «Почто, о, архиерею Павле, нарицаеше ю материю да еще и праведною? Нѣсть се, нѣсть! Не бо Прокопиева дщи прочее, но достоинъ ю нарицати бѣсову дщерь!»

Блаженная же отказоваше Иоакиму: «Азъ бѣса проклиною, по благодати Господа моего Исуса Христа, аще и недостойна, обаче дщерь его есмь». И бысть ей прѣнїя с ними от 2-го часа нощи до десятаго.

Потомъ приведоша благочестивую княгиню и вопросиша. И та подобнѣ во всѣмъ мужество показа.

И паки Феодору повелѣша людем, и несоша ю на сукнѣ в домъ ея, и посадиша в той же подклѣтѣ, идѣже два дни сѣдяху, с нею же паки и княгиню. И желѣза имъ возложиша на нозѣ. Тогда блаженная Феодора рече ко княгини: «Аще⁴¹ насъ разлучатъ и

³⁸ тезис;

³⁹ наконец;

⁴⁰ неужели, разве;

⁴¹ Если;

заточат, молю тя, поминай в молитвах своих убогую мя Феодору». Святая же Евдокия удивися, яко присно вкупѣ бѣ, а не увѣдѣ сего.

Во утрии же день, по истязании ихъ, еже со властью, прииде думный, и принесени быша чеши со стулами,^{29*} и снемше с ногъ желѣза, и начаша чеши на выи ихъ возлагать. Блаженная же Феодора, прекрестивши лице свое знаменiemъ креста и поцѣловавъ огорлие чеши, рече: «Слава тебѣ, Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы юзы возложити на ся».

И повелѣ думный людемъ, и всадиша ю на дровни, и повелѣно бысть конюху вести. Она же сѣдши и стулъ близъ себе положи. И везена бысть мимо Чюдова под царския переходы, руку же простерши десную свою великая Феодора и ясно изобразивши сложение перстѣ, висоцѣ вознося, крестом ся часто ограждаше, чешию же такожде часто звяцаше. Мняше бо святая, яко на переходех царь смотряеть побѣды ея, сего ради являше себе не точию стыдѣтися, руганія⁴² ради ихъ, но и зѣло услаждатися любовию Христовою и радоватися о юзахъ.

Евдокию же княгиню подобнѣ обложивъ юзы желѣзными, и отведена бысть во Алексѣевской монастырь,^{30*} и тамо повелѣно держати ея под крѣпким началом⁴³ и водити в церковь. Святая же таково мужество показа, яко всему царствующему граду дивитися храбрости ея, како доблественѣ сопротивляшеся воли мучителстѣ: не точию бо своима ногама никогда не восхотѣ, аще и велми нудима бѣ, к пѣнию ихъ приити, но аще и на носилѣ влачаху ея рогознѣм, тако бо повелѣно бысть, то она не соизволяетъ еже и на носило возлещи сама, но, и здрава сущи, к тому часу сотворить себе яко разслаблену и не могущи ни рукою, ни ногою двигнути. Старицам же, пришедшим и воздвизающим ю, бѣ иногда стужати⁴⁴ и даже до сего безстудствующи, еже святое оно и ангелолѣпное лице ея дерзостнѣ зашити,⁴⁵ рекущи: «Горе нам! Что можем с тобою сотворити! Сами бо видѣхом, яко в час сий зѣдрава бѣ и бесѣдова со своими весело, егда же мы приидохом, на молитву зовуще, тогда внезапно, яко омертвѣ, нам велики труды творящи, се бо пре-

⁴² поругания;

⁴³ надзором;

⁴⁴ досаждать [ей];

⁴⁵ бить по лицу;

вращаем,⁴⁶ яко мертву и недвижиму». Непорочная же агница отвѣщаетъ имъ: «О, старицы бѣднии! Почто труждаетесь всуе? Еда азъ васъ понуждаю труд сей творити? Но сами вы, безумствующе, всуе шатаетесь. Азъ бо и васъ зря, погибающих, плачюся, како же азъ сама помыслю когда ити в собор вашъ! Тамо у вас поють, не хваляще Бога, но хуляще его, Спасителя, и законы его попирающе». И тако возлагаху святую на носило, яко мертвое тѣло, и влачяху к пѣнию.

Егда же блаженная узряше кого когда от вѣрных и знаемых, стояща на монастыри и зряща тризница ея, глаголаше, стоня: «Увы, утомихся, станите мало!» И старицы положат носило на земли. Глаголаше великая: «Старицы! Что се творите, влачаще мя? Еда азъ хощу молитися с вами? Никакоже! Нѣсть право, еже со отступльшими закона Христова обще молитися нам христіаном. Но рѣку вам нѣчто: прилично убо, идѣже ваше пѣние возглашается, тамо, на нужную потребу исходя, излишие утробное испражняти — тако бо азъ почитаю вашу жертву».

Феодоръ же отвезенъ бывши на подворіе Печерскаго монастыря,^{31*} и приставлена бысть к ней стража крѣпкая: два головы стрелецкіе, премѣняющесе, с десятию воины стражаху.

Елена^{32*} же с прочими сестрами крѣпко страха ради; и не монуца увѣдѣти о святѣй Феодорѣ цѣлую недѣлю, и тужаху зѣло, и плакаху много, аки младенцы, от матери отлучени. Въ день же 27 ноября, на день Знамени пресвятыя Богородицы, обрѣте ю Елена Божиимъ благоволениемъ, чюднѣ велми. Великою убо Феодорѣ изшедши на задней крылецъ, идѣже исходят на нужную потребу, Еленѣ же по улицѣ той шедши, и тако Божиимъ мановениемъ познастася, бѣ же и на улицѣ то мѣсто таковую же потребу имать, еже ходити ту человекомъ на облегчение чрева. И ту стоящи Елена приближнѣ, и бесѣдова с Феодорою, на высотѣ ей стоящи.

И рече блаженная: «О, возлюбленная ми Елено! Ничто мене тако не оскорбило во днехъ сихъ, якоже разлучение ваше, ни отгнание изъ дому, ни царскій гнѣвъ, ни властелское истязание, ни юзы, ни стража. Вся ми сия любезна о Христвѣ; но зѣло ми тошно, еже болѣ седмицы ни знаю, ни вѣдаю о васъ. Господа ради, не покиньте мене, не съѣзжайте с Москвы, будите ту, не бойтесь; уповаю на Христа, покрыетъ васъ! Ниже бо о сродницѣхъ

⁴⁶ ворочаем;

по плоти тако болѣзную, о васъ же рыдая не престаю. Вся о укрѣплящемъ мя Христѣ возможно ми суть, единого же сего до конца не могу терпѣти».

Мария^{33*} же, сопричастница подвига ихъ, во время гнѣва царева на блаженную Феодору, умысли бѣжати. По некоему же языку бысть за нею посылка. И ята бысть в подонской странѣ,^{34*} и привезена к Москвѣ, и такожде истязана, и подобнѣ во всемъ поревнова блаженными сестрама Феодорѣ и Евдокии, зѣло бо сопротивися имъ и предъ всѣми похвали древнее благочестие, а новыхъ догматъ отвержеся пріятия. И посадиша ю, оковаша, под Стрѣлецкимъ приказомъ.

К Феодорѣ же часто приѣзжаше митрополитъ Иларионъ Рязанский.^{35*} Она же тако мужественѣ с нимъ стязовашася, яко и велми ему посрамлену бывати и безотвѣтну множицею отходити.

Видя же себе Феодора желѣзы тяжкими обложену и неудобствомъ стула томиму, радовашеся. О единомъ же скорбяше и к наставницѣ своей матери Мелании своею рукою писаше: «Увы мнѣ, мати моя, не сотворихъ ничтоже дѣла иноческаго! Како убо возмогу нынѣ поклоны земныя полагати? Охъ, лютѣ мнѣ, грѣшнице! День смертный приближается, азъ, унылая, в лѣности пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ благослови мнѣ Павловы юзы Христа ради поносить. Да еще аще волиши, благослови мнѣ масла кравия, и млека, и сырѣ, и яиць воздержатися, да не праздно мое иночество будетъ и день смертный да не похититъ мя неготову. Едина же точию повели ми постное масло ясти». Мати же на страдание подаде ей благословение, рекущи: «Стани доблествене, *страждущи о имени Господни*, и Господь да благословитъ тя юзы его ради носити, и поиди, яко свѣща, от насъ к Богу на жертву; о брашнѣхъ же — вся прилучающаяся⁴⁷ да яси⁴⁸».

Царю же по взятіи Феодоринѣ во многи дни сѣдящу с бояры своими и мыслящу, что бы ей сотворити за мужественое ея обличение. Феодора же, брата ея, призвавъ предъ ся, велми изязоваше его о многихъ вещехъ, вопрошая его: «Повѣждь ми — гдѣ Меланія? Ты вся тайны сестры своя свѣси⁴⁹», и велми на Феодора належаше гнѣвомъ.

⁴⁷ все, что случится получить;

⁴⁸ ешь;

⁴⁹ ведаешь, знаешь;

А Ивана Глѣбовича приказалъ беречи людем; отрокъ же от многия печали впаде в недугъ. И присла к нему лекарей своих, и такъ его улечиша, яко в малѣх днех и гробу предаша.^{36*} И умершу Ивану, прислан сказать Феодоръ смерть сына ея попь никониянин, иже, злоумень сый, досаждаше святѣй, приводя от псалма 108-го,^{37*} глаголы, реченныя о Июдѣ, нечестивый бескуфейникъ ко блаженнѣй приписоваше, яко бы сего ради, за неже отвратися вѣры ихъ, приити на ню Божию наказанию и еже положитися дому ея пусту и живущаго не имѣти. Премудрая же разумница не внимаше о сей буести ихъ. Увѣдвши же смерть возлюбленнаго си сына, оскорбися⁵⁰ велми, и падши на землю пред образом Божиим, умилным гласом плакаше, рыдаючи, вѣщаше: «Увы мнѣ, чадо мое, погубиша тя отступницы!» И пребысть на многъ часъ не воставаючи от земли, воспущаючи о сынѣ си надгробныя пѣсни, яко и инѣм слышащим рыдати от жалости.

Царь же о смерти Ивановѣ порадовася, яко свободнѣе мысляще без сына матеръ умучити. Не точию же се, но и⁵¹ двою брату ею,⁵² Феодора и Алексѣя, оваго⁵³ на Чугуев, оваго⁵⁴ на Рыбное, яко бы на воеводство, паче же в заточение, поотсла.^{38*} Феодоръ бо на власти своей толико обогатися, яко и своихъ рублей тысячу прожилъ. Се же царь творяше от великия злобы на блаженную: мысляше, яко да ниоткудаже никакоже никакова рука да не приблизится, помогаючи имъ в скорбѣх тѣхъ великихъ. Но обаче Богъ бяше с ними.

Послѣ Ивановы же смерти все имѣние расточи: отчины, стада, коней разда боляром, а вещи всѣ, златыя и серебряныя и жемчужныя и иже от драгих камней, все распродати повелѣ. И разоряюще полату, множество злата обрѣтоша в стенѣ заздано.⁵⁵ Един же от рабъ Феодориныхъ, Иванъ, повелѣниемъ госпожи своя нѣкия драгия вещи положи у нѣкогого, мнящася вѣрна быти. И наваждением жены его преданъ бысть и мучен велми, огнем жгом и прочее истязаем о-шестером; и вся претерпѣ доблественѣ и аки добрый рабъ и вѣрный нелицѣмернѣ поревнова госпожи своей, на конецъ сожжен в Боровскѣ с прочими мученики.

⁵⁰ огорчилась, прониклась скорбью;

⁵¹⁻⁵² двух братьев ее;

⁵³⁻⁵⁴ одного (...) другого;

⁵⁵ замуровано;

Посем же яко бы умилися царь, повелѣ дати Феодорѣ двѣ от рабынь ея, яко да послужат ей въ юзах ея. И притекоша с великою радостію Анна Аммосова и Стефанида, прозываема Гнѣва, и служаху ей. Княгине же праведнѣй аще и не достася по жребію рабыня на службу ея, воздвиже Богъ честнѣйшу от рабынь, господскую дщерь, послужити господству ея: Акилина девица, боярская дщерь, всегда служила ей, приходя к ней и отходя. Послѣди и сама Акилина пострижеса и наречена бысть Анисія.^{39*}

Марии же тамо сѣдящи и бѣду примаше болѣе обою сестрѣ — безстуднии воины пакости творяху ей невѣжеством. Прихождаху же к ней и попы никонианскія и много ея смущающе и укоряюще яко расколницу. Единою же приидоша к ней яко бѣс со дияволом, сирѣч попъ со диякономъ, и нуждаху ея, да прекрестится трема персты, и не хотяше. Они же, обезстудившеса, якоже пси, приближившеса, окаяннии, начаша персты ея ломати, складовающе щепоть. Она же, гнушающися, глаголаше: «Нѣсть се крестное знамение, но печать антихристова!» Они же противо: «Ни, не тако, но сии два перста, яже ты слагаеши, показуя крестъ свой, младенцы, егда калом ся умажутъ, тогда матери ихъ сима двѣма перстома гной ихъ оскребаютъ». Тако бо злочестивии умѣюще лаяти!

И сице имъ всѣм трем по разным мѣстом сѣдящим и терпящим о имени Господни.

Лѣта того сподоби Богъ великую Феодору въ юзахъ и за крѣпкою стражею причаститися от руку преподобнаго отца Йова Лговскаго,^{40*} о немже и прежде речеса.^{41*} Бысть же дивно. Понеже у нея на карауле единъ голова милостив к ней зѣло, молит его святая, рекущи: «Егда бѣх в дому моемъ, во едином от сель нашихъ служаше нѣкий священникъ, старъ сый, и бяше милость наша к нему. Нынѣ же слышах, яко здѣ онъ. Жаль ми его, старости ради. Аще есть твоя милость к нашему убожеству, повели, да призову его». И повелѣ. И прииде старецъ святой ко святѣй мученицѣ, яко Варлаам ко Иасафу,^{42*} безцѣнный бисеръ подати бѣлецким образом. И грядущу ему в сѣнехъ, и сам голова, востахъ, поклонися ему. И сподобивъ мученицу прияти Тѣло и Кровь Христову, и отиде. Толико же умилися блаженный старецъ, зря великое страдание великия госпожи, яко послѣди невозможно ему без слезъ воспомнати ея.

Бысть же и се паки дивно. Обѣ сии сестры едиnorodныя, великая, глаголю, Феодора и благовѣрная Евдокия, вождѣства в жизни сей видѣтися в лице и побесѣдовати. И молястася все-силному Богу, яко да утѣшит ихъ. Послѣди Евдокия рече княгинѣ своей, у неяже в кѣлии сѣдѣше: «Госпоже, ты вѣси болѣзнь дѣтскую. И се азъ оставих ихъ Христа ради! Аще обрѣтохъ благодать пред тобою, пусти мя в домъ мой, яко да цѣловав их и утѣшивъ, и сама утѣшуся, и прежде вечера паки возвращуся доздѣ.⁵⁶ А никтоже не возможе въ увѣдѣти вещь сию, точию ты и азъ. А возможе по сему быти, аще восхощеша точию помилувати мя: се бо днесъ полудневая година, а игуменія в гостехъ, и старицы разыдошася, и людей на монастырѣ мало, а азъ, фатою покрывшеся, пройду, и никтоже узнаеть мя». Княгиня ж та паче чаяннїа челоувѣческаго пусти мученицу-княгиню, повелѣ оставити образъ пресвятыя Богородицы, рекущи: «Вѣмъ азъ, како ты любиши образъ Владычицы нашея; остави ми его здѣ и иди с миромъ, и вѣмъ, яко она Помощница возвратитъ тебе сѣмо⁵⁷».

И иде блаженная, и грядущи ей путемъ, навади бѣсъ некихъ злыхъ челоувѣкъ, и глаголаху другъ ко другу: «Имите ю, бѣглая есть!» Она же смѣло отказоваше. И снидеся на пути съ Еленою, и приидоста до Печерскаго подворья. Дворница же повѣда Феодорѣ пришествіе ихъ. Блаженная сосла от себе рабу свою Анну, а вмѣсто ея к ней взыде княгиня Евдокия и на крылцѣ мимо ногъ караульщика прошла, ему мнѣшу, та же Анна идетъ. И бесѣдоваста любезно мученица со исповѣдницею.

И позавидѣ диаволь, и подвиже бурю, и познана бысть вещь, и крамолу воздвигоша вси десятирица воинъ. И, призвавши, Феодора умоли начальника. Онъ же умоли воины, и умолкоша. Мученицамъ же бысть се къ блажайшему: повелѣ бо голова гостыи той начевати у нея: «Да азъ, — рече, — нощию отпущу ея тайно». Святїи же нощь тую всю ликовоаху, бесѣдующе. И къ свѣту отиде Евдокия, и проводи ю Елена. И прииде в монастырѣ, и все утаися и утишися. Елена же сѣдѣши и им служаше, потребная им строяше, и пищу, и одежды, и овогда⁵⁸ сама носаше, овогда же со инѣми посылаше.

⁵⁶ сюда, на это место;

⁵⁷ сюда;

⁵⁸ иногда;

К Евдокии же не единою⁵⁹ приѣжжалъ и Михайло Алексѣевичъ,^{43*} и, у окна стоя, со умилением глаголаше: «Удивляеть мене ваше страдание, едино же смущаетъ мя — не вѣмъ, аще за истину терпите?»

Множество же велможныхъ женъ приѣжжаху, и от простыхъ людей притекаху на зрѣние, како влачаху княгиню на носилѣ. Наипаче же велможнии тии преизлиха любезнѣ дивляхуся и аки о сродницѣ своей болѣзноваху. Видѣвши же сие игумения, и сугубыми помыслы содержима бѣ: ово жалостию преклоняшеса о страдании ея, помышляючи санѣ ея велможный, ово же и возмущашеса, видя, яко сие влачение паче ей к прославлению, вси бо народи сришутся на видѣние терпѣния ея. И сия помысливъ, приходит к патриарху Питириму,^{44*} тогда сущу, и повѣда ему о вещи, како у них в монастыри дѣется и каковая княгиня сѣдит и за кую вину, ему бо того не вѣдушу, яко прежде его посаждени быша. Вопрошающе же ему опаснѣ⁶⁰ игумению, прилично стало игумении и о Феодорѣ воспоминаuti. Конечно⁶¹ же патриархъ рече игумении: «Иди ты, азъ о семь цареви имам воспоминаuti».

И потщався к царю, и вспомяну ему о великой Феодорѣ и о блаженнѣй княгинѣ. «Азъ, — рече, — тебѣ, государю, совѣтую боярону ту, Морозову вдовицу, кабы ты изволилъ паки дом ея отдати ей и на потребу ей дворов бы сотницу христиан даль, а княгиню ту тоже бы князю отдалъ, такъ бы дѣло то приличнѣ было; женское бо ихъ дѣло, что они много смыслятъ».

Тогда рече царь: «Святѣйший владыко, азъ бы давно сие сотворилъ, но не вѣси⁶² ты лютости жены тоя. Азъ бо како ти имам повѣдати, елико ми ся поруга и нынѣ ругается Морозова та. Кто ми такова злая сотвори, якоже она! Многи бо ми труды сотвори и велия неудобства показа. И аще не вѣруеши словесем моим, то изволи искусити собою вещь и, призвав ю пред ся, вопросы, и тогда увѣси крѣпость ея. И егда начнеши ю истязати, тогда вкусиши пряности ея. И по том что повелит твое владычество, то и сотворю, и не ослушаюся отнюд словесе».

И во 2 час ноци поемше Феодору и съ юзами и посадивше на дровни, и сотнику повелѣно тамо ити. И привезоша ю в Чю-

⁵⁹ не единожды;

⁶⁰ тщательнее;

⁶¹ Под конец;

⁶² знаешь;

довъ, и введоша во Вселенную полату. И бѣ ту стоя Питирим патриархъ, и Павелъ митрополит, и инии власти, и от градскихъ начальникъ немало. Великая же предста на сонмѣ, нося на выи оковы желѣзныи. И в первыхъ патриархъ рече: «Дивлюся азъ, яко тако возлюбила еси чепь сию и не хочещи с нею и разлучитися». Святая же обрадованнымъ лицомъ и веселящися сердцемъ рече: «Воистинну возлюбих, и не точию просто люблю, но ниже еще насладихся вождельннаго зрѣния юзъ сих! Како бо и не имамъ возлюбити сия, понеже азъ, таковая грѣшница, благодати же ради Божия сподобихся видѣти на себѣ, купно же и поносити, Павловы юзы, да еще за любовь единороднаго Сына Божия!» Тогда патриархъ: «Доколѣ имаша в безумии быти? Полно лядова нрава держатися! Доколѣ не помилуеши себе, доколѣ царскую душу возмущаеши своимъ противлениемъ? Остави вся сия нелѣпая начинания и послушай моего совѣщания, еже, милуя тя и жалѣя, предлагаю тебѣ: приобщися соборнѣй Церкви и росийскому собору, исповѣдався и причастився». Отвѣща блаженная: «Нѣкому исповѣдатися, ниже от кого причаститися». Паки патриархъ: «Много попов на Москвѣ!» Глагола святая: «Много попов, но истиннаго нѣсть». Еще патриархъ: «Понеже велми пекуся о тебѣ, азъ сам на старости понуждуся исповѣдати тя и потрудитися — отслужи, сам причашу тебе». Премудрая же паки глаголя: «И что ми глаголеши, еже самъ! Азъ не вѣм, что глаголеши! Еда бо разньство имаша от них? Еда не ихъ волю твориши? Егда бо былъ еси ты митрополитомъ Крутицкимъ и держался *обычая християнскаго*, со отцы преданнаго нашея русския земли, и носил еси клобучокъ старой — и тогда ты намъ былъ еси отчасти любимъ. А нынѣ, понеже восхотѣлъ еси волю земнаго царя творити, а Небеснаго Царя и содѣтеля своего презрѣлъ еси, и возложилъ еси рогатый клобукъ римскаго папы на главу свою, и сего ради и мы отвращаемся, то уже ты прочее не утѣшай мене тѣмъ глаголомъ, еже „азъ сам“, ниже бо азъ твоя службы требую».

Тогда патриархъ глагола архиереомъ своимъ: «Облецыте мя нынѣ во священную одежду, яко да священнымъ масломъ помажу чело ея, яко негли ⁶³ придетъ в разумъ; се бо, якоже видимъ, умъ погубила есть».

⁶³ Быть может;

И облекоша его, и масло принесоша, и вземъ спицу, сущую в маслѣ, и нача приближаться ко святѣй. Она же дотолѣ сама на ногахъ отнюдѣ не стояла, но поддержали ея сотникъ со инѣмъ, и она, на ихъ рукахъ вся облегли, с патриархомъ говорила; егда же зреть его к себѣ идуща, сама ста на ногахъ своихъ и приготовася, яко борець. И митрополит Крутицкой, протягъ руку, единою поддержа патриарха, а тою хотя приподняти треуха, иже на главѣ блаженная, яко да удобно будет помазати патриарху. Великая же отпхну руку тую и рече: «Отиди отсюду!» — и отрину руку его и со спицою: «Почто дерзаеши и неискусно хочещи коснуться нашему лицу? Нашъ чинъ мощно тебѣ разумети!»

Патриархъ же, поомочавъ спицу в маслѣ и протягъ руку свою, хотя ю знаменати на челѣ. Преблаженная же, яко храбрый воинъ, велми вооружився на сопротивоборьца, напротиво ему свою руку протягши, и отрину руку его и со спицою, вопия и глаголя: «Не губи мя, грѣшницу, отступным своим маслом!» И позвяцавъ юзами, рече: «Чего ради юзы сия азъ, грѣшница, лѣто цѣлое ношу? Сего бо ради и обложена есмь юзами сими, яко не хочу повинутися, еже приобщити ми ся вашему ничесому же. Ты же весь мой недостойный трудъ единѣмъ часомъ хочещи погубити! Отступи, удалися! Не требую ваша святыни никогдаже!»

Слышавъ сия патриарх и не терпя многого срама, разгнѣвася зѣло и от великия горести возопи: «О, исчадие ехиднино! Вражия дщи, страдница!⁶⁴» И возвращаяся от нея въспять, ревый, яко медвѣдь, крича, зовый: «Поверзите ю долу, влеките нещадно! И яко пса чепию за выю влачаще, извлекыте ю отсюду! Вражия она дщерь, страдница, нѣсть ей прочее жити! Утрѣ страдницу въ струбъ!»

Блаженная же отвѣща тихимъ гласомъ: «Грѣшница азъ, но обаче нѣсть вражия дщерь, не лай мя сим, патриархъ, по благодати бо спасителя моего Бога Христова есмь дщерь, а не вражия. Не лай мя симъ, патриарше!»

И по повелѣнию патриархову повергоша ю долу, яко мнѣти ей главѣ ея разкочитися. И влекуще ю по полатѣ сице сурово, яко чаяти ей, ошейникомъ желѣзным шию надвое прервавъ, главу ея с плечь сорвати им. И сице ей влекомъ с лѣстницы, всѣ

⁶⁴ каторжница;

степени главою своею сочла. И привезоша ю на тѣх же дровняхъ на Печерское подворье въ девятомъ часу нощи.

Тоя же нощи и того же часу ставиль предо собою патриархъ и княгиню Евдокию и Марию, мня, еда како которая от них повинется. И не бѣ сего. Благодатию бо Божиею укрѣпляеми, свидѣлствоваху крѣпцѣ и являху ся, яко о имени Господни готовы умрети, нежали любве его отпасти. Покуси же ся патриархъ и благовѣрную княгиню такожде помазати. Святѣйшая же страстоносица еще дивѣйши сотвори. Якоже убо древле самаряныни Фотиния при Неронѣ кесари сама со главы *своея своима рукама кожу* садра и верже на лице мучителево,^{45*} сице и наша трихборница:⁶⁵ егда видѣ патриарха, с масленою спицою идуща к ней на помазание, въскорѣ покрывало главы *своея* снем⁶⁶ и простовласу себе сотворши, возопи к ним: «О, безстуднии и безумнии! Что се творите! Не вѣсте ли, яко жена есмь?» Они же вторым студом посрамившеся,⁶⁷ пребыша бездѣлни;⁶⁸ святѣй же тако избывши от помазания их. И по скончании вопрошения развезоша и тѣхъ по своим имѣ мѣстам.

Патриархъ же, не могий своего безчестия терпѣти, повѣда вся цареви, наипаче же жалобу ему приношаше на великую Феодору. Царь же ему отвѣщаваше: «Не рѣх ли ти прежде лютость жены тоя? Азъ бо искусихся и вѣм жестокость ея. Ты бо единою се видѣлъ еси дѣяние ея, азъ же колико лѣтъ имам, терпя от нея и не вѣдый, что сотворити ей». И сице глаголюще, совѣщашася обще, еже мучити ихъ, и аще ту⁶⁹ не покорятся, и по том подумати, что будетъ достойно имѣ сотворити.

И паки в другую нощь, во второй часъ нощи, свезени быша вси трие мученицы на Ямьской дворѣ.^{46*} На том же дворѣ собрано было людей множество, и посадили мучениц в ѓзбѣ, а в ней от множества людей тѣсно. Святїи же, сѣдяще по углам, втемнѣ, между множества чловѣкъ, каяждо мняше, яко едина есть. Не мняху бо, яко мучити ихъ хотятъ, но надѣяхуся, яко послѣди распроса в заточение куды хотятъ послати. Послѣди же Феодора уразумѣ, яко не в заточение, но на муки привезена. Извѣсти же ся ей, яко и двоица мученицъ ту есть. Невозможно

⁶⁵ трижды воительница;

⁶⁶ снявши;

⁶⁷⁻⁶⁸ остались ни с чем;

⁶⁹ тут;

же бесѣдовати и с ними и укрѣпить ихъ на терпѣние, она же позвяца юзами, а мыслию рече: «Любезнии мои сострадалицы, се и азъ ту есмь с вами, терпите, свѣты мои, мужески и о мнѣ молитесь!» Къ Евдокии же и руку протягши сквозѣ утѣснение людское, и емь⁷⁰ за руку княгиню, и согненувши ея велми крѣпко, и рече: «Терпи, мати моя, терпи!»

Бяху же приставлены над муками ихъ стояти князь Иванъ Воротынской, князь Яковъ Адоевской, Василей Волинской.^{47*}

И въ первыхъ приведена бысть ко огню Марія. И обнаживъ до пояса, и руки назадъ завязали, и подныша на стряску, и, снемъ з дыбы, бросили на землю.

И по томъ ведуще княгиню ко огню. И узрѣша покров треуха, и рѣша мучители: «Почто тако твориши — во опалѣ царской, а носиши цвѣтное!» Она же отвѣща: «Азъ не согрѣшихъ предъ царемъ». Они же содраша покровъ, а ей исподъ единъ вергоша. И обнаживше и ту до пояса, и подныша на стряску, рукамъ опако⁷¹ связанымъ. И снемше со древа, вергоша и ту близ Марии.

Послѣди же приведоша ко огню и великую Феодору. И начат ей глаголати князь Воротынской многая словеса, глаголющи: «Что се сотворила еси! От славы в безславіе прииде! И кто ты еси, и от какова рода! Се же тебѣ бысть, яко принимала еси в домъ Киприяна и Феодора юродивыхъ^{48*} и прочихъ таковыхъ, и ихъ учения держася, царя прогнѣвала еси». Добляя же отвѣща: «Нѣсть наше велико благородіе тѣлесное, и слава человека суетная на земли; иже изрекль еси, нѣсть отъ нихъ ничтоже велико, занеже тѣнно и мимоходяще.⁷² Прочее убо, представъ отъ глаголъ своихъ, послушай, еже азъ начну глаголати тебѣ. Помысли убо о Христѣ — кто онъ есть, и чий сынъ, и что сотвори! И аще недоумѣваешися, азъ ти реку: той — Господь нашъ, Сынъ сый Божій и Богъ, нашего ради спасения небеса оставль и воплотися, и живяше все во убожествѣ, послѣди же и распятся отъ жидовъ, якоже и все отъ васъ мучимы. Сему не удивляеши ли ся? А наше ничтоже есть».

Тогда властели, видяще дерзновение ея, повелѣша ю взяти, и рукавами срачицы⁷³ ея увиша по концѣхъ сосецъ, и руки на опако завязаша, и повѣсиша на стряску. Она же побѣдоносная

⁷⁰ взявши;

⁷¹ назадъ;

⁷² мимолетно, преходяще;

⁷³ сорочки;

и ту не молчаше, но лукавое ихъ отступление укоряше. Сего ради держали ея на стряскѣ долго, и висла с польчаса, и ремнемъ руки до жилъ протерли. И снемше, и ту третью к тѣмъ же двема положиша. И сице им ругашеся безчеловѣчно, оставиша ихъ тако на снѣгу лѣжати, нагим спинамъ ихъ, и руки назадъ выломаны. И лежали часа три.

И иныя козни творили: плаху мерзлую на перси клали, и ко огню приносили всѣхъ, и хотѣша жещи, и не жгоша. Послѣди же, егда вся козни совершиша, и воставшим мученицам, и обнажение тѣлесе покрывша двѣ, третью же, Марию, положиша при ногахъ Феодоры и Евдокии, и биена бысть в пять плетей немилостивно в двѣ перемѣны, первое — по хребту, второе — по чреву. И думный Иларионъ глаголаше двѣма мученицама: «Аще и вы не покоритесь, и вам сице будетъ!» Феодора же, видя безчеловѣчье и многи раны на святѣй Марии и кровь текущу, прослезися и рече Илариону: «Се ли христианство, еже сице человекъ умучити?» И по сем развезоша ихъ по мѣстамъ в десятомъ часу нощи.

И во утрии день сотвори царь сидѣние думати о нихъ, что над ними учинить. А на Болотѣ^{49*} струбъ поставили. И патриархъ велми просилъ Феодору на сожжение, да боляре не потянули, а Долгорукой^{50*} малыми словами да много у нихъ пресѣкъ. Тогда Феодора три дни хлѣба не яде и воды не пи, тщашеся умрети.

А мати Мелания на Болотѣ у струба была, и пришедь того же дне ко святѣй Феодорѣ, и язвы рукъ ея цѣлова, и глагола: «Уж и домъ тебѣ готовъ есть, велми добръ и чинно устроень, и соломою цѣлыми снопами уставлень! Уже отходиши к желаемому Христу, а нас сиры оставляеши!»

Феодора же любезнѣ у матери благословилася ити в вѣчный путь, и, цѣловашеся, мати, рыдаючи, отиде къ Евдокии и ей таковая же благовѣствоваше, и у окна стоя, и зря на княгиню, и слезами омываяся, глаголаше: «Гости вы есте у нас любезнии, днесъ или утрѣ отходите ко Владыцѣ, но обаче идите сим путем, ничтоже сумнящеся! Егда же предстанете престолу Вседержителя, не забудьте и нас в скорбѣхъ наших!»

Сему же чаему бывшу, Богъ же не тако сотвори, но еще страдати мученицам надолзѣ изволи.

Марии же, по престатии биения, полотенце вода по спинѣ своей, все смочила кровию и посла Иоакинфу своему.^{51*} Въ третий

же день со спины струпие велие спадоша, яко чешуя. И просиша у нея мученицы, и не хотѣ дати за смирение, послѣди же, принуждена, даде имъ и прочимъ.

По триехъ же днех послѣ мучения присла царь ко Феодорѣ голову стрелецково, сице глаголя: «Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица.^{52*} Молю тя азъ самъ, послушай совѣта моего, хощу ты азъ в первую твою честь вознести. Дай мнѣ таковое приличие людей ради, что аки недаром тебя взялъ: не крестися треме персты, но точию, руку показавъ, наднеси на три тѣ перста! Мати праведная Феодосия Прокопиевна! Вторая ты Екатерина мученица! Послушай, азъ пришлю по тебя капитану⁷⁴ свою царскую и со аргамаками⁷⁵ своими, и придутъ многие бояре, и понесутъ ты на головахъ своихъ. Послушай, мати праведная, азъ самъ, царь, кланяюся главою моею, сотвори сие!»

Видѣвши же сие Феодора и слышавши, рече посланнику: «Что твориши, человекче! Почто ми поклоняешися много? Престани, послушай, еже азъ начну глаголати. Ежели государь сия слова глаголетъ о мнѣ — превыше моего достоинства. Грѣшница азъ и не сподобихся достоинства Екатерины, великия мученицы. Другое же паки, еже наднести ми на триперстное сложение, — не точию се, но сохрани мя Сыне Божий, еже бы ми ни в мысли когда помыслити сего о печати антихристовѣ. Но се убо вѣдомо вам буди, яко никогдаже сего, помощию Христовою сохраняема, не имам сотворити! Но убо, аще и азъ сего не сотворю, онъ же повелитъ мя с честью вести в дом мой, то азъ, на главах несомы бояры, воскричу, яко азъ крещуся по древнему преданию святыхъ отецъ! А еже *капитанюю мя своею* почитаетъ и аргамаками — поистинѣ, нѣсть ми сие велико. Быша бо вся сия и⁷⁶ мимо идоша:⁷⁷ ѣжживала в капитанахъ и в корѣтахъ, на аргамаках и бахматах.⁷⁸ Сие же вмѣняю в велико, да, поистиннѣ, дивно и есть, еже аще сподобит мя Богъ о имени его огнемъ сожженѣ быти во уготованнѣм ми от вас струбѣ на Болотѣ. Сие ми преславно, понеже сее чести не насладихся никогдаже и желаю такового дара от Христа получить». Сие святѣй рекши, умолче голова.

⁷⁴ капитана — один из видов кареты;

⁷⁵ аргамак — породистая лошадь восточных кровей;

⁷⁶⁻⁷⁷ миновало, прошло;

⁷⁸ бахмат — выносливый конь татарской породы;

Питирима же патриарха вскорѣ постиже суд Божий, и лютою смертию живота разлучися.^{53*}

Феодору же с Печерскаго подворья повелѣ царь перевести в Новодѣвичь монастырь, того ради, чтобы ей туды никто никакой потребности не приносил. И повелѣ ю держати под крѣпким началом и влачити к пѣнию. Она же велие мужество показа и всего их повелѣнія во всем до конца отвратися.

И прославляше Богъ угодницу свою: елицы убо от велможныхъ женъ толико множество притецаху,⁷⁹ яко монастырю всему заставлену быти рыдванами и корѣтами. Всеи же не молбы ради прихождаху, но да узрятъ святое и ангелолѣпное лице ея и крѣпкое терпѣние ея видят. И любезнии ея и кто ей потребенъ не точию на Печерскомъ подворьи, но и ту, Богомъ покрываемы, прихождаху к ней и утѣшаху страдалческое сердце ея.

Царь же, не терпя сего зрѣти, еже приходити ту многимъ велможнымъ на удивление страдания ея, и повелѣ ю привести паки в Москву, в Хамовники.^{54*} И приведена бысть к старостѣ на двор, той же обрадовася радостію великою. И прихождаше ту к ней наставница Меланія на посѣщение и Елена, служительница юзамъ ея. И ликоваху обще со многими слезами.

Потомъ рече царю сестра его старѣйшая Ирина:^{55*} «Почто, брате, не в лѣпоту твориши и вдову ону бѣдную помыкаеши съ мѣста на мѣсто? Нехорошо, брате! Достойно было попомнити службу Борисову и брата его Глѣба». Онъ же зарыча гнѣвомъ великимъ и рече: «Добро, сестрица, добро! Коли ты дятчишь об ней, тотчасъ готово у мене ей мѣсто!»

И вскорѣ посла в Боровескъ, в жестокое заточение, иже на то устроеный тамо острогъ^{56*} и в немъ земляная тюрьма. И вниде Феодора в темницу, радующися, и обрѣте в ней сѣдѣщую инокиню, Иустину именемъ, заточену тоя же ради вѣры.

Блаженная же княгиня, слыша возлюбленную свою сестру и соузницу вдаль от нея отвезену, и яко младенець по матери горцѣ рыдаше. Подобнѣ же и страстотерпица Марія. Всевидящее же око Божіе виде стонание ихъ и не презре, но просимой ими от него восхотѣ имъ даровати и к великой страдалицѣ причтати неразлучно.

Бысть же сице. Повелѣ Алексѣй царь и княгиню тамо же свести. И яко приближися к темницѣ, и отверзаючи двери, и

⁷⁹ приезжали;

зѣло радуясь, сотвори молитву. Феодора же яко узрѣ любезную свою и приемъ ю за обѣ рущѣ, возопи свѣтлымъ гласомъ: «О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь!»^{57*}

Мало же помедлив, привезоша и Марию, и бысть имъ совершенная радость.

Богъ же милосердый ниже тамо ихъ остави без утѣхи скорбѣти, но утѣшая ихъ, аки птенцов. Сотниковъ, отпускаемыхъ тамо на караулъ, Иоакимфъ еще на Москвѣ, в домъ свой возьмъ, ухлѣбливаше, чтобы не свирѣпы были. А в Боровескъ посыловалъ племянника своего, Иродиона именемъ, и он в темницѣ бывалъ множицею, и инии мнози. И наставница ихъ Мелания не единою посетила ихъ тамо, Елена же и множицею бывала.

Позавиде же сему лукавый и возмути начальниковъ. И прислали указъ, разыскать, кто к нимъ ходитъ и како доходят. И Памфила нѣкоего боровитина пытали, спрашивали Иродиона. Онъ муку великую терпѣлъ, а не предал. А Родионъ той в то время у него под поломъ пребылъ. И понеже не повинился, спустили его в домъ, и онъ лежа, а крови его текущи, глагола женѣ своей: «Агрипина, нынѣ хорошо стало, свободно, отнеси свѣтомъ тѣмъ поскорая луку печенова решетю». Послѣди того Памфила и с женою сослали в ссылку в Смоленскъ, иже и донинѣ тамо терпитъ.

Сѣдящимъ же им, часто моляху наставницу свою мать Меланию, чтобы ихъ посѣтила, и всяко не бѣ воля. Потомъ же аки известися Феодоръ, яко скоро будетъ отшествие ихъ, сего ради пишетъ к матери своею рукою, еже рече: «Умилосердися, посѣти в останошное», якоже и бысть. Молитъ же взяти ей с собою и болшаго брата. И поспѣши Богъ; и яхомся пути, понеже слышахомъ, яко в тѣхъ днехъ мысль бѣ у царя, еже, послав, допросит ихъ накрѣпко и аще не покорятся, указъ чинити. Но обаче нас сохранил Богъ.

Въ день недельный,⁸⁰ в 3 часъ нощи, приидохомъ в темницу. И бысть намъ обще с ними радость неизглаголанная. Великая же Феодора — не вѣмъ, како нареци ю имамъ, — тюрьму свою пресвѣтлою темницею зовяше и наставницу свою мать Меланию — равноапостольною и апостоломъ Господнимъ нарицаше. «И почто, — рече, — свѣтъ моя, нас, птенцовъ своихъ, надолзѣ не посѣщаша? Невозможно бо есть намъ безъ твоего наказания

⁸⁰ воскресный;

жизнь свою добрѣ правити». И обლობызаху обѣ руцѣ ея часто. Купно же и третия с ними, Марія, часто же лобызаше. И бесѣдовахомъ ночь ту всю. Бѣ же время генваря 11. И отидохомъ с Родиономъ на разсвѣтъ. Мати же Меланія и съ Еленою, моленія ради мученицъ и за великую ихъ любовь, дерзнуша и день той пребыти у них и совершенѣ утѣшишася.

По нас же, якоже речено бысть, в другой вечерѣ не прииде сотникъ, еще тамо вести насъ. И скорбихомъ, душу раздѣляюще.

Умилосердися же Господь, и приидохомъ паки в темницу в полуночное время. Мати же тцашеся скоро отити. И всѣмъ имъ стоящимъ, мати поучавше их, наказующи. А совершенно не вѣмъ вины наказания, но еже слышахъ, то и повѣствую. Глаголаше бо учителница: «Вѣмъ азъ недостойнство мое, но понеже сами зѣлно належите⁸¹ и бремя тяжко на мою выю возлагаете, яко да сказую вамъ путь Божий; еда азъ забыхся, и нынѣ убо, видевше терпѣние, и еже приблизити ми ся к вамъ боюся, да не изшедъ от вас огнь и опалитъ мя, унылую; но понеже свястаете мя любовию Господа нашего, послушайте же недостойныхъ словес: потщитесь исправитися. Се бо азъ вижду, яко свястаетеся юзами брани бѣсовския,^{58*} и аще, — рече, — не свободитесь юз сихъ, то не помогутъ вамъ и сии юзы желѣзныя, ихже носите Христа ради».

Се же матери глаголющи к нимъ, Феодора десницею своею держаше лѣвую руку ея, Евдокия же правую. И егда же услыша блаженная Феодора таковыя словеса от матери своя, течаху источницы слезъ по святому оному лицу, руку же матери любовно лобызающе не престаше. И егда мати премолчаваше, тогда святѣйшая, рыдающе, вѣщаше: «Не рѣхъ ли ти, о радость моя, и прежде, яко без твоего пастырства не можем добра сотворити ничтоже! Так-то мы все, государыня, без тебе по своей воли, да что ты видѣла в малѣмъ сем часѣ. О, горе нам! Удалихомся твоего наказания и лишихомся дара послушания! Откуда намъ тебе Господь дароваль! Ты нам апостоль Христовъ! О, свѣтъ наша! Не покинь нас без наказания!»

Азъ же, видѣвъ сие и слышах, преизлиха пребыхъ удивляясь разуму, и терпѣнию, и любви блаженныя Феодоры, како, наказуема, любѣзне смиряшеся, а и неповинна ни в чесом же.

⁸¹ настаиваете;

По прешествии же зимы тоя воскури дияволъ бурю велику зѣло, ревый злобою на мучениць, побѣждаемъ терпѣниемъ их. Бысть же сице.

На Фоминой седмицѣ^{59*} присланъ с Москвы подьячей Павелъ и внезапно прииде в темницу с великою свирѣпостию и еже бѣ у нихъ всякия потребности и брашно снѣдное, самое скудное, все побрала, и одежды, буде было по другой, все пограбилъ, точию же оставил во единой ризѣ. Не точию же се, но и малыя книжицы отъял, и еже верхъ злобы сотанинѣския — божественныя иконы, иже имяху у себе мученицы на малыхъ доскахъ воображеныя, они же всесквернѣйшии сосуди не убояшася и сего сотворити, яко злѣйшии бисермяне, все у них отъяша. У Феодоры же бѣ икона Пречистыя Богородицы чудотворныя Одигитрие. И егда понесоша ю ис темницы, отъемше ю у нея, и возва гласомъ крѣпким, и возопи со слезами, рыдаючи о иконѣ. И утѣши ю блаженная Евдокия, рекущи: «Не плачи, не точию Помощница наша не точию не остави нас, но и самъ Христосъ с нами и есть, и будетъ!»

Бысть же молва немала в воинѣхъ, истязани бо быша сотники, кто доносилъ имъ потребная и кто допущалъ приходящихъ к ним. И инии повинилися, что и сами доносили и инѣхъ приходящихъ допущали. И быша сотникомъ бѣды великия. Тогда и той сотникъ, при которомъ мы были, виноватѣй иныхъ стал, Александръ Созоновъ сынъ Медвѣдевской, и биенъ бысть, и салдатомъ рядовымъ учинен, и сослан бѣ на Бѣлъгород.^{60*}

О Петровѣ же дни прислан в Боровескъ розыскивать⁸² дьякъ Кузмищевъ^{61*} и святыхъ мучениць истязал о приходѣ и о приношении. Преподобномученицу же Иустину в срубѣ сожегъ, занеже не восхотѣ знаменатися трема персты. Оставшихъ же ради темницу разориша и люте тоя учиниша, уже бо не якоже первую, но зѣло глубоко в земли выкопавше, и тамо двою блаженныхъ сестръ посадивше, премудрую Феодору и славную Евдокию. Марию же в тюрьму отдали, гдѣ злодеи сѣдят. Не повелѣно же имъ давать ни пищу, ни питие. Аще ли же кто дерзнетъ чрезъ⁸³ повелѣние и послѣди о семъ сыщется,⁸⁴ и таковаго главною казнию казнить.

⁸² расследовать;

⁸³ помимо, в нарушение;

⁸⁴ откроется, обнаружится;

И бысть то время люто зѣло. Уже зѣло бояхуся еже допустить кого или самѣмъ каково-либо утѣшительное послужение сотворити.

Но кто можетъ исповѣдати многое ихъ терпѣние, еже они в глубокой темницѣ претерпѣша, от глада стужаеми⁸⁵ во тмѣ несвѣтимѣй, от задухи бо земныя, понеже парамъ земнымъ спершимся, велику имъ тошноту творяще. И срачиць⁸⁶ имъ премѣнати, ни измывати не возможно бѣ. Еще же и верхняя оны худыя ризы ради тепла всегда ношаху, от сего же бысть множество вшей, яко и сказати невозможно; и бысть имъ се, яко насыпающее червие, во дне бо снѣдаху и в нощи не спаху.

Но обаче аще и зѣло запретишь земный царь еже отнюд не подати имъ пищу, Небесный же Царь повелѣ имъ подавати пищу, премудрости учителницу, сирѣчь зѣло малу и скудну: овогда сухариковъ пять-шесть дадутъ, тогда воды не дадутъ пити, а когда пити дадутъ, тогда ясти не спрашивай. И всяко бѣ: овогда яблоко едино или два подадутъ, а ино ничтоже, а овогда огурцовъ малую часть. И сие творяху воины, иже ту обрѣтшиися благонравни, и видяще превеликое страдание великихъ людей и умиляющеса сердца, и от слезны души милость малу творяху. Да и сие, от прочихъ братии своихъ таящеса, вервию спущаху к нимъ.

И в таковой великой нужи святая Евдокия терпѣливо страда, благодарящи Бога, месяца два и полъ, и преставися сентября въ 11 день. И бысть преставление ея слезно. Егда бо изнеможе от великаго глада и невозможно ей бѣ стоящи молитися, ни чепи носити, ни стула двизати, возляже, и овогда сѣдящи молитву изо устѣ творяше. А лѣствиць, сирѣчь чотокъ, не бѣ у нихъ — и то мучители отняли. И мученицы навязали пятьдесятъ узловъ ис трепиць и по тѣмъ узламъ, аки по небесовосходной лѣствиць, обѣ наперемѣнахъ молитву Богу возсылали. Егда же видѣ себе Евдокия нарочито⁸⁷ изнемогшу, глагола великой Феодорѣ: «Госпоже мати и сестро! Азь изнемогахъ и мню, яко к смерти приближихся. Отпусти мя ко Владыцѣ моему, за егоже любовь азь нужду сию возлюбихъ. Молю тя, госпоже, по закону християньскому, — да не пребудемъ внѣ церковнаго предания, — отпой мнѣ отходную, и еже ты вѣси — изглаголи,

⁸⁵ изнуряемы;

⁸⁶ сорочек;

⁸⁷ особенно сильно;

госпоже, а еже азъ свѣм, то азъ сама проговорю». И тако обѣ служили отходную. И мученица над мученицею в темной темницѣ отпѣвала канонъ, и юзница надъ юзницею изроняла слезы, едина в чепи возлежа и стояше, а другая в чепи предстоя и рыдаше. И тако благовѣрная княгиня Евдокия предаде духъ свой в руцѣ Господни месяца сентября въ 11 день.

И призва Феодора единого от воинъ и повелѣ сказати началнику града. Онъ же повелѣ ити ему в темницу и извлеци тѣло ея оттуду. И прииде воин. И сама Феодора тремя нитѣма во имя единосущныхъ Троицы пови тѣло любезныхъ сестры своея и соузницы Евдокии, и увязавъ вервью. Воину изшедшу и конецъ верви в руку держащу, Феодора же помогаше ему. И теплы слезы излия святая проповѣдница на святое тѣло сестры своея исповѣдницы, тихо рекущи: «Иди, любезнѣйший цвѣте, и предстани прекрасному ти жениху и вождельнному Христу!» И сия изрекши, подаде воином, и извлекоша. И положиша е просто, не погребено и не покровено.

И посла начальник отписку к Москвѣ, что укажут. И приказалъ бѣ царь извести вонъ и в пустыни на лѣсу загребсти тѣло ея. И рече думной Иларионъ: «Аще, — рече, — сие тако будет, то уже капитоны^{62*} и расколники, обрѣтше, имутъ взяти с великою честью, яко святыхъ мученицъ мощи, и начнутъ глаголати, яко и чюдеса многия бывають, и будетъ послѣдняя бѣда горши первыя».^{63*} И годъ бысть се царю. И повелѣ якоже живу, тако и умершее тѣло за карауломъ держати и внутрь острога в землю закопати. И обвинше е рогозиною, сотвориша тако. Се же бысть дивно: донѣлеже указъ с Москвы не прииде, святое оно тѣло внутрь острога просто на земли лежаше пять дней, и не токмо не почернѣ, но и на всякъ день свѣтлѣ и белее являшеся, яко воиномъ зрящимъ зѣло дивитися и глаголати: «Воистину сии святии суть страдалицы! Се бо тѣло сие не токмо ничтоже смертовиднаго зрака не являетъ, но и яко живу сущу и веселяшуся, цвѣтущу, и свѣтлѣется пред очима нашими». И славляху Бога.

По скончании же мученицы Евдокии возмнѣ царь,⁸⁸ еда како,⁸⁹ от великаго глада снѣдаема, великая Феодора мало умякчися и имъ снизхождение покажет и малое повинование принесетъ. Сия помысливъ, присылаетъ к ней старца от себе, монаха никонианскаго, еже увѣщавати ю.

⁸⁸⁻⁸⁹ что если, а вдруг;

И пришед той старецъ монахъ к темницѣ ея и начатъ молитву творити, оставя сыновѣство Христово к Богу.^{64*} И сице пребысть творя надолзѣ, и не бѣ гласа, ни послушания.^{65*} Послѣди же рече Господа нашего Исуса Христа Сыномъ Божиим, и въскорѣ блаженная рече: «Аминь». И вниде в темницу и рече ей: «Почто ми прежде не рече „аминь“, мнѣ стоящу внѣ и молитву надолзѣ творящу?» И рече блаженная: «Егда слышах гласъ противень,⁹⁰ молчахъ; егда же очютих⁹¹ не таковъ, отвѣщахъ». И глагола ей монахъ, якоже повелѣно есть ему еже увѣщати ю поне мало покоритися. Доблественный же адмантъ,⁹² егда услыша таковая, позыба главою и, воздохнув велими, глагола мужески: «Оле, глубокаго неразумия, о, великаго помрачения! Доколѣ ослѣпосте злобою? Доколѣ не возникнете к свѣту благочестия? Како убо сего не разумеете? Азъ еще егда бѣхъ в дому моемъ, во всякомъ покои живя, ниже тогда не восхотѣх ко лжи вашей и нечестию пристати; православия же крѣпцѣ держашися, не точию имѣния не пожалѣхъ, но и на страдание о имени Господни не устрашихся дерзнути. И паки в началѣ подвига моего, егда юзами сими обложиша мя Христа ради, многая ми стужения показоваху, азъ же отвращахуся. А нынѣ ли от добраго и краснаго Владыки моего хотять мя отлучити, вкусившия довольно сладкихъ подвиговъ за пресладкаго Исуса! И уже имамъ 4 лѣта, носящи желѣза сия, зѣло веселящися и не престахъ обლობызаючи чепь сию, поминаючи Павловы юзы; наипаче же яко и возлюбленную ми сестру единородную, союзницу и сострадалницу, предпослахъ ко Владыцѣ, вскорѣ же и сама, Богу помогающе ми зѣло любезнѣ, тѣснѣ отити тамо. И прочее убо вы, отложше всю надежду, еже от Христа мя отлучити,⁹³ к тому⁹⁴ ми о семь отнюд не стужайте!⁹⁵ Азъ бо о имени Господни умрети есмь готова».

И слышав сие старецъ той, умилися и проплака и глагола великой: «Госпоже честнѣйшая! Воистину блаженно ваше дѣло! Молю тя и азъ Господа ради, потщися началу конецъ навести. И аще совершиши доблественѣ до конца, кто можетъ исповѣдати похвалы вашей, яко велику и несказанну честь примете от Христа Бога». И сия рекъ, отиде чернецъ.

⁹⁰ неверный, враждебный;

⁹¹ услышала;

⁹² алмаз;

^{93 94} впредь;

⁹⁵ досаждайте;

И по успении святая мученицы Евдокии приведоша к великой Феодоръ блаженную Марию, и терпяста,⁹⁶ купно подвижающеса. И кто можетъ исповѣдати неизреченнаго терпѣнія ихъ, елика претерпѣша отъ глада и жажды, и отъ задухи, и вшей!

Посѣмъ zelo изнеможе преблаженная Феодора и призва единого отъ воинъ и рече ему: «Рабе Христовъ! Есть ли у тебе отецъ и мати в живыхъ или преставилися? И убо аще живы, помолимся о нихъ и о тебѣ, аще же умроша — помянемъ ихъ. Умилосердися, рабъ Христовъ! Зѣло изнемогахъ отъ глада и алчу ясти, помилуй мя, даждь ми колачика». Онъ же рече: «Ни, госпоже, боюся». И глагола мученица: «И ты поне⁹⁷ хлѣбца». И рече: «Не смѣю». И паки мученица: «Поне мало сухариковъ». И глагола: «Не смѣю». И глагола Феодора: «Не смѣши ли, ино принеси поне яблоко или огурчикъ». И глагола: «Не смѣю». И глагола блаженная: «Добро, чадо, благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! И аще убо се, якоже реклъ еси, невозможно, молю тя, сотворите послѣднюю любовь: убогое сие тѣло мое, рогозиною покрывъ, близъ любезныя ми сестры и сострадалицы неразлучнѣ положите».

Потомъ же, егда уже до конца изнеможе, призва еще воина и глагола ему: «Рабе Христовъ! Имѣлъ ли еси матеръ? И вѣмъ, яко отъ жены рожденъ еси; сего ради молю тя, страхомъ Божиимъ ограждься: се бо азъ жена есмь и, отъ великия нужды стѣсняема, имамъ потребу, еже срачицу измыти. И якоже самъ зриши, самой ми ити и послужити себѣ невозможно есть, оклана бо есмь, а служащихъ ми рабынь не имамъ. Такожде тецы⁹⁸ на рѣку и измый ми срачицу сию. Се бо хоцетъ мя Господь пояти отъ жизни сея, и неподобно ми есть, еже тѣлу сему въ нечистѣ одежди возлещи въ нѣдрѣхъ матери своей земли».

И сия рекши, дасть ему завѣску свою, еже подъ полу скрывъ, иде и измы на рѣцѣ. И малое оно платно мыяше водою, лице же свое омываше слезами, помышляючи прежнее ея величество, а нынѣшнюю нужду, како Христа ради терпѣть, а къ нечестию приступити не хоцетъ, сего ради и умираетъ. Извѣстно бо то есть всѣмъ, яко аще бы хотя мало с ними посообщилася, то бы болѣе прежняяго прославлена была. Но отнюдъ не восхотѣ, но изволи тмами⁹⁹ умрети, нежели любве Христовы отпасти.

⁹⁶ терпели;

⁹⁷ хотя бы;

⁹⁸ поиди;

⁹⁹ тысячу раз, тысячекратно;

По том блаженная и великая Феодора успе с миромъ во глубоци темницѣ, месяца ноемврия с перваго числа на второе, во час нощи, на память святыхъ мученикъ Анкиндина и Пигасия.

Мати же ея Мелания в то время бѣ в пустыни и видѣ тоя нощи во снѣ великую Феодору, яко оболчена в схиму и в куколь зѣло чуденъ, велми же и сама свѣтла лицом и обрадованна, и в куколи в веселости своей красовашеся, и обзираяся всюду и рукама вода по одеждамъ, и чюждашеся¹⁰⁰ красотѣ ризъ своих, непрестанно же лобызаше образъ Спасовъ, обрѣтыйся близъ ея, цѣловаше же и кресты, иже на схимѣ. И сице надолзѣ зряше си творити, дондеже очютися мати от вѣдѣннїя; и возбнувъ,¹⁰¹ дивляшеся. И приидохом, и повѣда нам. Послѣди же, яко увѣдѣхом и се: она нощь, в нейже Феодора преподобная ко Господу отиде в боровской темницѣ, тоя же нощи мати видѣние зряше в пустыни; и прославихомъ Бога.

По святѣмъ же успении ея святое оно и многострадальное тѣло, обвинив рогозницею, якоже сама блаженная завѣща, и загребоша ту же во острогѣ близъ сестры своея единоматернїя, благовѣрнїя княгини Евдокии мученицы. Егда же увѣдѣвъ се Алексїй царь, и заповѣда, да никтоже увѣсть ни от боляръ, ни от инѣхъ. И на три седмицы утаися в Верху, по том же увѣдѣно бысть повсюду.

Мало же послѣди Феодоры пребысть и Марїя, точию мѣсяць единъ, и декабря въ *далье в рукописи оставлено пустое место для числа. — Н. П.* день преставися она ко Господу. И възиде третїя ко двѣма, ликовати вѣчно о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, емуже подобаеъ всяка слава, честь и поклоняние, и велелѣпие со безначалнымъ его Отцемъ и со Святымъ Духомъ и нынѣ и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Бысть же, егда хотяше Господь возвести в путь свидѣтельства великую Феодору и купно со спутницами ея, и убо того лѣта постящимся им, и причаща ихъ отецъ Досифей в дому блаженнїя Феодоры, во Ивановѣ горенкѣ. И егда приближахуся прияти пречистое Тѣло и Кровь Христову, обливахуся вси три теплыми слезами. И зрїть преподобный отецъ дивну

¹⁰⁰ дивилась;

¹⁰¹ пробудившись;

вещь: абие ¹⁰² онитрие, Феодора, глаголю, славная, и благовѣрная княгиня Евдокия, и блаженная Мария, просвѣтишася внезапно лицемъ и быша чудни видѣнимъ, и всячески образомъ быша яко ангели Божии и в таковой свѣтозарности пребыша, дондеже причастишася. И послѣди авва нѣкимъ повѣда втайнѣ вещь сию, глаголя, яко «нѣсть сие просто, но мню, яко сего лѣта имуть сии страдати о Христѣ», еже и бысть.

Единою ¹⁰³ же матери Мелании приключися ей в недугъ впасти, и умираше от болѣзни. Феодора же, на Печерскомъ подвории сѣдяще, и плакаше зѣло, матерья разлучения не могии терпѣти, и глаголаше: «Господи, не сотвори насъ сирь! Кто намъ будетъ вождь, к тебѣ возводя, и кто наставитъ в путь твой непрелестно!»

И во едину ночь сице мати изнеможе, яко и предстоящихъ предъ нею сестрѣ и рыдающихъ горко не знати ей; и даже дотолѣ доиде, яко многому духу собирашеся в персѣхъ ея и рѣдко дышаше, и весьма чающимъ сестрамъ умрети ей. И внезапно очутился ¹⁰⁴ мати и в приходящий день здрава бысть. И повѣдаше сестрамъ: «Азъ, — рече, — не чаяхъ себе ожити, егда убо вы в нощи сей рыдасте надо мною; духъ же мой собирашеся в персехъ моихъ, и ощущахъ, яко изо всего тѣлесе моего яко нѣчто животно собирашеся к сердцу и яко хотяше изыти гортанемъ моимъ. И в то время зѣло ми бысть тошно, и паки и нозѣ и руцѣ ощущахъ яко омертвѣша, и таково ми бысть тошно, яко мнѣти ми разсѣстися ¹⁰⁵ сердцу моему. Бысть же ми и се разумно, яко весь онъ собравшийся дух и раздымающийся в персѣхъ единою хочеть ис тѣлесе изыти. И се внезапно паки уразумѣхъ, яко устремление оно многа духа внезапно отступи от персей и яко вода потече по всему тѣлеси, и ощутихъ и руки и ноги оживша, и бысть ми легче, и абие прозрѣхъ и видехъ васъ плачущихъ».

Посла же мати Феодоре матерное благословение. И прииде к ней Мария девица, и видѣ Феодору не токмо лицемъ почернѣвшу, но и устнѣ ея на части разсѣдошася; и вскорѣ предвари воспросити Марию: «Есть ли легче матери нашей?» И рече: «За молитвѣ ти здрава бысть. Но молю тя, ты повѣждай

¹⁰² внезапно, вдруг;

¹⁰³ Однажды;

¹⁰⁴ оправилась, пришла в чувство;

¹⁰⁵ разорваться;

ми, почто тако огорчена еси?» Блаженная же, и еще слезамъ во очию ею, рече ей: «О, Марие! Зѣло неутѣшно рыдахъ сиротства своего и просих у Христа, да оставитъ намъ мать нашу, паки же и то вѣщах ко Владыцѣ, яко да дастъ ей лучшая. И бѣхъ обоимъ содержима: лучшего прося и хотѣх хотѣнием, желях, еже еще ей с нами пожити, и нас отпуща ко Христу, и самой ей мученицѣ быти. И тако препроводих всю сию ночь, рыдаючи. Нынѣ же благословен Господь Богъ нашъ, оставивый намъ правительницу, яко да в невоздержании нашем обуздывает, а в скорбѣхъ утѣшает!».

И прииде Марія и повѣда матери вся реченная от блаженныхя. И положиша вси во умѣ своемъ: якоже Козму игумена, слез ради и жалѣнія отецъ, повелѣ Богъ паки возвратити душу,^{106*} подобнѣ тому и здѣ прилучися, и ради рыдания угодницы своя Феодора дарова живот наставницѣ ея Мелании.

Сѣдящи же блаженнѣй Марии на чеши за карауломъ, посла к ней Феодора, глаголющи: «Аще не предаши себе под начал в повиновение матери нашей, то не можеш управитися; аще же умолиши ю, и умилосердится и присвоитъ тя, и будеш ея послушница, то вся благая сотвориши и возможеш прептерпѣти до конца». Егда же токмо услыша Марія, без всякого закоснѣнія¹⁰⁶ молитъ мать приити к ней. Бѣ же к ней приход строптив зѣло, и едва дерзну мати, обаче же многого ради моления не возможе презрети. И егда снидостася, начатъ ю Марія молити. Мати же отрицашеся, глаголя себе недостойну быти. Блаженная же падает на землю, плачючи горко и руцѣ матери не преста обლობызаючи устнами, а омываючи слезами. «Почто мя, — рече, — не хочеш помиловати, якоже онѣхъ блаженныхъ двою сестрѣ? Но вѣмъ, яко азъ нѣсмъ достойна дщерь твоя быти и именоватися, якоже онии велицы госпожи, бояроня великая Феодора и благовѣрная княгиня Евдокия Прокопиевны, изящнии послушницы и возлюблени твои дщери. Мене же, молю тя, не токмо персту своему мизинному причти, но хотя единому ногтю своему причти, точию нарцы мене своею, да буду токмо послушница твоя! Господа ради умилосердися, не отлучай мене от возлюбленныхъ своихъ, от Феодоры и Евдокии, свѣтовъ моихъ!» Мати же, аще и зѣло не хотяше, но обаче рече ей: «Христова ты и моя». И она

¹⁰⁶ промедления;

возрадовася велми. И бяху вси трие, едина единой ревноваху въ послушании.

Егда же бѣста мати съ Еленою в темницы, и в день той глагола мати Иустинѣ, яко да изыдетъ она вмѣсто ея ис темницы на свободу, а она вмѣсто ея останеть ту. Иустина же иде вопросити старца своего, иже бяше ей, егда живяху в мирѣ, по закону супружникѣ, сѣдѣше же ту же во острогѣ въ другой темницѣ.^{67*} Онъ же подтверди ю, яко да терпит до конца и да не погубит вѣнца своего. «Се бо, — рече, — зриши ли, како они Христа любятъ и волею его ради въ юзы и в смерть, а ты много терпѣвъ, а нынѣ хочещи все погубити». И послуша она, и утвердися, еже тако тому быти, сирѣчь до смерти терпѣти. Грядущи же от тоя темницы к мученицам и посреди обою тѣмницъ бывши, возва и возопи, и вознесе гласъ свой, и плакася велми, и глаголаше многая словеса в рыдании своемъ по обычаю своему. И послушаху плача ея мати Мелания съ Еленою, вкупѣ же и мученицы, и дивляхуся, славяще Бога.

Бѣ же у сея Иустины таков плачевный обычай, егда ей найдуть нѣкая помышления жалостная, тогда ей не мощно держатися, ниже утаитися, но во услышание всѣмъ рыдаетъ горцѣ.

Се же начало плача ея: «О, свѣтъ моя пресвятая Богородица, небесная царице! О, свѣтъ моя помощнице и заступнице Одигитрие! Нѣсть у мене ни рода, ни племени, ты убо мнѣ помощнице вся во всѣхъ, купно же ты и родъ, и племя, и заступница, Одигитрие! О, свѣтъ мой Христе Сыне Божий! Егда убо приидеши судити всѣмъ в послѣдний день и воздати комуждо по дѣлом его, молю тя, о, Сыне Божий, ущедри¹⁰⁷ мя и сподоби одесную тебе стати и слышати сладкаго твоего гласа, еже речеши праведным: „Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство от сложения мира“;^{68*} избави же мене от страстнаго оногo и жесточайшаго гласа, еже речеши грѣшным, сущим ошуюю тебѣ: „Отидите от мене, проклятии, в огонь вѣчный, уготованный диаволу и аггелом его“;^{69*} и да не речеши и мнѣ, о пресладкий Иисусе: „Отиди от мене, проклятая!“» Егда же сие слово Иустина...

¹⁰⁷ вознагради, благодетельствуй.

II

Житие протопопа Аввакума

Опыт перевода на современный русский язык

РЕСТ — всем воскресение, крест — падшим исправление, страстем умерщвление и плоти пригвождение; крест — душам слава и свет вечный.^{1*} Аминь.

Многострадальный узник темничный, горемыка, нужетерпец, исповедник Христов священнопротопоп Аввакум понужден был житие свое написать отцом его духовным иноком Епифанием, дабы забвенью не было предано дело Божие. Аминь.^{2*}

Всесвятая Троица, Боже, Создатель всего мира, помоги и направь сердце мое начать с разумом и кончить делами благими то, о чем ныне хочу я глаголать, недостойный. Разумея же свое невежество, припадая к твоим ногам, молюсь тебе, у тебя помощи прося: Господи, направь ум мой и укрепи сердце мое не о красноречии печься, но приготовить себя к творению добрых дел, о которых глаголю, чтобы, просвещенный добрыми делами, встал я на Судище справа от тебя, причтенный со всеми избранными твоими.

И ныне, Владыко, благослови, да, вздохнув от сердца, и языком возглаголю^{3*} Дионисия Ареопагита о Божественных именах,^{4*} что есть тебе, Богу, присно сущие имена — истинные, или свойственные, и что есть причинные, то есть похвальные.

Сии суть истинные: Сущий, Свет, Истина, Жизнь. Свойственных только четыре. А причинных много,

они суть сии: Господь, Вседержитель, Непостижимый, Непреступный, Трисиянный, Триипостасный, Царь Славы, Неудержимый огонь, Дух, Бог, и прочая.

Посему разумеи того же Дионисия об истине: «Ибо от истины отпадение есть от себя отвержение, ведь истина есть сущее. Если истина есть сущее, то отпадение от истины есть отвержение от сущего. От сущего же Бог отпасть не может, и не может быть, чтобы ему не быть».^{5*}

Мы же говорим: потеряли новолюбцы существо Божие отпадением от истинного Господа — Святого и Животворящего Духа. По Дионисию, коль уж от истины отпали, тут и от Сущего отверглись. Бог же от существа своего отпасть не может, и того, чтобы не быть, того в нем нет, присносущен истинный Бог наш. Лучше б им в Символе веры не произносить «Господа», причинного имени, нежели «истинного» отсекаль, в котором существо Божие содержится. Мы же, правоверные, оба имени исповедуем — и в Духа Святаго, *Господа истиннаго* и животворящаго, света нашего, веруем, со Отцом и с Сыном споклоняемого,^{6*} за которого страждем и умираем, с помощью его владычноу.

Тешит нас тот же Дионисий Ареопагит, в книге его написано: «Сей есть воистину истинный христианин, ибо истинно уразумев Христа и тем богопознание стяжав, отказался от себя и не пребывает в мирских привычках и соблазнах, но остается в трезвении и отказе от всякого прельстительного неверия, не только до самой смерти терпит беды ради истины, но и в безвестности всегда умирает, в разуме же живет; таковые суть подлинныи христиане».^{7*}

Сей Дионисий, наученный вере Христовой от Павла апостола, жил в Афинах и прежде чем прийти в веру Христову, владел искусством вычислять движение светил.^{8*} Когда же уверовал в Христа, все сие почел за грязь. Пишет он к Тимофею^{9*} в книге своей, так глаголя: «Дитя, или не разумеешь, что все это внешнее пустословие есть ничто, один лишь соблазн, тлен и пагуба. Я испытал на себе и ничего не приобрел, кроме тщеты». Чтуший да разумеет.

Вычислять ход светил любят погибающие, понеже «любви истинной не прияли, во еже спастись им, и сего ради пошлет им Бог действие лъсти, во еже веровати им лжи, да Суд примут не веровавшие ис-

тине, но благоволившие о неправде».^{10*} Читай о сем Апостол, (зачало) 275.

Сей Дионисий, еще не придя к вере Христовой, будучи вместе с учеником своим во время распятия Господня в Солнечном-граде, видел: солнце тьмою закрылось, а луна — кровью, звезды посреди дня явились на небесах, черные видом.^{11*} Он же сказал ученику: «Или пришла кончина света, или Бог Слово плотию страждет», понеже увидал Божие творение необычно изменившимся и посему был в недоумении.

Тот же Дионисий пишет о солнечном знамении во время затмения: «Есть на небесах пять звезд блуждающих, что именуются лунами. Сии луны Бог учредил не в пределах, как прочие звезды, но текут они по всему небу, предзнаменования творя либо гнева, либо милости (Божией). Когда блуждающая луна подтечет с запада под солнце и закроет свет солнечный, то такое затмение солнца за гнев Божий на людей бывает. Когда же бывает, что с востока луна подтекает, тогда она как положено шествие свое творит, и ее закрывает солнце».^{12*}

А в нашей России было затмение солнцу в 162 (1654) году, перед мором.^{13*} Плыл Волгою-рекою архиепископ Симеон Сибирский,^{14*} и в полдень тьма сделалась, перед Петровым днем недели за две; часа с три, плачучи, у берега стояли. Солнце померкло, с запада луна подтекала, явил Бог гнев свой людям. В то время Никон-отступник веру искажал и законы церковные, и сего ради Бог излил фиал гнева своего и ярости на Русскую землю: зело мор велик был, некогда еще забыть, все помним. Потом еще годов через четырнадцать в другой раз затмение солнцу было в Петров пост: в пятницу, в шестом часу, тьма сделалась, солнце померкло, тоже луна с запада подтекала, гнев Божий являя, — протопопа Аввакума, бедного горемыку, в то время власти вместе с другими в соборной церкви остригли^{15*} и в темницу на Угреше,^{16*} проклявши, бросили.

Верный да понимает, что делается в земле нашей за нестроеие церковное и разорение веры и закона. Говорить о том перестанем, в день (скончания) века познано будет всеми, потерпим до тех пор.

Тот же Дионисий пишет о солнечном знамении, как было при Иисусе Навине в Израиле, когда Иисус поражал иноплеменников и было солнце над Гаваоном, что значит в зените: встал Иисус крестообразно, сиречь распростер руки свои, и остановилось

солнечное течение, покуда не погубил он врагов. Возвратилось солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и снова потекло; и стало во дни том и в ночи тридцать четыре часа. Понеже в десятый час назад отбежало, так в сутках десять часов и прибыло. И при Езекии-царе было знамение: оттекло солнце назад в двенадцатый час дня, и стало во дни и в ночи тридцать шесть часов.^{17*} Читай книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь.

Тот же Дионисий пишет о небесных силах, возвещая о том, как хвалу приносят Богу девять чинов (ангельских), разделяясь на три троицы.^{18*} Престола, херувимы и серафимы, освящение от Бога приемля, так восклицают: «Благословенна слава от места Господня!» И чрез них нисходит освящение на вторую троицу: господства, начала, власти. Сия троица, славословя Бога, восклицают: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» По алфавиту: «аль» — Отцу, «иль» — Сыну, «уйя» — Духу Святому. Григорий Нисский толкует: «Аллилуйя — хвала Богу». А Василий Великий пишет: «Аллилуйя — ангельская речь, по-человечески сказать: слава тебе, Боже».^{19*} До Василия пели в Церкви ангельские слова: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!» Когда же был Василий, то повелел он петь дважды ангельские слова, а в третий раз — человеческие, таковым образом: «Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже!» У святых согласно, у Дионисия и у Василия: трижды воспевая, с ангелами славим Бога, а не четырежды, по римской ереси. Мерзко Богу таковое четырехкратное воспевание: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже». Да будет проклят так поющий, с Никоном и с костелом римским!

Снова к прежнему возвратимся. Третья троица: силы, архангелы, ангелы, — чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполни небо и земля славы его!».^{20*} Смотри: троекратно и это воспевание. Подробно пречистая Богородица протолковала об аллилуйи, явилась Василию, ученику Ефросина Псковского.^{21*} Велика в «аллилуйи» хвала Богу, а от злоумудствующих — досаждение великое: по-римски они Троицу святую как четверицу провозглашают, Духу и от Сына исхождение являют.^{22*} Исполнено зла и проклято измышление это Богом и святыми! Правосверных избави, Боже, сего начинания злого о Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий сказал: «Кто хочет спастись, прежде всего подобает тому держаться кафолической веры, которую кто целой и непорочной не соблюдет, тот, безо всякого сомнения, навеки погибнет. Вера же православная такова есть: чтобы единого Бога в Троице и Троицу в единице мы почитали, не сливая лица, ни существо разделяя. Ибо одно лицо Отца, другое — Сына, третье — Святого Духа. Но Отчее, и Сыновнее, и Святого Духа едино Божество, равна слава, соприснолично величие. Каков Отец, таков Сын, таков и Дух Святой». Вечен Отец, вечен Сын, вечен и Дух Святой. Не создан Отец, не создан Сын, не создан и Дух Святой. Бог — Отец, Бог — Сын, Бог — и Дух Святой. Не три Бога, но один Бог, не три Несозданные, но один Несозданный. Равно: Вседержитель — Отец, Вседержитель — Сын, Вседержитель — и Дух Святой. Подобно: Непостижим Отец, Непостижим Сын, Непостижим и Дух Святой. Не три Вседержителя, но один Вседержитель, один Непостижимый. «И в сей святой Троице ничто не первое или последнее, ничто не большее или меньшее, но едины три лица и суть соприсносущны себе и равны».^{23*} «Отдельно есть: Отцу — нерождение, Сыну же — рождение, а Духу Святому — исхождение; обще же им — Божество и Царство».^{24*}

Нужно побеседовать и о вочеловечении Бога Слова для нашего спасения. По благодати щедрот излил себя от Отческих недр Сын, Слово Божие, в Деву, чистую богоотроковицу, когда время настало, и воплотился от Духа Свята и Марии Девы вочеловечился, нас ради пострадал, и воскрес в третий день, и на небо вознесся, и сел одесную Величества на высоте, и снова придет судить и воздать каждому по делам его, его же Царствию несть конца.

И сей промысл Божий был прежде, чем создан был Адам; прежде, чем был он сотворен по образу Божию. Сказал Отец Сыну: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвечал другой: «Сотворим, Отче, и он преступит». И еще сказал: «О, единородный мой! О, Свет мой! О, Сын и Слово!

О, Сияние славы моей! Если ты печешься о создании своем, подобает тебе облечься в тленного человека, подобает тебе по земле ходить, апостолов воспринять, пострадать и все исполнить». И отвечал другой: «Буди, Отче, воля твоя!» Потом создан был Адам, и прочее. Если хочешь подробно знать, читай «Маргарит», «Слово о вочеловечении»,^{25*} там обрящешь. Я кратко помянул, Божий промысл показывая. Так всякий верующий в него не посрамится, а не верующий осужден будет и навеки погибнет, по вышепомянутому Афанасию.

Так я, протопоп Аввакум, верую, так исповедую, с тем живу и умираю.

Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудьюмою рекою, в селе Григорове.^{26*} Отец мой был священник Петр,^{27*} мать — Мария, во инокинях Марфа. Отец мой прилежал к питию хмельному, мать же моя была постница и молитвенница, всегда учила меня страху Божию. Я же, увидав однажды у соседа умершую скотину, в ту ночь, поднявшись, долго плакал пред образом о душе своей, помышляя о смерти, что и я умру, и с тех пор привык каждую ночь молиться.

Потом мать моя овдовела, а я осиротел рано, и от своей родни были в изгнании.

Изволила мать меня женить. Я же пресвятой Богородице молился, чтобы дала мне жену — помощницу к спасению. И в том же селе девица, тоже сиротина, беспрестанно в церковь ходила, имя ей Анастасия.^{28*} Отец ее был кузнец, именем Марко, богат гораздо, а когда умер, после него все перевелось. И она в бедности жила и молилась Богу, чтобы сочетаться ей со мной браком. Так и стало по воле Божией.

Потом мать моя отошла к Богу в подвижничестве великом. Я же из своего изгнания переселился в иное место.^{29*} Рукоположен во дьяконы двадцати лет с годом и спустя два года в попы поставлен; пробыв в попах восемь лет, потом произведен был в протопопы православными епископами,^{30*} тому двадцать лет минуло, и всего тридцать лет, как священство имею, а от рождения на шестой десяток идет.

Когда я в попах был, тогда имел у себя детей духовных много, по сие время сот с пять или шесть будет. Без отдыха я, грешный, подвизался в церквах, и домах, и на площадях, по городам и селам, да еще и в царствующем граде, и в стороне Сибирской,

проповедуя и уча слову Божию, лет с двадцать пять тому будет.

А когда еще был я в попах, пришла ко мне исповедаться девица, многими грехами обремененная, во всяком блуде и разврате повинная, и начала мне, плачась, подробно возвещать в церкви, пред Евангелием стоя. Я же, трюкоаянный врач, слушавший ее, сам разболелся, изнутри распяем огнем блудным.

И горько мне стало в тот час. Зажег три свечи и прилепил к аналою, и возложил правую руку на пламя, и до тех пор держал, покуда во мне не угасло злое разжжение.

И отпустив девицу, сложив с себя ризы, помолясь, пошел в дом свой zelo скорбен; время же близко полуночи. И придя в свою избу, стал я плакать пред образом Господним, так что и очи опухли, и молиться прилежно, чтобы отлучил меня Бог от детей духовных, понеже бремя тяжело, не могу носить. Пал я на землю, и рыдал горько, и забылся лежа.

Не знаю как, плачу, а очи сердечные у реки Волги. Вижу: плывут стройно два корабля золотых, и весла на них златы, и шесты златы, и все золотое. По одному кормщику на них сидят. И я спросил: «Чьи корабли?» И они отвечали: «Лукин и Лаврентиев», — сии были мне духовные дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончались богоугодно. А после этого вижу третий корабль, не златом украшен, но разными красотами испещрен, красно, и бело, и сине, и черно, и пестро, ум человеческий не вместит такой красоты и лепоты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит (корабль) ко мне из-за Волги, как проглотить меня хочет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидящий на нем отвечал: «Твой корабль. На, плавай на нем, коли докучаешь, с женою и с детьми». Я в трепете сел и размышляю, что это за корабль и что это будет за плавание.

И вот по недолгом времени, как писано, «объяша меня болезни смертные, беды адовы обыдоша мя, скорбь и болезнь обретох». ^{31*} У вдовы начальник отнял дочь. И я молил его, чтобы сиротину возвратил к матери. А он, презрев моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, придя толпою, до смерти меня задавили. И я лежал в забытии полчаса и больше и снова ожил Божиим мановением. Он же, утрашась, отступился от девицы. Потом научил его дьявол: придя в церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах. А я молитву говорю в то время.

Потом иной начальник в иное время на меня расสวิрепел: прибежав ко мне в дом, бил меня и на руке, как пес, покусал персты; когда же наполнилась гортань его крови, тогда выпустил из зубов своих мою руку и, меня оставив, пошел в дом свой. Я же, поблагодарив Бога, завертев руку тряпкой, пошел к вечерне. И по дороге он же наскочил на меня снова с двумя пистоями и выстрелил из пистои. И Божиим мановением на полке порох пыхнул, а пистоль не выстрелила. Он же бросил ее на землю и из другой выстрелил снова. Божия же воля так же учинила: и та пистоль не выстрелила. Я же прилежно, идучи, молюсь Богу, осенил его больною рукой и поклонился ему. Он меня лает, а я ему говорю: «Благодать во устах твоих, Иван Родионович, да будет».

После того дом у меня он отнял, а меня выгнал, всего ограбив, и на дорогу хлеба не дал. А в то время родился сын мой Прокопий, что ныне сидит с матерью и с братом в земле закопан.^{32*} И я, взяв клюку, а мать — некрещеного младенца, пошли с братьями и домочадцами, куда Бог наставит, а сами, пойдя, запели божественные песни, евангельскую стихеру, большим роспевом: «На гору учеником идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему»,^{33*} — всю до конца, а перед нами образа несли. Певцов в доме моем было много, — поя, со слезами на небо взираем. А провожающие жители того места, мужи и жены и дети, множество народа, рыдая и сокрушая мое сердце, далече нас провожали в поле. Я же, на обычном месте став и хвалу Богу воздав, поучение прочтя и благословя, насилу домой их воротил; а мы с домашними дальше побрели и в пути Прокопья крестили, как внуха Филипп древле.^{34*}

Когда же прибрел я в Москву к духовнику цареву протопопу Стефану^{35*} и к другому протопопу, к Неронову Ивану,^{36*} они обо мне царя известили, и с тех пор государь меня знать стал.

Отцы же с грамотою снова послали меня на старое место. Я притаился — ан и стены разорены моего дома. И я снова пообзавелся, а дьявол снова воздвиг бурю. Пришли в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле один у многих, и медведей двух огромных отнял — одного зашиб, и он снова ожил, а другого отпустил в поле. И за сие меня боярин Василий Петрович Шереметев, едуци в Казань на воеводство

в судне, бранил много, и велел благословить сына своего бритобрадца,^{37*} я же не благословил, видя его развратный образ. И он меня велел в Волгу кинуть; и, изругав, столкнули меня с судна.

Потом другой начальник, на меня рассвирепев, приехал с людьми ко двору моему и, идя как на приступ, стрелял из луков и из пищалей. А я в то время, запершись, молился Владыке: «Господи, укроти его и усмири, какими знаешь судьбами!». И он побежал со двора, гоним Святым Духом.

Потом в ту же ночь прибежали от него, зовут меня к нему со слезами: «Батюшка-государь, Евфимей Стефанович при кончине и кричит не своим голосом, бьет себя и охает, а сам говорит: „Дайте батьку Аввакума, за него меня Бог наказует!“» И я подумал — обманывают меня, ужаснулся дух мой во мне, и вот так помолил я Бога: «Ты, Господи, изведший меня из чрева матери моей, ты, от небытия в бытие меня приведший, если меня задушат, причти меня с митрополитом Филиппом Московским;^{38*} если же зарежут, ты, Господи, причти меня с Захарию-пророком;^{39*} если же посадят в воду, то ты, Владыко, так же, как и Стефана Пермского,^{40*} снова освободишь меня!», — и, молясь, поехал в дом к тому Евфимию.

Когда же привезли меня на двор, выбежала жена его Неонила, ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» А я на то: «Чудно! Давеча был блядин сын, а вдруг — батюшка миленький. Больно остра у Христа плеть-то, скоро повинился муж твой!»

Ввела меня в горницу — вскочил с перины Евфимей, пал пред ногами моими, вопит несказанно: «Прости, государь, согрешил пред Богом и пред тобою!», а сам дрожит весь. И я ему в ответ: «Хочешь ли впредь здоров быть?» Он же, лежа, отвечает: «Ей, честный отче!» И я сказал: «Встань! Бог тебя простит». Он же, наказан гораздо, не мог сам встать. И я поднял его и положил на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и стал он здоров, так Христос изволил. И были они с женою мне дети духовные, изрядные рабы Христовы. Так-то Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.^{41*}

Вскоре другие снова прогнали меня с того места. Я же приволокся в Москву, и Божией волею государь велел меня поставить в Юрьевец Поволжский^{42*} в протопопы. И тут пожил немного — только восемь недель. Дьявол научил попов и мужиков

с бабами: пришли к патриархову приказу, где я духовные дела делал, и, сообщая вытаскивая меня из приказа, — человек с тысячу и с полторы их было, — среди улицы били батожем и топтали. И бабы были с рогатинами, по грехам моим убили было за-мертво и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежал и, схватив меня, на лошади умчал в мое дворишко и пушкарей около двора поставил. Люди же ко двору приступают, и по городу крик великий. Наипаче же попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!»

Я же, переведа дух, спустя три дня ночью, оставив жену и детей, ушел по Волге сам-третий в Москву. На Кострому прибежал — ан и тут протопопа Даниила тоже изгнали.^{43*} Ох, горе! Везде от дьявола житья нет!

Приехал в Москву, духовнику показался. И он на меня учинился печален: «На что-де церковь соборную покинул?» Опять мне другое горе! Потом царь пришел ночью к духовнику благословиться, меня увидал — тут опять кручина: «На что-де город покинул?» А жена, и дети, и домочадцы, человек с двадцать, в Юрьевце остались, неведомо — живы, неведомо — прибиты. Тут снова горе!

Потом Никон, друг наш, привез из Соловков Филиппа митрополита.^{44*} А прежде его приезда Стефан духовник молил Бога, постясь седмицу с братией, — и я с ними тут же, — о патриархе, чтоб дал Бог пастыря для спасения душ наших.^{45*} Мы с митрополитом Корнилием Казанским,^{46*} написав челобитную^{47*} за собственными руками, подали ее царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не захотел сам и указал на Никона митрополита. Царь его и послушал. И пишет ему послание навстречу: «Преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всея Руси, радоваться», и прочее.

Когда же тот приехал, с нами — как лис: челом да здорбво; ведает, что быть ему в патриархах, и чтоб откуда помешка какова не учинилась. Что о тех кознях и говорить! Царь его на патриаршество зовет, а он будто не хочет. Морочил царя и людей, а с Анною по ночам укладывают,^{48*} как чему быть; и, вдоволь наломавшись, с дьяволом, взошел на патриаршество, Божиим попущением, опутав царя своими кознями и клятвою лживою.

Как сделался патриархом, так нас и в Крестовую^{49*} не стал пускать. А тут и яд изрыгнул: в Пост великий прислал память^{50*} казанскому протопопу Ивану Неронову, — а мне он был отец духовный, я все у него и жил в церкви,^{51*} когда куда отлучится — ан я ведаю церковь. И место мне предлагали, на дворец ко Спасу,^{52*} да я не порадел, или Бог не изволил. Народу много приходило к Казанской, так мне любо — поучения читал беспрестанно. Лишь о братьях родных с духовником поговорил, и он их, (одного) — в Верху у царевны, а другого при себе жить устроил, попом в церкви.^{53*} А я сам, где люди соберутся, там слово Божие проповедал, да по духовникову благословению и Неронова Ивана тешил над книгами свою грешную душу о Христе Иусе. Так вот, Никон в Памяти пишет: год и число, «по преданию-де святых отцов и апостолов, не подобает метания творить на колена, но в пояс бы вам класть поклоны, еще же и тремя перстами бы крестились».

Мы, сошедшись с отцами, задумались: видим, что зима хочет быть, сердце озябло, и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам скрылся в Чудов,^{54*} седмицу один в келье молился. И там ему от образа глас был во время молитвы: «Время пришло страдания, предстоит вам непрестанно страдати!» Он мне, плачучи, рассказал, потом и епископу Коломенскому Павлу, которого Никон напоследок в новгородских пределах огнем сжег,^{55*} потом Даниилу, Костромскому протопопу, и всей сказал братии. Мы же с Даниилом, из книг написав выписки о сложении перстов и о поклонах, подали государю,^{56*} много писано было. Он же, не знаю где, скрыл их, мнится мне — Никону отдал.

После того вскоре схватил Никон Даниила и остриг его при царе за Тверскими воротами;^{57*} и, содрав однорядку, надругавшись, отвел в Чудов, в хлебню, и, промучив долго, сослал в Астрахань. Возложив там на главу ему венец терновый, в земляной тюрьме и уморили. Потом другого, Темниковского протопопа Даниила,^{58*} посадил у Спаса на Новом.^{59*} Потом — Неронова Ивана: в церкви скуфью снял и посадил в Симонове монастыре и после на Вологду сослал в Спасов Каменный монастырь, а позже — в Кольский острог.^{60*}

Потом меня взяли от всеобщего Борис Нелединский со стрельцами; человек со мною с шестьдесят взяли;^{61*} их в тюрьму отвели, а меня на патриарховом дворе ночью на цепь посадили.

Когда же стало рассветать, в день воскресный, посадили меня на телегу, растянув руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря^{62*} и тут на цепи кинули в темную каморку, ушла вся в землю. И сидел я три дня, не ел, не пил, во тьме сидя, кланялся на цепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, только мыши и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно.

Потом на исходе третьих суток захотелось мне есть, после вечерни стал предо мною, не ведаю — человек, не ведаю — ангел, и по сие время не знаю, только в потемках, сотворив молитву и взяв меня за плечо, с цепью к лавке привел и посадил, и ложку дал в руки, и хлебца немножко, и штец дал похлебать — зело превкусны, хороши, — и сказал мне: «Полно, довольно с тебя для укрепления!» И не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Чудно только если человек, а ангелу-то нигде не загорожено.

Наутро архимандрит с братией вывели меня и пеняют мне: «Что патриарху не покоришься?» А я от Писания его браню. Сняли большую цепь и малую наложили. Отдали меня чернецу под надзор и велели в церковь волочить. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за цепь дергают, и в глаза плюют. Бог их простит в сей век и в будущий, не их то дело, но дьявольское.

Тут же в церкви у них был наш брат поднадзорный из Хамовников, одержимый по пьянству бесами, и гораздо бесился, томимый бесами. Я же, грешный, сжалился над ним: в обедню, стоя на цепи, помолил Христа-света и пречистую Богородицу, чтоб его избавили от бесов. Господь же его, бедного, и простил: прогнал бесов. И он целоумен стал, заплакал и поклонился мне до земли; я ему наказал, чтобы про меня не говорил никому; люди же не догадались о том, начали звонить и петь молебен.

Сидел я тут четыре недели. После меня взяли Логгина, протопopa Муромского.^{63*} В соборной церкви остриг его при царе овцеобразный волк в обедню во время переноса (святых даров), когда снял у архидьякона с головы дискос и поставил на престоле Тело Христово. А с чашею чудовский архимандрит Ферапонт вне алтаря у царских дверей стоял. Увы, как рассекают они Тело и Кровь Владыки Христа! Пуще жидовского действия игрушка сия! Остригши, содрали с Логгина однорядку и

кафтан. Он же разжегся ревностью Божественного огня, Никона порицая, и через порог алтарный в глаза ему плевал, и, распоясавшись, сдернул с себя рубашку и в алтарь Никону в глаза ее бросил.

Чудо! Растопырясь, рубашка покрыла престол и дискос с Телом Христовым. А в то время и царица в церкви была. И возложивши на Логгина цепь, потащили его из церкви и били метлами и кнутами до Боявленского монастыря,^{64*} и тут кинули нагого в каморку и стрельцов на крепкий караул поставили. Ему же Бог в ту ночь дал новую шубу да шапку. И наутро о том Никону сказали. Он же, рассмеявшись, говорит: «Знаю-де я тех пустосвятов!» И шапку у него отнял, а шубу ему оставил.

Потом снова меня водили пешего из монастыря на патриархов двор, по-прежнему растянув руки. И проспоров со мною долго, отвели меня назад так же. Потом (был) в Никитин день крестный ход, а меня снова везли супротив крестов на телеге. И привезли к соборной церкви стричь меня так же. И держали на пороге в обедню долго. Государь сошел с места и, приступив к патриарху, упросил его. И, не расстригши, отвели меня в приказ Сибирский^{65*} и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне с нами тоже страдает за православную веру, — Савватий старец,^{66*} сидит в земляной тюрьме у Спаса на Новом. Спаси его, Господи, и тогда мне добро делал.

Потом послали меня в Сибирь в ссылку с женою и детьми.^{67*} И сколько дорогою было нужды, обо всем том говорить долго, разве что малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную в телеге и потащили, до Тобольска три тысячи верст, недель с тринадцать волокли телегами и водою и на санях половину пути.

Архиепископ Симеон Сибирский — тогда добр был, а ныне учинился отступником — устроил меня в Тобольске к месту.^{68*} Тут, живучи у церкви, великие беды постигли меня. Пять раз слова государевы сказывали на меня^{69*} за полтора года. А один, архиепископского двора дьяк Иван Струна, тот и душою моею потряс; вот как. Владыка отъехал в Москву, а он без него, по наущению бесовскому и по его козням, напал на меня, — церкви моей дьяка Антония захотел мучить напрасно.^{70*} Тот же Антон убежал от него и прибежал ко мне в церковь. Иван же Струна, собравшись с людьми, на другой день пришел ко мне в церковь — а я пою вечерню — и, вскочив в церковь, ухватил

Антон на крылосе за бороду. А я в то время затворил двери и замкнул их, никого не пустил в церковь, один тот Струна вертится, что бес, в церкви. И я, оставив вечерню, с Антоном посадил его на полу и за мятеж церковный постегал его ремнем изрядно-таки. А прочие, человек с двадцать, все побежали, гонимые духом. И я, покаяние приняв от Струны, отпустил его к себе снова. Сродники же его, попы и чернецы, весь город возмутили, как бы меня погубить. И в полночь привезли сани ко двору моему, ломились в избу, хотели меня схватить и в воду бросить. И Божиим страхом отогнаны были и вспять побежали.

Мучился я, от них бегаючи, с месяц. Иной раз тайно в церкви ночую, иной раз уйду к воеводе.^{71*} Княгиня меня в сундук посылала: «Я-де, батюшка, над тобою сяду, как-де придут тебя искать к нам». А воевода их, мятежников, боялся, лишь плачет, на меня глядя. Я уже и в тюрьму просился, — ан не пускают. Таково-то время было. Провожал меня многожды Матфей Ломков,^{72*} что Митрофаном в чернецах именуем, в Москве у Павла митрополита^{73*} ризничим был, когда тот стриг меня с дьяконом Афанасьем.^{74*} Тогда в Сибири при мне добр был, а после проглотил его дьявол: тоже отступил от веры.

Потом приехал из Москвы архиепископ, и мне мало-мало легче стало. Посадил его, Струну, по церковным правилам на цепь вот за что: человек некий с дочерью кровосмешение сотворил, а тот Струна, взяв с мужика полтину, не наказав, отпустил его. И владыка его за это сковать приказал и мое дело тут же помянул.^{75*} Тот же Струна ушел к воеводам в приказ и сказал на меня слово и дело государево.^{76*} Отдали его лучшему сыну боярскому Петру Бекетову под караул.^{77*} Увы, пришла Петру погибель! Подумав, архиепископ по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в церкви. Петр же Бекетов в то время, браня архиепископа и меня, вышел из церкви и взбесился, идучи домой, упал и испустил дух, горькою смертью помер. Мы же с владыкою приказали его среди улицы бросить псам на съедение, чтобы горожане оплакали его согрешение; а сами три дня прилежно Божеству докучали о нем, да отпустится ему в день кончины века от Господа: жалея Струну, таковую пагубу он принял; и по истечении трех дней тело его сами по чести погребли. Полно говорить о том плачевном деле.

После того указ пришел: велено меня из Тобольска на Лену везти,^{78*} за то, что браню от Писания и укоряю Никона-еретика. В то же время пришла из Москвы грамотка ко мне: два брата, кои жили у царя в Верху, умерли с женами и с детьми.^{79*} И многие друзья и сродники тоже померли в мор. Излил Бог фиал гнева ярости своей на всю Русскую землю за раскол церковный, да не захотели образумиться. Говорил прежде мора Неронов царю и прорицал три пагубы: мор, меч, разделение,^{80*} — все сие сбылось во дни наши, — а после и сам, милый, принужден был тремя перстами креститься. Таково-то попущено действовать антихристову духу, по Господню речению: «Аще возможно ему прельстити и избранныя»^{81*} и «Всяк мняйся стояти да блюдется, да ся не падет».^{82*} Что о том много и говорить! Потому, непрестанно ища правды, всякий человек, молись Христу, а не дряхлою душой к вере прилежи, так не покинет Бог. Писанному внимай: «Се полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна»,^{83*} ибо все не сходящиеся с нами о него спотыкаются и соблазняются. Разумеешь ли сие? Камень — Христос, а Сион — Церковь, а соблазняющиеся — похотелюбцы и все отступники, временного ради вечным пренебрегают, просто сказать, дьявольскую волю творят, а о Христовом повелении не радеют. Но если кто преткнется о камень сей — то сокрушится, а на кого тот камень падет, сотрет его. Вникни-ка прилежно и послушай, что пророк говорит с апостолом: что жернов дурака в муку перемелет; тогда и узнает (это) всяк возносящийся в своем сердце, когда скакать по холмам перестанет, сиречь от всего этого освободится. Полно о том.

Снова стану говорить, как меня по грамоте из Тобольска повезли на Лену.

А когда в Енисейск привезли, другой указ пришел: велено в Даурию везти, тысяч с двадцать от Москвы и больше будет. Отдали меня Афанасью Пашкову:^{84*} он туда воеводою послан, и, по грехам моим, суров и бесчеловечен человек, бьет беспреестанно людей, и мучит, и жжет. И я много выговаривал ему, да и сам в руки попал, а из Москвы от Никона ему приказано мучить меня.

Поехали из Енисейска.^{85*} Как будем на Тунгуске-реке,^{86*} бурю дощаник мой в воду погрузило, набрался посреди реки полон воды, и парус изорвало, одна палуба наверху, а то все в воду

ушло. Жена моя ребят кое-как повытаскивала наверх, а сама ходит простоволоса, не помня себя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помоги!» И Божией волею прибило нас к берегу. Много о том говорить. На другом дощанике двух человек сорвало, и утонули в воде. Оправясь, мы снова поехали дальше.

Когда приехали на Шаманский порог, навстречу нам приплыли люди, а с ними две вдовы, — одна лет шестидесяти, а другая и старше, плывут постричься в монастырь. А тот Пашков стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж отдавать». Он же, осердясь на меня, на другом пороге стал меня из дощаника выбивать: «Еретик-де ты, из-за тебя-де дощаник худо идет, пойди-де по горам, а с казаками не ходи!»

Горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный как стена стоит, и поглядеть — заломив голову. В горах тех обретаются змеи великие, в них же обитают гуси и утицы — оперенье дивное; там вороны черные, а галки — серые, иное, чем у русских птиц, имеют оперение. Там и орлы, и соколы, и кречеты, и цыплята индейские, и пеликаны, и лебеди, и иные дикие, многое множество птиц разных. На тех горах гуляют звери дикие: козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикие; глазами видим, а взять нельзя. На те горы Пашков и выбивал меня со зверьми обитать.

И я ему малое писаньице послал,^{87*} таково начало: «Человек, убойся Бога, сидящего на херувимах и зрящего в бездны, пред кем трепещут небо и земля с людьми и всё творение, только ты один презираешь и непокорство ему выказываешь», и прочее там многонько написано. И вот — бегут человек с пятьдесят, взяли мой дощаник и помчали к нему, версты с три от него стоял. Я казакам каши с маслом наварил да кормлю их, и они, бедные, едят и дрожат, а иные плачут, глядя на меня, жалея меня.

Когда дощаник привели, взяли меня палачи, поставили перед ним. Он же и стоит, и дрожит, шпагою подпершись. Начал мне говорить: «Поп ли ты или распоп?» И я отвечал: «Аз есмь Аввакум протопоп. Что тебе за дело до меня?» Он же, зарычав как дикий зверь, ударил меня по щеке, и еще по другой, и в голову еще; сбил меня с ног, ухватил у слуги своего чекан и трижды по спине, лежачего, зашиб, и, раздевши, — по той же спине

семьдесят два удара кнутом. Палач бьет, а я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да то же, да то же говорю. Так ему горько, что не говорю: «Пощади». На всякий удар: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!» Да на середине-той вскричал я: «Полно бить-то!» Так он велел перестать. И я промолвил ему: «За что ты меня бьешь, ведаешь ли?» И он снова велел бить меня по бокам. Отпустили. Я задрожал да и упал; и он велел оттащить меня в казенный дощаник. Сковали руки и ноги и кинули на беть.

Осень была, дождь на меня шел и во время побоев, и ночью. Как били, так не больно было с молитвою-той, а лежа на ум взбрело: «За что ты, Сыне Божий, попустил так больно избить-то меня? Я ведь за вдов твоих встал! Кто даст судию между мною и тобою! Когда грешил, ты меня так не огорчал, а ныне не ведаю, чем согрешил!» Будто добрый человек, второй фари́сей, сын погибели, с говенною рожкою праведником себя почел да со Владыкою, что Иов непорочный, — на суд.^{88*} Да Иов хотя бы и грешен, ан нельзя на него дивиться, он не ведая Закона жил, Писания не разумел, в варварской стране живя, хоть и был того же рода Авраамова, но из колена идолопоклонников. Внимай: Исаак Авраамович родил скверного Исава, Исав родил Рагуила, Рагуил родил Зару, Зара же — праведного Иова.^{89*} Вот смотри, у кого было Иову добра научиться, — все прадеды идолопоклонники и блудники были. Но по творению Бога уразумев, жил праведник непорочно и, в язвах лежа, произнес слова по недомыслию и от простоты сердца: «Изведший меня из чрева матери моей, кто даст судию между мною и тобою, что ты так наказываешь меня; никогда не обижал я сироты и вдовицы, шерсть овец моих шла на одяение нищим!»^{90*} И сошел Бог к нему, и прочее. А я на такое же дерзнул от какого разума? Родился в Церкви, на Законе стою, Писанием Ветхого и Нового Закона огражден, вождем себя мню слепым, а сам слеп изнутри. Как дощаник-то не погряз со мною! Стало у меня в те поры кости щемить и жилы тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так я вздохнул и покаялся пред Владыкою, да и опять все перестало болеть.

Наутро кинули меня в лодку и повезли дальше. Когда приехали к порогу Падуну Большому, — река в том месте шириной с версту, три порога гораздо круты, и если не воротами что поплывет, так в щепы изломает. Привезли меня под порог:

сверху дождь и снег, на плечах один кафтанишко накинута только, льет по спине и по брюху вода. Тяжко было гораздо. Из лодки вытащили, по камению, скованного, около порога того тащили. Да уж больше не пеняю Спасителю своему, но (словами) пророка и апостола утешаюсь, говоря про себя: «Сыне, не пренебрегай наказанием Господним, ниже ослабей, от него обличаем. Кого любит Бог, того и наказует. Бьет же всякаго сына, которого приемлет. Если наказание терпите, тогда как к сыновьям относится к вам Бог. Если же без наказания приобретаетесь к нему, то оказываетесь выbledками, а не сыновьями».^{91*}

Потом привезли меня в Братский острог^{92*} и кинули в студеную тюрьму, соломки дали немножко. Сидел до Филиппова поста в студеной башне. Там в те поры зима живет, да Бог греет и без платья всяко. Что собачка, в соломе лежу на брюхе: на спине-то нельзя было. Когда покормят, а когда и нет. Есть-то после побоев тех хочется, да ведь то неволя: когда пожалуют — дадут. Да безчинники издевались надо мною: иногда одного хлебца дадут, а иногда ветчинки одной невареной, иногда масла коровьего, тоже без хлеба. Я же прямо-таки, что собака, так и ем. Не умывался ведь. Да и кланяться не смог, лишь на крест Христов погляжу да помолитвую. Караульщики по пяти человек поодаль стоят. Щелка в стене была, — собачка ко мне каждый день приходила, чтоб поглядеть на меня. Как Лазарю на гноище у врат богатого псы облизывали гной его,^{93*} отраду ему творили, так и я со своею собачкою поговаривал. А люди далече окрест меня ходят и поглядеть на тюрьму не смеют. Мышей много у меня было, я их скуфьею бил: и батожка не дали; блох да вшей было много. Хотел Пашкову кричать: «Прости!»; да сила Божия возбранила, велено терпеть.

В шестую неделю после побоев перевел он меня в теплую избу, и я тут с аманатами и с собаками зимовал, скован. А жена с детьми верст за двадцать была сослана от меня. Баба Ксения мучила там ее, браня, всю ту зиму, в месте пустынном.

Сын Иван еще невелик был, прибрел ко мне побывать после Христова Рождества, и Пашков велел его кинуть в студеную тюрьму, где я прежде сидел. Ребьячье дело — замерз было тут; сутки сидел, да и опять велел (Пашков) к матери вытолкать; я его и не видал. Приволокся — руки и ноги ознобил.

Весной снова поехали вперед. Все разорено: и запасы, и одежда, и книги — все растащено. На Байкалове море снова я тонул. По реке по Хилку^{94*} заставил меня (Пашков) лямку тянуть; зело тяжек путь по ней был: и поесть некогда было, не то что спать; целое лето бились против течения. От тяготы водной осенью у людей и у меня стали ноги пухнуть и живот посинел, а на другое лето и умирать стали от воды. Два лета бродил я в воде, а зимами волочился волоком через хребты.

На том самом Хилке в третий раз тонул. Барку от берега оторвало; у людей стоят, а меня понесло; жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком понесло. Вода быстрая переворачивает барку вверх дном и снова палубой, а я на ней ползаю и кричу: «Владычица, помоги! Упование, не погрузи!» Иной раз ноги в воде, а иной раз выползу наверх. Несло с версту и больше, да перехватили; всё размыло до крохи. Из воды выйдя, смеюсь, а люди те охают, глядя на меня, платье-то по кустам вешают. Шуб шелковых и кое-какой безделицы-той было много еще в чемоданах да в сумах — с тех пор все перегнило, наги стали.

А Пашков меня же хотел бить: «Ты-де себя выставляешь на посмешище». И я, в куст зайдя, к Богородице припал: «Владычица моя, пресвятая Богородица, уйми дурака того, и так спина болит!» Так Богородица-свет и уняла — стал по мне тужить.

Доехали до Иргеня-озера.^{95*} Волок тут, стали волочиться. А у меня (Пашков) работников отнял, другим наняться не велит. А дети были малёнки: таскать не с кем, один бедный протопоп. Сделал я нарту и зиму всю за волок бродил. У людей и собаки в подпряжках, а у меня не было ни одной, кроме двух сынов, — малёнки еще были Иван и Прокопий, тащили со мною, что кобельки, за волок нарту. Волок — верст со сто; на силу, бедные, и перебрали. А протопопица муку и младенца за плечами на себе тащила. А дочь Аграфена брела-брела да на нарту и взвалилась, и братья ее со мною помаленьку тащили. И смех, и горе, как помянутся дни те: ребята-те изнемогут и на снег повалятся, а мать по кусочку пряничка им даст, и они, съевши, опять лямку потянут.

И кое-как перебились через волок да под сосною и жить стали, что Авраам у дуба Мамврийского.^{96*} Не пустил нас и в засеку Пашков сперва, пока не натешился; и мы неделю-другую мерзли под сосною с ребятами одни без людей на бору; потом

в засеку пустил и указал мне место. Так мы с ребятами огородились и, балаганец сделав, огонь курили. И как до воды домаялись весною, на плотях поплыли по Ингоде-реке; от Тобольска четвертое лето.

Лес гнали строевой, городской и хоромный, есть стало нечего, люди стали мереть с голоду и от водяных бродней. Река песчаная, (дно) сыпучее, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, только начнут бить, ан он и умрет, и без битья насилу человек дышит. С весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да-пять работай, никуда на промысел не ходи. И вербы, бедный, сбродит нащипать в кашу — и за то палкою по лбу: «Не ходи, мужик, умри на работе». Шестьсот человек было, всех так-то перестроил (Пашков). Ох, времени тому, не знаю, как из ума он иступил!

Однорядка московская жены моей не стнила, по-русски рублей в двадцать пять, а по-тамошнему и больше. Дал нам четыре мешка ржи за нее, и мы, с травкою (перемешав), перебивались. На Нерче-реке все люди с голоду померли, осталось небольшое число. По степям скитаясь и по лесу, траву и коренья копали, и мы с ними же, а зимою сосну. Иной раз кобылятины Бог даст, а иной раз кости зверей находили, пораженных волками, и, что от волка осталось, то мы голодали; а иные и самих замерзших волков и лисиц ели.

Два сына у меня умерли в тех нуждах.^{97*} Невелики были, да все одно детки. Пускай их, Бог их приберет. А с другими мы, скитающись, наги и босы, по горам и по острым камням, травой и кореньями перебивались. И сам я, грешный, причастен был мясу кобыльему и мертвечине по нужде. Но помогала нам по Христе боярыня, воеводская сноха Евдокия Кирилловна,^{98*} да жена его, Афанасьева, Фекла Симеоновна.^{99*} Они нам от смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтоб он не сведал. Иногда пришлют кусок мяса, иногда колобок, иногда мучки и овсеца сколько удастся — четверть пудика и гривенку-другую, а иногда и полпудика, и пудик передаст, накопив, а иногда от кур корма нагребет. И той великой нужды было годов с шесть и больше. А в другие годы Бог отпустил.

А Афанасий оный, замышляя злое, мне беспрестанно смерти ищет. В той самой нужде прислал ко мне двух вдов, — сенные

любимые его были, Мария да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожил он и колдовал долго над ними, и видит, яко ничтоже успеваает, но паче молва бывает,^{100*} — зело жестоко их бесы мучат, кричат и бьются. Призвал меня и говорит, поклонясь: «Пожалуй, возьми ты их и попекись об них, Бога моля, послушает тебя Бог». И я ему отвечал: «Выше, говорю, государь, меры прошение, но по молитвам святых отцов наших все возможно Богу». Взял их, бедных.

Простите, Господа ради! Во искусе то на Руси бывало — человека три-четыре бешеных в дому моем бывало приведенных, и, по молитвам святых отцов, исходили из них бесы действием и повелением Бога живого и Господа нашего Исуса Христа, Сына Божия, света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу во имя Христово, поя молитвы, — сила Божия и отгоняла от людей бесов, и здравы делались, не по моему достоинству, но по вере приходящих. Древле благодать действовала ослом при Валааме,^{101*} и при Ульяне-мученике — рысью, и при Сисинии — оленем:^{102*} говорили человеческим голосом. Бог и деже хочет, побеждается естества чин.^{103*} Читай житие Феодора Эдесского, там обрящешь — и блудница мертвого воскресила.^{104*} В Кормчей писано: «Не всех Дух Святой рукополагает, но через всех действует, кроме еретика».^{105*}

Так вот, привели ко мне баб бешеных. Я, по обычаю, сам постился и им не давал есть. Молебствовал и маслом мазал и, как знаю, действовал. И бабы о Христе целоумны стали. Христос избавил их, бедных, от бесов. Я их исповедал и причастил; живут у меня и молятся Богу, любят меня и домой не идут.

Проведал он, что они мне сделались дочерьми духовными, осердился на меня опять пуще прежнего, хотел меня в огне сжечь: «Ты-де выведываешь мои тайны»; а их домой взял. Он думал, Христос так оставит — ан они и пуще прежнего стали беситься. Запер он их в пустую избу, никому и доступа к ним нет. Призвал к ним черного попа, а они в него поленьями бросают. Я дома плачу, а делать не знаю что. И приступить ко двору не смею: больно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святой, велел их умыть и напоить. И им, бедным, дал Бог, легче от бесов стало. Прибтели ко мне сами тайно. И я их помазал — во имя Христово — маслом, так они опять стали, дал Бог, по-прежнему здоровы и опять домой ушли; да по ночам ко мне прибегали Богу молиться.

Ну-ка, всяк правоверный, рассуди прежде Христова суда: как было мне их причастить, не исповедав? А не причастив, бесов полностью не отгонишь. Я иного оружия на бесов не имею, только крест Христов, и священное масло, и вода святая, да когда сойдется, слез каплю-другую тут же прибавлю; а совершенное исцеление бесноватому — исповедаю и причащу Тела Христова, так, дает Бог, и здрав бывает. За что было на то гневаться? Явно в нем бес действовал, помеху творя его спасению.

Да уж Бог его простит. Постриг я его и посхимил, в Москву приехав: царь мне его головою выдал, Бог так изволил. Много о том Христу доуки было, да слава за него Богу. Давал мне он в Москве и денег много, да я не взял: «Мне, — говорю, — спасение твое только надобно, а не деньги; постригись, — говорю, — так и Бог простит». Видит беду неминуемую, — прислал ко мне со слезами. Я к нему на двор пришел, и он пал предо мною, говорит: «Волен Бог да и ты надо мною». Я, простив его, с чернцами чудовскими постриг его и посхимил. А Бог ему и еще трудов прибавил, потому доуки моей об нем ко Христу было, чтоб он его к себе присвоил: рука и нога у него отсохли, в Чудове из кельи не выходит. Да любо мне сильно, чтоб его Бог Царствию Небесному сподобил. Докучаю и ныне о нем, да и надеюсь на Христову милость, чаю, помилует нас с ним, бедных. Полно о том, стану снова про даурское бытие говорить.

Так вот, с Нерчи-реки возвратились мы назад на Русь.^{106*} Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне (Пашков) под ребят и под домашнюю рухлядь дал две клячи, а сами мы с протопопицей брели пеши, убиваясь о лед. Страна варварская, инородцы немирные, отстать от лошадей не смеем, а за лошадьми идти не успеем, голодные и измученные люди. В одну пору протопопица, бедная, брела-брела да и повалилась, и встать не может. А другой, тоже измученный, тут же взвалился: оба барахтаются, а встать не могут. После мне, бедная, пеняет: «Долго ль-де, протопоп, сего мучения будет?» И я ей сказал: «Марковна, до самой до смерти». Она же в ответ: «Добро, Петрович, тогда еще побредем».

Курочка у нас была черненька, по два яичка на всякий день приносила, Бог так устраивал ребяткам на пищу. По грехам нашим, в то время, везя на нарте, задавили ее. Не курочка, а чудо была, по два яичка на день давала. А не просто нам и досталась. У боярыни куры все занемогли и переслепли, пропадать

стали; и она, собрав их в короб, прислала ко мне, велела об них молиться. Я, грешный, молебен пел, и воду святил, и кур кропил, и, в лес сходяв, корыто им сделал, и отослал назад. Бог же, по вере ее, и исцелил их. От того-то племени и наша курочка была.

Снова приволоклись на Иргень-озеро. Боярыня прислала-пожаловала сковородку пшеницы, и мы кутьи наелись.

Кормилица моя была боярыня та Евдокия Кирилловна, а и с нею дьявол ссорил, вот как. Сын у нее был Симеон, там родился; я молитву давал и крестил. Всякий день присылала его к благословию ко мне. Я крестом благословлю и водою кроплю и, поцеловав его, назад отпущу, — дитя наше здорово и хорошо. Не случилось меня дома, занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала ребенка к шептуну-мужику. А я, сведав, осердился тоже на нее, и меж нами распря великая стала быть.

Младенец пуще занемог: рука и нога засохли, что батожки. В смятение (боярыня) пришла, не знает, что делать. А Бог пуще угнетает: ребеночек кончаться стал. Пестуны, приходя ко мне, плачут, а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ее. Вижу, что ожесточил дьявол сердце ее; припал ко Владыке, чтоб образумил ее.

Господь же премилостивый Бог умягчил ниву сердца ее: прислала наутро Ивана, сына своего, со слезами прощения просить. Он кланяется, ходя около печи моей, а я на печи наг под берестой лежу, а протопопица в печи, а дети кое-где перебиваются: случилось в дождь, одежды не стало, а зимовье каплет, — всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Арефы-колдуна». Потом и больного принесли и положили передо мной, плача и кланаясь. Я же, встав, добыл в грязи епитрахиль и масло священное нашел; помолив Бога и покадив, помазал его маслом во имя Христово и крестом благословил. Младенец же и здоров стал по-прежнему, с рукою и с ногою, по Божьему мановению. Я, напоив его водою, к матери его послал.

Наутро прислала боярыня пирогов да рыбы; и с тех пор помирились. Выехав из Даурии, умерла, миленькая, в Москве; я и погребал ее в Вознесенском монастыре.

Узнал про младенца и сам Пашков, она ему сказала. Я к нему пришел, и он поклонился низенько мне, а сам говорит: «Господь тебе воздаст; спаси Бог, что ты по-отечески творишь,

не помнишь нашего зла». И в тот день пищи довольно при-
слаал.

А после того вскоре чуть было не стал меня пытаться. Послу-
шай-ка, за что. Отпущал он сына своего Еремея^{107*} в Мунгаль-
ское царство^{108*} воевать — казаков с ним семьдесят два чело-
века да тунгусов двадцать человек — и заставил инородца ша-
манить, сиречь гадать, удастся ли им поход и с добычею ли бу-
дут домой. Тот же мужик-волхв близ моего зимовья привел
живого барана ввечеру и стал над ним волхвовать; отвертев
ему голову прочь, начал скакать и плясать и бесов призывать,
крича много; о землю ударился, и пена изо рта пошла. Бесы его
давили, а он спрашивал их, удастся ли поход. И бесы сказали:
«С победой великою и с богатством большим будете назад».

Ох душе моей! От горести погубил овец своих, забыл о пи-
саном в Евангелии, когда Заведеевичи про поселян жестоких
советовали: «Господи, аще хочеши, — сказали, —
да огонь снидет с небес и истребит их, якоже и
Илия сотворил». И, оборотившись, Иисус сказал
им: «Не знаете, коего духа вы. Сын Человеческий
не пришел душ человеческих погубить, но спасти
их». И пошли в иную весь.^{109*} А я, окаянный, сделал
не так; в хлевине своей с воплем Бога молил, да не возвратится
вспять ни один из них, да не сбудется пророчество дьяволь-
ское; и много молился о том.

Сказали ему, что я так молюсь, и он лишь излаая в те поры
меня, отпустил сына с войском.

Поехали ночью по звездам. Жаль мне их; видит душа моя,
что им побитым быть, а сам-таки молю о погибели на них.
Иные, приходя ко мне, прощаются, а я говорю им: «Погибнете
там!» Как поехали, так лошади под ними заржали вдруг, и ко-
ровы тут заревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и
сами инородцы, что собаки, завыли; ужас напал на всех. Ере-
мей прислаал ко мне весть, «чтоб батюшко-государь помолился
за меня». И мне его (стало) сильно жаль: друг мне тайный был
и страдал за меня. Как меня отец его кнутом бил, стал он гово-
рить отцу, так тот кинулся со шпагой за ним. И как на другой
порог приехали, на Падун, сорок дощаников все в ворота про-
шли без вреда, а его, Афанасьев, дощаник, — снасть добрая
была, и казаки, все шестьсот, пеклись о нем, — а не могли про-
вести, взяла силу вода, сказать же лучше, Бог наказал. Стащило

всех людей в воду, а дощаник на камень бросила вода и через него переливается, а в него не идет. Чудо, как Бог безумных тех учит! Боярыня в дощанике, а он сам на берегу. И Еремей стал ему говорить: «За грех, батюшка, наказывает Бог! Напрасно ты протопопа-того кнутом-тем избил. Пора покаяться, государь!» Он же зарычал на него, как зверь. И Еремей стоит, отклонясь к сосне, и, прижав руки, «Господи, помилуй!» говорит. Пашков, схватив у малого колесчатую пищаль, — никогда не жмет, — прицелившись в Еремея, спустил курок: осеклась и не выстрелила пищаль. Он же, поправив порох, прицелившись, опять спустил, и снова осеклось. Он и в третий раз сотворил — так же не выстрелила. И он и бросил на землю ее. Малый, подняв, в сторону спустил — пищаль и выстрелила! А дощаник по-прежнему на камне под водою лежит. Потом Пашков сел на стул и шпагою подперся, задумался. А сам плакать стал. И, плача, говорит: «Согрешил я, окаянный, пролил неповинную кровь! Напрасно протопопа бил, за то меня и наказывает Бог!» О, чудо! По Писанию, косен Бог на гнев и скор на послушание,^{110*} — дощаник сам, покаяния ради, с камня сплыл и стал носом против воды. Потянули — и он взбежал на тихое место. Тогда Пашков, сына своего призвав, промолвил ему: «Прости-брат, Еремей, правду ты говоришь». Он же подошел и поклонился отцу. А мне сказывал дощаника его кормщик, Григорий Тельный, что тут был.

Зри, не страдал ли Еремей ради меня, а более ради Христа! Внимай же, снова к прежнему возвратимся.

Поехали на войну. Жаль мне стало Еремея! Стал Владыке докучать, чтоб его пощадил. Ждали их, и не вернулись в срок. А в те поры Пашков меня к себе и на глаза не пускал. В один из дней устроил он застенок и огонь разложил — хочет меня пытать. Я, узнав, ко исходу души и молитвы проговорил, знаю стряпню его: после огня того мало у него живут. А сам жду за собой и, сидя, жене, плачущей, и детям говорю: «Воля Господня да будет! Аще живем — Господеви живем, аще умираем — Господеви умираем.^{111*} А вот и бегут за мной два палача.

Чудо! Еремей сам-друг дорожкой едет мимо избы моей, и их позвал и воротил.

Пашков же, оставив застенок, к сыну своему с кручины, как пьяный, пришел. Тогда Еремей, отцу своему поклонясь, все

подробно ему рассказал: как без остатка войско побили у него, и как увел его инородец пустынными местами, раненого, от монгольских людей, и как он по каменным горам в лесу семь дней блудил, не евши, одну белку съел; и как в моем образе человек ему явился во сне и благословил и путь указал, в которую сторону идти, а он вскочил и обрадовался и выбрел на дорогу. Когда отцу рассказывает, а я в то время пришел поклониться им. Пашков же, возведя очи свои на меня, вздохнув, говорит: «Так-то ты делаешь, людей-тех столько погубил». А Еремей мне говорит: «Батюшка, поди, государь, домой! Молчи, ради Христа!» Я и пошел.

Десять лет он меня мучил, или я его — не знаю, Бог разберет.

Перемена ему пришла,^{112*} и мне грамота пришла:^{113*} велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял с собою; замышлял про себя: чаял, меня без него и не вынесет Бог. Да и сам я убоился с ним плыть, перед выездом он говорил: «Здесь-де земля не взяла, по дороге-де вода у меня приберет». Среди моря велел бы с судна спихнуть, а сказал бы, будто сам свалился; потому и сам я с ним не захотел.

Он в дощаниках поплыл с людьми и с оружием, а я — месяц спустя после него, набрав старых, и раненых, и больных, кои там негодны, человек с десятков, да я с семьею, семнадцать человек. В лодку сев, уповая на Христа и крест поставив на носу, поехали, ничего не боясь. А иной раз и боялись, тоже ведь люди, да куда было деться, все одно смерть! Бывало то и с Павлом апостолом, сам о себе так свидетельствует: «Внутри убо — страх, а вне убо — боязнь»;^{114*} и в другом месте: «Уже-де и не надеялись мы и живы быть, но Господь меня избавил и избавляет».^{115*} Так то и с нами бедными: если бы не помогал Господь, скоро бы угодила в ад душа моя. И Давыд глаголет: «Аще не был Господь в нас, вегда востати человеком на ны, живы пожерли быша нас».^{116*} Но Господь всячески избавлял меня и донныне избавляет. Мотаюсь, как плевел посреди пшеницы, посреди добрых людей, а где и посреди волков, как овечка, или посреди псов, как заяц; всяко перебиваешься о Христе Иисусе. Кусаются еретики, что собаки, а без Божьей воли проглотить не могут. Да воля Господня, что Бог даст, то и будет, без смерти и мы не будем; надобно бы что доброе-то сделать, с чем бы явиться пред Владыкой, а то умрем же всяко. Полно о сем.

Когда поехали из Даурии, я Кормчую книгу приказчику дал, и он мне мужика-кормщика дал. Приказчик же дал мучки гривенок с тридцать, да коровку, да овечек. Мясо иссушив, и пльвя, все лето тем питались. Стала пища оскудевать, так мы с братией Бога помолили, и Христос нам дал изюбря, большого зверя, так и до Байкалова моря доплыли.

У моря на русских людей наехали — рыбу промышляют и соболя. Рады нам, миленькие, Терентьюшко с братией; дав нам передохнуть, всего надавали много. Лодку починив и парус скропав, пошли мы через море. Окинула нас на море погода, так мы на веслах перегреблись: не больно широко в том месте, или со сто, или с восемьдесят верст.

Чуть только к берегу пристали, поднялась буря с ветром, насили и на берегу укрытие нашли от волн вздымающихся. Около него горы высокие, утесы каменные и зело высокие. Двадцать тысяч верст и больше я волочился, а не видал нигде таких гор. На верху их — шатры и горницы, врата, столпы и ограда, все богоделанное. Чеснок на них и лук растет больше романовского и сладок добре. Там же растет и конопля бого-расленная, а во дворах травы красные, цветущие, зело благо-вонные. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, как снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерляди, омули и сиги, и прочих родов много; и жирна гораздо, на сковороде жарить нельзя осетрины: все жир будет. Вода пресная, а нерпы и зайцы великие в нем, — близ океана, на Мезени живучи, таких не видал. А все то у Христа наделано человека ради, чтобы, по-коясь, хвалу Богу воздавал. А человек, суете который уподобится, дни его, яко сень, преходят,^{117*} — скачет, как козел; раздувается, как пузырь; гневается, как рысь; съесть хочет, как змея; ржет, глядя на чужую красоту, как жеребец; лжет, как бес;^{118*} насыщаясь невоздержно, без правила спит; Бога не молит, покаяние откладывает на старость; и потом исчезает, и не знаю, куда отходит — или во свет, или во тьму, день Судный покажет каждого. Простите меня, я согрешил больше всех людей!

Потом в русские города приплыли. В Енисейске зимовали, и снова плыли летом, и в Тобольске зимовали.^{119*} За грехи наши война в то время в Сибири была:^{120*} на Оби-реке передо мною наших человек с двадцать инородцы побили. А и я у них был в руках: подержав у берега, отпустили, Бог изволил. И на

Иртыше скопом стоят инородцы, ждут березовских, чтобы наших побить. А я к ним и привалил к берегу. Они меня и обступили. И я, из судна выйдя, с ними раскланиваясь, говорю: «Христос посреди нас!» Варвары же Христа ради умягчились и никакого зла мне не сотворили, Бог так изволил. Торговали со мною и отпустили меня с миром. Я, в Тобольск приехав, сказываю — и люди все дивятся.

Потом и в Москву приехал.^{121*} Три года из Даурии ехал, а туда пять лет волокся, против течения, на восток все ехал, среди орд и селений инородческих. И взад, и вперед едучи, по городам и по селам и в малолюдных местах слово Божие проповедывал и, не обинуясь, обличал никонианскую ересь, свидетельствуя истину и правую веру о Христе Исусе.

Когда же в Москву приехал, государь велел поставить меня к руке, и слова милостивые были. Казалось, что и вправду говорено было: «Здорово ли-де, протопоп, живешь? Еще-де велел Бог свидетелься». И я на это сказал: «Молитвами святых отцов наших еще жив, грешник. Дай, Господи, чтобы ты, царь-государь, здрав был на многие лета», и, поцеловав руку, пожал ее в руках своих, чтобы и впредь меня помнил. Он же вздохнул и еще кое-что сказал. И велел меня поселить в Кремле на монастырском подворье.^{122*} Шествую мимо двора моего, благословляясь и раскланиваясь со мною, сам о здоровье меня спрашивал часто. Раз, миленький, и шапку уронил, кланяясь со мною.

И давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними в вере соединился. Я же все сие Христа ради почел за грязь, поминая смерть, ибо все это временно. А мне уж в Тобольске в тонком сне страшное возвещено было. Ходил я в церковь большую и смотрел, что в алтаре у них делается, как просвиры вынимают, — что тараканы просвиру исщиплют. И я им говорил от Писания и смеялся над их бесчинством. А когда привык ходить, так и говорить перестал, что жалом ужалило: молчать было захотел. В царевнины именины,^{123*} от заутрени придя, прилег я. Так мне было сказано: «Аль-де и ты по стольких бедах и напастях соединишься с ними? Блюда себя, да не будешь растесан надвое!»^{124*} Я вскочил в ужасе великом, пал пред иконою и говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют». Да и не пошел к обедне в ту церковь. К иным ходил церквам, где православная служба, и народ учил, обличая их злобесовское и аживое мудрование.

Да еще, когда я был в Даурии, на рыбный промысел к детям шел по льду зимою, по озеру бежал на базлуках, там снегу не бывает, так морозы велики и льды толсты, с человека намерзают, — а мне пить сильно захотелось среди озера. Воды не знаю где взять, от жажды идти не могу, озеро верст с восемь, до людей далеко. Бреду потихоньку, а сам, взирая на небо, говорю: «Господи, источивший Израилю, в пустыни жаждущему, воду! Один ты — тогда и ныне! Напой меня какими знаешь судьбами!» Простите, Бога ради! Затрещал лед, как гром, предо мною, стало вверх его кидать, и, как река, расступился туда и сюда и снова сошелся вместе, и сделалась гора льда великая, а мне оставил Бог пролубку. И покуда строение Божие совершалось, я на восток кланялся Богу. И со слезами припал я к пролубке и напился воды досыта. Потом и пролубка содвинулась. И я, поднявшись и поклонившись Господу, снова побежал по льду, куда мне надобно, к детям. И мне столь много забыть ради прельщения сего века?!

К прежнему возвратимся. Видят они, что я не соединяюсь с ними, — приказал государь уговаривать меня Стрешневу Родиону, окольникему.^{125*} И я потешил его, — царь ведь он, от Бога поставлен, — помолчал маленько. Так меня поманивают: денег мне десять рублёв от царя милостыни, от царицы — десять же рублёв, от Лукьяна-духовника^{126*} — тоже десять рублёв, а старый друг, Федором зовут, Михайлович Ртищев^{127*} — тот и шестьдесят рублёв, горькая сиротина, дал; Родион Стрешнев — тоже десять рублёв, Прокопий Кузьмич Елизаров^{128*} — тоже десять рублёв. Все гладят, все добры, всякий боярин в гости зовет. Так же и власти, пестрые и черные, припасы ко мне везут да тащат, полную клеть наволокли. Да мне же сказано было: с Симеонова дня на Печатный двор хотели посадить. Тут было моя душа возжелала, да дьявол не пустил.

Помолчал я немного, да вижу, что неладно колесница бежит, попридержал ее. Так написал и подал царю: «Царь-государь, — и прочее, как водится, — подобает тебе пастыря смиренномудрого матери нашей общей святой Церкви разыскать, а не просто смиренного и потаковника ересям; таковых же надобно избирать и во епископство, и в прочие власти; бодрствуй, государь, а не дремли, понеже супостат дьявол хочет царство твое проглотить». Да там и многонько написано было.^{129*} Спина у меня в то время заболела, не смог сам вы-

бресть и подать, выслал к (царскому) проезду с Феодором-юродивым.^{130*}

Он же дерзко к карете подступил и кроме царя никому письма не дал. Сам у него, протянув руку из кареты, пытался достать, да в тесноте людской не достал. Осердясь, велел Феодора взять и со всем под Красное крыльцо^{131*} посадить. Потом, к обедне прийдя, велел Федора к церкви привести, и, взяв у него письмо, велел его отпустить. Он же, покойник, побывав у меня, сказал: «Царь-де тебя зовет», да и потащил меня в церковь. Представ пред царем, стал он пред ним юродством шаловать, — так (царь) его велел в Чудов отвести.

Я перед царем стою, поклоняюсь, на него гляжу, ничего не говорю. А царь, мне поклоняясь, на меня стоя глядит, тоже ничего не говорит. Да так и разошлись.

С тех пор и дружбы только: он на меня за письмо кручинен стал, а я тоже осердился за то, что Феодора моего под надзор послал. Да и комнатные тоже на меня: «Ты-де не слушаешься царя», да и власти на меня же: «Ты-де нас оговариваешь царю и в письме своем бранишь, и людей-де учишь в церкви к пению нашему не ходить». Да и опять стали думать в ссылку меня послать.

Феодора сковали в Чудове монастыре, — Божиею же волею и железа рассыпались на ногах его. Он же влез после хлебов в жаркую печь и, на голом гузне ползая, на поду крошки подбирал. Чернцы же, увидав, бросились к архимандриту, что ныне Павел-митрополит,^{132*} и рассказали, а он и царя известил. Царь же, придя в монастырь, честно Феодора приказал отпустить: где-де хочет, пусть там и живет. Он ко мне и пришел. Я его отвел к дочери своей духовной, к боярыне Федосье Морозовой, жить.^{133*}

Потом меня в ссылку сослали на Мезень.^{134*} Надавали было добрые люди кое-чего — все осталось тут, только с женою и детьми повезли; а я по городам снова их, пестрообразных зверей, обличал.

Привезли на Мезень и, полтора года продержав, снова одного к Москве поволокли.^{135*} Только два сына со мною съехали,^{136*} а прочие на Мезени остались все.

И привезши в Москву, подержав, отвезли в Пафнутьев монастырь. И туда присылка была — то ж, да то ж говорят: «Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами!» Я отрицаюсь, что

от бесов, а они лезут в глаза. Сказку им тут написал^{137*} с большою укоризною и бранью и послал с посланником их — Козьма, дьякон ярославский,^{138*} приезжал с подьячим патриаршего двора. Козьма-то не знаю, коего духа человек: въяве уговаривает меня, а втай подкрепляет, так говоря: «Протопоп, не отступай ты старого того благочестия! Велик ты будешь у Христа человек, как до конца претерпишь! Не гляди ты на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил, чтоб он снова приступил ко Христу. А он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молвить, отрекся пред Никоном Христа, так уж, бедный, не может встать. Я, заплакав, благословил его, горюна: больше того нечего мне делать, то ведает с ним Бог.

После, продержав меня в Пафнутьеве на цепи десять недель, опять в Москву свезли, истомленного человека, посадив на старую лошадь; пристав сзади: побивай да побивай, когда лошадь и вверх ногами в грязь упадет, а я — (кувырком) через голову. И за один день промчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы.

Наутро ввели меня в Крестовую, и prospорили власти со мною долго, а потом привели в соборную церковь. По «Херувимской», в обедню, стригли и проклинали меня,^{139*} а я в ответ их, врагов Божиих, проклинал. После меня в ту же обедню и дьякона Феодора стригли и проклинали.^{140*} Мятежно сильно в обедню ту было.

И подержав на патриархове дворе, вывели меня ночью к Спальному крыльцу; голова досмотрел и послал в Тайницкие водяные ворота. Я чаял, в реку посадят — ан от Тайных дел шиш антихристов стоит, Дементий Башмаков,^{141*} дожидается меня. Стал мне говорить: «Протопоп, велел тебе государь сказать, „не бойся-де ты никого, надейся на меня“». И я ему поклонился, а сам говорю: «Челом, — говорю, — бью за его жалованье, какая он надежда мне! Надежда моя Христос!» Да и повели меня по мосту за реку. Я, идучи, говорю: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения»,^{142*} и прочее.

Потом полуголова Осип Салов^{143*} со стрельцами повез меня к Николе на Угрешу в монастырь. Посмотрю — ан впереди меня и дьякона тащат. Везли болотами, а не дорогою до монастыря и, привезя, в каморку студеную над ледником посадили. И других, дьякона и попа Никиту Суздальского,^{144*} в других

каморках посадили. Стрельцов человек с двадцать с полуголовою стояло. Я сидел семнадцать недель, а они, бедные, изнемогли и повинились, просидев пятнадцать недель. Так их в Москву взяли опять, а меня снова в Пафнутьев перевезли^{145*} и там в каморке, скованного, держали около года.

А как я на Угреше был, туда и царь приходил и смотрел около каморки, вздыхая, а ко мне не вошел; и дорогу было готовили, насыпали песку, да подумал-подумал, да и не вошел; полуголову взял и с ним кое о чем поговорил про меня да и поехал домой. Кажется, и жаль ему меня, да, видишь, Богу уж то надобно так.

После и Воротынский князь-Иван^{146*} в монастырь приезжал и просился ко мне, так не смели пустить; денег, бедный, громаду в листу бумаги подавал. И денег не приняли. После, когда в другое лето на Пафнутьеве подворье в Москве я скован сидел, так он ехал в карете нарочно мимо меня, и благословил я его, миленького. И все бояре-те добры до меня, да дьявол лих. Хованского князь-Ивана^{147*} и батогами за благочестие били в Верху; а дочь-ту мою духовную Федосью Морозову и совсем разорили, и сына ее Ивана Глебовича уморили, и сестру ее княгиню Евдокию Прокопьевну, тоже дочь мою духовную, с мужем и с детьми, бивши, развели. И ныне мучат всех,^{148*} не велят веровать в старого Сына Божия, Спаса Христа, но к новому богу, антихристу, зовут. Послушай их, кому охота жупела и огня, соединишь с ними в преисподний ад! Полно о том.

В Никольском же монастыре было мне в каморке в Вознесенев день Божие посещение; в царевом послании писано о том, там обрящешь.^{149*}

А когда меня свезли в Пафнутьев монастырь, тут келарь Никодим сперва до меня был добр в первый год, а в другой привоз ожесточал, горюн: задушил было меня, завалил и окошки, и дверь, и дыму некуда было идти. Тошнее мне было земляной тюрьмы: где сижу и ем, тут и брэнное всё — срание и сцание; проветрить откутают, да и опять задушат. Добрый человек, дворянин, друг, Иваном зовут, Богданович Камынин, вкладчик в монастыре, ко мне зашел, да на келаря покричал, и лубье и все без указа разломал, так мне с тех пор окошко стало и отдушна. Да что на него, келаря, дивиться! Все они обкурились табаком тем, что у газского митрополита шестьдесят пудов вынули

напоследок,^{150*} вместе с домрой, да иными запретными в монастыре вещами для потаенных игр. Согрешил, простите! Не мое то дело, то ведают они сами, своему владыке стоят или падают. То у них были законоучители и любимые риторы.

У того же Никодима-келаря на Велик день попросился я ради праздника отдохнуть, чтоб велел, двери отворя, посидеть. И он, меня разругав, отказал жестоко, как захотелось ему; потом, прийдя в келью, разболелся. И маслом соборовали, и причащали, — когда-никогда вздохнет. То было в понедельник светлый. В ночь же ту на вторник пришел ко мне с Тимофеем, келейником своим, тот келарь; идучи в темницу, говорит: «Блаженна обитель, блаженна и темница, таковых имеет в себе страдальцев! Блаженны и узы!» И пал предо мною, ухватился за цепь, говорит: «Прости, Господа ради, прости! Согрешил пред Богом и пред тобою, оскорбил тебя, и за это вразумил меня Бог». И я говорю: «Как наставил, скажи мне!» А он опять: «А ты-де сам, придя и покадив, меня пожаловал, поднял, что-де запираешься! Ризы-де на тебе светлоблистающие и зело красны были!»

А келейник его, тут же стоя, говорит: «Я, батюшка-государь, тебя под руку вел, из кельи провожая, и поклонился тебе». И я, уразумев, стал ему говорить, чтобы он другим не рассказывал про сие. Он же со мною советовался, как ему жить впредь по Христе: «Или-де мне велишь покинуть все и в пустыню пойти?» И я ему понаказывал и не велел ему келарства покидать, только хотя бы втайне старое благочестие держал. Он же, поклонясь, пошел к себе, а наутро за трапезою всей братии сказал. Люди же бесстрашно и дерзновенно ко мне побрели, благословения у меня прося и молитвы; а я их словом Божиим пользую и учу. В то время и враги кои были, и те тут примирились. Увы мне! Когда оставляю суетный сей век! Писано: «Горе, ему же рекут добре вси человецы».^{151*} Воистину, не знаю, как до края доживать. Добрых дел нет, а прославил Бог; да то ведает он — воля его!

Тут же приезжал и Феодор, покойник, с детьми ко мне побывать^{152*} и советовался со мною, как ему жить: «В рубашке ль-де ходить или платье вздеть?»^{153*} Еретики-де ищут меня. Был-де я в Рязани, у архиепископа Лариона^{154*} скован сидел, и зело-де жестоко мучили меня; редкий день без побоев плетью пройдет; а нудили-де к причастью своему; и я-де уже изнемог и

не ведаю, что делать. В ночи в горести великой молился я Христу, чтобы меня избавил от них, и всяко много докучал ему. И вот-де цепь вдруг грянула с меня, и двери-де отворились. Я-де Богу поклонился и побрел из палаты вон. К воротам пришел, — ан и ворота отворены! Я-де и пошел путем. К свету-де уж далекомько дорогою бреду. А тут двое на лошадях погонюю за мною бегут. Я-де-таки подле края дороги бреду: они-де и пробежали мимо меня. А вот-де стало рассветать, — едут навстречу мне назад, а сами меня бранят: „Ушел-де, блядин сын! Где-де его возьмешь?“ Да и опять-де проехали, не видали меня. Я-де помаленьку и в Москву прибрел. Как ныне мне велишь: туда ль-де снова мучиться идти или-де здесь таиться от них? Как бы-де Бога не прогневить».

Я, подумав, велел ему платье носить и посреди людей, таяся, жить.

Однако не утаил, нашел дьявол и в платье, и велел удавить. Миленький мой, храбрый воин Христов был! Зело в нем вера и ревность тепла ко Христу была; не видал другого я такого подвижника и слезоточца. Поклонов тысячу откладет да сядет на полу и плачет часа два или три. Жил со мною лето в одной избе; бывало, покою не даст. Мне еще немоглось в то время; в комнатке двое нас; не больше трех часов полежит да и встанет на правило. Я лежу или сплю, а он, молясь и плача, приступит ко мне и станет говорить: «Как тебе сором нет? Ведь ты протопоп. Тебе подобало бы нас понуждать, а ты и сам ленив!» Да и раскачает меня. Он кланяется за меня, а я сидя молитвы говорю: спина у меня болела гораздо. Он и сам, миленький, болен был: кишок из него вышло три аршина, а в другой раз — пять аршин, от тяготы зимней и от побоев. Бродил он в одной рубашке и босиком в Устюге годов с пять, зело великие страдания терпел от мороза и от побоев. Сказывал мне: «Ногами-теми, что коченьями мерзлыми, по каменью-тому-де бью, а как-де в тепло войду, зело-де рвет и болит, как-де сперва начал странствовать; но вот-де легче да легче, да и не стало болеть». Отец у него в Новгороде, богат гораздо, сказывал мне, — мытои-мец-де, тоже Феодором зовут; а он уроженец мезенский, и баба у него, и дядя, и вся родня на Мезени. Бог изволил, и удавили его на виселице отступники у родни на Мезени.^{155*}

А юродствовать-то как обещался Богу, да солгал, так-де морем ездил на ладье к городу с Мезени, «и непогодною било нас,

и, не ведаю-де как, упал в море, а ногами зацепился за петлю и долго висел: голова в воде, а ноги вверх; и на ум-де взбрело обещание, что не солгу, если от потопления меня Бог избавит. И не ведаю-де, кто, силен, выпихнул меня из воды на палубу. С тех-де пор стал странствовать».

Домой приехав, стал он жить как девственник, Бог изволил. Многие борьбы блудные бывали, да всяко сохранил его Владыка. Слава Богу о нем, и умер за христианскую веру! Добро, он уже свершил свой подвиг. Как-то еще мы до пристанища доедем? В открытом море еще плывем, берега не видать, грести надобно прилежно, чтобы благополучно вслед за друзьями пристанища достигнуть. Старец, не станем много спать: дьявол около темниц наших бодро zelo ходит, хочется ему нас гораздо! Да силен Христос и нас не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа, своего Творца, и Создателя, и Владыки. А дьявол — какая диковина, чего его бояться! Бояться подобает Бога и заповеди его соблюдать, так и мы со Христом ладно до пристанища доедем.

И Афанасий-юродивый тоже стойко житье свое проходил, покойник, тоже был сын мне духовный, во иноках Авраамий;^{156*} ревнитель же о Христе и сей был гораздо, но нравом Феодора смиреннее. Также слез река от очей его истекала, так же бос и в одной рубашке ходил зиму и лето и тоже много терпел от дождя и стужи. Постригшись, жил он в пустыни, да отступники и его, много мучив, сожгли на костре в Москве на Болоте.^{157*} Пусть так, испекли хлеб сладок святой Троице. Павел Крутицкий за бороду его драл и по щекам бил своими руками, а он тихо Писанием обличал их отступление. После и плетью его били и, муча всячески, жгли в огне за старую нашу христианскую веру, и он скончался о Христе Иисусе, после Феодорова удавления спустя два года.

И Лука Лаврентьевич — тоже сын мне духовный, что на Мезени вместе с Феодором те же отступники удавили, на виселице повесив, — смирен нрав имел, покойник, говорил, как плакал, москвитин родом, у матери-вдовы сын был единородный, сапожник ремеслом, молод годами, лет двадцати пяти, да ум столетен. Когда спросил его Пилат: «Как ты, мужик, крестишься?», так он ответил: «Как батюшка мой протопоп Аввакум, так и я крещусь». И после долгих с ним разговоров, отдал его он в темницу. Потом из Москвы приказали удавить его,

так же, как и Феодора, на виселице повесив; он и скончался о Христе Иисусе.

Милые мои, сердечные друзья, помогайте и нам, бедным, молитвами своими, чтобы и нам о Христе подвиг сей мирно довершить.

Полно мне про детей тех говорить, стану снова про себя сказывать.

Когда из Пафнутьева монастыря привезли меня в Москву^{158*} и на подворьи поместили, тогда многожды водили меня в Чудов, и грызлись, что собаки, со мною власти.^{159*} Потом привели меня пред вселенских патриархов, и наши все тут же сидят, что лисы.^{160*} Много я от Писания говорил с патриархами: Бог отверз уста мои грешные, и посрамил их Христос устами моими. Последнее слово со мною говорили: «Что-де ты упряма, Аввакум? Вся-де наша Палестина, и сербы, и албанцы, и венгры, и римляне, и ляхи, все-де тремя перстами крестятся, один-де ты стоишь в своем упорстве и крестишься пятью перстами! Так-де не подобает».

И я им так о Христе отвечал: «Вселенские учителя! Рим давно пал и лежит не поднимаясь, и ляхи вместе с ним погибли, до конца стали врагами христианам. А и у вас православие пестро стало от насилия турецкого Магмета,^{161*} да и дивиться на вас нельзя, немощны вы стали. Впредь приезжайте к нам учиться: у нас, Божией благодатью, самодержавство. До Никона-отступника у наших князей и царей все было православие чисто и непорочно, и Церковь была покойна. Никон-волк со дьяволом постановили тремя перстами креститься. А первые наши пастыри как сами пятью перстами крестились, так пятью перстами и благословляли по завету святых отцов наших, Мелетия Антиохийского и Феодорита Блаженного, Петра Дамаскина и Максима Грека.^{162*} Еще же и московский поместный собор, бывший при царе Иване,^{163*} так же слагать персты и креститься и благословлять повелевает, как и прежние святые отцы, Мелетий и прочие, научили. Тогда, при царе Иване, на соборе были знаменосцы: Гурий, Смоленский епископ, и Варсонофий Тверской, что стали Казанские чудотворцы,^{164*} и Филипп, Соловецкий игумен, митрополит Московский,^{165*} и иные от святых русских».

И патриархи, выслушав, задумались. А наши, что волчонки, вскочив, завыли и блевать стали на отцов своих, говоря: «Глу-

пы-де были и не смыслили наши святые, неученные люди были и грамоте не умели, — что-де им верить!»

О, Боже святой! Как претерпел ты святых своих такое поношение! Мне, бедному, горько, а делать нечего стало; побранил их, сколько мог, и последнее изрек слово: «Чист я и прах, прилипший к ногам своим, отрясаю пред вами, по писанному: «Лучше един, творящий волю Божию, нежели тьмы беззаконных!»^{166*} Так на меня и пуще закричали: «Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!», да толкать и бить меня стали. И патриархи сами на меня бросились грудю, человек их с сорок, думаю, было; все кричат, что татары. Ухватил дьяк Иван Уаров^{167*} да и потащил меня. И я закричал: «Постой, не бейте!» Так они все отскочили.

И я толмачу архимандриту Денису^{168*} стал говорить: «Говори, Денис, патриархам — апостол Павел пишет: „Таков нам подобает архиерей: преподобен, незлобив“,^{169*} и прочее. А вы, убивши человека неповинна, как литургисать станете?» Так они сели. И я, отойдя к дверям, да на бок повалился, а сам говорю: «Посидите вы, а я полежу». Так они смеются: «Дурак-де протопоп-от, и патриархов не почитает». А я говорю: «Мы юроды Христа ради! Вы славны, мы же бесчестны! Вы сильны, мы же немощны!»^{170*}

Потом снова ко мне пришли власти и про «аллилуия» стали говорить со мною. И мне Христос подал: Дионисием Ареопагитом римскую ту ересь посрамил в них. И Евфимий, чудовский келарь,^{171*} молвил: «Прав-де ты, нечего-де нам больше говорить с тобою». И повели меня на цепь.

Потом полуголову царь прислал со стрельцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — и священника Лазаря,^{172*} и старца Епифания,^{173*} поруганы и расстрижены, как и я был прежде. Поставили нас по разным дворам. Неотступно двадцать человек стрельцов, да полуголова, да сотник над нами стояли: берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провозжали. Помилуй их Христос! И впрямь добрые стрельцы те люди, и дети таковы не будут, — мучатся туда же, с нами возясь. Нужда-то какова случится, так они всячески, миленькие, радеют. Да что много рассуждать, у Спаса они лучше чернецов тех, которые клобуки-те рогатые поставцами-теми носят.^{174*} Больно сильно они, горюны, допьяна напиваются

да матерно бранятся, а то бы они и с мучениками равны были. Да что же делать, и так их не покинет Бог.

Потом нас перевезли на Андреевское подворье.^{175*} Тут приезжал ко мне шпынять из Тайных дел Дементей Башмаков; будто без царева ведома был, а после будучи у меня, сказал — по цареву велению был. Всяко, бедные, умышляют, как бы им меня прельстить, да Бог не выдаст по молитвам пречистой Богородицы, она меня, помощница, обороняет от них.

А на Воробьевых горах дьяк конюший Тимофей Марков^{176*} от царя был прислан и у всех был, — много кое-чего наговорив, с криком разошлись и с большой бранью. Я после него написал послание^{177*} и с сотником Иваном Лобковым к царю послал: кое о чем многонько поговорил и благословение ему и царице и детям приписал.

Держали меня на Воробьевых горах, и на Андреевском подворье, и в Саввиной слободке,^{178*} а после к Николе на Угрешу перевезли. Тут голову Юрья Лутохина^{179*} ко мне опять царь присылал и за послание «спаси Бог» с поклоном большое сказал и, благословения себе с царицей и детям прося, молиться о себе приказал.

Затем опять нас в Москву привезли, на Никольское подворье, и взяли о правоверии новые сказки у нас.^{180*} Потом многаяжды ко мне присылаваны были Артемон и Дементий,^{181*} ближние его, и передавали царские слова. «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, прошу-де благословения твоего с царицею и детьми, помолись о нас», — кланяючись посланник говорит. Да я и ныне по нему тужу, сильно мне его жаль. И снова он же: «Пожалуй-де, послушай меня, соединишь со вселенскими теми хотя чем небольшим!» И я говорю: «Хоть мне и умереть — с отступниками не соединюсь! Ты, говорю, царь мой, а им какое дело до тебя? Потеряли, говорю, своего царя латынщики безверием своим, да и тебя сюда приехали проглотить! Не сведу рук с высоты, покуда не отдаст тебя мне Бог!»

И много тех присылок было. Говорено кое о чем немало, — день Судный покажет. Последнее слово изрек: «Где ты ни будешь, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешный, сколько могу, молюсь о нем. Хоть и мучит меня, но ведь то царь; бывало время, и впрямь добр до нас бывал. До Никона-злодея, прежде мору, к Казанской придя, у руки мы были, яйцами нас

одеял, — и сын мой Иван, малёнок еще был, не оказался подле меня, а он, государь, знает хорошо его, послал брата моего родного разыскивать ребенка, а сам долго, стоя, ждал, покамест брат на улице ребенка не сыскал. Руку ему дает целовать, а ребенок глуп, не понимает, видит, что не поп, так не хочет целовать. И государь сам руку к губам ребенку поднес, два яйца ему дал и погладил по голове. Да, и сие нам надобно не забывать, не от царя нам мука сия, но по грехам нашим от Бога дьяволу попущено мучить нас, чтобы, принявши искусы ныне, вечного искушения избегли. Слава Богу за все!

Потом, братию, Лазаря и старца, казнив, вырезав им языки, а меня и Никифора-протопопа^{182*} не казнив, сослали нас в Пустозерье.^{183*} А двоих сынов моих, Ивана и Прокопья, оставили в Москве на поруки; и они, бедные, мучились года с три, уклоняясь от смерти по властительскому навету, где день, где ночь, — никто держать (у себя) не смеет, — и кое-как на Мезень к матери прибрели. Не пожили и с год — ан и в землю попали.^{184*} Да пускай так, лучше пустые бродни, чем по улицам бродить. Я беспрестанно Бога о том молю: «Господи, хотим ли мы или не хотим, спаси нас!» И Господь творит свой промысл о нашем спасении помаленьку; только надо потерпеть — пригодится когда-нибудь, тогда слюбится, как время придет.

Я же из Пустозерья послал к царю два послания,^{185*} — одно невелико, а другое больше: говорил кое о чем ему много. В послании ему сказал и о Божьих знамениях, показанных мне не в одно время, — читавший да разумеет. А еще от меня и от братии дьяконово снискание послано в Москву, правоверным гостинец — книга «Ответ православных»,^{186*} и от Лазаря-священника два послания: царю и патриарху.^{187*}

И за все сие присланы к нам гостинцы: повесили в дому моем на Мезени на виселице двух человек, детей моих духовных: Феодора, преждепомянутого юродивого, да Луку Лаврентьевича^{188*} — рабы Христовы, светы мои, были. И сынов моих двоих Ивана и Прокопья тоже велено повесить. Да они, бедные, испугавшись смерти, повинились: «Виноваты пред Богом и пред великим государем», а неведомо, в чем виноваты. Так их вместе с матерью троих закопали в землю — и правильно сделали, спаси Бог! Того ради, ребята: не бойтесь смерти, держите старое благочестие крепко и непогрешимо! А мать за то сидит с ними, чтоб впредь детей подкрепляла Христа ради

умирать и жила бы, не развешивая ушей. А то баба, бывало, нищих кормит, сторонних научает, как слагать персты и креститься и творить молитву, а детей своих и забыла подкрепить, чтоб на виселицу пошли и с доброю дружиной заодно умерли Христа ради.

Ну да Бог вас простит, не дивно, что так сделали, и Петр-апостол некогда убоялся смерти и от Христа отрекся, но о сем плакался горько,^{189*} и после того помилован и прощен был. А и я о вас когда молился крепко, увидел вашу пред собою темницу и вас троих на молитве стоящих в вашей темнице, а от вас три столпа огненные к небесам стоят простерты. Я с тех пор обрадовался, и легче мне стало, что покаяние ваше принял Бог. Слава за это Богу!

Потом тот же Пилат, полуголова Иван Елагин,^{190*} был у нас в Пустозерье и взял у нас сказку,^{191*} сказано так: год и месяц, и еще: «Мы святых отцов предание держим неизменно, а Паисия, Александрийского патриарха, с товарищами еретическое соборище проклинаем»; и другое там говорено многонько, и Никону-еретику досталось.

После того привели нас к плахе и прочитали указ: «Велел-де государь и бояре приговорили: тебе, Аввакуму, вместо смертной казни устроить сруб в земле и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим (твоим) товарищам резать без милости языки и сечь руки». И я, плюнув на землю, говорил: «Я, говорю, плюю на его кормлю, без еды умру, а не предам благоверия». И после этого повели меня в темницу, и не ел дней с десятков, да братья велели.

Затем священника Лазаря взяли и вырезали ему язык из гортани; кровь попошла да и перестала; он в то время и без языка снова говорить стал. Потом, положив правую руку его на плаху, по запястье отсекали ее, и рука отсеченная, лежа на земле, сложила сама по обычаю персты и долго лежала пред народом, исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третий день у Лазаря во рту рукою моею гладил — ан гладко, языка нет, а не болит, дал Бог; а говорит, как и прежде. Смеется надо мною: «Щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось не откушу!» И смех с ним, и горе! Я говорю: «Чего щупать, на улице язык бросили». И он на то: «Собаки они, вражьи дети! Пускай мои едят языки!» Первые у него и

у старца в Москве легче резаны были, а ныне тяжело гораздо. А через два года и опять другой язык вырос, чудно, с первый же величиною, лишь маленько тупёнок.

Потом взяли соловецкого пустынника старца Епифания; он же молил Пилата слезно и зело умильно, чтобы повелел отсечь ему голову с плеч, ради веры и исполнения закона. Пилат же сказал ему в ответ: «Батюшка, тебя упокоить, а самому куда мне деться? Не смею, государь, так сделать». И не послушал полуголова старцева моления, не отсек головы его, но повелел язык его весь тоже вырезать.

Старец же, перекрестив лицо свое, сказал, на небо взирая: «Господи, не оставь меня грешного!», и вытянув своими руками язык свой, положил палачу на нож, чтобы не милоя его резал. Палач же, дрожа и трясясь, насилу выколупал ножом язык из горла, ибо ужас охватил его и стал он дрожать.^{192*} Жалея старца, хотел палач его руку по суставам резать, чтоб зажило потом скорее; старец же, ища себе смерти, поперек костей велел отсечь, и отсекли четыре перста. Сперва говорил он гугниво. Потом молил пречистую Богоматерь, и показаны ему были оба языка, московский и пустозерский, на воздухе; он же один взял и положил его в рот свой; и с тех пор стал говорить чисто и ясно, и язык целый оказался во рту.

Потом взяли дьякона Феодора и тоже язык весь вырезали, остался кусочек в горле малёнок, наискось отрезан, не из милости, а потому, что руки не послужили, — от дрожи и тряски нож из рук валился. Тогда в той мере и зажил, а после и снова с прежний вырос, лишь маленько тупёнок. Во знамение Бог так устроил, чтобы понятно было не верящим, что был отрезан. Мы, верующие, и без знамения верим старому Христу Иисусу, Сыну Божию, свету, и врученное нам от святых отцов старобытное предание в Церкви держим неизменно; а кому еще не сполна понятно, тот смотри на знамение и подкрепляйся.

У него же, у дьякона, отсекали и руку поперек ладони, и всё, дал Бог, здорово стало; по-прежнему говорит ясно и чисто. И у него тоже в другой раз язык был резан, в Москве меньше нынешнего резано было. Пускай никониане, бедные, кровью нашу питаются, будто мед испивая!

Потом засыпали нас землею: сруб в земле, и еще вокруг каждого другой сруб, и еще вокруг всех общая ограда за четырьмя

замками; стражей же десятеро с человеком стерегут темницу.^{193*}

Мы же здесь, и на Мезени, и повсюду сидящие в темницах, поем пред Владыкою Христом, Сыном Божиим, Песнь Песней, что Соломон воспел, смотря на мать Вирсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучей; и вся ты в красоте сияешь, яко день в силе своей! Аминь».^{194*} Хвала Церкви.

Засим, у всякого правоверного прощения прошу. Иное бы, кажется, и не надобно было говорить, да прочел Деяния апостольские и Послания Павла, — апостолы о себе возвещали же, когда что Бог соделает в них. Не нам, Богу нашему слава! А я — ничто. Сказал и еще скажу: аз есмь грешник, блудник и хищник, друг мытарям и грешникам и предо всяким человеком окаянный лицемер. Простите же и молитесь о мне, а я — о вас, читающих сие и слушающих. Неученый я человек и несмыслён гораздо, по-другому жить не умею, что творю, то людям и сказываю; пускай Богу молятся обо мне. В день кончины века узнают же все о содеянном мною, добро то или зло. Но хоть и неучен я словом, но не разумом; неучен диалектике, и риторике, и философии, а разум Христов в себе имею, как и апостол глаголет: «Хоть я и невежда словом, но не разумом».^{195*}

Еще вам про невежество свое скажу. Сглупил я, отца своего (духовного) заповедь преступил, и за то дом мой наказан был. Внимай, Бога ради, и молись о мне.

Когда еще я был попом, духовник царев Стефан Вонифантьевич благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою Ефрема Сирина,^{196*} — себя пользоваться, читая, и людей. А я, окаянный, оставив без внимания благословение отеческое и наказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке его, на лошадь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимий, зело грамоте был горазд и к церкви великое прилежание имел, напоследок взят был к большой царевне в Верх,^{197*} а в мор вместе с женою преставился. Сей Евфимий лошадь сию поил и кормил и гораздо об ней пекся, пренебрегая и правилом многажды.

И Бог, видя в нас с братом неправду, что нехорошо поступаем: я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило позабыв, о скотине печется, — изволил нас Владыка так наказать. Лошадь ту по ночам и в дневное время в конюшне стали бесы мучить: всегда заезжена, мокра и еле стала жива. Я недоумеваю, по какой причине бес изводит нас так. И в день воскресный после ужина, в келейном правиле на полунощнице, брат мой Евфимий читал кафизму «Непорочную»^{198*} и завопил высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!»^{199*} и, выпустив книгу из рук, ударился оземь, от бесов поражен, начал истошно кричать и вопить, понеже бесы жестоко мучили его.

В дому же моем другие родные два брата, Козьма и Герасим, больше его, а не смогли его держать. И все домашние, человек с тридцать, держат его, плачут пред Христом и, молясь, кричат: «Господи, помилуй! Согрешили пред тобою, прогневали Благость твою! По молитвам святых отцов наших помилуй юношу сего!» А он пуще бесится, и бьется, и кричит, и дрожит.

Я же, с помощью Божией, в то время не смешался от той сумятицы бесовской, — окончив правило обычное, снова начал Христу и Богородице молиться со слезами, глаголя: «Всегосподственная госпожа Владычица моя пресвятая Богородица! Покажи мне, за которое мое согрешение таковое мне наказание, дабы уразумев и раскаявшись пред Сыном твоим и пред тобою, впредь того не стал бы я делать!» И плача послал в церковь за Потребником и за святой водою сына моего духовного Симеона, юношу лет четырнадцати, таков же, что и Евфимий; дружно меж собою жили Симеон с Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляя и радуясь, подвизаясь крепко в посте и молитве.

И тот Симеон, по друге своем плача, сходил в церковь и принес книгу и святую воду. И начал я творить над обуреваемым молитвы Василия Великого. Тот же Симеон мне кадило и свечи подносил и воду святую, а другие беснующегося держали. И когда в молитве дошло до слов: «Аз тебе именем Господним повелеваю, дух немой и глухой, изыди от создания сего и впредь не входи в него, но иди на пустое место, где человек не живет, но только Бог призывает»,^{199a*} бес же не слушает, не идет из брата. И я

снова те же слова в другой раз, а бес снова не слушает, пуще мучит брата.

Ох, горе, как *вымолвить!* И *стыжусь*, и не смею! Но по повелению старца Епифания говорю, раз уж о том он приказал написать. Так было: взял я кадило и покадил образа и бесноватого, и потом ударился о лавку и рыдал долго. Поднявшись, в третий раз те же Васильевы слова закричал к бесу: «Изыди от создания сего!» Бес же скорчил в кольцо брата и, понатужившись, вышел и сел на окошко. Брат же сделался как мертвый.

И я покропил его святой водою, а он, очнувшись, перстом мне на окошко, на беса сидящего, указывает, а сам не говорит, связался язык его. И я покропил водою окошко — и бес сошел в придверный угол. Брат же снова за ним перстом указывает. Я и там покропил водою — и бес оттуда пошел на печь. Брат же и там его показывает — а я и там той же водою. Брат указал под печь, а сам перекрестился. И я не пошел за бесом, но напоил брата во имя Господне святой водою.

И он, вздохнув из глубины сердца, так мне проглаголал: «Спаси Бог тебя, батюшка, что ты меня отнял у царевича и у двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и мальчику тому спаси Бог, который ходил в церковь по книгу и по воду ту святую, пособлял тебе с ними биться, обличьем он что и Симеон, друг мой. Подле реки Сундовика^{200*} меня водили и били, а сами говорят: „Нам-де ты отдан за то, что брат твой на лошадь променял книгу, а ты ее любишь“; так-де мне надобно сказать Аввакуму-брату, чтоб книгу ту назад взял, а за нее бы дал деньги двоюродному брату».

И я ему говорю: «Я, говорю, свет, брат твой Аввакум!» А он отвечал: «Какой ты мне брат! Ты мне батька! Отнял ты меня у царевича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет, будет тебе бить челом». Вот ведь, в избе вместе с нами на Лопатищах, а кажется ему — подле реки Сундовика. А Сундовик верст с пятнадцать от нас под Мурашкином да под Лысковом течет. И я еще ему дал святой воды. Он же и сосуд у меня отнимает и съесть его хочет: сладка ему вода! Кончилась вода, я ополоснул (сосуд) и давать стал, — он и не стал пить.

Ночь всю зимнюю с ним я простряпал; маленько полежал с ним и пошел в церковь заутреню петь. А без меня снова бесы на него напали, но легче прежнего. Я же, придя из церкви,

освятил его маслом, и опять бесы ушли, и умом здрав стал, но ослабел, бесами изломан. На печь поглядывает и страшится. Когда же я куда отлучусь, тут бесы и досаждают ему станут. Бился я с бесами, что с собаками, недели с три за грех мой, покуда книгу не взял и деньги за нее не отдал. И ездил я к другу своему Иллариону-игумену,^{201*} он просвиру вынул за брата, тогда хорошо жил, что ныне архиепископ Рязанский, мучитель стал христианский. И другим друзьям духовным бил я челом о брате. И умолили о нас Бога.

Таково-то зло преступление заповеди отеческой! Что же будет за преступление заповеди Господней? Ох-да только огонь да мука! Не знаю, как коротать дни, слабоумием объят, и лицемерием, и ложью покрыт, братоненавидением и самолюбием одет, во осуждении всех людей погибаю. Мню себя чем-то быть, а сам есть кал и гной, окаянный, прямое говно, отовсюду воняю — и душою, и телом. Хорошо мне жить с собаками и со свиньями в конурах, так же и они воняют. Да псы и свиньи — по естеству, а я — вопреки естеству, от грехов воняю, как пес мертвый, валяющийся на городской улице. Спаси Бог властей тех, что землю меня закрыли! Себе уж воняю, злые дела творя, да других не соблазняю. Ей, добро так!

Да и в темницу ко мне бешеный зашел, Кириллушкой звали, московский стрелец, караульщик мой. Остриг я его и платье переменил, — зело вшей было много. Замкнуты, двое нас с ним, живем, да Христос с нами и пречистая Богородица. Он, миленький, бывало, сцят под себя и серет, а я его очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет, — дьявол сон ему наводит, — а я четками постегаяю, так и молитву творить станет и кланяется, за мною стоя. А когда правило закончу, он и снова бесноваться станет. При мне беснуется и шалует, а когда пойду к старцу посидеть в его темницу, а Кирилла положу на лавке и не велю вставать ему и благословлю его, так покамест у старца сижу, лежит и не встанет, по молитвам старцевым, Богом привязан, лежа беснуется. А в головах у него образа, и книги, и хлеб, и квас, и прочее, а ничего без меня не тронет. Как приду, так встанет, и дьявол, мне досаждая, блудить заставляет. Я закричу, так и сядет. Когда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а когда перед обедом «Отче наш» проговорю и еду благословлю, так того брашна и не ест, неблагословенного

просит. И я ему напихаю насильно в рот, так и плачет, и глотает. А как рыбою покормлю, так бес в нем взбунтуется, а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плача пред Владыкою, опять свяжу его постом и укрошу Христом. Потом маслом его освятил, и бес отпустил его.

Жил он со мною с месяц и больше. Перед смертью образумился. Я исповедал его и причастил, он же после того и преставился. Я гроб и саван купил и велел у церкви погребсти его, и сорокоуст по нем дал. Лежал у меня мертвый сутки в тюрьме. Я, ночью встав, Бога помолю и его, мертвого, благословлю и поцелуюсь с ним, и опять лягу подле него спать. Товарищ мой, миленький, был. Слава Богу о сем! Нынче он, а завтра я так же умру.

Да еще был у меня в Москве бешеный, Филиппом звали, как я из Сибири приехал, в углу в избе прикован к стене, понеже в нем бес был суров и жесток. Бился он и дрался, и не могли домашние сладить с ним. Когда же я, грешный, с крестом и с водою приду, в повиновение приходит и замертво падает пред крестом, и ничего не смеет делать со мною. И молитвами святых отцов сила Божия отогнала беса от него; но только ум был еще несовершенно. Феодор-юродивый был приставлен к нему, что на Мезени отступники удавили веры ради старой во Христа, — Псалтырь над Филиппом говорил и учил его молитву говорить. А я сам днем отлучался из дома своего, только ночью занимался с ним.

Как-то раз пришел я от Федора Ртищева зело печален, понеже с еретиками бранился и шумел в дому его о вере и о законе.^{202*} А в моем дому в то время учинилось нестроение: протопопица с домочадицею Фетиньею побранились, дьявол ссорил не из-за чего. И я, придя, не утерпев, стал бить их обеих и огорчил их гораздо в печали своей. Да и всегда-таки я, окаянный, когда рассержусь, драться лихой. Горе мне за сие, согрешил пред Богом и пред ними.

Тут-то бес в Филиппе озверел, и стал он кричать и вопить и цепь ломать, бесясь. На всех домашних ужас напал, и переполох был зело велик. Я же, без покаяния, приступил к нему, хочу его укротить. Но вышло не по-прежнему: ухватил он меня и стал бить и драть. И всячески, будто паутину, терзает меня, а сам говорит: «Попап ты мне в руки!» Я только молитву говорю, да без дел и молитва не пользует никак. Домашние не мо-

гут отнять, а я и сам ему отдался: вижу, что согрешил, пускай меня бьет.

Но чуден Господь! Бьет, а ничего не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мне зело горько стало: бес, говорю, надо мною волю взял. Полежал маленько, собрался с совестью, вставши, жену свою сыскал и пред нею стал просить прощения. А сам ей, кланяясь в землю, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна, прости меня грешного!» Она мне тоже кланяется. После того и у Фетиньи таким же образом просил прощения. Потом среди горницы лег и велел каждому человеку бить меня, по пяти ударов плетью по окаянной спине; человек было десяток-другой, и жена, и дети, стегали за епитимью. И плачут, бедные, и бьют, а я говорю: «Если кто меня не бьет, тот да не получит со мною общей участи и жребия в будущем веке». И они, и не хотя, бьют, а я ко всякому удару по молитве Исусовой говорю.

Когда же отбили все, я, поднявшись, прощение у них испросил. Бес же, видя неминуемую, опять из Филиппа вышел вон. Я крестом Филиппа благословил, и он по-старому хорош стал, и после того Божией благодатью и исцелился о Христе Исусе, Господе нашем, которому слава со Отцом и со Святым Духом ныне и присно и во веки веком.

А когда я еще в Сибири в Тобольске был, туда еще везли, привели ко мне бешеного, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблюдил в Велик день,^{203*} праздник поругав, да и взбесился, жена его сказывала. И я в дому своем держал его месяца с два, докучал об нем Божеству, в церковь водил и маслом освятил, — и помиловал Бог: здрав стал и умом исцелился.

И стал он со мною на крылосе петь, а грамоте не учен, и посадил мне в литургию во время переноса. Я же его в то время, на крылосе побив, в притворе пономарю велел к стене приковать. А он, выломав пробой, взбесился и пуще прежнего; и уйдя к большому воеводе^{204*} на двор, людей разогнал и, сундук разломав, платье княгинино на себя вздел — и вверху у них празднует, будто добрый человек. Князь же, из церкви придя и осердясь, велел многими людьми в тюрьму его оттащить. А он в тюрьме узников, бедных, перебил и печь разломал. И князь велел его в село к своим отослать, где он живал. Он же, ходя по деревням, пакости многие творил. Все бегают от него, а мне его воеводы не дают, осердясь.

Я по нем пред Владыкою всякий день плакал: Бог было исцелил, да я сам погубил. Потом пришла грамота с Москвы: велено меня на Лену из Тобольска сослать.^{205*} Когда я на реку в Петров день в дощаник собрался, пришел ко мне бешеный мой Феодор целоумен; в дощанике при народе кланяется мне в ноги, а сам говорит: «Спаси Бог, батюшка, за милость твою, что пожаловал, помиловал меня. Бежал-де я в безлюдном месте третьего дня, а ты-де мне явился и благословил меня крестом; бесы-де и отбежали от меня. И я-де и ныне, придя, снова у тебя молитвы и благословения прошу». Я же, окаянный, поплакал, глядя на него, и возрадовался о величии Бога моего, понеже обо всех печется и никого не оставляет без своего промысла Господь: его исцелил, а меня возвеселил. И поучив его и благословив, отпустил его домой к жене. А сам поплыл в ссылку, моля о нем света-Христа, да сохранит его от злого духа впредь. Богу нашему слава!

Простите меня, старец с рабом тем Христовым: вы меня понудили об этом говорить.

Однако уж развякался, — еще вам поведаю историю. Еще я в попах был, там же, где брата бесы мучили, была у меня в дому молодая вдова, давно уж, и имя ей забыл, помнится, как бы не Евфимьей звали, — ходит и стряпает, все делает хорошо. Как станем вечером правило начинать, так ее бес ударит о землю, омертвевает вся и как камень станет, кажется, и не дышит; растянет ее на полу, и руки, и ноги, лежит как мертвая. Я, «О, всепетую»^{206*} проговорив, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы Великого Василия в то время говорю, так голова под крестом свободна станет, баба и заговорит. А руки, и ноги, и тело еще каменные. Я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я так же по другой — и другая освободится так же; я и по животу — так баба и сядет. Ноги еще каменны, не смею там гладить крестом. Думаю-думаю, да и ноги поглажу — баба и вся свободна станет; поднявшись, Богу помолясь, да и мне — челом. Прокуда-таки — бес или что другое — в ней был, много времени так в ней играл. Маслом я ее освятил, так он и вовсе отошел, — исцелилась, дал Бог.

А раз два Василия бешеных были у меня прикованы, дивно и говорить про них.

А еще сказать ли, старец, тебе историю? С соблазном, кажется, да уж сказать — не пособить. В Тобольске была девица

у меня, Анною звали, как вперед еще ехал, малёнька из полону от кумыков привезена, девство свое непорочно соблюла. В совершенном возрасте отпустил ее хозяин ко мне; зело праведно и богоугодно жила. Позавидовал дьявол добродетели ее, навел на нее печаль о Елизаре, о первом хозяине ее. И стала она плакать по нем, потом и правило презирать, и мне стала во всем перечить, а дочь мне духовная. Многожды во время правила и не молясь простоит, дремлет, прижав руки. Благоискусный же Бог, наставляя ее, попустил бесу войти в нее: стоит с леностью во время правила да вдруг взбесится. Я же, грешный, жалея ее, бывало крестом благословлю и водою покроплю, бес и отступит от нее. И так было многожды.

Однажды в правило, задремав, повалилась она на лавку и уснула. И не пробуждалась три дня и три ночи: когда-никогда вздохнет. Я же время от времени кажу ее, думаю, умрет. В четвертый же день встала и, севши, плачет. Есть дают — не ест и не говорит. Того же дня вечером, проговорив правило и отпустив всех, во тьме начал я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступив ко мне, пала и поклонилась до земли. Я же от нее отошел за стол, боясь искушения дьявольского, и сел на лавку, молитвы говоря. А она, к столу приступив, говорит: «Послушай, государь, велено тебе сказать». Я и слушать стал. Она же, плача, говорит: «Когда-де я, батюшка, на лавку повалилась, приблизились ко мне два ангела и взяли меня и повели зело тесным путем. На левой стороне слышала я плач с рыданием и голоса жалостные. Потом-де привели меня в светлое место: жилища и палаты стоят. И одна палата всех больше и ярче всех сияет красно. Ввели-де меня в нее, а в ней-де стоят столы, а на них послано бело и блюда с яствами стоят. В конце-де стола древо развесистое повевавет ветвями, прекрасное, а из него — птичьи голоса зело умильные, не могу про них и рассказать ныне. Потом-де меня вывели из палаты; идучи, спрашивают: „Знаешь ли, чья палата сия?“ И я-де отвечала: „Не знаю, пустите меня в нее“. А они мне на это отвечали: „Отца твоего Аввакума палата сия. Слушай его, так-де и ты будешь с ним. Крестись, так персты слагая, и кланяйся Богу, как тебе он наказывает. А не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где слышала плач тот. Скажи же отцу своему, мы не бесы, мы ангелы, смотри — у нас и папарты“. И я-де, батюшка, смотрела: бело у ушей-то их».

После того, испросив прощения, стала она благочинно по-прежнему жить. Потом из Тобольска сослали меня в Даурию, и я у сына духовного оставил ее тут. А дьявол опять сделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. Когда услышала, что я еду назад, отпросясь у мужа, постриглась за месяц до меня.

А когда замужем была, временами бес мучил ее. Когда же в Тобольск я приехал, пришла она ко мне и ребятишек двоих положила передо мной, каяся, плачет и рыдает. Я же перед людьми кричу на нее. Потом к обедне за мною в церковь пришла, и во время переноса напал на нее бес: начала кричать кукушкою и собакою и козою блекотать. Я же, сжалившись, покинув петь «Херувимскую», взял крест из алтаря и на беса закричал: «Запрещаю тебе именем Господним! Изыди из нее и впредь не входи в нее!» Бес и оставил ее. Она же припала ко мне за ту же вину. И я ее простил и крестом благословил, и стала она здорова душой и телом. Потом и на Русь я вывез ее. Имя ей во инокинях Агафья, страдала много веры ради с детьми моими, с Иваном и Прокопьем, их в Москве, всех вместе, оставленных на поруки, Павел-митрополит волочил.^{207*}

Еще же ко мне, отче, в дом принашивали матери деток своих маленьких, страдавших грыжею. И мои детки когда тоже страдали в младенчестве грыжною болезнью, я помажу им маслом священным с молитвою пресвитерскою все чувства и, на руку масла положив, вытру болящему спину и животик, — и Божьею благодатью грыжная болезнь и минует. А если у которого младенца повторится та же болезнь, то я так же сотворю, и Бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А когда я еще попом был, в самом начале, когда стал я к поведению прикасаться, тогда бес меня так пугивал. Занемогла у меня жена сильно, и приехал к ней отец духовный; я же с вечера пошел со двора в церковь за книгой, по которой исповедывать больную, дело было глубокой ночью. И когда пришел на паперть, столик маленький, что был тут поставлен, поскакивает и дрожит бесовским действием. И я, не утрашась, помолился пред образом и осенил его рукою, и, подойдя, поставил его на место, так и перестал скакать. А когда я вошел в трапезную, тут другая бесовская игрушка: мертвец на лавке стоял в трапезной непогребенный, и бесовским действием верхняя доска раскрылась и саван стал шевелиться на мертвом, меня

устрашая. Я же, помолясь Богу, осенил мертвого рукою, и снова стало по-прежнему. Когда же вошел в алтарь, — ан ризы и стихари шумят и летают с места на место: дьявол действует, меня устрашая. И я, помолясь и престол поцеловав, благословил ризы рукою и, подойдя, их ощупал, а они висят по-старому на месте. И я, взяв книгу, вышел из церкви с миром. Таковы-то бесовские проделки над людьми.

Еще скажу вам о жертве никонианской. Когда я сидел в темнице, принесли мне просвиру вынутую с крестом Христовым. Я же, соблазнясь, взял ее и хотел потребить наутро, думал, чистая; православная над нею была служба, понеже поп старопоставленный служил над нею. А до того тот поп по новым служил книгам и потом снова стал служить по-старому, не показавшись в своей блудне.

Положил я просвиру в углу на месте и кадил во время правила вечером. Когда же улегся я в ночь ту и умолкли уста мои после молитвы, прискочил ко мне бесовский полк, и один, щербат, красен, взял меня за голову и говорит: «Иди-ка ты сюда, попал ты в мои руки!» — и свернул мне голову. Я же, томясь, еле-еле проговорил Исусову молитву, и отскочили и исчезли бесы. А я, стеная и охая, не понимаю, за что меня бес мучил. Помолясь Богу, опять я улегся. Когда же забылся, вижу на некоем месте церковь, и образ Спасов и крест, по-латынски написаны; и латынщики, не по-нашему творя поклоны, молятся по-латынски. И мне некто из предстоящих велел крест тот поцеловать. И когда я поцеловал, напали на меня снова бесы и сильно меня умучили. Я после них поднялся совсем расслаблен и разломан, не могу и сидеть; уразумел, что из-за просвиры бесами поруган, выложил ее за окошко и ночь ту и день провел в немощи и болезни, размышляя, что мне делать с просвирой.

Когда же пришла другая ночь, улегся я после правила и, не спя, молитвы говорю. Вскочил бесовский полк в келью мою с домрами и с гудками, и один сел на месте, где просвира лежала. И начали они играть на гудках и домрах, а я их слушаю, лежа; меня уж не тронули, и исчезли. Я после них поднялся и, молясь Богу со слезами, обещался сжечь просвиру ту. И пришла на меня благодать Духа Святого; словно искры огня невестственного пред очами моими блистали, и сам я в тот час стал здоров, по благодати духовной сердце мое наполнилось радостью. Затопил я печь и сжег просвиру, выкинул и пепел за

окошко и сказал: «Вот, бес, „твоя от твоих“ тебе в глаза бросаю!»

И на другую ночь один бес, в хижину мою войдя, походив и ничего не обретя, только четки из рук моих вышиб, и исчез. Я же, поднявши четки, снова начал молитвы говорить. И в другое время, среди дня, на полу в поддыменьи лежа, опечалился я из-за креста, что на просвире сжег, и от печали запел стих на глас третий: «И печаль мою пред ним возвещу»,^{208*} а бес в то время на меня вскричал до боли громко. Я же, ужаснувшись, снова начал молитвы говорить. Потом, в другую ночь, забывшись, из-за креста того я снова опечалился и уснул; и напали на меня бесы, и снова умучили меня, как и прежде. И я, расслаблен и изломан, насилу жив, с доски свалился на пол и, моля Бога и каюсь о своем безумии, проклял отступника Никона с никонианами, и книги их еретические, и жертву их, и всю службу их, — и благодать Божия снова сошла на меня, и здрав стал.

Смотрите, люди, каково опасно бесовское действие христианам! А когда бы съел я просвиру ту, так бы меня, чай, и задавили бесы. От малого их никонианского освящения такая беда, а от большого — агнца причастившись — что получишь? Только вечную муку. Лучше умереть не причастившись, чем, причастившись, осужденным быть!

О причастии святых Христовых непорочных Тайн. Всякому в нынешнее время подобает с опасеньем жить и не без рассмотрения причащаться Тайнам. Если из-за гонения не получишь священника православного, то имей у себя от священнослужения православных запасные дары, и, обретя духовного брата, хоть бы и не священника, исповедайся ему, пред Богом каюсь. И по правиле утреннем на коробочку постели платочек, пред образом зажги свечку, и на ложечку водицы устрой на коробке и в нее положи часть Тайны; и, покадив кадиллом, приступи со слезами, глаголя: «Се приступаю к Божественному причащению, Владыка, да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огонь бо, — рекл еси, — недостойных опалаяй. Се предлежит Христос на пищу всем, мне же прилепятся Богу благо есть и полагать на Господа упование спасения моего. Аминь».^{209*} И после этого причастись с сокрушенным сердцем и опять воспой благодарение Богу, и поклонцы по силе, прощение к брату. Если ты один, то

пред образом, пав на землю, говори: «Прости меня, Владыка Христе Боже, елико согрешил»,^{210*} все до конца говори. И потом образ целуй и крест на себе. И прежде причастия тоже надобно образ целовать. Ну, прости же и меня, а тебя Бог простит и благословит. Вот хорош и умереть готов. Так, видал я, в правилах указано; твори так, не опасайся.

Еще тебе, старец, расскажу историю, как я был в Даурии с Пашковым с Афанасием на озере Иргене. Голодны гораздо, а рыбы никто добыть не может, а иного и ничего нет, от голода кончаемся. Помолил я Бога, взял две сети и в протоке закинул. Наутро пришел, — ан мне Бог дал шесть язей да две щуки. Все люди дивятся, потому никто ничего не может добыть. На другие сутки рыб с десять мне Бог дал. Тут проведавший о том и исполнившийся зависти Пашков согнал меня с того места и свои ловушки на том месте велел поставить, а мне в насмешку и на поругание указал место на броду, где коровы и козы бродят. Человеку воды по лодыжку, — какая рыба, и лягушек нет! Тут мне зело было горько. А потом, подумав, я сказал: «Владыка Человеколюбец, не вода дает рыбу, а всё ты промыслом своим, Спас наш, устраиваешь на пользу нашу. Дай мне рыбки-той на безводном-том месте, посрами дурака того, прославь имя твое святое, да не рекут неверные: „Где есть Бог их!“»^{211*} И помолясь, взяв сети, с детьми, в воде бродя, положили сети. Дети мне, бедные, кручинясь, говорят: «Батюшка, к чему гноить сети-те? Разве не видишь, и воды нету, какой быть рыбе?» Я же, не слушая их совета, на Христа уповая, сделал так, как захотелось.

И наутро посылаю детей к сетям. Они же мне отвечали: «Батюшка-государь, почто идти, какая в сетях рыба! Благослови нас, мы по дрова лучше сбродим». Мною же дух движет, — чаю в сетях рыбу. Осердясь на большого сына Ивана, послал его одного по дрова, а с меньшим потащился к сетям сам, гораздо о том Христу докучаю. Когда пришли, — ан и чудно, и радостно обрели: полны сети напихал Бог рыбы, свившись клубком, лежат (сети) с рыбою в середине. И сын мой Прокопий закричал: «Батюшка-государь, рыба, рыба!» А я ему отвечал: «Постой, чадо, не так подобает, но прежде поклонимся Господу Богу, и тогда пойдем в воду».

И помолясь, вытащили на берег рыбу, хвалу воссылая Христу Богу. И снова устроив сети на том же месте, рыбу насилу домой оттащили. Наутро пришли — опять столько же рыбы,

на третий день — снова столько же рыбы. И слезно, и чудно то было время.

А на прежнем нашем месте ничего Пашкову не дает Бог рыбы. Он же, исполняясь зависти, снова послал (людей своих) ночью и велел сети мои в клочки изорвать. Что-петь с дураком поделаешь! Мы, собрав рваные сети, починив их тайно, на другом месте добывали рыбку и кормились, от него таясь. И сделали ез, Бог же и там стал рыбы давать. А дьявол (Пашкова) научил, и он велел тайно ез разломать. Мы, терпя Христа ради, опять его починили; и много раз это было. Богу нашему слава, ныне, и присно, и во веки веком. Терпение убогих не погибнет до конца.^{212*}

Слушай-ка, старец, еще. Ходил я на Шакшу-озеро^{213*} к детям по рыбу — от двора верст с пятнадцать, там они с людьми промышляли — в то время, как лед треснул и меня напоил Бог; и, нагрузив у детей нарту большую рыбы, домой ее потащил маленьким детям, после Рождества Христова. И будучи посреди пути, изнемог, таща рыбу по земле, понеже снегу там не бывает, только морозы великие. Ни огня, ничего нет, ночь настигла. Выбился я из сил, вспотел, и ноги не служат. Верст с восемь до двора; рыбу бросить и так побрести — лисицы съедят, а домашние голодны; всё стало горе; а тащить не могу. Потащу сколько-то, ноги задрожат, да и упаду в лямке среди пути ниц лицом, что пьяный; потом, озябнув, встану и еще попойду столько же, и снова упаду.

Бился я так долго, с половину ночи. Скинул с себя мокрое платье, вздел на мокрую рубаху сухую тонкую тафтяную беличью шубу и влез на вершину дерева, уснул. Свалившись, пробудился, — ан все замерзло, и базлуки на ногах замерзли, шубенка тонка, и весь я озяб. Увы, Аввакум, бедная сиротина, как искра огня угасает и как неплодное дерево подсекается, сама смерть пришла. Взираю на небо и на сияющие звезды, там промышляю Владыку, а сам и перекреститься не могу: совсем замерз. Думаю, лежа: «Христе, свете истинный, если ты меня от безвременного сего и неожиданного часа не избавишь, нечего мне больше делать, как червь пропадаю!». И вот согрелось сердце мое во мне, ринулся я с места снова к нарте и на шею, не помню как, натянул лямку, опять потащил. Ан нет силки. Еще версты с четыре до двора, — бросил я, хоть и жаль, всё, побрел один. Ташился с версту да и повалился, совсем не могу;

полежав, еще хочу побрести, ан ноги обмерзли, не могу подымать; ножа нет, базлуков отрезать от ног нечем. На коленях и на руках полз с версту. Колени озябли, не могу владеть, опять лег. Уже двор и не так далеко, да не могу попасть; на гузне помаленьку ползу. Кое-как и дополз до своей конуры. У дверей лежу, промолвить не могу и отворить дверей тоже не могу.

К утру уже встали, уразумев, протопопица втащила меня, будто мертвого, в избу; жажда мне велика — напоила меня водою, раздевши. Два ей горя, бедной, в избе стало: я да корова немощная — только у нас и животин было — упала на воде под лед, переломав кости, умирает, в избе лежа. В двадцать пять рублей нам стала эта корова, ребяткам молочка давала. Царевна Ирина Михайловна ризы мне из Москвы и всю утварь для службы в Тобольск прислала,^{214*} и Пашков, на церковный обиход взяв, мне в счет этого коровку ту было дал; кормила нас с ребятами год-другой. Бывало, и с сосною, и с травкою молочка того хлебнешь, так легче на брюхе.

Плача, жена, бедная, с детьми зарезала корову и вытекшую кровь из коровы дала наймиту-казаку, и он приволок нарту мою с рыбою.

За обедом я, за грехи мои, подавился — другая мне смерть! С полчаса не дышал, наклонясь, прижав руки, сидя. А не куском подавился, но крошечку рыбки положив в рот: вздохнул, вспомянув смерть, что ничто человек в житии сем, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много в спину, да и перестали; не вижу уж людей, и памяти не стало, зело горько-горько в то время было. Ей, горька смерть грешному человеку! Дочь моя Агриппина^{215*} была невелика, плакала долго, на меня глядя, и, никто ее не учил, — ребенок, разбежавшись, локтишками своими ударила в мою спину, — и запекшийся сгусток крови из горла выпал, и стал я дышать. Большие возились со мною долго, но без воли Божией не могли ничего сделать; а приказал Бог ребенку, и он, Богом направляем, пророка от смерти избавил. Гораздо невелика была, хлопочет около меня, будто большая, как в древности Юдифь об Израиле, или как Эсфирь о Мардохее, своем дяде, или как мудрая Девора о Вараке.^{216*}

Чудно гораздо сие, старец: промысел Божий ребенка наставил пророка от смерти избавить!

Дня с три у меня зелень горькая из горла текла, не мог ни есть, ни говорить. Сие мне наказание за то, чтоб я не величался

перед Богом в совести своей, что напоил он меня среди озера водою. А то смотри, Аввакум: и ребенка ты хуже, и дорогою идучи, чуть было не пропал, не величайся, дурак, тем, что Бог сотворит во славу свою через тебя какое дело, прославляя свое пресвятое имя. Ему слава подобает, Господу нашему Богу, а не тебе, бедному, худому человеку. Писано во Пророках, так глаголет Господь: Славы своей иному не дам.^{217*} Сие сказано о лжехристах, называющих себя Богом, и об иудеях, не исповедающих Христа Сыном Божиим. А в другом месте писано: Славящих меня — прославлю.^{218*} Сие сказано о святых Божиих; кого хочет Бог, того прославляет.

Вот смотри, безумный, не сам себя величай, но от Бога ожидай; как Бог желает, так и строит. А ты-брат какой святой: из моря напился, а крошкой подавился! Если бы только Божиим повелением не избавил тебя от смерти ребенок, ты бы, что червь: был, да и нет! А величаешься, грязь худая: я-де бесов изгонял, то, сё делал, — а себе не мог помочь, если бы только не ребенок! Ну, помни же себя, что ты ничто, если не сотворит чего по милости своей Господь, ему же слава!

О сложении перстов.

Всякому правоверному подобает крепко персты слагая креститься, а не вялою рукою с нерадением осенять себя крестным знаменем и бесов тешить. Но подобает на главу, и на брюхо, и на плечи класть руку с молитвою, чтобы тело слышало, и, умом вникая в сии тайны, креститься. Тайны тайн персты означают, так разумей. По преданию святых отцов подобает сложить три перста: великий, мизинец и третий, что подле мизинца, концы всех трех вкупе, — сие являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святого Духа; затем указательный и великосредний, два сии, сложить и один из двух, великосредний, немного наклонить, — сие являет Божий промысел о Божеском и человеческом в Христе. Затем вознести (руку) на главу, — являет Ум нерожденный: Отец родил Сына, предвечного Бога, прежде веков вечных. Затем на пуп положить (руку), — являет воплощение Христа, Сына Божия, от святой Богоотроковицы Марии. Затем поднять на правое плечо, — являет Христово вознесение и одесную Отца сидение, а праведных стояние. Затем на левое плечо положить, — являет грешных от праведных отлучение и в муки прогнание на вечное осуждение.^{219*}

Так научили нас персты слагать святые отцы, Мелетий, архиепископ Антиохийский, и Феодорит блаженный, епископ Киринейский, и Петр Дамаскин, и Максим Грек.^{220*} Писано о сем во многих книгах, во Псалтырях, и в Кирилловой (книге), и в Книге о вере, и в Максимовой книге, и в книге Петра Дамаскина, и в житии Мелетиевом,^{221*} — везде одинаково святыне о тайне сей по-вышесказанному толкуют.

И ты, правоверный, назидая себя страхом Господним, перекрестясь и пав (на колени), поклонись головой в землю, — сие являет Адамово падение. Когда же поднимешься, — сие являет восстание всех нас Христовым промыслом, — говори молитву, сокрушая свое сердце: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Потом твори по уставу и метания в землю, как Церковь прежде держала, опирайся руками и коленями, а голову до земли не доводи. Так Никон, Черной горы игумен,^{222*} в своей книге повелевает творить метания:^{223*} всякому свою плоть пометать ниц пред Богом подобает без лености и без гордыни, в церкви, и в дому, и на всяком месте. Изряднее же всего в Великий пост (подобает) плоть свою томить по уставу, да не воует с духом. В праздники же, и в субботы, и в недели просто молимся стоя, поклоны по уставу творим поясные и в церкви, и в келье, наклоня голову до пояса, понеже праздника ради не утомляем плоть метанием, но без лености и без гордыни кланяемся в пояс Господу Богу и Творцу нашему. Ибо суббота есть день упокоения, в который Господь почил от всех дел своих, а неделя — (день) нашего общего восстания через Воскресение. Так же и праздники, торжествуя, празднуем, веселясь радостно и духовно.

Видишь ли, боголюбец, как у святых-тех положено с различием, — и спасительно, и покойно; не как у нынешних антихристовых духа: и в Великий пост метания на колени класть, окаянные, не захотели из-за гордыни и лености. И чем всё это кончится? Разве что умерши станут кланяться прилежно; да мертвые уж на ногах не стоят и не кланяются, лежат все и ожидают общего восстания и по делам воздаяния. А мне видится, равны они уже мертвецам-тем: хотя и живы, но лишь наполовину живы и дела мертвецкие творят, срамно и говорить о них.

Еще они, бедные, мудрствуют тремя перстами креститься, большой, указательный и великосредний слагая в (знак) троицы, а не ведомо, какой, — скорее, той, про которую в Апокалипсисе

Иван Богослов пишет: змей, зверь, лживый пророк.^{224*} Толкование: змеем называется дьявол, а лживый пророк — учитель ложный, папа или патриарх, а зверь — царь лживый, любящий обман и неправду.

Три сии перста ввел Фармос, папа римский, — благословлял и крестился ими. А бывший по нем Стефан, седьмой папа, выкопал его и предал поруганию, — отсек (у него) перст и бросил на землю. И расступилась земля, и поглотила перст. Потом отсек и другой (перст) и бросил, — и сделалась пропасть великая. Потом и третий отсек и бросил, — и изошел из земли смрад лютей, и начали люди от смрада задыхаться. Стефан же повелел и тело Фармосово в Тибр-реку кинуть, и, сложив персты свои по обычаю, благословил пропасть, — и сошлась земля вновь по-прежнему.^{225*} О том писано в летописце латынском, о котором в Книге о вере указано.^{226*}

Но хотя ревнитель Стефан и избличил сию триперстную ересь, а однако римляне и донныне тремя перстами крестятся; потом и Польшу прельстили и все окрестные страны: немцев, и сербов, и албанцев, и венгров, и греков, — все прельстились. А ныне и наша Русь те же три перста возлюбила — учение Никона-отступника с дьяволом и Фармосом.

Да еще и новый адов пес выскочил из бездны у греков, безымянный Дамаскин-иподьякон, и вручил безумным грекам те же три перста, — толкует о Троице, отсекая вочеловечение Христово.^{227*} Чему быть, — выbledок того же римского костела, брат Никону-патриарху!

Да там же в греках какой-то, сказывают, протопоп Малакса повелевает архиереям и иереям благословлять рукою, сложив персты неким странным образом, «Исус Христом».^{228*} Все дико: у давешнего врага — вочеловечения нет, а у сего Малаксы — святой Троицы нет. Чему быть, — время такое пришло: некем им играть, кроме как Богом! Да что на них и сердиться! Писанное время пришло. Святой Ипполит и Ефрем Сирийский, издалека уразумев о сем времени, так написали:^{229*} «И даст им, скверный, печать свою вместо знамения Спасителя». Сие о трех перстах сказано.

Когда кто по своей воле сам себя печатает тремя перстами, у того ум темен бывает и не понимает он истины, всегда помрачен из-за печати сей скверной.

Еще же и другое писано: «И возложит им скверный и мерзкий знак на чело». Сие писано об архиерейском

благословении, которое ввел Малакса; от разумеющих толкуется: мерзкий знак идола рукой слагая, на чело его возлагают. Да будут они прокляты со своим мудрованием развращенным, тот — так, другой — иначе, сами между собой несогласны, враги креста Христова!

Мы же держим святых отцов учение, Мелетия и прочих, неизменно. Как знаменуемся пятью перстами, так и благословляем пятью перстами, во (имя) Христа и святой Троицы их слагая по-вышесказанному, как святые завещали. И поместный собор, бывший в Москве при царе Иване,^{230*} так же повелевает персты слагать, как Феодорит, и Мелетий, и Петр, и Максим Грек научили:^{231*} пятью перстами креститься и благословлять. Там на соборе были знаменосцы Гурий и Варсонофий и Филипп, русские чудотворцы.^{232*}

И ты, правоверный, без сомнения держи предание святых отцов, Бог тебя благословит, умри за это, и я с тобою должен. Станем добре, не предадим благоверия, не по что нам ходить в Персиду мучиться, — дома Вавилон нажили! Слава за то Христу, Сыну Божию, со Отцом и со Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Ну, старец, моего вяканья много ведь ты слышал. Именем Господним повелеваю тебе, напиши и ты рабу-тому Христову, как Богородица беса-того в руках-тех мяла и тебе отдала; и как муравьи-те тебя за тайный-то член ели; и как бес-от дрова-те сжег, и как келья-та обгорела, а в ней все цело; и как ты кричал на небо-то; да и иное, что помнишь.

Слушай же, что говорю! Не станешь писать, так я осержусь: у меня любил слушать, чего стыдиться! Скажи же хоть немножко. Апостолы Павел и Варнава на соборе сказывали же в Иеросалиме пред всеми, какие сотворил Бог знамения и чудеса во языцех над ними, — в Деяниях зачало 36.^{233*} И 42 зачало: И величашеся имя Господа Исуса; мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя.^{234*} Да и много того найдется в Апостоле и в Деяниях. Сказывай, не бойся, лишь совесть чистой держи; не себе славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай раб-от Христов веселится, чтущи; а мы за чтущих и слушающих станем Бога молить. Как умрем, так они помянут нас, а мы там их помянем. Наши они люди будут там, у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

Комментарии

Житие протопопа Аввакума

Житие протопопа Аввакума впервые было опубликовано по рукописи XIX в. в 1861 г. Н. С. Тихонравовым¹ и с тех пор неоднократно издавалось, как до 1917 г., так и после него. По сей день наиболее авторитетным научным изданием является предпринятая в 1927 г. Я. Л. Барсковым совместно с П. С. Смирновым публикация Жития по всем известным к тому времени редакциям (с археографическим обзором списков) в 39-м томе «Русской исторической библиотеки».² В 1934 г. Н. К. Гудзия издал Житие для широкого круга читателей,³ и затем оно долго не переиздавалось, вплоть до 1960 г., покуда, вновь под редакцией Н. К. Гудзия, не вышла в свет книга «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения», снабженная обширным историко-литературным комментарием ученых-исследователей.⁴ В 1963 г. А. Н. Робинсон издал жизнеописание Аввакума и Епифания, снабдив это издание помимо историко-литературного и текстологического исследования ценным историческим комментарием, подробным и библиографически документированным.⁵ В 1975 г. попечением

¹ Автобиография протопопа Аввакума // *Летописи русской литературы и древности* / Изд. Н. Тихонравовым. М., 1861. Кн. VI. С. 117—173; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861 (на обложке — 1862).

² Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. I, вып. 1. Л., 1927. (РИБ. Т. 39).

³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / *Ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия.* [М.]: Academia, [1934].

⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / *Под общ. ред. Н. К. Гудзия; вступ. ст. В. Е. Гусева; подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой.* М., 1960.

⁵ *Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследование и тексты.* М., 1963.

В. И. Малышева была издана фототипически и наборным текстом с подробным археографическим и источниковедческим исследованием рукопись Пустозерского сборника И. Н. Заволоко, включающая в себя автографы Житий Аввакума и Епифания.⁶ Затем, в 1979 г., в Иркутске вышло в свет второе, дополненное и исправленное, издание книги «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения»,⁷ которое послужило примером для целого ряда переизданий, предпринятых за последнее время в различных областных издательствах России.⁸ В 1989 г. Житие Аввакума было опубликовано М. Б. Плюхановой рядом с произведениями инока Епифания, священника Лазаря и дьякона Феодора в книге «Пустозерская проза».⁹ В том же году Н. С. Демкова издала Житие в завершающем томе серии «Памятники литературы Древней Руси».¹⁰

Житие Аввакума дошло до нас в четырех редакциях, из которых три принадлежат самому автору, четвертая же (так называемая Прянишниковская, сохранившаяся в рукописи XIX в. из собрания Г. М. Прянишникова в РГБ) была составлена после казни Аввакума, всего скорее, в XVIII в. Исследованием Н. С. Демковой¹¹ установлена последовательность создания Аввакумом различных вариантов текста своего Жития: наиболее ранний вариант не дошел до нас, но фрагменты его сохранились в тексте Прянишниковского списка; затем, в 1672 г., Аввакумом была создана редакция Жития, называемая первой, она сохранилась в ряде списков XVII—XIX вв.; в 1673 г. он написал вторую редакцию, которая дошла до нас в автографе в составе Пусто-

⁶ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.

⁷ Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина; послесловие В. Е. Гусева. Иркутск, 1979.

⁸ См., например: Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Коммент. Н. К. Гудзия; послесл. Н. Ф. Филатова. Горький, 1988; Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Коммент. Н. К. Гудзия; вступ. ст. Г. М. Прохорова. Архангельск, 1990.

⁹ Пустозерская проза: Протопop Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор / Сост., предисл., коммент., переводы отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989.

¹⁰ Сочинения Аввакума. Подгот. текстов и коммент. Н. С. Демковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2 / Сост. и общ. редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1989. С. 351—401, 636—659.

¹¹ Демкова Н. С. Житие протопopa Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974.

зерского сборника, известного в науке как Пустозерский сборник В. Г. Дружинина (ныне хранится в Библиотеке Академии наук, собр. В. Г. Дружинина, № 746); третья редакция Жития (1674—1675 гг.) сохранилась тоже в автографе, в составе другого Пустозерского сборника, принадлежавшего И. Н. Заволоко (ныне хранится в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН, Древлехранилище, ОП, оп. 24, № 43).

Мы публикуем текст Жития по последней авторской редакции — автографу в Пустозерском сборнике И. Н. Заволоко (л. 164, 4—115 об.).

В нашем издании при передаче публикуемых текстов все буквы, отсутствующие в современной графике, за исключением *ятя* (*ѣ*), заменяются (*i* заменяется *и*, *ω* и *ω̄* — *о*, *ογ* и *γ* — *у*; *ia* и *я* — *я*, *ю* — *е*, *ϑ* — *ф*, *ξ* — *кс*, *ψ* — *пс*); буквенное обозначение цифр заменяется арабской цифирью; сокращенные написания под титлом или без него (с выносными буквами) восстанавливаются в полной форме.

^{1*} *Крестъ — встѣмъ воскресение... крестъ — душам слава и свѣтъ вѣчный.* Тропарь 6-й песни канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

^{2*} *...да не забвению предано будетъ дѣло Божие. Аминь.* Вступительные строки к Житию Аввакума (от начала и до этих слов включительно) писаны рукой инока Епифания.

^{3*} *Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего мира... И нынѣ, Владыко, благослови, да, воздохнувъ от сердца, и языком возглаголю...* Аввакум использует здесь, чуть перефразируя отдельные места, «Молитву св. Троице, начиная Псалтырь», которая включалась в современные ему издания Псалтыри с воследованием (см., например: Псалтырь с воследованием. М., 1642; и др.).

^{4*} *...Дионисия Ареопагита о Божественных именах...* Дионисий Ареопагит, ученик апостола Павла (см. Деян. 17:34), по преданию, первый епископ Афин, скончался мученической смертью. Существует четыре богословских трактата: «О небесном священноначалии», «О Божественных именах», «О церковном священноначалии», «О таинственном богословии» и десять писем к различным лицам, надписанных его именем, — сочинения, составившие основу христианского богословия и философии. По мнению исследователей, автор этих сочинений жил на рубеже V—VI вв., и потому в научной литературе он

именуется Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Церковный авторитет Ареопагитик был чрезвычайно велик. Аввакум ссылается здесь на трактат «О Божественных именах», который хорошо знали на Руси: в середине XVI в. творения Дионисия Ареопагита были включены в состав Великих Минеи Четых под 3 октября, днем памяти Дионисия, рядом со сказаниями о его житии (см.: Великие Минеи Четии всероссийского митрополита Макария. Октябрь. Дни 1—3 / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1870. Стб. 238—263, 266—787).

^{5*} *«Себе бо отвержение — истинны испадение... и еже не быти — нѣсть».* Цитата из книги «О Божественных именах» (см.: Великие Минеи Четии. Стб. 564).

^{6*} *...потеряли новолюбцы существо Божие испадениемъ от истиннаго Господа Святаго и Животворящаго Духа. ...и в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго, свѣта нашего, вѣруем, со Отцем и с Сыномъ поклоняемаго...* Здесь Аввакум имеет в виду исключение в ходе никонианской правки слова «истиннаго» из текста восьмого члена Символа веры («...И в Духа Святаго, Господа истиннаго и животворящаго...»).

^{7*} *«Сей убо есть воистинну истинный христианин... и христиане суть свидѣтельствуемы».* Цитата из толкований Максима Исповедника (VII в.) на книгу «О Божественных именах» (см.: Великие Минеи Четии. Стб. 557).

^{8*} *Сей Дионисий, научен въре Христовъ от Павла апостола, живый во Афинѣхъ, прежде, да же не приити в вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя.* Подробности о событиях жизни Дионисия Ареопагита содержатся в его трактатах и посланиях, а также в присоединенных к ним толкованиях раннехристианского философа и богослова Максима Исповедника (582—662). Славянской книжности, кроме того, известен целый ряд самостоятельных литературных памятников, посвященных житию Дионисия Ареопагита; часть их вошла в Великие Минеи Четии. Упомянутые Аввакумом сведения, как установила Н. С. Демкова (см.: Пустозерский сборник... С. 231—232), имеют больше всего сходства с «Житием св. Дионисия Ареопагита и дружины его», включавшимся в русские рукописные Прологи, но не вошедшим в Великие Минеи Четии (см. издание Жития по рукописному Прологу XVI в. в кн.: Франко И. Апокрифі і легенди з українських рукописів. У Львові, 1902. Т. III. С. 225—230).

^{9*} К Тимофею пишет... Тимофею адресованы все четыре трактата Дионисия Ареопагита.

^{10*} ...«любви истинныя не прияша... благоволиша о неправдѣ». Чти о сем Апостол, 275. См.: 2 Солун. 2:10—12 (зачало 275). Аввакум здесь ссылается на литургическую систему деления текста богослужебной книги Апостол на так называемые зачала, фрагменты, предназначенные для чтения за богослужением в определенные дни церковного года.

^{11*} Сей Дионисий... во время распятия Господня бывъ в Солнечнем-граде и видѣ... звѣзды в полудне на небеси явились чернымъ видом. В письме Дионисия Ареопагита к Поликарпу описывается чудесное затмение солнца, которое Дионисий наблюдал вместе со своим учеником Аполлофаном в египетском городе Гелиополе (Солнечном граде, по славянскому переводу), и дается понять, что это было то затмение, которое происходило во время крестных мучений Христа.

^{12*} «Есть на небеси пять звѣзд заблудных... закрывает солнце». Этот текст не найден в творениях Дионисия Ареопагита.

^{13*} ...бысть затмение солнцу въ 162 году пред мором. Солнечное затмение, о котором пишет здесь Аввакум, случилось 2 августа 1654 (от сотворения мира — 7162) года, во время страшной эпидемии чумы. Аввакум ошибочно сообщает ниже, что это произошло «недели за две» до Петрова дня (29 июня), в то время как в действительности затмение состоялось за две недели перед другим праздником — днем Успения Богородицы (15 августа). Этого затмения Аввакум, находившийся летом 1654 г. в сибирской ссылке (см. примеч. 67* и 68*), сам наблюдать не мог, так как Тобольск, место его тогдашнего пребывания, не входил в зону видимости затмения 2 августа 1654 г. (см.: Святский Д. *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения*. Пгр., 1915. С. 54—56); потому Аввакум и ссылается тут на архиепископа Симеона Сибирского, отлучавшегося как раз в 1654 г. из Тобольска в Москву (см. примеч. 68*), что тот на пути своем в столицу был свидетелем этого затмения и, вернувшись в Тобольск, конечно же, рассказывал о нем своему окружению; отсюда и хронологическая неточность в сообщении Аввакума.

^{14*} ...архиепископъ Симеонъ Сибирской... Архиепископ Тобольский и Сибирский Симеон являлся постриженником Макариева Желтоводского монастыря и, вполне вероятно, был зна-

комцем Аввакума еще по нижегородскому периоду его жизни. До 1651 г. он был игуменом Пафнутьева Боровского монастыря, а в 1651 г. его хиротонисали в Сибирского епископа. Очень вероятно, что Симеон входил в кружок ревнителей благочестия. Во время своей сибирской ссылки Аввакум находился в непосредственном подчинении Симеону по линии церковного управления; в Тобольске Симеон оказывал прямую поддержку Аввакуму и защищал его от нападков врагов (см. наст. изд., с. 59 и примеч. к ней). Но Симеон участвовал в церковном соборе 1654 г., утвердившем Никонову реформу; с 1664 по 1667 г. он занимал должность старшего справщика церковных книг на Московском печатном дворе. Последние годы жизни Симеон провел на покое в Макарьевском Желтоводском монастыре, умер же в Москве, в Чудовом монастыре, не известно точно, в котором году, но после 1675-го.

^{15*} *Паки потом, минувъ годов с четырнатцеть, вдругорядь затмъние солнцу было... протопопа Аввакума... власти остригли...* Это солнечное затмение случилось 22 июня 1666 г. (см.: Святский Д. Астрономические явления в русских летописях. С. 56—57); незадолго перед ним, 13 мая 1666 г., Аввакума расстригли и предали анафеме (см. наст. изд., с. 77 и примеч. к ней).

^{16*} *...на Угръше...* Речь идет о Никольском Угрешском монастыре, находившемся поблизости от Москвы, на левом берегу Москвы-реки при впадении в нее р. Угрешы; основан во 2-й пол. XIV в. Дмитрием Донским.

^{17*} *Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Иусуь Наввинъ во Израили... и бысть во дни и в ноци тридесять шесть часов.* Аввакум толкует здесь послание Дионисия Ареопагита к Аполлофанию (и комментарии к этому посланию, сделанные Максимом Исповедником), в котором обсуждались события, изложенные в Книге Иисуса Навина (10:12—13) и 4-й Книге Царств (20: 8—11).

^{18*} *Он же Дионисий пишет о небесныхъ силах... раздъляясь деветь чиновъ на три троицы.* Ангельским чинам посвящен трактат Дионисия Ареопагита «О небесном священноначалии».

^{19*} *Григорий Низский толкует: «Аллилуия — хвала Богу».* А Василий Великий пишет: «Аллилуия... слава тѣбѣ, Боже». Григорий Нисский — византийский богослов, учитель Церкви (ок. 335 — ок. 394); Василий Великий — старший брат Григория Нисского, вселенский отец и учитель Церкви (330—379).

Такое толкование возгласа «аллилуия» со ссылкой на Григория Нисского приводилось в Азбуковниках, составленных в XVII в. (см. рукопись РНБ, собр. Погодина, № 1655, л. 19 об.).

^{20*} «Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы его!» Ангельская песнь, которую слышал пророк Исайя, когда ему открылось видение престола славы Божией (Ис. 6:3); Аввакум приводит ее в варианте чинопоследования литургии.

^{21*} ...прѣчистая Богородица протолковала о аллилуйи, явилась Василию, ученику Евфросина Псковскаго. Основатель Псковского Елеazarова монастыря Евфросин (ум. в 1481 г.) прославился как защитник сугубой аллилуйи (т. е. двукратного произнесения возгласа «аллилуия» при богослужении) в пору, когда в псковско-новгородских землях велись споры о трегубой и сугубой аллилуйи. Аввакум ссылается здесь на рассказ из Жития Евфросина Псковского, в котором подробно излагалась история споров Евфросина с псковичами об аллилуйи и доказывалась правильность двоения аллилуйи. Не известный по имени ученик Евфросина, написавший вскоре после кончины преподобного Первоначальную редакцию его Жития (В. И. Охотникова называет это Первоначальное Житие Повестью о сугубой аллилуйе), рассказал в нем о явлении Богородицы, подтвердившей правильность сугубой аллилуйи (см.: *Серебрянский Н. И. Житие преподобного Евфросина Псковского* (Первоначальная редакция). СПб., 1909. С. I—XXIV; *Охотникова В. И. Псковская агиография XIV—XVII вв.* СПб., 2007. Т. 2. С. 5—44); в 1547 г. псковский агиограф Василий-Варлаам, автор целого ряда Житий русских подвижников, литературно обработал первоначальное Житие; в обработке Василия Житие Евфросина Псковского было включено в Великие Минеи Четии (под 15 мая). На Житие Евфросина Псковского опирался Стоглавый собор 1551 г., утвердивший постановление двоять аллилуйю (см.: *Стоглав.* СПб., 1863. С. 148). Аввакуму, как видно из его ссылки на Василия, Житие Евфросина Псковского было известно в редакции Василия-Варлаама.

^{22*} ...Духу и от Сына исхождение являютъ. Здесь Аввакум имеет в виду догмат католической церкви об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына.

^{23*} Афонасий Великий рече: «Иже хоцетъ спастися... подobaетъ ему держати кафолическая вѣра... И в сей святѣй Троицѣ

ничтоже первое или последнее... но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны». Аввакум цитирует здесь «Исповедание веры Афанасия Александрийского» (см.: Собрание краткия науки о артикулах веры. М., 1649. Л. 2—3).

^{24*} «Особно бо есть: Отцу — нерождение... обще же им — Божество и Царство». Цитата из «Изложения вкратце о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского (см.: Собрание краткия науки о артикулах веры. Л. 5 об.).

^{25*} ...чти «Маргарит», «Слово о вочеловѣчении»... Аввакум имеет в виду Слово из сборника Поучений Иоанна Златоуста под названием «Маргарит» (см.: Маргарит. М., 1641. Л. 476—476 об.).

^{26*} Рождение же мое... в сель Григоровъ. Село Григорово и поныне существует в Большемурашкинском районе Нижегородской области. Год рождения Аввакума устанавливается из сопоставления его собственного свидетельства о том, что в возрасте 31 года от роду его поставили в протопопы Юрьевца-Поволжского и что прожил он в Юрьевце после этого всего восемь недель (см. наст. изд., с. 54), с известиями о том, что он покинул Юрьевец и приехал в Москву в 1652 г. (см. запись в Приходной книге Патриаршего приказа за 1652—1653 гг., опубликованную: Николаевский П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. № 1. С. 50—151, примеч. 4, и показания сына Аввакума Ивана, которые он дал в 1717 г. под арестом, опубликованные: Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 119). Следовательно, раз в 1652 г. ему был 31 год, Аввакум родился в 1620 или 1621 г.

^{27*} ...священникъ Петрѣ... Возможно, отец Аввакума обосновался в Григорове незадолго до 1620 г., так как в этом же самом году, как следует из Писцовых книг 1620-х гг. по Нижнему Новгороду, здесь находился и другой священник, Артамон Иванов. Григоровская церковь была посвящена святым Борису и Глебу.

^{28*} И в том же сель дѣвица... имя ей Анастасия. В Прянишниковской редакции Жития сохранились дополнительные сведения о Настасье Марковне: «Мати же изволила меня женить семнадцати лет, жену мне привела четырнадцати лет» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 310). Отсюда вычисляется дата рождения Анастасии Мар-

ковны — 1624 г. Скончалась же она в 1710 г. в Москве, как показал на допросе 1717 г. сын ее Иван (см.: *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 120), пережив своего мужа на 28 лет, пройдя вместе с ним все выпавшие на их долю испытания.

^{29*} *Аз же от изгнания преселихся во ино мѣсто.* Аввакум переселился в соседнее с Григоровым село Лопатищи (см. наст. изд., с. 91—92), где и проживал до тех пор, пока не был поставлен в протопопы Юрьевца-Поволжского.

^{30*} *Рукоположен во дьяконы дватцети лѣт з годом... совершенъ в протопопы православными епископы...* Следовательно, в дьяконы Аввакум был поставлен в 1642 г., рукоположен в священники — в 1644 г., возведен в протопопы — в 1652 г.

^{31*} ...«*объяша мя болѣзни смертныя... скорбь и болѣзнь обрѣтох*». Пс. 114:3.

^{32*} ...*родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ... в землѣ законан.* Второй сын Аввакума Прокопий родился в 1647 г. (о возрасте своих детей Аввакум давал показания на допросе после ареста в августе 1653 г., см. примеч. 67*). О том, что Настасья Марковна вместе со старшими сыновьями, Иваном и Прокопием, была посажена после 1670 г. в земляную тюрьму на Мезени, Аввакум еще не раз упомянет в Житии (см. с. 85—86).

^{33*} ...«*На гору учеником идущим за земное Вознесение, предста Господь, и поклонишася ему*»... — Начало евангельской стихеры 1-го гласа (см. Октоих).

^{34*} ...*яко каженика Филиппъ древле.* Аввакум имеет здесь в виду рассказ о крещении в пути апостолом Филиппом евнуха-эфиопа (Деян. 8:27—38).

^{35*} *Егда же аз прибѣл к Москвѣ к духовнику цареву протопопу Стефану...* Стефан Вонифатьев, протопоп Кремлевского Благовещенского собора (с 1645 по 1656 г.) и духовник царя Алексея Михайловича, был главой кружка ревнителей благочестия, образовавшегося при молодом царе Алексее; представители этого кружка были инициаторами оживления и возрождения церковной жизни в стране в это время, призывали к активизации пастырской деятельности духовенства, боролись с простонародными видами увеселений, видя в них проявление пережитков язычества. Кажется, Стефан Вонифатьев некоторое время был духовным отцом Аввакума; это можно предположить из рассказанного Аввакумом эпизода о том, как

он был наказан за то, что променял на лошадь книгу, которой благословил его Стефан Вонифатьев. Начиная рассказывать этот эпизод, Аввакум написал о себе: «Згупаль, отца своего заповѣдь преступил» (см. с. 88), а заканчивая рассказ, он подытожил: «Таково-то зло преступление заповѣди *отеческой!*» (см. с. 91); при этом важно отметить, что в более ранней редакции Жития, зафиксированной в Пустозерском сборнике В. Г. Дружинина, в комментируемой нами фразе Стефан Вонифатьев назван просто духовником («Егда же аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану...» — Памятники... Стб. 11), то есть, по контексту, духовником Аввакума. Если это так, понятно, почему именно к Стефану Вонифатьеву, а не к кому-либо другому, бросился молодой Аввакум за помощью.

^{36*} ...к *Неронову Иванну*... Протопоп Московского Казанского собора (с 1646 или 1647 г.) Иван Неронов был другим влиятельнейшим членом кружка ревнителей благочестия. Собор, где он настоятельствова, сделался центром боголюбческого движения в Москве, по нему ревнителей благочестия даже называли в то время «казанцами» (см.: *Олеарий Адам*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 312). Здесь воплощались замыслы боголюбцев: впервые в Москве было введено единоголосное пение, расцветала публичная проповедь (слушать поучения Ивана Неронова стекалось множество народа, часто присутствовали на службах царь Алексей Михайлович с царицей). Иван Неронов был выходцем из нижегородских земель и еще в Нижнем Новгороде прославился своей ревностью по благочестию; он покровительствовал молодому Аввакуму, своему земляку, на каком-то этапе его жизни стал его духовным отцом (возможно, прежде Стефана Вонифатьева).

^{37*} ...*боярин Василей Петрович Шереметев... велѣль благословить сына своего бритобратца*... Боярин В. П. Шереметев с 1634 по 1639 г. был воеводой в Нижнем Новгороде. Назначение на воеводство в Казань он получил летом 1647 г., а выехал туда 8 августа водным путем (см. материалы Записных книг Московского стола за 1646—1647 гг.: РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 376); следовательно, мимо Лопатищ он проезжал, скорее всего, в сентябре 1647 г. Имя сына В. П. Шереметева, сопровождавшего его по дороге в Казань, Аввакум назвал в более ранней редакции своего Жития («...велел благословить сына

своего Матфея бритобратца» — см.: Памятники... Стб. 11). Младший сын боярина Шереметева Матвей (бритобрадец — т. е. бривший бороду) был стольником царя Алексея Михайловича и одним из любимых его товарищей по охоте. Село Лопатищи в то время принадлежало старшему сыну В. П. Шереметева Петру (см. материалы Переписной книги села Лопатищи за 1646 г. в статье: Филатов Н. Ф. На Нижегородской земле // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Горький. 1988. С. 285—286).

^{38*} *... аще меня задушатъ, причти мя с митрополитом Филипомъ Московским...* Митрополит Филипп за смелые обличения жестокостей Ивана Грозного был сведен с митрополичьего престола и в 1569 г. по приказу царя задушен Малютой Скуратовым в Тверском Отроче монастыре.

^{39*} *... аще ли заръжутъ... причти мя з Захариєю-пророком...* Здесь не вполне ясно, кого из пророков имеет в виду Аввакум — пророка ли Захарию, сына Варахиина, именем которого названа одна из пророческих книг Ветхого Завета, где сказано, что он был убит между церковью и алтарем (Мф. 23:35; Лк. 11:51), или Захарию, отца Иоанна Крестителя, пророчествовавшего о Господе Боге (Лк. 1:67—79): он, по рассказу его Жития, был заклан среди жертвенника (см. его Житие под 5 сентября в Прологе и Великих Минеях Четиих).

^{40*} *... аще ли посадятъ в воду... яко и Стефана Пермскаго...* Св. Стефану Пермскому, крестителю зырян (XIV в.), как рассказывает его Житие, пермский волхв предложил пойти на испытание веры водой в проруби, но Божьей помощью святой был избавлен от этого испытания.

^{41*} *... Господь гордымъ противится, смиренным же даетъ благодать.* Притч. 3:34; Иак. 4:6.

^{42*} *... Юрьевецъ Повольской...* Волжский город на юге нынешней Ивановской области. Во время Смуты Юрьевец-Поволжский был одним из заметных центров народного сопротивления польско-литовской интервенции; в его окрестностях в 1609 г. местное народное ополчение давало бой войскам интервентов. В ознаменование победы над ними здесь был воздвигнут храм во имя преп. Макария Желтоводского и Унженского, покровителя нижегородского ополчения. Аввакума поставили протопопом в церковь, посвященную Входу Господню в Иерусалим, 23 марта 1652 г.: в документах 1652 и 1653 гг. он

значится как «Юрьевца Повольского Входу-Иеросалимский протопоп» (см.: *Николаевский П. Ф.* Московский Печатный двор при патриархе Никоне // *Христианское чтение.* 1891. № 1. С. 150—151; *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопоба Аввакума // *Ученые записки / РАН ИОН; Институт истории.* М., 1927. Т. 2. С. 142; *Сироткин С. В.* К биографии протопоба Аввакума // *Старообрядчество в России (XVII—XX вв.).* М., 1999. С. 243—245).

^{43*} *На Кострому прибѣжал — ано и тутъ протопоба же Даниила изгнали.* О бунте костромичей, поднятом на соборного протопоба Даниила, сохранилось обширное «сыскное дело»; зафиксированные в нем свидетельства относят события к 28 августа 1652 г. (см.: *Введенский А.* Костромской протопоп Даниил // *Богословский вестник.* 1913. I. С. 844—854), следовательно, Аввакум, не заставший Даниила в Костроме, прибыл туда позже этого числа, скорее всего, в начале сентября 1652 г. Даниил, как и Аввакум, следовал программе кружка ревнителей благочестия; дьякон Феодор называл его в числе друзей Стефана Вонифатьева (см.: *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 193).

^{44*} *...Никонъ... привез из Соловковъ Филиппа митрополита.* Мощи митрополита Филиппа, убитого по приказу царя Ивана Грозного, с 1591 г. находились в Соловецком монастыре, игуменом которого Филипп был до возведения в митрополиты. В 1652 г. состоялось торжественное перенесение мощей в Москву; царь Алексей Михайлович доверил эту миссию Никону, в ту пору Новгородскому митрополиту, который со свитой ездил за мощами на Соловки. В Москве раку с останками святого встречал царь и просил у митрополита Филиппа прощения «за согрешения прадеда».

^{45*} *...моля Бога... о патриархе, да же дастъ Богъ пастыря ко спасению душъ нашихъ.* Патриарх Иосиф скончался 15 апреля 1652 г., и русской церкви предстояло тогда избрание нового патриарха.

^{46*} *...с митрополитом Корнилиемъ Казанским...* Корнилий Казанский (ум. в 1656 г.) в 1647—1648 гг. был игуменом Макариева Желтоводского монастыря, а значит, скорее всего, знакомцем Аввакума еще по нижегородскому периоду его жизни.

Очевидно, он тоже принадлежал к кружку боголюбцев, окружавших царя в это время; во всяком случае, вместе со Стефаном Вонифатьевым он был вторым конфидендом, с которым царь обсуждал кандидатуру Никона как будущего патриарха (царь писал Никону на Соловки, ожидая его в Москве: «...а сего мужа (будущего патриарха. — *Н. П.*) три человека ведают: я, да Казанский митрополит (т. е. Корнилий. — *Н. П.*), да отец мой духовной (т. е. Стефан Вонифатьев. — *Н. П.*) <...> а сказывают свят муж» (см.: *Бартенев П.* Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. С. 149—212).

^{47*} ...написав челобитную... Челобитная до нас не дошла; в своей Книге бесед Аввакум писал, что подавал челобитную о возведении Никона в патриархи («Протопоп же (т. е. Стефан Вонифатьев. — *Н. П.*) увеща царя и царицу, да поставят Никона на Иосифово место. И я, окаянной, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею» — см.: *Памятники...* Стб. 245—246).

^{48*} ... а со Анною по ночам укладываютъ... Анна Михайловна Ртищева, по мужу Вельяминова, сестра влиятельнейшего царедворца, члена кружка ревнителей благочестия Федора Михайловича Ртищева (см. примеч. 127*), была активнейшей приверженкой Никоновой реформы и советчицей самого Никона; с 1642 г. она, после смерти мужа, жила в доме брата Федора. Автор Жития боярыни Морозовой называл ее вместе с ее отцом Михаилом Алексеевичем Ртищевым «возлюбленными сосудами никоновыми» (см. с. 142).

^{49*} ... в Крестовую... Крестовой палатой назывались приемные покои в патриаршем дворце в Кремле.

^{50*} ... в Постъ великой прислал память... Памятная записка Никона, посланная им в Казанский собор во время Великого поста 1653 г. (в том году он начинался 21 февраля), до нас не дошла. Ее содержание, как излагает его Аввакум, касалось тех же изменений церковных обрядов, о которых в это время Никон заявил через новоисправленное по его повелению издание Псалтыри с воследованием (время ее выхода в свет — 11 февраля 1653 г.), где по сравнению с предыдущими изданиями были изъяты статья о поклонах (число их при чтении покаянной молитвы Ефрема Сирина было уменьшено Никоном до четырех) и статья о двуперстном крестном знамении (его заменили на троеперстное).

^{51*} ...я все у него и жил в церковь... Казанский собор, построенный в 1630 г. на Пожаре, нынешней Красной площади, где настоятельством Иван Неронов, имел придел во имя Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев; в соборе служила череда священников, в том числе и Аввакум. Жил Аввакум на дворе у Ивана Неронова; накануне ареста Аввакума здесь же находилась и Настасья Марковна с детьми (см. показания Аввакума на его допросе 15 сентября 1653 г.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки / РАН ИОН; Институт истории. М., 1927. Т. 2. С. 159).

^{52*} ...на дворецъ ко Спасу... Так Аввакум, очевидно, называет церковь Спаса Преображения на Бору, находившуюся при большом Кремлевском дворце.

^{53*} Лишо о братьях родных духовнику поговорил, и онъ их... устроил... в церковь. Аввакум имел трех братьев — Козьму, Герасима и Евфимия. Евфимий, по сообщению самого Аввакума, был псаломщиком «в Верху» (т. е. в царском дворце) у царевны Ирины Михайловны (см. более раннюю редакцию Жития: Памятники... Стб. 68), Герасим — священником Благовещенского собора Кремля (см. показания сына Аввакума Ивана на допросе в 1717 г.: *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 119), Козьма в 1666 г. был священником московской церкви «у крестов в Барашах» (см.: *Материалы... Т. 1. С. 359, 366*).

^{54*} Чудов — Чудов монастырь (с церковью во имя Чуда архистратига Михаила), находился в Кремле; основан в XIV в. митрополитом Московским Алексием.

^{55*} ...епископу Коломенскому Павлу, егоже Никон напосльдок в новгородскихъ предълех огнемъ зжегъ... Епископ Коломенский и Каширский Павел (хиротонисан в епископы 17 октября 1652 г.) был выходцем из нижегородских пределов, как и значительная часть ревнителей благочестия. Он единственный на церковном соборе 1654 г., созванном Никоном для утверждения своей реформы, выступил против нововведений, за что сразу же был лишен сана и сослан в Палеостровский монастырь на Онежском озере. Спустя год или полтора епископ Павел был переведен под более строгий надзор в новгородский Хутынский монастырь, где предался подвигу юродства. По словам дьякона Феодора, посланцы Никона нашли его странствующим в новгородских пределах и убили, а тело потом сожгли.

Во время суда над Никоном на соборе 1666 г. бывшему патриарху была поставлена в вину расправа над Павлом Коломенским: в официальном акте отмечалось глухо, что Никон «Павла ⟨...⟩ из мантии обнажи жестоце, и на лютая биения и наказания предаде ⟨...⟩ и погибнути бедному кроме вести, от зверей ли снеден, или, в воду впад, утопе, или иным коим обычаем погиге» (см.: Урушев Д. А. К биографии епископа Павла Коломенского // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 2004. Вып. 3. С. 21—42).

^{56*} *Мы же з Данилом... выписки о сложении перьсть и о поклоньтхъ, и подали государю... Выписки эти до нас не дошли.*

^{57*} *...за Тверскими вороты... За Тверскими воротами, на Страстной площади (ныне Пушкинской), находился Страстной монастырь, основанный царем Алексеем Михайловичем при церкви, построенной в 1641 г. по случаю принесения сюда из нижегородской земли чудотворной иконы Богородицы Одигитрии, называемой Страстной.*

^{58*} *...Темниковскаго протопопа Даниила... Даниил был протопопом Никольского собора в городе Темникове (Нижегородская область). Очевидно, несколько позже описываемого времени он отошел от борьбы, поскольку в 1670 г. продолжал быть темниковским протопопом (см.: РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 865, 1538 — материалы Записных книг Тайного приказа).*

^{59*} *...у Спаса на Новом. В Ново-Спасском монастыре, в Москве на Таганке; основан в конце XV в. великим князем Московским Иваном III Васильевичем.*

^{60*} *...Неронова Иванна... посадил в монастырь Симанове и послать на Вологду сослалъ въ Спасов Каменной монастырь, потом в Кольской острогъ. Симонов Успенский Новый монастырь находился в Москве, близ Крутицкого архиерейского дома; основан в XIV в. Ивана Неронова арестовали в августе 1653 г. и вскоре, в августе же, лишив сана, сослали за Вологду в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере; спустя год, в июле 1654 г., его перевели на Кольский полуостров в Кандалакшский Рождества Богородицы монастырь, откуда он в августе 1655 г. бежал в Москву к Стефану Вонифатьеву; некоторое время жил тайно у Стефана в келье и затем постригся в монахи. На соборе 1666 г. старец Григорий Неронов принес покаяние за сопротивление церковной реформе и принял троеперстие; в 1669 г. он был поставлен архимандритом Данилова монастыря*

в Переяславле-Залесском, где в 1670 г. и умер (см. Житие Ивана Неронова, его сочинения и документальный материал о нем: Материалы... Т. 1). Аввакум никак не мог примириться с отпадением Ивана Неронова и до последних дней надеялся на его возвращение; страстно обличая многих других, он не вымолвил худого слова против Неронова и писал его ученику Феоктисту: «Про все пиши, а про старцово житие мне не пиши, не досаждай мне им; не могут мои уши слышать о нем хульных глагол ни от ангела. Уш то грех ради моих в сложении перстов малодушествует. Да исправит его Бог, надеюся» (Памятники... Стб. 909.).

^{61*} *Посем меня взяли от всенощнаго... человекъ со мною с шестьдесят взяли...* После того как Ивана Неронова лишили священнического сана, духовенство Казанского собора стало чинить препятствия участию Аввакума в богослужении в этом храме. Из-за этого Аввакум в день проводов Ивана Неронова в ссылку служил полунощницу в церкви св. Аверкия. Когда же и тамошний поп перестал, видимо, пускать его в свой храм, Аввакум решил служить всенощную в «сушиле», сарае на дворе Ивана Неронова. Поп Казанского собора Иван Данилов донес Никону о «сушильной» всенощной Аввакума (см.: Материалы... Т. 1. С. 26—32). Сам Аввакум в письме к Ивану Неронову писал, что он решился «побдети в сушиле», «помянув изгнание великого светила Иоанна Златоустаго»; это произошло в первое воскресенье после отъезда Ивана Неронова (см.: Там же. С. 21). Среди заутрени в сарай ворвались стрельцы, принялись бить Аввакума в епитрахили, потоптали ногами книги, по которым велась служба. Вместе с Аввакумом схватили и стоявших за службой людей (см.: Там же. С. 22—23).

^{62*} *...до Андроньева монастыря...* До Спасо-Андроникова монастыря, находившегося в Москве близ Рогожской заставы, на берегу р. Яузы; основан в XIV в. митрополитом Алексеем; первым настоятелем монастыря был ученик преп. Сергия Радонежского Андроник.

^{63*} *...Логина, протопопа Муромскаго.* Протопоп из г. Муром Логгин, член кружка ревнителей благочестия, был репрессирован Никоном одним из первых. Уже в июле 1653 г. Никон созвал собор против Логгина и осудил его; в то время за Логгина заступался еще не арестованный Иван Неронов. 1 сентября 1653 г. Логгин был проклят на соборе и расстри-

жен, о чем и рассказывает Аввакум (см.: *Материалы...* Т. 1. С. 41—44).

^{64*} ...до *Богоявленскаго монастыря...* Богоявленский монастырь, основанный в конце XIII в., находился в Москве в Китай-городе, где ныне Красная площадь, между Никольской и Ильинской улицами.

^{65*} ...в *приказ Сибирской...* В Московском государстве XVII в. административное управление совершалось особыми учреждениями — приказами, они заведовали разными отраслями или отдельными областями государства; таким был и Сибирский приказ.

^{66*} ...*дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ...* *Саватѣй-старецъ...* Дьяк (т. е. должностное лицо, чиновник) Сибирского приказа Третьяк Васильевич Башмаков в конце 1640-х — начале 1650-х гг. находился на службе в Тобольске и покинул этот город незадолго до отправки туда протопопа Аввакума. После 1653 г. (когда именно — точно не известно) он постригся в монахи в Чудовом монастыре, приняв имя Савватий. В 1660 г. он обратился к царю с челобитной, в которой обличал работу справщиков церковных книг (эта челобитная не сохранилась), и за это был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда написал еще одну челобитную царю (см. ее издание в кн.: Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862. С. 34—55), где подробно разбирал многочисленные исправления в текстах богослужебных книг и обосновывал их ненужность. На соборе 1666 г. каким-то образом привлекалась к рассмотрению челобитная старца Савватия (см.: *Материалы...* Т. 2. С. 12—13), но документы нам неизвестны. Дальнейшая судьба Савватия неясна.

^{67*} *Таже послали меня в Сибирь в ссылку з женою и дѣтми.* В самом начале сентября 1653 г. Сибирский приказ был извещен об указе Никона сослать Аввакума с женою и детьми «в Сибирской город на Лену». 16 сентября в Сибирском приказе была изготовлена указная грамота архиепископу Сибирскому Симеону об отправке Аввакума в его распоряжение. Судя по всему, отъезд Аввакума с семьей состоялся вскоре после 17 сентября, так как этим числом датируется роспись имен провожатых стрельцов, присланных из Стрелецкого приказа в Сибирский приказ для конвоирования ссыльных. Протопопицу, стало быть, повезли по сибирскому этапу еще не оправившейся от

родов, ведь 8 сентября у нее родился третий сын, Корнилий: на допросе 15 сентября 1653 г. Аввакум показал, что у него в то время было четверо детей — дочь Агриппина, восьми лет, сыновья Иван, девяти лет, Прокопий, пяти лет, и Корнилий, восьми дней. В проезжей грамоте, выданной конвойным, были перечислены основные этапы маршрута их следования: Переяславль-Залесский, Ярославль, Вологда, Тотьма, Устюг Великий, Соль Вычегодская, Кайгород, Соль Камская, сибирские города — Верхотурье, Туринский острог, Тюмень (см. документы из дел Сибирского приказа, опубликованные: *Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 143, 159—160, 163*).

^{68*} *Архиепископъ Симеонъ Сибирской... устроилъ меня в Тобольске к мѣсту.* Поскольку в приказных документах 1655 г. Аввакум называется тобольским Вознесенским протопопом (см.: *Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 160, 161*), то ясно, что архиепископ Симеон поставил Аввакума протопопом Вознесенского собора в Тобольске. Указная грамота Сибирского приказа от 16 сентября 1653 г., вручавшая ссыльного Аввакума Сибирскому архиепископу, сообщала, что «священство у него, Аввакума, не отнято», и предписывала архиепископу Симеону по прибытии Аввакума велеть ему «в Сибири — в Тобольску или где в-ыном граде — быти у церкви» (см.: Там же. С. 159—160). По сохранившимся документам известно, что Симеон доверительно относился к Аввакуму, Вознесенскому протопопу, и поручал ему в ту пору важные епархиальные дела: в мае 1655 г. Аввакум ездил от Тобольского архиерейского дома разбирать спорное дело по поводу беглых монастырских крестьян между приказчиком Киргинской слободы и строителем Исетской пустыни Далматом (см.: Там же. С. 161). Впоследствии Исетская пустынь превратилась в заметный центр старообрядчества в Сибири.

^{69*} *Пятья слова государевы сказывали на меня...* Сказать на кого-либо «слово и дело государево» означало изъяснить готовность донести правительству о преступлении или деле государственной важности, связанном с этим человеком. На Аввакума, стало быть, поступило пять доносов.

^{70*} *Владыка съехал к Москвь, а онъ без нево... напалъ на меня... дьяка Антония захотѣлъ мучить напрасно.* Симеон Сибирский был вызван в Москву на церковный собор 1654 г. После 24 января 1654 г. он покинул свою епархию и возвратился

в Тобольск только в декабре 1654 г. Как явствует из сохранившихся документов Сибирского приказа, на время своего отсутствия архиепископ поручил дела приказному Григорию Черткову и дьяку Ивану Струне; последний, в частности, имел право вершить судные церковные дела. По-видимому, Струна преследовал дьячка Вознесенской церкви Антония по какому-то подвластному ему судному церковному делу (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 145—150, 162).

^{71*} ...уйду к воеводѣ. В то время воеводство в Тобольске держали стольник князь Василий Иванович Хилков и князь Иван Иванович Гагарин-Посной (см.: *Барсуков А.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 238—239, 399); бoльшим из них был Василий Иванович Хилков.

^{72*} ...Матфѣй Ломковъ... О Матфее Ломкове из других источников ничего не известно.

^{73*} ...Павла митрополита... Митрополит (с 1664 г.) Сарский и Подонский (Крутицкий) Павел — рьяный сторонник Никоновой реформы. Во время отставки Никона он исполнял обязанности местоблюстителя патриаршего престола; был в числе организаторов антистарообрядческого собора 1666—1667 гг., пристрастным и жестоким участником допросов (см. также Житие боярыни Морозовой в наст. изд., с. 150).

^{74*} ...з дьяконом Афонасьемъ. Дьякон Успенского собора в Кремле, любимец Никона, остававшийся преданным ему и во время его опалы.

^{75*} Таже приехал с Москвы архиепископъ... и мое дѣло тут же помянулъ. В бумагах Сибирского приказа сохранилось дело о потворстве, которое оказал дьяк Иван Струна кровосмесителю. Из документов известно, что вернувшийся в Тобольск архиепископ Симеон посадил Ивана Струну под арест; сведения о «беззаконном деле» Струны по приказным документам вполне совпадают с тем, что рассказал о нем Аввакум (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 145—150, 155, 162, 166).

^{76*} Он же... сказалъ слово и дѣло государево на меня. Как следует из документов Сибирского приказа, Иван Струна, уйдя в воеводскую канцелярию, сделал там донос про какие-то

«того протопопа Аввакума неистовые слова» (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 162).

^{77*} *Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову за приставѣ.* Дьяк Струна сказал «слово и дело государево» на Аввакума; а так как политический доносчик в Московском государстве пользовался особой охраной и бережением до самого окончания следствия, производимого по доносу, то его и отдали «за пристав», т. е. приставили к нему караульщика. Сибирский землепроходец Петр Бекетов в 1642—1644 гг. числился «письменным человеком» в Енисейском остроге; в 1652 г. енисейский воевода Афанасий Пашков посылал его разведывать места в Поамурье, на Иргень-озеро, на реки Шилку и Нерчу, где несколькими годами позже окажется Аввакум вместе с отрядом самого Афанасия Пашкова. Как явствует из сохранившихся документов, с 1654 по 1660 гг. Петр Бекетов в Восточной Сибири осваивал земли и возводил остроги, следовательно, никак не мог быть «приставом» Ивана Струны в Тобольске и умереть там в 1655 г. Как предположил А. Т. Шашков, здесь у Аввакума случилась ошибка памяти. Или в Тобольске в 1655 г. жил другой Петр Бекетов? (см.: *Шашков А. Т.* Из истории сибирской ссылки протопопа Аввакума // *Старообрядчество в России (XVII—XX вв.)*. М., 2004. Вып. 3. С. 49—54).

^{78*} *... велено меня ис Тобольска на Лъну вести...* Как видно из отписки тобольских воевод в Сибирский приказ, 27 июня 1655 г. ими была получена грамота (до нас не дошедшая) о ссылке Аввакума «на Лену в Якуцкой острог» по указу Никона; в грамоте при этом значилось, что по распоряжению Никона «божественные службы ⟨...⟩ тому протопопу служить не велено» (см.: *Никольский В. К.* Сибирская ссылка протопопа Аввакума. С. 160). Из Тобольска Аввакум отправился в ссылку в Петров день, т. е. 29 июня 1655 г. (см. с. 94).

^{79*} *... два брата, жили кои у царя в Верху, умерли з женами и дѣтми.* О братьях Аввакума см. примеч. 53*. Поскольку известно, что Козьма здравствовал вплоть до 1666 г., — значит, в моровое поветрие 1654 г. умерли Аввакумовы братья Герасим и Евфимий.

^{80*} *Говориль прежде мора Нероновѣ царю и прорицал... морѣ, мечѣ, разделение...* Известны письма Ивана Неронова царю Алексею с прорицанием «хотящей быти брани», «погибели» и «тщеты» (см.: *Материалы...* Т. 1. С. 34—40, 51—69).

^{81*} ...«Аще возможно ему прельстити и избранныя»... Ср. Мф. 24:24.

^{82*} ...«мняйся стояти да блюдется, да ся не падет». 1 Кор. 10:12.

^{83*} ...«Се полагаю в Сионъ... камень соблазну»... Рим. 9:33. См.: Ис. 8:14—15; 28:16.

^{84*} *Отдали меня Афонасью Пашкову...* Афанасий Филиппович Пашков, с 1650 г. воевода Енисейского острога, куда Аввакум с семьей прибыл зимой 1655/1656 г., незадолго перед тем получил назначение на новое воеводство в Даурскую землю, в то время еще не приведенную окончательно под власть русского царя (см. документы об этом: РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 1—37 — Наказ Афанасию Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г.; ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. № 17. — Грамота 1655 г. енисейскому воеводе Ивану Акинфову о снабжении отряда Афанасия Пашкова, посланного в Даурию, различными припасами). До лета 1656 г. Пашков набирал в Енисейске отряд и готовился к экспедиции (см. документы об этом: Древняя российская вивлиофика... / Изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. III. С. 188).

^{85*} *Поехали из Енисейска.* Экспедиция Пашкова выступила из Енисейска летом 1656 г.

^{86*} ...*в Тунгуске-реку...* Верхняя Тунгуска — сибирское название реки Ангары.

^{87*} ...*аз ему малое писанейце послал...* «Писанейце» Аввакума к Пашкову не сохранилось.

^{88*} ...*со Владыкою, что Иевъ непорочной, — на судъ.* Аввакум имеет в виду содержание 9 и 10 глав Книги Иова.

^{89*} *Исаакъ Авраамович роди сквернова Исава...* Зара же — праведнаго Иева. Родословная Иова описана близким образом в «Памяти святого Иова», включенной под 6 мая в так называемый Успенский сборник, одну из древнейших русских рукописей (четырь-минейного типа), датируемую XII—XIII вв. (см.: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 164).

^{90*} «*Изведый мя ис чрева матере моя, кто дастъ судию между мною и тобою... от острига овецъ моихъ плещи нищихъ одѣвахуся*». Ср. Иов 31:15—20.

^{91*} «*Сыне, не пренемай наказаниемъ Господним... не сынове есте*». Евр. 12:5—8; последний стих приведен Аввакумом в вольном пересказе.

^{92*} ...привезли в Брацкой острог... Братский острог на Ангаре, неподалеку от современного г. Братска.

^{93*} ...пси облизаху гной его... Лк. 16:21.

^{94*} ...по Хилку... Приток р. Селенги, впадающей в Байкал.

^{95*} ...до Ирвьеня-озера... Озеро к востоку от Байкала.

^{96*} ...что Авраамъ у дуба Мамъврийска. См. Быт. 13:18.

^{97*} Два у меня сына в тѣхъ умерли нуждах. Умерли Корнилий, родившийся в Москве перед самой отправкой в Сибирь (см. примеч. 67*), и младенец, родившийся, стало быть, в Сибири, неизвестный нам по имени.

^{98*} ...воеводъская сноха Евдокья Кириловна... Жена сына Афанасия Пашкова Еремея.

^{99*} ...жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна. Жена Афанасия Пашкова Фекла Семеновна по возвращении в Москву, после смерти мужа, постриглась в монахини с именем Феофания; с июня 1673 г. и до конца своих дней в 1685 г. она была игуменьей московского Вознесенского девичьего монастыря, располагавшегося в Кремле рядом с Чудовым (см.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 223).

^{100*} ...яко ничтоже успъвает, но паче молва бывает... Мф. 27:24.

^{101*} ...благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамъ... См.: Чис. 22:28.

^{102*} ...при Улиане-мученике — рысью, и при Сисинии — оленем... Источники этих сюжетов пока не установлены.

^{103*} Богъ идѣже хоцетъ, побѣждаетъ естества чин. Из стихеры службы Акафиста Богородице (см. Триодь постную).

^{104*} ...и блудница мертваго воскресила. В Житии Феодора Едесского рассказывается о блуднице, воскресившей умершего младенца (см. Житие под 9 июля в Великих Минеях Четиих).

^{105*} В Кормчей писано: «Не въсѣхъ Духъ Святый рукополагает, но всѣми дѣйствует, кромѣ еретика». Близкая параллель к этой мысли была высказана Иоанном Златоустом (см.: Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константина града, патриарха вселенскаго, беседы на 14 посланий св. апостола Павла. Киев, 1623. Стб. 2552).

^{106*} Таже с Неръчи-реки назад возвратилися к Русь. Отстроив Нерчинский острог, Афанасий Пашков зимой 1661 г. выехал

в Иргенский острог, откуда весной 1662 г. отправился в Москву (см.: Отписки нового нерчинского воеводы Илариона Толбузина, сменившего Пашкова, в изд.: ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. № 116, 121).

^{107*} ...сына своево Еремѣя... Еремей Пашков находился в отряде Афанасия Пашкова по царскому указу, предписывавшему ему быть у отца «в товарищах», т. е. вторым воеводой (см.: Древняя российская вивлиофика... изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1788. Ч. III. С. 185.).

^{108*} ...в Мунгальское царство... В Монголию.

^{109*} «Господи, аще хочещи... да огонь снидет с небесе...». И идоша во ину весь. Лк. 9:54—56.

^{110*} ...косень Богъ во гнѣвъ и скоръ на послушание... Ср. Иак. 1:19.

^{111*} «Аще живемъ — Господеви живемъ... Господеви умираемъ». Рим. 14:8.

^{112*} *Перемѣна ему пришла...* Новый воевода И. Б. Толбузин прибыл на смену Афанасию Пашкову в мае 1662 г.; 25 мая Пашков отправился в Москву из Иргенского острога через Байкал (см.: Отписки нового нерчинского воеводы Илариона Толбузина в изд.: ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. № 116, 121).

^{118*} ...и мнѣ грамота пришла... Эта грамота до нас не дошла.

^{114*} «Внутрь убо — страх, а внѣ убо — боязнь»... 2 Кор. 7:5.

^{115*} «Уже бо-де не надѣяхомся и живи быти, но Господь... избавляетъ». 2 Кор. 1:8, 10.

^{116*} ...яко «аще не бы Господь в нас... живы пожерли быша нас». Пс. 123:2.

^{117*} ...человѣкъ, суеть которой уподобится, дние его, яко стѣнь, преходятъ... Пс. 143:4.

^{118*} ...скачетъ, яко козель... лукаует, яко бѣсъ... Здесь Аввакум развивает мотив из Слова Иоанна Златоуста «Откуда познается совершен христианин» (см. в Прологе под б февраля).

^{119*} *Въ Енисѣйске зимовал и... в Тобольске зимовал.* Следовательно, Аввакум провел в Енисейске зиму 1662/1663 г., а в Тобольске — зиму 1663/1664 г.

^{120*} ...война в то время в Сибири была... В 1662—1663 гг. в Сибири происходило восстание местных народов против русского владычества под предводительством хана Девлет-Кирея, внука Кучума.

^{121*} *Потом и к Москвь приехал.* Аввакум приехал в Москву весной 1664 г.

^{122*} *...в Кремль на монастырьском подворье.* В более ранней редакции Жития Аввакум назвал монастырь, на подворье которого он остановился: «на Новодевичьи подворьи» (см.: Памятники... С. 120).

^{123*} *В царевнины имянины...* Возможно, в именины царевны Ирины Михайловны, которая благоволила Аввакуму.

^{124*} *«...польма растесан будешь!»* Ср. Мф. 24:51.

^{125*} *...Стрешневу Родиону, окольникему.* Родион Матвеевич Стрешнев с 1663 по 1680 г. заведовал Сибирским приказом, нес дипломатическую службу, когда решался вопрос о присоединении Украины к России (в 1653 г. вел переговоры с Богданом Хмельницким), в 1654—1655 гг. участвовал в походе против польского короля. Во время распри царя Алексея с патриархом Никоном царь чаще всего посылал к опальному патриарху именно Р. Стрешнева. С 1679 г. Р. Стрешнев был дядькой при царевиче Петре Алексеевиче и в этом качестве присутствовал на венчании Петра I на царство (1682).

^{126*} *...от Лукьяна-духовника...* Речь идет о протопопе Благовещенского собора в Кремле Лукьяне Кириллове, царском духовнике с 1657 по 1666 г.

^{127*} *...а старой другъ, Феодором зовуть, Михайловичъ Рѣтищевъ...* Федор Михайлович Ртищев (1626—1673) — знатный вельможа, окольник, очень близкий царю человек, блестяще образованный; первоначально был членом кружка ревнителей благочестия, почитал Стефана Вонифатьева и Ивана Неронова. В начале церковного раскола пытался примирить враждующие стороны; в его доме устраивались философско-богословские диспуты между противниками и сторонниками церковной реформы (см. с. 93). Но благоговение его перед европейски ориентированной образованностью «киевских старцев» и стремление «просветить» русских на киевский лад в конце концов привели его в ряды врагов старообрядчества, несмотря на то что среди приверженцев старой веры было много его близких друзей и родственников.

^{128*} *...Прокопей Кузьмич Елизаровъ...* Думный дворянин, начальник Земского приказа, ведавший с 1657 по 1671 г. административным управлением Москвы.

^{129*} ...многонько написано было. Эта челобитная, в которой говорилось о кандидатурах на место патриарха и на другие духовные властительские места, не сохранилась; именно она послужила причиной новых гонений на Аввакума со стороны царя и духовных властей (см. об этом в челобитной Ивана Неронова царю от 6 декабря 1664 г.: Материалы... Т. 1. С. 198—199, и в так называемой Второй челобитной самого Аввакума: Памятники... Стб. 751).

^{130*} ...с Феодором юродивым. С юродивым Федором Аввакум впервые встретился при возвращении из сибирской ссылки в Великом Устюге, тогда Федор и стал его духовным сыном.

^{131*} ...под Красное крыльце... Красное крыльцо тянулось по фасаду Большого Кремлевского дворца от Благовещенского собора до Грановитой палаты, под крыльцом находилось караульное помещение для стрельцов, несших охрану дворца.

^{132*} ...архимариту ... что нынѣ Павель-митрополитъ... Павел Крутицкий (см. примеч. 73*) был возведен в митрополиты из архимандритов Чудовского монастыря 22 августа 1664 г., следовательно, свою челобитную царю Аввакум подал до этого срока, покуда Павел еще оставался архимандритом.

^{133*} ...к бояронтъ к Федосье Морозове, жить. Юродивый Федор жил некоторое время у боярыни Морозовой, своей покаянной сестры; затем между ними возникла какая-то ссора, о которой глухо для нас упоминают в своих письмах боярыня Морозова и протопоп Аввакум (см.: Барсков Я. А. Памятники... С. 35—40, 42—43, 45).

^{134*} Таже меня в ссылку сослали на Мезень. Мезень — город (нынешней Архангельской области) на правом берегу р. Мезени, впадающей в Белое море. Местом новой ссылки Аввакума и его семьи был определен Пустозерск, туда его отправили из Москвы 29 августа 1664 г. (см. записку Аввакума о своих заточениях и расстрижении: Памятники... Стб. 707—708). Путь ссыльных лежал через Вологду, Великий Устюг, Холмогоры, Мезень. Прибыв в октябре в Холмогоры, измученный Аввакум написал царю челобитную (см. ее публикацию: Памятники... Стб. 753—754), в которой, боясь за детей, просил не везти его дальше в Пустозерск трудным зимним путем, а оставить в Холмогорах; в первый, кажется, и последний раз Аввакум пал духом: «Болезнь бо чад моих, — писал он царю, — на всяк час слез душу мою исполняет. И в Даурской стране у меня два

сына от нужи умерли. Царь государь, смилуйся!» В это же время из Сарской пустыни за детей Аввакума просил царя старец Григорий Неронов (см. его челобитную царю: *Материалы...* Т. 1. С. 198—201). Но царь не ответил на эти просьбы; 29 декабря Аввакума с семьей и домочадцами привезли на Мезень (см. челобитную мезенского воеводы А. Х. Цехановецкого: *Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та. Л., 1951. Вып. 3. С. 255—266*). По дороге на Мезень или же по прибытии туда протопопица родила их младшего сына Афанасия (время его рождения устанавливается по упоминанию самого Аввакума в более ранней редакции его *Жития* о том, что он крестил Афанасия на Мезени: см. *Памятники...* Стб. 40). Мезенский воевода Алексей Христофорович Цехановецкий способствовал тому, чтобы отправка ссыльных в Пустозерск не состоялась, он писал царю о том, что это невозможно осуществить из-за отказа местных крестьян дать под ссыльных подводы и прогонные деньги; на Мезени, в Окладниковой слободке, Аввакум прожил до февраля 1666 г. (см. документы, опубликованные В. И. Малышевым: *Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского гос. ун-та. С. 255—266*).

^{135*} *...паки одново к Москвь поволокли.* Аввакума повезли в Москву на церковный собор, заседания которого начались в феврале 1666 г.

^{136*} *Токмо два сына со мною съехали...* У Аввакума в это время было шестеро детей: три сына — Иван, Прокопий и Афанасий — и три дочери — Агриппина, Акилина и Ксения. В Москву с отцом поехали Иван и Прокопий.

^{137*} *Скаску имь тутъ написаль...* Эта «сказка» Аввакума до нас не дошла.

^{138*} *...Козьма, дьякон ярославской...* Дьякон из ярославской Коровниковой слободы, ученик Никона.

^{139*} *...стригли и проклинали меня...* Расстрижение Аввакума и предание его анафеме состоялось 13 мая 1666 г. (см.: *Материалы...* Т. 2. С. 8—9, 27, 79—82).

^{140*} *...и дьякона Феодора стригли и проклинали.* Будущий соузник Аввакума по Пустозерской тюрьме дьякон (с 1659 г.) кремлевского Благовещенского собора Феодор был арестован в декабре 1665 г. после того, как подал царскому духовнику

челобитную «об Аввакуме, о свободе». Он смело выступал на соборе и был расстрижен в один день с Аввакумом. Посажённый в темницу Николо-Угрешского монастыря, дьякон Федор на миг смалодушествовал и написал властям «покаянное письмо», но вскоре одумался и пытался бежать; был схвачен и окончательно осужден собором; после этого его казнили урезанием языка и отправили в Пустозерск, где через пятнадцать лет ему было суждено принять вместе со своими соузниками огненную смертную казнь.

^{141*} *Дементей Башмаковъ.* Думный дьяк, доверенное лицо царя Алексея, активный сотрудник приказа Тайных дел, главного сыскного ведомства Московского государства.

^{142*} ... «*Не надѣйтесь на князя, на сыны человеческия, в нихже нѣсть спасения*»... Пс. 145:3.

^{143*} ...*полуголова Осипъ Саловъ...* В сохранившемся деле об отправке Аввакума из Николо-Угрешского монастыря в Пафнутьев Боровский монастырь (сентябрь 1666 г.) названо имя стрелецкого полуголова Григория Салова, приставленного караулить заточенного Аввакума (см.: *Материалы...* Т. 1. С. 371, 373).

^{144*} ...*попа Никиту Суздальскаго...* Суздальский соборный священник Никита Константинович Добрынин; один из активнейших обличителей Никоновых нововведений; в 1666 г. он подал царю обширную челобитную против никоновской книги «Скрижаль» и об исправлении богослужбных книг (опубликована: *Материалы...* Т. 4) и тут же был арестован. Собор 1666 г. отлучил Никиту от церкви, предал анафеме и сослал в Николо-Угрешский монастырь. Челобитная Никиты получила печатное опровержение: первая часть созданной в защиту церковной реформы книги «Жезл правления» (М., 1666) представляет собой обличительный разбор сочинения Никиты Суздальского. В Николо-Угрешской ссылке Никита ослабел и покаялся «за срубом и мечем», как говорил он сам впоследствии, и с него было снято отлучение. Но в 1682 г. он снова явился как старообрядческий борец и даже предводитель стрелецкого восстания, за что был публично казнен на Лобном месте 11 июля 1682 г.

^{145*} ...*меня наки в Пафнутьевъ перевезли...* Аввакума перевели в Пафнутьев Боровский монастырь 5 сентября 1666 г. (см. дело об отправке Аввакума из Николо-Угрешского монастыря в Пафнутьев: *Материалы...* Т. 1. С. 371—374).

^{146*} ...*Воротынъской князь-Иван...* Князь Иван Алексеевич Воротынский, с 1664 г. дворецкий царя Алексея Михайловича, двоюродный брат царя по матери; в 1673 г. присутствовал при пытке боярыни Морозовой и корил ее при этом (см. с. 162 и примечания к ней).

^{147*} *Хованъскова князь-Ивана...* Князь Иван Иванович Хованский-Большой, был близок к старообрядчеству; в конце столетия оказался причастен к делу старообрядческого книгописца Григория Талицкого, называвшего Петра I антихристом; умер под караулом до окончания следствия в 1701 г.

^{148*} ...*Феодосью Морозову... и сына ея... и сестру ея... мучат встхъ...* См. Житие боярыни Морозовой и примеч. к нему в наст. изд. (с. 140—176, 284—292).

^{149*} ...*в царевъ послании... обрящеши.* В так называемой Пятой челобитной царю Алексею Аввакум рассказал о своем видении: как царь предстал перед ним весь покрытый язвами, и язвы эти Аввакуму не дано было полностью излечить (см.: Памятники... Стб. 761—762).

^{150*} ...*табаку тово, что у газскаго митрополита... выняли напоследокъ...* Бывший митрополит Газы (Палестина) Паисий Лигарид, политический авантюрист и интриган, был одним из вершителей судеб на соборе 1666—1667 гг. Он прибыл в 1662 г. в Москву с подложными грамотами газского митрополита по приглашению Никона, будучи к тому времени изверженным из сана от Иерусалимского патриарха, но скрыв это от русских. Во время своего пребывания в Москве он постоянно выпрашивал у царя деньги и милостыню якобы на содержание Газской епархии, к которой уже не имел никакого отношения. От Никона он отшатнулся сразу же, как только тот попал в опалу, и с рвением помогал царю низложить его на соборе 1666 г. Полемизируя со старообрядцами, написал по заданию царя обширный разбор на латинском языке челобитной Никиты Суздальского. В Москве Паисий спекулировал мехами и драгоценными камнями и, как явствует из слов Аввакума, очевидно, торговал табаком, запрещенным в России к ввозу и употреблению.

^{151*} ...*«Горе, емуже рекутъ добре вси человекы».* Лк. 6:26.

^{152*} ...*приежалъ и Феодоръ, покойникъ, з дѣтми ко мнѣ побы- вать...* Старшим сыновьям Аввакума Ивану и Прокопию удалось повидаться с отцом еще в Николо-Угрешском монастыре, откуда в мае 1666 г. Аввакум писал на Мезень Настасье Мар-

ковне: «Дети, бедные, к монастырю приезжают, да получить меня не могут: всяко крепко от страха, насилиу и домой уедут» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 218). 8 июля 1666 г. Иван и Прокопий (вместе со своим двоюродным братом Макаром, сыном Кузьмы) были схвачены в Николо-Угрешском монастыре под окнами темницы Аввакума и до сентября находились под арестом, из-под которого освободились на поруки с условием «ставиться» ежедневно в Патриаршем приказе и из Москвы без царского указа никуда не съезжать, т. е. попали под надзор (см.: Материалы... Т. 1. С. 359—370). Несмотря на такие испытания, сыновья Аввакума продолжали искать возможности свидеться с отцом и, как видим, смогли вместе с юродивым Федором посетить его в темнице Пафнутьева Боровского монастыря.

^{153*} ...«В рубашке ль-де ходить али платье вздѣть?...» Рубашка по традиции была единственным видом одежды человека, бравшего на себя подвиг юродства; нагота являлась отличительной чертой подвига юродивого. При такой наглядной особой примете юродивому Федору было очень трудно спрятаться от преследователей. Поэтому протопоп Аввакум и благословил его носить обычное платье.

^{154*} ...у архиепископа Лариона... Архиепископ Рязанский Иларион был старым знакомцем и даже другом Аввакума по нижегородскому периоду его жизни (см. с. 91). В 1649—1656 гг. он игуменствовал в Макариевом Желтоводском монастыре, к которому тяготели многие из кружка ревнителей благочестия. После введения церковной реформы пути Аввакума и Илариона разминувшись: Аввакума отправили в ссылку, а Илариона сделали (в 1657 г.) архиепископом. Иларион Рязанский был ревностным противником старообрядчества. На соборе 1666—1667 гг. он играл первейшую роль в паре с Павлом Крутицким (см. примеч. 73*).

^{155*} ...удавили его на вистьлице отступники... на Мезени. Федор юродивый был казнен в марте 1670 г. вместе с другим духовным сыном Аввакума, юношей Лукой Лаврентьевичем (см. об этом с. 86).

^{156*} ...Афонасей-уродивый... во иноцех Авраамий... Юродивый Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума. Он написал целый ряд сочинений в защиту старой веры, важнейшие из которых: «Челобитная царю Алексею

Михайловичу», «Христианоопасный щит веры», «Вопрос и ответ инока Авраамия». В 1670 г. за хранение и распространение антиниконианских писаний и за переписку с Аввакумом он был арестован и весной 1672 г. казнен через сожжение.

^{157*} ...на Болотъ. На Болотной площади, напротив Кремля, по ту сторону Москвы-реки.

^{158*} Какъ ис Пафнутьева монастыря привезли меня к Москвь... Аввакума привезли в Москву 1 мая 1667 г.

^{159*} ...водили в Чудовъ, грызлися, что собаки, со мною власти. В Чудовом монастыре Аввакума допрашивали архимандриты Чудовский Иоаким (будущий Московский патриарх) и Спасо-Ярославский Сергей.

^{160*} ...передъ вселенскихъ привели меня патриарховъ, и наши всъ тут же сидять... 17 июня 1667 г. Аввакум предстал перед патриархами, заседавшими на церковном соборе, — Макарием Антиохийским, Паисием Александрийским (вселенскими патриархами) и Иоасафом II, Московским патриархом, незадолго перед тем избранным на том же соборе. Патриархи Макарий и Паисий прибыли в Москву 2 ноября 1666 г. по приглашению русских властей, стремившихся придать общеправославный авторитет собору, созванному для рассмотрения дел русской Церкви: лишения Никона патриаршего сана, избрания нового патриарха и осуждения старообрядцев. На Руси было хорошо известно, что бедные восточные патриархи ездили к русским царям главным образом за щедрой милостыней и неизменно ее получали.

^{161*} А и у вас православие пестро стало от насилия турскаго Магмета... Аввакум имеет в виду то обстоятельство, что с 1453 г., с момента завоевания Византийской империи турками (султаном Магометом), православное население восточных патриархатов находилось под властью магометан.

^{162*} А первые наши пастыри, якоже сами пятию перъсты крестились, такоже пятию перъсты и благословляли по преданию святых отецъ наших, Мелетия Антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. — Здесь Аввакум называет те имена, к авторитету которых прибегали дониконовские издания Псалтыри с воследованием, включавшие в свой состав статью «Како лице свое крестити крестообразно и истово» и объяснявшие символику двуперстного крестного знамения ссылками на учение блаженного Феодорита, епископа

Киррского (V в.), о крестном знамении, на Мелетия, патриарха Антиохийского (IV в.), опиравшегося в борьбе с ересью Ария на символику крестного знамения, на защитника двуперстия византийского ученого инока Петра Дамаскина (XII в.), на авторитет русского просветителя и философа Максима Грека (1480—1556), автора «Слова, како подобает знаменатися крестным знамением» и «Слова о сугубой аллилуие».

^{163*} *Еще же и московский помѣстный бывый собор при царь Иваннѣ...* Аввакум имеет в виду Стоглавый собор 1551 г., поместный собор русской церкви, в решениях которого было постановлено: «иже кто не знаменатся двема персты, якоже и Христос, да есть проклят» (см.: Стоглав: Собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). СПб., 1997. С. 84).

^{164*} *...Гурий... и Варсонофий... Казанские чудотворьцы...* Во время Стоглавого собора архиепископ Казанский Гурий был епископом Смоленским и Брянским, а Тверской архиепископ Варсонофий — архимандритом казанского Спасо-Преображенского монастыря. Оба они причтены Церковью к лику святых в 1595 г. В московском Казанском соборе был придел, посвященный казанским чудотворцам Гурию и Варсонофию, и именно в этом приделе служил Аввакум при настоятеле собора Иване Неронове.

^{165*} *...Филиппъ, Соловецкий игумень, иже и митрополитъ Московской...* Во время Стоглавого собора Филипп был игуменом Соловецкого монастыря (см. также примеч. 38*, 44*).

^{166*} *... «Лутче един... нежели тмы беззаконных!»* Сирах. 16:3.

^{167*} *...дьякъ Иванъ Уаровъ...* Дьяк Иван Уарович Калитин в свое время был человеком, близким к Никону. В 1660 г. он выступал свидетелем по делу Никона (см.: Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 34).

^{168*} *...толмачю архимариту Денису...* Архимандрит Афонского Иверского монастыря грек Дионисий состоял переводчиком при греческих патриархах Макарии и Паисии, он прибыл на Русь в 1655 г. в качестве настоятеля греческого Никольского монастыря в Москве и затем принимал участие в исправлении русских богослужебных книг по греческим образцам. Влияние Дионисия на ход собора 1666—1667 гг. было весьма существенным. Он написал трактат против старых русских церковных обрядов, который был положен в основу постанов-

лений («деяний») собора. Кроме того, он оказывал давление на патриархов Макария и Паисия, убеждая их выносить решения, нужные московскому правительству.

^{169*} «Таковъ нам подобаше архиерей: прѣподобенъ, незлобивъ»... Евр. 7:26.

^{170*} «Мы уроди Христа ради... мы же немощни!» — 1 Кор. 4:10.

^{171*} ...Евфимей, чудовской келарь... Справщик Московского печатного двора, уставщик и келарь Чудовского монастыря, прекрасно образованный в духе греческой ориентации монах, автор ряда переводов с греческого.

^{172*} ...священника Лазаря... Священник из Романова-Борисоглебска Лазарь за неприятие Никоновой реформы был сослан в 1661 г. в Тобольск, откуда затем «за неистовое прекословие», т. е. за дальнейшую открытую и смелую борьбу, переведен в Пустозерск. В 1666 г. Лазаря привезли из Пустозерска в Москву на церковный собор для суда над ним. В ноябре 1666 г. его допрашивали на соборе, а 17 июня 1667 г. расстригли и предали анафеме (см.: Материалы... Т. 2. С. 113).

^{173*} ...и старца Епифаня... См. Житие Епифаня и примечания к нему в наст. изд. (с. 107—139, 277—284).

^{174*} ...клубуки-те рогатые ставцами-тѣми носят. Аввакум здесь имеет в виду новый фасон высоко возвышающихся над головой, как рог или поставец, клубуков духовенства; древнерусская традиция не знала такой формы.

^{175*} ...перевезли на Ондръевъское подворье. 30 июня 1667 г. Аввакум, Лазарь и Епифаний были отвезены на подворье Андреевского монастыря, основанного в 1648 г. Ф. М. Ртищевым, находившегося на берегу Москвы-реки близ Воробьевых гор.

^{176*} Тимофей Марковъ — дьяк Конюшенного приказа.

^{177*} Я... написал послание... Это послание Аввакума до нас не дошло.

^{178*} ...в Савине слободке... В слободе Саввина Сторожевского монастыря; находился близ Новодевичьего монастыря.

^{179*} ...Юрья Лутохина... Стрелецкий голова (полковник) Юрий Лутохин был управляющим царского имения в с. Измайлове.

^{180*} ...и взяли... скаски у нас. 5 августа 1667 г. Аввакума, Лазаря и Епифаня допрашивали о вере (в том числе, «великий государь царь (...) Алексей Михайлович (...) православен ли») архимандриты: владимирского Рождественского монастыря —

Филарет, новгородского Хутынского — Иосиф и Спасо-Ярославского — Сергей (см.: *Материалы...* Т. 2. С. 21—26).

^{181*} ...*Артемон и Дементей...* — Артамон Матвеев и Дементий Башмаков. Артамон Сергеевич Матвеев, крупный государственный сановник, ярый противник старообрядцев, не раз участвовал в их допросах и «уговорах». После смерти царя Алексея он попал в опалу и был сослан в тот же самый Пустозерск, где с декабря 1667 г. томился Аввакум и его соратники. Соединенные одной ссылкой, они остались по-прежнему разьединенными в том, что касалось церковной реформы; Артамон Матвеев в Пустозерске перетянул в никонианство попа местной Никольской церкви Иосифа, за возвращение которого к старой вере боролся Аввакум (см.: *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное...* С. 262). В 1682 г., в год казни Аввакума, с Артамона Матвеева была снята опала, и он возвратился в Москву, но там вскоре (15 мая) был убит восставшими стрельцами, пережив казненного по царскому указу Аввакума всего на месяц.

^{182*} ...*Никифора-протопопа...* Симбирский протопоп Никифор, не желавший служить по новоисправленным книгам, был расстрижен еще до собора 1666 г. единоличным решением греческих патриархов Макария и Паисия, которые столкнулись с ним в Симбирске на пути своего следования в Москву. Московский собор 1666—1667 гг. осудил Никифора вместе с другими старообрядцами. Вскоре по прибытии в пустозерскую ссылку протопоп Никифор умер (в 1668 г.).

^{183*} *Таже, братию, Аазаря и старца, казня... а меня и Никифора-протопопа не казня, сослали нас в Пустозерье...* Царский указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Никифора, Лазаря и Епифания был подписан 26 августа 1667 г. На следующий день Аазаря и Епифания «казнили» на Болотной площади урезанием языков; 30 августа всех четверых отправили по этапу. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря 1667 г. (см.: *Барсков Я. Л. Памятники.* С. 146—147, 250—251; *Веселовский С. Б. Документы о постройке пустозерской тюрьмы, о попе Лазаре, Иване Красулине и Григории Яковлеве // АЗАК. СПб., 1914. Вып. 26. С. 6—7).*

^{184*} *А двоих сыновъ моихъ, Ивана и Прокопья, оставили на Москвѣ за поруками... кое-какъ на Мезень к матери прибрели... и в землю попали.* Поручная запись с сыновей Аввакума Ивана

и Прокопия была взята 20 сентября 1666 г. «Прибтели» они из Москвы на Мезень летом 1669 г., а весной 1670 г. (в марте, после казни юродивого Федора и Луки Лаврентьевича) вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму.

^{185*} *Аз же ис Пустозерья послалъ к царю два посланья...* Аввакум имеет в виду свои так называемые Четвертую и Пятую челобитные царю Алексею Михайловичу (см. их издание: Памятники... Стб. 755—766). В Четвертой челобитной (1668) он извещал царя о смерти протопопа Никифора и просил отпустить из Москвы на Мезень своих сыновей. В Пятой (1669) обличал царя и рассказывал ему о своих видениях, говорил о его ответственности за сохранение старой веры.

^{186*} *...книга «Отвѣтъ православныхъ»* — важнейшее полемическое сочинение в защиту старой веры, написанное от лица всей пустозерской братии дьяконом Федором к началу 1669 г. (текст издан: Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 246—302).

^{187*} *...от Лазаря священника два послания: царю и патриарху.* Лазарь написал послания царю и патриарху в феврале 1668 г., но их долго не отсылали в Москву, так как тогдашний воевода Пустозерска Иван Неелов хотел их «вычитать», прежде чем отправлять адресатам, Лазарь же не давал на это согласия. По словам дьякона Федора, отец Лазарь написал эти послания «страшно и дерзновенно зело — суда на еретиков просил». В послании царю Лазарь не только просил, но и грозил: «И аще мы (...) мучимы есмы всяко и казними, в тесных темницах затворены (...) и о сем, царю, будут судиться с тобою прародители твои и прежняя цари и патриархи (...) к сим же и святии отцы» (см. издание посланий Лазаря: Материалы... Т. 4. С. 223—284). В феврале 1670 г. послания Лазаря были наконец отосланы в Москву.

^{188*} *...повѣсили в дому моемъ на Мезени на виселице двухъ чело-вѣкъ... Феодора преждереченнаго юродиваго да Луку Лаврентьевича...* Казнь в Мезени состоялась в марте 1670 г. Юродивый Федор пришел из Москвы на Мезень, видимо, вместе с сыновьями Аввакума, зимой 1668/1669 г. (см. упоминание о нем как о присутствующем на Мезени в письмах боярыни Морозовой и Аввакума). Федор был одним из «связных» Аввакума с внешним миром (см. в письме Аввакума к своей семье: «В Соловки

те Феодор хотя бы подъехал, письма те спрятав, в монастырь вошел как мочно тайно бы, письма те дал» — Барсков Я. Л. Памятники. С. 45). Очевидно, и юноша Лука Лаврентьевич тоже каким-то образом был причастен к распространению учения своего духовного отца и тем навлек на себя казнь.

^{189*} ...и Петр апостоль нѣкогда... Христа отрекся... плакася горько... См. Мф. 26:69—75; Мк. 14:66—72; Лк. 22:56—62; Ин. 18:25—27.

^{190*} ...полуголова Иванъ Елагин... Стрелецкий подполковник Иван Елагин в 1661—1663 гг. был воеводой на Мезени; затем нес службу в стрелецком полку, в личной охране царя, и в конце февраля 1670 г. был послан из Москвы для разбирательства и казней на Мезень и в Пустозерск. Вскоре после своей пустозерской миссии получил повышение — звание головы стрелецкого полка.

^{191*} ...взял у нас скаску... Эта «сказка» в данный момент неизвестна.

^{192*} ...и вытяня своима рукама языкъ свой... ужас бо обдержаше ево и трепетень бяше. В рукописи этот текст Аввакума был заклеен иноком Елифанием и исправлен его рукою на следующий: И в то время Божиим промысломъ прииде на него нѣкое забвение, яко сонъ, и не почувъ рѣзания языка своего, только вмаль-вмаль нѣкакъ ощутилъ, яко во снѣ, рѣзание языка своего безболѣзненно, благодатию Христовою остьняемо.

^{193*} ...стражие же... стрежаху темницу. Ср. Деян. 12:6.

^{194*} ...«Се еси добра, прекрасная моя! ...и вся в красоту сияешь, яко день в силу своей!». Ср. Песн. 1:14; 4: 1—7.

^{195*} «Аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ». — 2 Кор. 11:6.

^{196*} ...книгою Ефрема Сирина... Впервые книга поучений Ефрема Сирина (IV в.) вышла в свет на Московском печатном дворе в 1647 г. Следующее издание появилось только в 1667 г.; следовательно, Стефан Вонифатьев благословил Аввакума первым печатным изданием этой книги.

^{197*} ...к большой царевнѣ в Верхъ... Т. е. к старшей сестре царя Алексея Михайловича, царевне Ирине Михайловне, которая покровительствовала Аввакуму и в сибирской его ссылке (см. с. 102).

^{198*} ...кафизму «Непорочную»... Т. е. 17-ю кафизму Псалтыри, начинающуюся словами «Блаженни непорочнии...».

^{199*} «Призри на мя и помилуй мя!» Пс. 118:132.

^{199a*} «Аз ти о имени Господни повелеваю, душе нѣмый и глухий... иди на пустое мѣсто, идѣже... токмо Богъ призираетъ»... Аввакум припоминает здесь слова молитвы Василия Великого над «обуреваемым от духов нечистых». Ср.: Треник. М., 1647. Л. 155—160.

^{200*} Сундовик — правый приток Волги.

^{201*} ...Илариону-игумну... См. примеч. 154*. Иларион Рязанский, постриженник Макариева Желтоводского монастыря, был с 1649 по 1656 г. игуменом этого монастыря; значит, молиться за брата Аввакум ездил к нему в Макарьевский монастырь.

^{202*} ...пришел я от Федора Ртищева... шумѣль в дому ево о вѣре и о законѣ. См. примеч. 127*.

^{203*} Велик день — Пасха.

^{204*} ...к большому воеводѣ... См. примеч. 71*.

^{205*} ...вельно меня на Лъну ис Тобольска сослать. См. примеч. 78*.

^{206*} ...«О, всепѣтую»... Последний кондак из Акафиста Богородице начинается словами «О, всепетая Мати...».

^{207*} Потом и на Русь я вывез ея. ...страдала много вѣры ради з дѣтми моими на Москвѣ... за поруками их всѣхъ вмѣсте Павел-митрополит волочил. Когда сыновья Аввакума Иван и Прокопий попались властям при попытке повидаться с отцом в Николо-Угрешском монастыре (см. примеч. 152*), их допрашивали о некоей старице-татарке (см.: Материалы... Т. 1. С. 360—361), как можно догадаться, тоже посещавшей Аввакума в его угрешской темнице. Значит, это и была духовная дочь Аввакума кумычка Анна, во иночестве Агафья. Ивана и Прокопия как раз после этого ареста «волочили за поруками», вероятно, вскоре после них была схвачена и Агафья.

^{208*} ...«И печаль мою пред ним возвѣщу»... Пс. 141:3.

^{209*} ...«Се приступаю к Божественному причащению, Владыко... упование спасения моего. Аминь». Молитва, произносимая дьяконом в алтаре перед принятием причастия (см. Служебник).

^{210*} ...«Прости мя, Владыко, Христе Боже, елико согрѣших»... Аввакум предлагает обратиться к Господу Богу ту прощальную молитву, которую чтец говорит перед иереем на павечернице и полунощнице после обычного прощения священника перед братией (см. Часослов).

^{211*} ...да не рекутъ невѣрнии: «Гдѣ есть Богъ их!» См. Пс. 113:10.

^{212*} Терпѣние убогих не погибнет до конца. Пс. 9:19.

^{213*} Шакша-озеро — озеро в Забайкалье, вблизи озера Иргень.

^{214*} Царевна Ирина Михайлова ризы мнѣ... в Тоболескъ при-слала... См. примеч. 197*.

^{215*} Дочь моя Агретъна... Агриппина родилась в конце 1645 или 1646 г. (см.: примеч. 67*). Вместе с родителями ей, как и другим детям Аввакума, довелось пережить и сибирскую, и мезенскую ссылки.

^{216*} ...яко древняя Июдифъ о Израили, или яко Есвирь о Мардохѣе, своем дядѣ, или Девора мужеумная о Варацѣ. Прекрасная израильтянка Юдифъ прославилась спасением своего отечества Израиля от опустошения и завоевания ассирийскими войсками под предводительством военачальника Олоферна (см.: Иудифъ 8—16); еврейка Эсфирь, супруга персидского царя Артаксеркса, спасла своего «дядю» Мардохея и весь народ израильский от истребления, задуманного царедворцем Аманом (см.: Есф. 4—8); Девора, пророчица и одна из судей израилевых, научила военачальника Варака, как победить ханаанеян и избавить Израиль от ханаанского ига (см.: Суд. 4: 4—16).

^{217*} ...Славы своя иному не дам. Ис. 42:8; 48:11.

^{218*} ...Славящия мя — прославлю. 1 Царств 2:30.

^{219*} По преданию святых отецъ подобаетъ сложити три перъста... се являет триипостасное Божество, Отца и Сына и Святаго Духа... Таже на лѣвое плечо положити, — являет грѣшных от праведных отлучение, и в муки прогнание, и вѣчное осуждение. Это наставление Аввакума восходит к поучению из Собрания краткия науки о артикулах веры (Малый Катехизис), М., 1649. Л. 16 об. — 17 об.; ср. ту же статью в Книге о вере. М., 1648. Л. 74—74 об.

^{220*} ...Мелетий, архиепископъ Антиохийский... и Максим Грекъ. См. примеч. 162*.

^{221*} Писано о семъ во многих книгах... и в житъе Мелетиеве... См. сказание о Мелетии, архиепископе Антиохийском, под 12 февраля в Великих Минеях Четиих и Прологе. Здесь сказано, что, обличая арианскую ересь, архиепископ Мелетий во ознаменованье своей правоты благословил народ двоеперстием.

^{222*} ...Никонъ, Черныя Горы игумень... Игумен монастыря Богородицы на Черной горе в Сирии (XI в.), автор книг «Пан-

декты» и «Тактикон» — сборников выдержек из творений отцов церкви, соборных постановлений и т. п.

^{223*} ...*Никонъ... повельваеть в своей книге творити метания...* См.: Книга Никона Черногорца. Острог. 1640. Слово 57 «О праздницех и о постех и о коленопреклонениях».

^{224*} ...*во Апокалипсисе пишет... змий, звѣрь, лживый пророкъ.* См. Откр. 16:13.

^{225*} *Сия три перѣста предал Фармос, папа римьской... И по нем бывый Стефанъ, седмый папа, выкопавъ, поругал ево... и снидѣся земля по-прежнему паки.* Папа Фармоз занимал римский престол в 891—896 гг., в момент, когда резко обозначились разногласия между греческой и западной церквями, впоследствии приведшие их к окончательному разделению в 1054 г. Папа Стефан (896—897) распорядился исторгнуть тело Фармоза из могилы, обвиняя его в узурпации папского престола. В русской православной традиции папа Фармоз воспринимается как виновник разделения церквей. Рассказ о Фармозе и его посмертном обличении приводился в Книге о вере. Кроме того, известна отдельная Повесть о папе Фармозе, к содержанию которой особенно близок Аввакум (издание ее текста см.: О папе Фармозе // Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе. М., 1855. Ч. 14. С. 240—241).

^{226*} ...*о вѣрь Книга указываетъ летописецъ которой.* В Книге о вере (М., 1648) рассказ о папе Фармозе дается со ссылкой на «Летописец латынской», т. е. на «Деяния церковные и гражданские», колоссальный труд по церковной истории католического историографа Цезаря Барония, изданный в Кракове в 1603 г.

^{227*} ...*в греках Дамаскинъ... предал безумным грекам тѣ же три перѣста... отсыкая вочеловѣчение Христово.* Аввакум имеет в виду напечатанное в изданной Никоном в 1656 г. книге «Скрижаль» «Слово Дамаскина монаха, иподиакона и студита» в защиту троеперстия.

^{228*} ...*какой-то, сказываютъ, протопоп Малакса... благословлять рукою повельвает, нѣкако странно сложа персты, «Исус Христомъ».* Речь идет о так называемом именованном сложении перстов для иерейского благословения, которое по примеру греческой церкви стало употреблять русское духовенство, принявшее реформу Никона; в Никоновой «Скрижали» этому учила специальная статья «О знаменовании соединяемых

перстов руки священника...», приписанная здесь некоему Николаю Малаксе, протопопу Навплийскому.

^{229*} *Ипполитъ святой и Ефремъ Сиринъ, издалеча уразумѣвъ о семь времени, написали сице...* Аввакум имеет в виду Поучения св. Ипполита (см.: Соборник. М., 1647. Л. 131 об.) и Ефрема Сирина (см.: Паренесис Ефрема Сирина. М., 1647. Л. 298 об.—299) об антихристе, в которых толковались слова Апокалипсиса (Откр. 13:16) о «зверином начертании» — печати, полагаемой антихристом на десную руку и на чело людям.

^{230*} *И при царь Иване бывый в Москвь помѣстный собор...* Стоглавый собор 1551 г. См. примеч. 163*.

^{231*} *...якоже Феодорит, и Мелетий, и Петръ, и Максим Грек научиша...* См. примеч. 162*.

^{232*} *...Гурий и Варсонофий и Филиппъ, русския чудотворцы.* См. примеч. 164*, 165*.

^{233*} *...елика сотвори Богъ знаменія... с нима, — в Дьяниих зачало 36.* См. Деян. 15:12 (зачало 36). Аввакум здесь ссылается на литургическую систему деления текста богослужебного Апостола на зачала, фрагменты, предназначенные для чтения за богослужением в определенные дни церковного года.

^{234*} *И величаешься имя Господа... и сказующе дѣла своя.* Деян. 19:17—18 (зачало 42).

Житие инокa Епифанія

Первое сочинение инокa Епифанія о собственной жизни, то, что в научной литературе принято именовать его автобиографической Запиской, было впервые издано Н. Субботиным в 1885 г.¹ Это сочинение, написанное около 1666 г., стало зародышем Житія, создававшегося между 1667 и 1676 гг. В 1889 г.

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1885]. Т. 7. С. 53—63. Новейшая научная публикация автобиографической Записки Епифанія осуществлена О. Я. Кармановой: Карманова О. Я. Автобиографическая записка соловецкого инокa Епифанія (к проблеме мотивации текста) // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.) М., 1999. С. 255—260.

А. К. Бороздин впервые опубликовал Житие Епифания по одному из его поздних списков.² Затем в 1912 г. Житие издал Я. Л. Барсков в своей книге «Памятники первых лет русского старообрядчества».³ В 1963 г. вышла в свет книга А. Н. Робинсона, в которой научная публикация Жития Епифания по всем известным на тот момент спискам сопровождалась самым серьезным его текстологическим исследованием.⁴ Следующим научным изданием Жития стала публикация, осуществленная Н. Ф. Дробленковой в «Пустозерском сборнике».⁵ В 1989 г. Н. Ф. Дробленкова опубликовала Житие в серии «Памятники литературы Древней Руси».⁶

Как выясняется из текстологических исследований,⁷ Житие Епифания дошло до нас в двух редакциях: ранней (до 1671 г.) и более поздней (до 1676 г.). При этом более поздняя редакция сохранилась помимо неавторских списков в списках, являющихся автографами самого Епифания. Это списки из рукописей: Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Древлехранилище, собр. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой, № 169 (здесь помещена только I часть Жития); Библиотеки Академии Наук, собр. В. Г. Дружинина, № 746 (Пустозерский сборник Дружинина; тоже имеет только I часть Жития); Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Древлехранилище, ОП, оп. 24, № 43 (Пустозерский сборник Заволоко; имеет и I, и II части Жития).

Мы публикуем Житие Епифания по Пустозерскому сборнику И. Н. Заволоко (л. 116—130 об., 165—190).

² Бороздин А. К. Источники первоначальной истории раскола // Христианское чтение. 1889. Январь-февраль.

³ Барсков Я. Л. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

⁴ Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963.

⁵ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.

⁶ Житие Епифания / Подгот. текста и коммент. Н. Ф. Дробленковой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2 / Сост. и общ. редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1989. С. 310—336, 625—632.

⁷ См.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. С. 185—210; Бударагин В. П. Новый автограф Жития Епифания // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974. М., 1975. С. 79—82.

^{1*} ...твоего ради повельния и... благословения, отче свя-
тый... Речь идет о «повелении» Аввакума Епифанию напи-
сать о себе — этим «повелением» Аввакум закончил свое
Житие (см. с. 106).

^{2*} ...прошения ради раба тово Христова... Речь идет об
Афанасии, очевидно духовном сыне Епифаня. См. примеч. 16*
на с. 281. Другой вариант своего Жития (сохранившийся
в списке РГБ, Музейное собр., № 730, XVIII в.) Епифаний пи-
сал для некоего Симеона, возможно — Симеона Крашенин-
никова, впоследствии игумена Сергия.

^{3*} Родился я в деревнѣ. ...идох во град нѣкий... О месте рож-
дения Епифаня и о его родителях, как и о городе, где он жил
после смерти отца и матери, ничего не известно.

^{4*} ...и идох... во святую обитель Соловецкую... В Соловецкий
монастырь Епифаний пришел в 1644/1645 гг. (см. его автобиогра-
фическую Записку: Карманова О. Я. Автобиографическая запис-
ка соловецкого инокa Епифаня (к проблеме мотивации текста) //
Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 255).

^{5*} ...ко преподобным отцем нашим Зосимъ и Саватию. К осно-
вателям Соловецкого монастыря, мощи которых покоились на
Соловках.

^{6*} ...архимарит Илья... Настоятель Соловецкого мона-
стыря с 1645 г. Илья был противником Никоновой реформы;
когда в 1657 г. в монастырь были присланы новоисправленные
богослужebные книги, он в согласии с мнением монастырских
иноков решительно отказался служить по ним; архимандрит
Илья принимал у себя с почетом, как единомышленника, бе-
жавшего из ссылки Ивана Неронова на пути его в Москву из
Кандалакшского монастыря. Умер архимандрит Илья в 1659 г.

^{7*} ...Арьсения, жидовина и грека, еретика, бывшаго у нас
в Соловецком монастырь в заточении. Арсений Грек, ближай-
ший помощник Никона при проведении церковной реформы,
прибыл в Москву в 1649 г. в свите Иерусалимского патриарха
Паисия и остался здесь как преподаватель риторики. Вскоре
в России узнали, что он учился в Италии в иезуитской коллегии
и принял там католичество, а вернувшись в Константинополь,
стал православным монахом, после чего переметнулся в мусуль-
манство; попав в Валахию и Молдавию, Арсений снова оказался
православным, а перебравшись в Польшу, стал униатом; из Поль-
ши Арсений приехал в Киев, оттуда же, пристроившись к свите

Паисия Иерусалимского, — в Москву (см.: Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. I. С. XIV.) Для «исправления веры» Арсений был сослан русскими духовными властями на заточение в Соловецкий монастырь при игумене Илье. Летом 1652 г. его встретил там Никон, приехавший на Соловки за мощами митрополита Филиппа, и восторгался его ученостью. Никон вернул Арсения в Москву и сначала назначил учителем в славяно-греко-латинской школе, организованной в Чудовом монастыре, а затем, в 1654 г., — главным справщиком книг на Печатном дворе. Именно Арсений Грек перевел с греческого на русский книгу «Скрижаль», изданную в 1656 г. на Московском печатном дворе в оправдание церковной реформы Никона. Как только Никон попал в царскую немилость, Арсений переметнулся к его противникам и некоторое время состоял при Паисии Лигариде, переводя с греческого на русский его сочинения. Кончил Арсений заточением на Соловки, в 1662—1666 гг.

^{8*} ...*Мартирию-священноиноку...* Мартирий был келейным старцем Епифания во время его пребывания на Соловках (см. с. 123), именно он благословил Епифания той меднолитой иконой Богородицы, о которой Епифаний так много рассказывает в своем Житии.

^{9*} ...*старца, именем Кирила...* Известный старообрядческий подвижник старец Кирилл был постриженником Юрьевского монастыря; смолоду он обошел множество монастырей, в том числе и Соловецкий, где провел около трех лет, и после восемнадцатилетних странствий возвратился к себе на родину, в деревню Андреев-Наволоки близ реки Суны (впадает в Онежское озеро), неподалеку от которой стал жить как пустынный. В этот период к нему и пришел Епифаний. После ухода Епифания в Москву Кирилл построил на Виданском острове Сунарецкий Троицкий монастырь, в 1684 г. разоренный за приверженность к старообрядчеству. Последние годы жизни (ум. в 1690 г.) старец Кирилл провел пустынником в глухих прионежских лесах близ озера Выг. Он стоял у истоков создания знаменитой Выговской старообрядческой пустыни. В первой четв. XVIII в. выговские старообрядцы написали его Житие (не издано, известно в рукописных списках).

^{10*} ...*во Александровъ монастырь...* — в Александров Свирский монастырь близ г. Олонца (основан в XV в. иноком Александром Свирским). В особом, выговском, Житии Епифания,

написанном в первой четв. XVIII в. на Выгу (по материалам настоящего автобиографического Жития с использованием дополнительных источников, связанных с окружением старца Кирилла), говорится, что Кирилл до возвращения на родину жил в Александрове Свирском монастыре (Житие это также не издано, известно в рукописных списках).

^{11*} ...отцу своему родному Ипатию и зятю своему Ивану... Кирилл ушел из родного дома, как повествует его Житие, оставив там не только родителей, но и молодую жену с дочерью-младенцем. Когда после восемнадцати лет странствий по монастырям он вернулся на Виданский остров, его дочь была уже взрослой женщиной. Впоследствии все его близкие — родители, дочь и внук — постриглись в монашество.

^{12*} ...Вытерга волость велика... Вытегорский погост на реке Вытегре, впадающей в Онежское озеро.

^{13*} ...во сто семьдесят третьем году... По принятому на Руси летосчислению от сотворения мира — в 7173 (1665) г.

^{14*} ...после Велика дни... После Пасхи.

^{15*} ...всяка плоть не похвалится пред Богом... 1 Кор. 1:29.

^{16*} ...чаду и брату, постътившему мя нъкогда в темницъ, Афанасию. О том, кто был этот Афанасий, можно только гадать. Сохранилось письмо Аввакума к некоему Афанасию, из которого ясно, что его адресат посещал узников в темницах (Аввакум благодарил его за пироги и писал ему: «Носи гораздо пироги-те по тюрьмам-тем» — см.: Памятники... Стб. 927—930). Известно также письмо Ивана Неронова к некоему Афанасию Максимовичу (см.: Материалы... Т. 1. С. 222—223). Но для идентификации этих адресатов пока нет материалов.

^{17*} ...во 172 году... В 7172 (1663—1664) г.

^{18*} ...пръподобный Ефросин... Основатель Курженской пустыни на острове посреди Курженского озера в Олонецкой губернии. В XIX в. на острове сохранялись часовня и памятник иноку Ефросину (см.: Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3. № 1707).

^{19*} ...Андомская пустынь... Монастырь на р. Андоме в Олонецком уезде, известен с XVI в.

^{20*} ...странны старецъ, именем Варълам. О старце Варлааме рассказано в Житии Кирилла: он пришел к Кириллу на Виданский остров вслед за Епифанием; ему и Кириллу показал Епи-

фаний свои книги, которые понес затем в Москву на обличенье приверженцев церковной реформы; Варлаам подвизался аскетическим подвигом: жил не в келье, а во рву, выкопанном под кельей, и, лежа в приготовленном для себя гробе, молился Богу; во гробе, с молитвой на устах, он и скончался.

^{21*} ...во *Отечникъ*. В Патерике.

^{22*} ...«*Радуйся, невѣсто неневѣстная*». Заключительный рефрен икосов Акафиста Богородице.

^{23*} ...на воспоминание дивнаго и преславнаго чудеси ея во вѣки вѣком. *Аминь*». Повествуя о старце и златнице, подаренной Богородицей монаху, Епифаний пересказывает сказание из Египетского патерика (называвшегося также Лавсаиком) о чуде в Ватопедском монастыре.

^{24*} ...«*Воду прошед*»... Начальные слова ирмоса первой песни канона Богородице («Воду прошед яко посуху, из египетска зла избежав, израильтянин вопияше: избавителю Богу нашему поем»), воспевающего чудесный переход израильтянами Чермного моря (см. Канонник).

^{25*} ...«*Всяка плоть не похвалится пред Богом*». — 1 Кор. 1:29.

^{26*} ...на *Угръшьском подворье Никольском*... На подворье Николо-Угрешского монастыря. См. примеч. 16* на с. 244.

^{27*} ...*Никифора протопоп*... См. примеч. 182* на с. 271.

^{28*} ...в *Братошино*... Братовщина — село, располагавшееся на пути в Троице-Сергиеву лавру.

^{29*} ...*Василей Бухвостов*... Голова московского стрелецкого полка.

^{30*} ...*священника Лазаря*... См. примеч. 172* на с. 270.

^{31*} ...на *Болото*. См. примеч. 157* на с. 268.

^{32*} *И по трех днех повезоша нас в заточение в Пустозерье*... Узников повезли в Пустозерск 30 августа 1667 г. См. примеч. 183* на с. 271.

^{33*} ...*Иван Ялагин*... См. примеч. 190* на с. 273.

^{34*} ...до *Вологды*... В Пустозерск узников везли через Вологду.

^{35*} ...«*Помилуй мя, Боже... Возрадуется языкъ мой правдѣ твоей*»... Пс. 50:3, 16.

^{36*} ...«*Господи, устнѣ мои отверзеши*...» Пс. 50:17.

^{37*} ...«*Предзрѣх Господа предо мною выну... и возрадовася язык мой*»... Пс. 15:8—9.

^{38*} ...«*Вопроси отца твоего... и рекут ти*»... Втор. 32:7.

^{39*} ...«Благословенъ Господь Бог Израилевъ, творяя чюдеса едины»... Пс. 71:18.

^{40*} ...179 году в Великий постъ... В 7179 (1671) г.

^{41*} По множеству болъзней моих... утѣшениа твоя возвеселиша душу мою. Пс. 93:19.

^{42*} ...«Въруете ли вы в Символь вѣры в Духа Святаго не истиннаго...». В царской грамоте (она до нас не дошла) узников вновь понуждали принять текст новоисправленного Символа веры с исключением из восьмого его члена («И в Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго...») слова «истиннаго».

^{43*} ...пришло тебѣ время Феофила-старца... писано о нем в Патерикъ Печерскомъ. Епифаний имеет в виду рассказ Киево-Печерского патерика об иноке Феофиле, который, стоя на молитве, собирал свои слезы в сосуд, готовясь предстать с ним пред Богом; но ангел в видении показал ему другой сосуд, благоуханный и больше первого, — в нем находились те слезы, которые он пролил мимо сосуда, забыв о нем, т. е. от сердца.

^{44*} ...«Спаси, Господи, люди своя»... Начальные слова тропаря Честному и животворящему кресту (см. Часослов, Канонник).

^{45*} ...«Вознесыйся на крестъ». Начальные слова кондака Честному и животворящему кресту (см. Часослов, Канонник).

^{46*} ...«Божественное се и всечестное...» Ирмос 6-й песни Канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

^{47*} ...«Слава, Господи, кресту твоему честному! Крестъ — всѣмъ воскресение... яко мольнию видяще крестную силу». Запев и тропари 6-й песни Канона Честному и животворящему кресту (см. Канонник).

^{48*} ...«Да воскреснет Богъ... О, пречестный и животворящий кресте Господень! Помогай намъ со пресвятою госпожею Богородицею... Аминь». Молитва кресту вечером перед сном (см. Канонник, Молитвенник).

^{49*} ...«Кресту твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение твое славим». Песнопение, которое поется на Крестопоклонной неделе Великого поста (см. Триодъ постная).

^{50*} ...«Со страхомъ и любовью приступаю ти, Христе. ...любвию же — спасения ради». Слова молитвы, с которыми подобает прикладываться к Евангелию (см. предисловие к Октоиху).

^{51*} ... «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради пречистыя ти матере... помилуй и спаси нас, яко блажь и челоуѣколюбець». Молитва-отпуст, произносимая в конце всякой службы и келейного правила. В основу своего отпуста Епифаний положил пятничный отпуст, так как пятничная служба посвящена кресту и Иоанну Крестителю (см. Служебник).

Житие боярыни Морозовой

Житие боярыни Морозовой было впервые опубликовано по двум рукописным спискам в 1887 г. в «Материалах для истории раскола за первое время его существования»¹ и после этого почти сто лет ожидало своего научного издания. Наконец в 1979 г. увидела свет книга А. И. Мазунина «Повесть о боярыне Морозовой»,² где кроме тщательного историко-литературного и текстологического исследования были опубликованы все известные на сегодняшний день варианты Жития боярыни Морозовой. После этого Р. П. Дмитриева издала Житие в «Памятниках литературы Древней Руси»,³ а вслед за тем Житие было опубликовано отдельной книжечкой для самого широкого круга читателей Н. С. Демковой.⁴

Как установил А. И. Мазунин, Житие боярыни Морозовой дошло до наших дней в трех редакциях, названных им Пространной, Сокращенной и Краткой. Из них самой ранней по времени составления и наиболее близкой к авторскому тексту, созданному вскоре после смерти боровских мучениц (между 1675 и 2-й пол. 1677 г.), является Пространная редакция; позже, скорее всего, в начале XVIII в., была составлена Сокращенная

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., [1887]. Т. 8.

² Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

³ Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текста Р. П. Дмитриевой, коммент. А. И. Мазунина // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга 2 / Сост. и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1989. С. 455—484, 674—681.

⁴ Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, подстрочные переводы и примеч. Н. С. Демковой. М., 1991.

редакция: из нее устранены упоминания о ряде лиц и ситуаций, описанных в Пространной редакции; еще позже, около 30-х гг. XVIII в., в Выговском старообрядческом общежителстве создали Краткую, риторически украшенную, редакцию Жития, еще более удаленную от первоначального текста.

Мы издаем Пространную редакцию Жития боярыни Морозовой по рукописи конца XVII в. — РНБ, Q.I. 341, л. 1—58 об., передавая курсивом исправления отдельных пропусков и описок этой рукописи (согласно другим спискам Жития).

^{1*} *...родися от... отца Прокопия... матери же ея бяше Анисия...* Боярыня Морозова родилась 21 мая 1632 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 93); отец ее, Прокопий Федорович Соковнин, родственник царицы Марии Ильиничны, занимал при дворе царицы должность дворецкого, о матери ничего не известно.

^{2*} *...сочтаста ю законному браку за боярина Гльба Ивановича Морозова...* Федосью Соковнину выдали замуж в 1649 г. Боярин Глеб Иванович Морозов (ум. 1662) был младшим братом влиятельнейшего человека своего времени Бориса Ивановича Морозова, дядьки и свояка царя Алексея Михайловича (Борис Морозов был женат вторым браком на Анне Ильиничне Милославской, родной сестре царицы Марии Ильиничны); после смерти в 1662 г. бездетного Бориса Ивановича Глеб Иванович унаследовал все его вотчины и сделался, и без того состоятельный человек, владельцем громадного состояния, которое после его смерти перешло к его вдове и сыну. На Федосье Прокопьевне боярин Глеб Иванович был женат вторым браком (первой его женой была княжна Авдотья Алексеевна Сицкая).

^{3*} *...роди бо сына... и нареченъ бысть Иванъ.* Единственный сын Федосьи Прокопьевны Морозовой Иван родился, как рассчитал А. И. Мазунин, в 1650 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 94—95).

^{4*} *Научена же бысть... Аввакумом протопопом.* Когда именно состоялось первое знакомство Аввакума с боярыней Морозовой, неизвестно. Но с весны 1664 г., с возвращением Аввакума в Москву из сибирской ссылки, их отношения были очень близки. Боярыня предложила Аввакуму пристанище в своем доме, давала кров и его духовным детям, юродивому Федору (см. Житие протопопа Аввакума в наст. изд., с. 76).

^{5*} *И бысть к ней присылка... Иоаким, архимаритъ Чудовской, и Петръ ключарь.* «Присылка» от царя к боярыне Морозовой состоялась осенью 1664 г. Чудовский архимандрит (с 22 августа 1664 г.), в будущем патриарх московский (с 1675 по 1690 г.) Иоаким (Савелов) являлся усердным участником всех следственных разбирательств по делам противников церковной реформы. Именно он расстригал протопопа Аввакума. Петр — ключарь Чудова монастыря.

^{6*} *И ея ради обличения... у ней польотчинъ отняли.* Как установил А. И. Мазунин, эта конфискация вотчин боярыни Морозовой была произведена в 1665 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 98).

^{7*} *Царица Мария* — Мария Ильинична, урожденная Милославская (1626—1669), первая жена царя Алексея Михайловича.

^{8*} *...малу ослабу получи.* Благодаря заступничеству царицы Марии Ильиничны отнятые вотчины были возвращены Ф. П. Морозовой по указу от 1 октября 1666 г. (см.: РИБ. Т. 21. Стб. 1229—1230).

^{9*} *Отец Грифилий* — бывший инок московского Симонова монастыря; казнен в конце 1660-х гг. за принадлежность к старообрядчеству.

^{10*} *...о нѣкоей инокинь... Мелании...* Инокиня Мелания (в миру Александра Григорьевна) была одной из ярчайших личностей в первом поколении русских старообрядцев; она упоминается в посланиях протопопа Аввакума.

^{11*} *...обтчиющи... зѣло рано... в собор...* Очевидно, в кремлевский Успенский собор.

^{12*} *...в Чудов...* В Чудов монастырь, см. примеч. 54* на с. 252.

^{13*} *...к ризѣ Господни...* Церковная святыня, хитон Иисуса Христа; она была получена Москвой в дар от персидского царя Аббаса в 1625 г. и хранилась в кремлевском Успенском соборе.

^{14*} *«Ревнуя поревновахъ по Господъ Бозъ Вседержители!»* 3 Царств 19:10.

^{15*} *Михайло Алексѣевичъ Ртищев со дщерию свою Анною...* Боярин М. А. Ртищев был двоюродным братом отца Ф. П. Морозовой П. Ф. Соковнина; его дети, Федор Михайлович (см. примеч. 127* на с. 262) и Анна Михайловна, по мужу Вельяминова (см. примеч. 48* на с. 251), активные деятели своей эпохи,

приняли сторону царя при проведении им церковной реформы; Анна Вельяминова к тому же особо близка была к Никону и слыла его советчицей.

^{16*} *...Пожарь...* Так называлась в то время Красная площадь.

^{17*} *Княгиня Евдокия* — младшая сестра Ф. П. Морозовой Евдокия Прокопьевна, в замужестве Урусова.

^{18*} *...приспѣ время сына браком сочетати...* О выборе невесты для сына Ивана боярыня Морозова советовалась со своим духовным отцом Аввакумом в письме к нему, направленном в Пустозерскую тюрьму (см.: Барсков Я. Л. Памятники... С. 41—42).

^{19*} *Отец Досифей* — игумен Никольского Беседного монастыря близ Тихвина; лишенный настоятельства в монастыре (поскольку не принял церковных нововведений), Досифей некоторое время жил в Курженской пустыни близ Повенца. В дни антистарообрядческого собора 1666—1667 гг. он скрывался на Дону от преследований; в Москву прибыл около 1670 г., когда и совершил пострижение Ф. П. Морозовой. В 1682 г. был связан с восставшими стрельцами. Около 1685 г. Досифей переселился на Дон в Чирскую обитель священноинока Иова Льговского. Умер около 1691 г.

^{20*} *...постриже ю...* Досифей постриг боярыню Морозову в конце 1670 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 100).

^{21*} *Егда же приспѣ бракъ царевъ, егда поять царицу Наталю...* Свадьба царя Алексея Михайловича и молодой Натальи Кирилловны Нарышкиной, будущей матери Петра I, на которой царь был женат вторым браком, состоялась 22 января 1671 г.

^{22*} *Болярин Троекуров* — князь Борис Иванович Троекуров, с 1673 г. боярин, умер в 1674 г.

^{23*} *Князь Петр Урусов* — князь Петр Семенович Урусов, царский кравчий, муж младшей сестры боярыни Морозовой, Евдокии. После ареста жены князь Петр Урусов в 1673 г. женился на С. Д. Строгановой.

^{24*} *В мясопусть...* В начавшийся после 14-го ноября Рождественский пост.

^{25*} *...Предадутъ вы на сонмы... пред владыки же и царя ведени будете... во свидѣтельство имъ.* Мф. 10:17—18.

^{26*} *Глаголю же вам... не убойтеся от убивающихъ тѣло... не могущихъ лишии что сотворити.* Лк. 12:4.

^{27*} *Иларионъ Ивановъ* — думный дьяк Стрелецкого приказа; в 1682 г. был убит восставшими стрельцами.

^{28*} ...*Павель, митрополить Крутицкой...* См. примеч. 73* на с. 257.

^{29*} ...*цепи со стулами...* Цепи, как ошейник охватывавшие шею, имели длинные концы, к которым прикреплялись тяжелые колоды — стулья.

^{30*} ...*во Алексѣвской монастырь...* Алексеевский Зачатьевский девичий монастырь в Москве, основан в 1514 г. на Пречистенке, на месте, где впоследствии был построен храм Христа Спасителя.

^{31*} ...*на подворье Печерскаго монастыря...* Имеется в виду подворье Псково-Печерского монастыря, которое находилось в Белом городе, на Арбате, в районе теперешней Смоленской площади; в феврале 1670 г. оно было куплено приказом Тайных дел и использовалось как место заключения (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 101).

^{32*} *Елена* — Елена Хрущева, жившая в доме Ф. П. Морозовой; она часто упоминается в посланиях протопопа Аввакума.

^{33*} *Мария* — жена стрелецкого головы Иоакима Ивановича Данилова, Мария Герасимовна Данилова, сподвижница и сострадалница сестер Федосьи и Евдокии.

^{34*} ...*ята бысть в подонской странѣ...* Мария Данилова была арестована в апреле 1672 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 101).

^{35*} *Иларион Рязанский*. См. примеч. 154* на с. 267.

^{36*} *А Ивана Глѣбовича... такъ его улечиша, яко... и гробу предаша*. Поскольку арест боярыни Морозовой состоялся в ноябре 1671 г., можно предполагать, что Иван Глебович скончался в самом конце 1671 г. либо в начале 1672 г. Очевидно, он был от рождения болезненным ребенком, что можно заключить из слов протопопа Аввакума, содержащихся в его письме к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой: «А Иван не мучитель был, — сам, покойник, мучился и света не видел вся дни живота своего (...) В муках скончался робя» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 213).

^{37*} ...*приводя от псалма 108-го...* Очевидно, поп применял к боярыне Морозовой следующие стихи 108-го псалма: «Да будут сынове его сиры, и жена его вдова... да изгнани будут из домов своих, да възыщет заимодавец вся, елика суть его, и да восхотят чуждии труды его... Да будут чада его в погубление, в роде едином да потребится имя его...» (Пс. 108:9—13).

^{38*} ...двою брату ею, Феодора и Алексья, оваго на Чугуев, оваго на Рыбное... поотсла. Чугуев — город на реке Северный Донец, к юго-востоку от Харькова; Рыбное, или Острогжск, — город Воронежской губернии. Судя по обнаруженным А. И. Мазуниным документам, свидетельствующим о присутствии Федора на Чугуевском и Алексея на Острогжском воеводствах уже в 1673 г., высылка братьев из Москвы произошла в 1672 г. (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 96—97).

^{39*} ...Акилина девица... наречена бысть Анисия. Эта Акилина-Анисия известна и по письмам протопопа Аввакума, в которых он упоминает ее вместе с инокиней Меланией.

^{40*} *Иов Лговский.* В миру Иоанн Тимофеевич Лихачев, священноинок, боярского рода, постриженник и ученик знаменитого архимандрита Троице-Сергиевой лавры Дионисия Зобниновского; некоторое время состоял келейником патриарха Филарета, был одним из кандидатов в патриархи после смерти Иоасафа I, основатель нескольких монастырей (первого — еще во времена Смуты, близ г. Льгова, последнего, старообрядческого, — на притоке Дона р. Чир в 70-х гг. XVII в.), умер около 1680 г.

^{41*} ...о немже и прежде речеса. Эта фраза свидетельствует о том, что настоящий вариант Жития боярыни Морозовой не является первоначальным, поскольку в его тексте об Иове Льговском ничего «прежде» не говорилось; следовательно, существовал более ранний текст Жития, где Иов Льговский упоминался не один раз, что и позволило автору при очередном его упоминании заметить: «о немже и прежде речеса». При переработке первоначального Жития первое упоминание Иова Льговского было устранено, а приведенную фразу забыли убрать.

^{42*} ...яко Варлаам ко Иасафу... Имеется в виду Житие Варлаама и Иоасафа (память 19 ноября), известное на Руси с древнейших времен. Пустынный Варлаам был наставником царицы Иоасафа в подвигах аскетической жизни.

^{43*} *Михайло Алексьевичь...* Михаил Алексеевич Ртищев, см. примеч. 15* на с. 286.

^{44*} ...к патриарху Питириму... Питирим был возведен в патриархи в июне 1672 г.; до этого он был (с 1655 по 1664 г.) митрополитом Крутицким и в качестве такового являлся местоблюстителем патриаршего престола после самовольного

ухода Никона с патриаршества; перед возведением в патриархи занимал кафедру новгородской митрополии.

^{45*} *Якоже... самаряныни Фотиния при Неронъ... со главы своея... кожу садра и верже на лице мучителево...* Автор имеет в виду эпизод из Жития св. мученицы Фотинии самаряныни (см. в Прологе и Великих Минеях Четиих под 20 марта).

^{46*} *...на Ямьской дворъ.* Как предположила Н. С. Демкова, это описка, в рукописи должно было быть «Земской двор» — так в первой половине XVII в. назывался Земский приказ, где рассматривались различные нарушения общественного порядка в Москве и имелись орудия пыток. Ямской приказ (двор) управлял почтой (см.: Повесть о боярыне Морозовой / Сост., подгот. текстов, подстрочные переводы и примечания Н. С. Демковой. М., 1991. С. 140).

^{47*} *Бяху же приставлени над муками ихъ стояти князь Иванъ Воротынской, князь Яковъ Адоевской, Василей Волынской.* Руководить пыткой царь поставил представителей знатнейших родов России: князя Ивана Алексеевича Воротынского, своего двоюродного брата и дворецкого, с 1664 г. боярина (умер в 1679 г.); князя Якова Никитича Одоевского, боярина, заместника Астраханского, с 1666 по 1683 гг. стоявшего во главе Стрелецкого, Аптекарского приказов, приказа Казанского дворца (умер в 1697 г.); боярина Василия Семеновича Волынского, начальника Посольского приказа (умер в 1682 г.).

^{48*} *...Киприяна и Феодора юродивых...* Московский юродивый Киприан был близок к окружению протопопа Аввакума; через него Аввакум передавал царю свою Третью челобитную (1664 г.); 7 июля 1675 г. Киприан был казнен в Пустозерске (см.: Материалы... Т. 1. С. 310, 754). О Феодоре-юродивом см. Житие протопопа Аввакума в наст. изд., с. 76, 79—81 и примеч. к ним.

^{49*} *...на Болотъ...* На Болотной площади, см. примеч. 157* на с. 268.

^{50*} *Долгорукой* — князь Юрий Алексеевич Долгорукий, начальник Стрелецкого приказа.

^{51*} *...посла Иоакинфу своему* — своему мужу, Иоакинфию Ивановичу Данилову, стрелецкому голове.

^{52*} *Екатерина мученица.* Святая Екатерина, ум. около 305 г. (память 24 ноября), происходила из знатного рода, своей проповедью и исповеданием Христа обратила в христианство

многих знатных и ученых людей, скончалась мученической смертью после долгих истязаний.

^{53*} *Питирима же патриарха вскорь постиже суд Божий, и лютою смертию живота разлучися.* Питирим умер 19 апреля 1673 г.

^{54*} *Хамовники* — московская слобода.

^{55*} *...сестра его старъйшая Ирина...* См. примеч. 197* на с. 273.

^{56*} *...посла в Боровескъ... на то устроеный тамо острог...* Боровск, город Калужской области, в 90 км от Москвы. Ф. П. Морозова была привезена сюда в конце 1673 — начале 1674 г. (точная дата не известна). В Боровске располагался тюремный острог с двумя тюремными «земляными избами». В 1666 г. в темнице Пафнутьева Боровского монастыря сидел протопоп Аввакум (см. Житие протопопа Аввакума в наст. изд., с. 77).

^{57*} *«О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь!».* Начальные слова задостойника, песнопения в честь Богородицы, которое поется на литургии Василия Великого.

^{58*} *...яко связастеся юзами брани бѣсовския...* Глухо описанный здесь эпизод говорит о существовании между тремя боровскими узницами каких-то неясных раздоров, от которых они смогли избавиться; об этом упоминал и протопоп Аввакум в послании к ним в Боровск из Пустозерска (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... С. 210—215).

^{59*} *На Фоминой седмиць...* В 1675 г. Пасха приходилась на 4 апреля; следовательно, описываемые далее события совершались после 11 апреля (Фомина неделя начинается вслед за Пасхальной седмицей).

^{60*} *Тогда и той сотникъ... Александръ Созоновъ сынъ Медвѣдевской...* сослан бѣ на Бѣльгород. А. И. Мазунину удалось обнаружить царский указ о ссылке сотников московского стрелецкого полка Александра Медведского и Ивана Чичагова «на вечное житье» в Белгород в июле 1675 г. за то, что они в Боровске «на караулах стояли оплошно» (см.: Повесть о боярыне Мозоровой... С. 106—107).

^{61*} *Дьякъ Кузмищев* — Федор Кузьмищев, дьяк Стрелецкого (1673—1680) и Сысского (1682) приказов. А. И. Мазунин опубликовал текст царского указа, по которому дьяк Кузьмищев был послан в Боровск вершить дела тамошних тюремных сидельцев (см.: Повесть о боярыне Морозовой... С. 107—108).

^{62*} *Капитоны* — прозвище (в XVII и XVIII вв.) старообрядцев (по имени старца Капитона (ум. около 1667 г.) — приверженца и проповедника аскетического образа жизни, последователя которого были близки старообрядцам).

^{63*} *...и будет послѣдняя бѣда горши первыя.* См. Мф. 27:64.

^{64*} *...оставя сыновство Христово к Богу.* Не произнеся в Иисусовой молитве («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!») слов «Сыне Божий».

^{65*} *...и не бѣ гласа, ни послушания.* 3 Царств 18:26.

^{66*} *..якоже Козму игумена... повель Богъ наки возвратити душу...* Имеется в виду патеричный рассказ об игумене Козьме, побывавшем в загробном мире и вновь вернувшемся по Божьей воле к земной жизни (см. в Прологе под 5 октября).

^{67*} *...старца своего, иже бяше ей... по закону супружникъ, съдяше же ту... въ другой темницѣ.* Старица Иустина и бывший супруг ее упоминаются в послании протопopa Аввакума: в письме из Пустозерска к трем боровским узникам Аввакум слал благословение «Иустине-старице с побратимом» (см.: Житие протопopa Аввакума, им самим написанное... С. 215).

^{68*} *«Приидѣте, благословении Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство от сложенія мира».* Мф. 25:34.

^{69*} *...«Отидите от мене, проклятии, в огонь вѣчный, уготованный диаволу и аггелом его...».* Мф. 25:41.

Список сокращений

- БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).
- Барсков Я. А. Памятники. — Барсков Я. А. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное... — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.
- Материалы... — Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина: Т. 1. М., [1874]; Т. 2. М., [1876]; Т. 3. М., [1878]; Т. 4. М., [1878]; Т. 5. М., [1879]; Т. 6. М., [1881]; Т. 7. М., [1885]; Т. 8. М., [1886]; Т. 9. М., [1895].
- Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума... — Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Ученые записки / РАНИОН; Институт истории. М., 1927. Т. 2.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- Памятники... — Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. (РИБ. Т. 39).
- Повесть о боярыне Морозовой. — Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.
- Пустозерский сборник... — Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л., 1975.
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва).
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
- РНБ — Российская национальная библиотека (С.-Петербург).
- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.

Содержание

I

Статьи

Протопоп Аввакум и историческая память	5
Житие боярыни Морозовой как литературный памятник и историческое свидетельство	15
Федор Соковнин – автор Жития своей сестры боярыни Морозовой	23
Узники Пустозерской земляной тюрьмы.	30

Тексты

Житие протопопа Аввакума	45
Житие инока Епифания	107
Житие боярыни Морозовой	140

II

Житие протопопа Аввакума. Опыт перевода на современный русский язык.	179
--	-----

Комментарии

Житие протопопа Аввакума	239
Житие инока Епифания	277
Житие боярыни Морозовой	284

Список сокращений	293
-----------------------------	-----